

17

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ПОЛ АНДЕРСОН

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Санкт-Петербург
АО «ЭГОС»
1992

Составитель
А. Лютиков
Оформление художника
Н. Зубкова

Андерсон П.

А 65 Звездный торговец: Сборник фантастических романов.
Пер. с англ.— СПб.: АО «ЭГОС», 1992.— 352 с.

Сериял «Политехническая Лига» П. Андерсона, насчитывающий более сорока произведений, описывает историю существования Галактического Союза, возглавляемого Землей, на протяжении пяти тысяч лет. Одно из главных действующих лиц сериала — торговец Николас Ван Гийн, пераые произведения о котором мы и предлагаем читателям.

ББК 84.7

ISBN 5-85476-005-3

© Н. Зубков. Оформление. 1992.
© А. Лютиков. Составление. 1992.
© Агентство «Сфинкс СПб».
Макет. 1992.
© АО «ЭГОС». 1992.

**ВОЙНА
КРЫЛАТЫХ
ЛЮДЕЙ**

ГЛАВА 1

Великий Адмирал Сиранакс хир Урнан, Глава Верховной Власти, Вождь Дракхонского Флота, Рыбак Западных Морей, Первый Жрец и Оракул Путеводной Звезды распростер крылья и снова сложил их с шумом, выражающим предельное изумление. Лавина бумаг, сметенных со стола порывом воздуха, кружась в воздухе медленно опускалась на пол.

— Нет! — крикнул он. — Невозможно! Это какая-то ошибка!

— Как адмирал пожелает... — Главный Командор Дельп хир Орикан иронично поклонился. — Разведчики ничего не видели...

Гнев исказил черты лица капитана Теонакса хир Урнана, сына Великого Адмирала и его законного наследника. Он оскалил клыки, сверкнувшие белизной на фоне темной пасти.

— Слишком мало времени, чтобы тратить его на твою дерзость, командор Дельп, — холодно произнес он. — Было бы хорошо, если бы мой отец, наконец, решил избавиться от солдата, не питающего к нему уважения.

Большая фигура Главного Командора напряглась под перекрещенными вышитыми ремнями — символом его положения. Капитан Теонакс сделал шаг вперед. Их хвосты распрямились, а крылья распростерлись в яростной готовности к битве, так что вся комната, казалось, была заполнена их телами и ненавистью, которую они питали друг к другу. Словно случайно рука Теонакса опустилась на obsидиановый трезубец. Желтые глаза Дельпа засверкали, а пальцы сжались на рукоятке боевого топора.

Адмирал Сиранакс ударил хвостом об пол, и этот звук был подобен грохоту взрыва. Оба противника вздрогнули, вспомнив, где они находятся, и, медленно расслабляя мышцу за мышцей под блестящей коричневой шерстью, постепенно успокоились.

— Довольно! — рявкнул Сиранакс. — Дельп! Твой необузданный язык когда-нибудь обязательно тебя погубит. Теонакс, мне уже надоели твои фокусы! Тебе представится возможность

заняться своими врагами, когда меня уже не будет на этом свете! А пока что побереги тех немногих способных офицеров, которые еще остались в нашем Флоте!

Уже давно никто не слышал от Адмирала таких решительных слов. Его сын и подчиненные осознали, что этот поседевший, ревматический старик с помутневшими глазами — именно тот, кто был когда-то покорителем Майонского Флота! Тысяча отрубленных крыльев вражеских вождей повисла тогда на мачтах дракхонов. Это был все еще их вождь в войне со Стадом ланнахов. И они приняли позу почтения и стали ждать, что он скажет дальше.

— Ты понял меня слишком дословно, Дельп,— начал Адмирал, но уже более мягким тоном. Потянувшись к полке, размещенной над столом, он взял длинную трубку и начал набивать ее лепестками высушенного дрожа, которые доставал из кисета, висящего на поясе. Одновременно Адмирал удобно уложил свое плохо гнущееся старческое тело в кресле из дерева и кожи.— Конечно, я удивился, однако могу поспорить, что наши разведчики еще не разучились пользоваться подзорными трубами. Еще раз точно опиши мне, что произошло.

— Наш патруль отправился на обычную разведку в место, находящееся на расстоянии тридцати обдиенан отсюда на северо-северо-запад... — Дельп осторожно подбирая слова.— Это рядом с островом, который называют... Не могу выговорить варварского названия, данного ему тамошними обитателями, но оно звучит в переводе, как «Шелест Знамен».

— Да, да,— кивнул Сиранакс.— Знаю.— Он улыбнулся.— Знаешь ли, мой друг, мне еще случается временами рассматривать карты.

Теонакс улыбнулся. Дельп не умел льстить, и это было его слабым местом. Дед Командора был обыкновенным парусным мастером, а отец смог дослужиться только до капитана Флота. Это, конечно, могло случиться уже после того, как их род получил дворянство за героизм в битве за Ксариду — но все равно это было мелкое дворянство, немногим выше обычных моряков, и на их руках еще были видны следы тяжелой работы.

Сиранакс — воплощенный ответ Флота на те дни голода и опустошения — выбирал офицеров по их способностям — и ничего кроме этого! Именно таким образом простой Дельп хир Орикан в течение нескольких лет поднялся на второе по важности место среди дракхонов. Однако это не сгладило шероховатости его воспитания и не научило его как следует вести себя с истинно благороднорожденными.

Насколько Дельп пользовался популярностью среди простых моряков, настолько большинство аристократов ненавидело его — выскочку, простака, который посмел жениться на дочери рода Аксолион! Пусть только хранящие его крылья старого адмирала сомкнутся в смертельном объятии...

Теонакс уже сейчас смаковал подробности того, что ожидает Дельпа хир Орикана. Найти какую-нибудь причину для обвинения будет нетрудно...

Командор сплотнул слону.

— Прости, господин... — буркнул он. — Я не хотел... В конце концов мы недавно находимся в этом море... Разведчики увидели этот плывущий предмет, не похожий ни на что, известное нам. Двое из них прилетели, чтобы доложить нам об этом, и ждут приказа. Я не летал, чтобы проверить их донесение. Но уверен, господин, что это чистая правда!

— Плавающий предмет в шесть раз длиннее, чем самые длинные наши лодки. Предмет, который похож на лед, но не из льда. — Адмирал потряс длинной седой гривой.

— Хорошо отполированный горный хрусталь похож на это вещество, — заявил Дельп. — Но он не такой светлый. И у него нет такого сияния.

— И ты говоришь, что по нему бегают животные?

— Три, господин. Примерно такого же роста, как и мы, или даже немного больше, но без крыльев и хвостов. Но это не животные... Я думаю... Дело в том... что они носят одежду и, по-моему, то, на чем они находятся, не должно было служить в качестве лодки. На этом предмете тяжело удерживать равновесие и, кроме того, он тонет.

— Если это не лодка и не кусок дерева, смытый с берега, — удивился Теонакс, — то скажи, откуда он взялся? Из далеких морей?

— Не думаю, капитан, — бросил с раздражением Дельп. — Если бы это было так, то существа, находящиеся на этом предмете, были бы рыбами или морскими млекопитающими... Во всяком случае, они были бы приспособлены к жизни на воде. А эти не приспособлены. Они выглядят типичными сухопутными существами, хотя у них только четыре конечности.

— Итак, по всей вероятности, они упали с неба, — язвительно засмеялся Теонакс.

— Я не был бы сильно этим удивлен, — очень тихо сказал Дельп. — Никакое другое объяснение тут не подходит.

Теонакс от изумления раскрыл пасть. Но старый адмирал только кивнул головой.

— Очень хорошо,— буркнул он.— Мне приятно, что у кого-то из моих подчиненных еще осталось немного воображения.

— Но откуда они могли прилететь? — взорвался Теонакс.

— Быть может, наши враги, ланнахи, могут что-то знать об этом,— сказал адмирал.— Каждый год они облетают большие пространства, чем мы видим за целые поколения. Они встречаются с варварскими стадами в тропических районах и обмениваются новостями.

— А также самками,— вырвалось у Теонакса. В его голосе прозвучало наивысшее неодобрение, однако оно было скрашено сладострастием, что было характерно для отношения всего Флота к обычаям перелетных рас.

— Неважно! — рявкнул Дельп.

Теонакс оцетинился.

— Ты, помет мойщика палуб, как ты смеешь...

— Замолкни! — взревел Сиранакс, и оба притихли.

— Я прикажу допросить наших пленных,— через мгновение продолжал адмирал, но уже более спокойным тоном.— Тем временем нужно будет послать быструю лодку, чтобы они забрали тех троих, пока не утонул предмет, на котором они находятся.

— Они могут быть опасными,— предостерег Теонакс.

— Вот именно,— кивнул его отец.— Если это так, то будет лучше, если они окажутся в наших руках. Ведь их могут спасти ланнахи и заключить с ними союз. Дельп, возьми «Герунис» с верной командой и поставь паруса. Возьми с собой ланнаха, которого мы поймали: как его там зовут... ну, того, который владеет языками...

— Толк? — У командора были трудности с чужим произношением.

— Вот именно, может быть, он сможет с ними поговорить. Пошли назад разведчиков, как только прибудете на место и захватите неизвестных, чтобы они представили мне отчет. Но держись подальше от главных сил Флота, пока у тебя не будет уверенности, что они для нас не опасны. А также, пока мне не удастся уменьшить суеверный страх черни перед морскими дьяволами. Будь вежлив, насколько это возможно, но и резок, если это будет необходимо. Мы всегда сможем попросить прощения или выбросить тела за борт. А теперь лети!

ГЛАВА 2

Даже с такой маленькой высоты, с колышавшегося и неустойчивого корпуса разбитого планетолета, Эрик Вейс ощущал беспомощность человека перед природой. Ему казалось, что сама беспредельность горизонта, в котором смыкались морозная бледность неба и серость туч, бури и волн, движущихся вперед — всего этого хватит, чтобы испугать любого. Его предки смотрели в лицо смерти на Земле, но земной горизонт не был таким бескрайним.

Что с того, что его отделяло от Солнца более сотни световых лет? Эти расстояния были слишком велики, чтобы их можно было представить: они становились только числами и не ужасали того, кто измерял скорость космического корабля с двигателями второго класса в парсеках за неделю.

Даже эти десять тысяч километров открытого океана, отделяющие его от торгового поселения — единственной человеческой колонии в этом мире — были не более чем еще одним числом. Позже, если бы ему удалось выжить, Эрик мучил бы себя размышлениями о том, как переслать через эту пустоту известие о себе. Однако пока он был занят лишь тем, как сохранить себе жизнь.

Тем не менее он только сейчас оценил величину этой планеты. Ранее, во время полуторогодичной службы, она не очень-то его поразила — но тогда он был изолирован психологически и физически безотказностью могучей техники. Теперь же он был на тонущем корабле и видел за холодными волнами только горизонт, в два раза более отдаленный, чем на Земле.

Планетолет затрясся от резкого удара. Вейс потерял равновесие и соскользнул с изогнутых плит брони. Он лихорадочно пытался ухватиться за тонкий трос, которым были привязаны к навигационной башне контейнеры с едой. Если он упадет в воду, то сапоги и мокрая одежда потянут его в глубину, как камень. Каким-то образом он все же сумел изловчиться и схватить трос, остановив свое падение. Разочарованная волна хлестнула его по лицу, словно влажная соленая рука.

Трясаясь от холода, Эрик Вейс прикрепил на место последний контейнер и на четвереньках пополз к люку. Это был маленький аварийный люк: волны уже залили роскошную прогулочную палубу, по которой любили прохаживаться пассажиры, когда гравитаторы корабля несли его по воздуху. Нарядный бронзовый выход на палубу уже полностью находился под водой.

Когда они упали в море, вода залила разбитое машинное отделение. Она просачивалась через погнутые перегородки и лопающиеся плиты обшивки, и теперь уже корабль был почти готов к своему последнему путешествию — на дно моря.

Ветер своими худыми пальцами перебирал мокрые волосы Эрика и старался ему помешать закрыть люк. Эрик боролся с ураганом... С ураганом? Нет, черт возьми! Ветер дул едва со скоростью неповоротливого бриза, но при атмосферном давлении, шестикратно превышающем земное, этот ветерок был посильнее земного шторма. Пусть поглотит ад Планетолет Политехнической Лиги № 2987165/11! Пропади пропадом сама Лига, Николас Ван Рийн и особенно Эрик Вейс, раз он оказался таким глупцом, что решился работать в Компании!

Борясь с люком, он вскользь посмотрел поверх него, словно ожидал откуда-то спасения. Он увидел красноватое солнце и огромные массы туч, грозящие бурей с севера, и на их фоне несколько точек — наверное, это были обитатели планеты.

Пусть дьявол их поджарит на медленном огне за то, что они не догадались прийти на помощь! Или пусть незаметно удалятся отсюда, когда люди пойдут на дно, пусть не висят здесь над нами, упиваясь этим зрелищем!

Вейс наконец закрыл люк, быстро повернул задвижку и спустился вниз по лестнице. У самого ее конца он был вынужден остановиться, чтобы не упасть от сильного толчка. Он еще слышал биение волн о корпус корабля и вой ветра.

— Все в порядке?

— Да, госпожа, — ответил он. — Насколько это возможно...

— А возможно немногое, не так ли? — Княгиня Сандра Тамарин осветила его фонариком. В тусклом свете она казалась еще одной тенью в глубине мертвой машины.

— Ты выглядишь, как вымокшая крыса, приятель. Иди сюда, здесь для тебя есть сухая одежда.

Эрик кивнул. Он снял мокрую куртку и пинком сбросил сапоги, в которых хлюпала вода. Без них он промерз бы там, наверху, где не могло быть больше пяти градусов выше нуля, но ему казалось, что в них плещется половина океана. Когда Эрик шел внутрь коридора, его зубы стучали от озноба.

Эрик Вейс был родом из Северной Америки. У него были рыжие волосы, голубые глаза и слегка квадратное лицо. Он вполне мог похвастать своей атлетически стройной фигурой. Работать он начал в возрасте двенадцати лет, как практикант коммерческого училища на складах Земли, а сейчас уже был представителем Солнечной компании «Пряности и напитки» на всей планете Диомед. Нельзя сказать, что это была ослепительная

карьера, поскольку Ван Рийн был сторонником продвижения по службе согласно заслугам, и наибольшие шансы имели те, кто мог быстро соображать, метко стрелять и быть в ладах с фортуной. Карьера же Эрика Вейса продвигалась вперед спокойно, в перспективе у него были торговые точки на более близких и приятных планетах и, в конце концов, руководящая должность где-нибудь на Земле... Впрочем, зачем об этом думать, коль скоро воды чужой планеты должны были поглотить его через несколько часов.

В конце коридора находилась навигационная башня, выступая из корпуса корабля. Сквозь прозрачную броню внутрь проникал дневной медный свет местного солнца, низко стоявшего на бледном небе, затянутом тучами на юго-западе. Княгиня Сандра выключила фонарик и указала на лежащий на столе комбинезон. Рядом находилась утепленная куртка с капюшоном и перчатками, которая ему понадобится, когда он снова выйдет наружу на предвесенний воздух.

— Одень это,— сказала княгиня.— Когда корабль пойдет на дно, отсюда нужно будет быстро убираться.

— А где Ван Рийн? — спросил он.

— Он заканчивает работу над плотом. Ван Рийн знает, как обращаться с инструментами, правда? Когда-то он же был простым членом экипажа космического корабля.

Вейс пожал плечами и ждал, когда Сандра выйдет.

— Переодевайся же скорее! — прикрикнула она.

— Но...

— Ах... — По ее лицу промелькнула слабая улыбка.— Не думала, что на Земле все еще стыдятся наготы.

— Вообще-то нет, госпожа... но ведь вы благороднорожденная княгиня, а я только простой торговец...

— Самые большие снобы происходят с республиканских планет, таких, например, как Земля,— сказала княгиня.— Здесь, на этом тонущем корабле мы все равны. Быстро переодевайся! Я отвернусь, если ты стесняешься.

Вейс втиснулся в комбинезон так быстро, как только мог. Его веселость принесла ему неожиданное утешение. И почему этому старому, толстому, лъстивому козлу Ван Рийну всегда так везет?

Колонисты на планете Гермес в большинстве своем происходили из дворянских родов, а их потомки свято чтили чистоту крови, особенно это вошло в моду после того, как Гермес объявил себя Автономным Великим Княжеством. Княгиня Сандра Тамарин была почти такого же роста, что и Эрик, а просторная полярная одежда не могла скрыть ее стройных женственных форм. Она не была красивой, ее лицо имело слишком выразительные черты:

широкий рот, курносый нос, выдающиеся скулы. Однако ее большие зеленые глаза, оправленные в длинные черные ресницы, и тяжелые черные брови были такими красивыми, каких он в своей жизни не видел. Волосы у нее были прямые, длинные, пепельного цвета — сейчас они были собраны в узел, но Эрику доводилось видеть их при свете свечи, свободно падающими на плечи...

— Ты уже закончил, Эрик Вейс?

— Ох... Простите, госпожа. Я задумался. Еще минутку.— Он натянул утепленную куртку, но не стал ее застегивать. Внутри корпуса еще сохранялись остатки тепла.— Уже! Прошу прощения, госпожа.

— Ничего.— Она обернулась и, не взглянув на него, посмотрела вверх.— Эти туземцы... они еще там?

— Я думаю, да, госпожа. Но они слишком высоко летают, чтобы я мог знать это наверняка. Насколько мне известно, обычно высота их полета пять-шесть километров.

— Я тут думала кое о чем, Эрик, но у меня не было случая спросить. Мне казалось, что существа величиной с человека вообще не могут летать! Они просто не могут существовать, так как должны обладать очень интенсивным обменом веществ.

— Госпожа, и ты задаешь такие вопросы сейчас?

Она улыбнулась.

— Конечно. Мы ведь ничем не заняты. Мы просто ждем Николаса Ван Рийна. Что же нам еще остается делать, кроме как разговаривать об особенностях расы диомеданцев?

— Мы можем ему помочь... Помочь побыстрее закончить этот плот. Иначе мы все утонем!

— Ван Рийн сказал мне, что аккумуляторов хватает только на один сварочный аппарат, так что любая помощь будет ему только помехой. И не будем говорить о том, что ожидает нас. У высокорожденных жителей Гермеса есть свои обычаи и предписания, в том числе и относительно поведения перед лицом смерти. А из чего же состоит человек, как не из обычаев и предписаний? — Она говорила свободным, глухим голосом, слегка улыбаясь, но Эрик задумывался, какая часть этой свободы была притворством?

Он хотел сказать ей: «Мы находимся в водах океана на планете, которые принесут нам смерть. В нескольких десятках километров отсюда есть остров, но в какую сторону — точно неизвестно. Что ожидает нас в лучшем случае? Может быть, нам удастся закончить вовремя плот, состоящий из пустых бочек из-под топлива; нам удастся погрузить на него пищу, пригодную для употребления людям; может быть, шторм, просыпающийся на

севере, уляжется... Туземцы пролетели над нами еще несколько часов назад, но с того времени они не обращают на нас внимания, совершенно игнорируя — во всяком случае, помощи они нам не оказали!..

Кто-то ненавидит тебя или Ван Рийна,— продолжал бы он.— Не меня, а вас! Я слишком маленькая фигура, чтобы меня можно было ненавидеть. Но Ван Рийн владеет Солнечной компанией «Пряности и напитки», которая имеет большое влияние в исследованной части Галактики. А ты, госпожа — княгиня Сандра Тамарин, наследница трона, владычица целой планеты — конечно, если ты переживешь нынешние события. Ты отвергла множество предложений замужества, сделанных представителями обнищавшей большой аристократии своей планеты, и публично объявила, что поищешь отца своим детям в каком-нибудь другом месте. Ты громогласно объявила, что очередным великим князем Гермеса будет мужчина, а не хихикающий манекен. Так что многие дворяне опасаются твоего возвращения на трон.

О, да, можно еще сказать, что есть еще много таких, которые воспользуются тем, что Николас Ван Рийн или Сандра Тамарин не вернутся из этого путешествия. Со стороны моего хозяина, конечно, было галантно предложить вам, княгиня, путешествовать с Антареса, где вы познакомились, на Землю на собственном космическом корабле, с остановками в наиболее интересных местах в течение всего пути. Самое малое, на что мог рассчитывать Ван Рийн — это на торговые привилегии на территории Великого Княжества. Самое большое — нет, он не мог рассчитывать на официальную связь. Для этого в нем слишком много двуличия, да и ты, гордая, красивая и невинная, не допустила бы его к высокому трону своих предков.

Но я удаляюсь от темы, моя дорогая госпожа,— говорил бы он дальше.— А самое главное — это то, что кого-то из нашей команды подкупили! Заговор был ловко подготовлен, и этот кто-то ждал только подходящего случая. Случай подвернулся после посадки на Диомеде, когда ты захотела увидеть, как выглядит настоящая девственная планета, даже главные континенты которой не смогли нанести на карту в течение тех пяти лет, как здесь основана колония. Да, случай подвернулся, когда мне было приказано отвезти тебя и моего шефа к тем крутым горам на другой стороне планеты, которые привлекали своим волшебным видом. Бомба в главном генераторе... Команда погибла, техники и стюарды убиты взрывом, пилот разбил себе голову, когда нас резко бросило в воду... Радио разбито... и планетолет тонет. Он затонет гораздо быстрее, чем персонал базы начнет беспокоиться и будет организована спасательная экспедиция. И даже если мы

все еще к тому времени не утонем — есть ли хоть один шанс, что несколько воздушных платформ, кружащихся над почти неисследованным миром, в два раза большим, чем Земля, смогут заметить на воде три маленьких человеческих точки?

Таким образом,— хотел он еще сказать,— мы стоим перед лицом неминуемой гибели, и я предлагаю тебе, госпожа: забудь обо всем на то короткое время, которое нам еще осталось, и поцелуй меня!»

Но слова застряли у него в горле, и он ничего не сказал.

— Так что? — в ее голосе прозвучала нотка нетерпения.— Ты молчишь, Эрик Вейс?

— Прости, госпожа,— буркнул он.— Я боюсь, что не смогу вести светский разговор... в таких условиях.

— Я сожалею, что не обладаю достаточной квалификацией, чтобы отпустить твои грехи и дать духовное утешение,— с ранящей насмешливостью ответила она.

Большая гривастая волна поднялась над наружной палубой и достигла башенки. Они почувствовали, как конструкция из стали и пластика затряслась под ее ударом. Прежде чем волна схлынула, они стояли в непроницаемой темноте.

Когда посветлело и Вейс увидел, как глубоко уже погрузился разбитый корабль, он задумался, сумеют ли они вообще перейти на плот Ван Рийна через залитый люк грузового трюма. Неожиданно его взгляд привлекла белизна, сверкнувшая вдали.

Он не поверил своим глазам, решив, что зрение решило в эти последние минуты сыграть с ним злую шутку.

— Княгиня Сандра,— очень осторожно произнес он, потому что не мог позволить себе криков, которые можно простить только низкородившим землянам.

— Да? — Она, не повернув головы, все еще созерцала горизонт на севере, наполненный только тучами и молниями.

— Там, госпожа... примерно на юго-востоке... паруса, идущие по ветру...

— Что? — вырвался у нее крик.

Ни с того ни с сего Эрик громко рассмеялся.

— Какая-то лодка идет к нам,— показал он.— И притом быстро.

— Я не знала, что туземцы еще и моряки,— тихо сказала Сандра.

— Те, что обитают рядом с нашей торговой точкой, наверняка, нет,— ответил Эрик.— Но нельзя забывать, что перед нами огромная планета. Поверхность ее суши примерно в четыре раза

превышает поверхность суши Земли, а мы до сих пор узнали только маленький клочок одного континента...

— Так ты не знаешь, кто эти моряки?

— Не имею представления, госпожа.

ГЛАВА 3

Привлеченный криками, Николас Ван Рийн, сопя, подходил к навигационной башенке.

— Ад и дьяволы! — рычал он. — Что там у вас? Да, это похоже на лодку, а может быть, ялик. Нет, постой-ка. На грот-мачте поставлен квадратный парус и... да, есть и противовес. Хм... Он ведет себя так, словно у него есть приличный руль и... Все святыни господни, позаботьтесь о нас! Эта чертова штуковина выдолблена из ствола гигантского дерева!

— А чего вы ожидаете на планете без металлов? — не выдержал Эрик. Его нервы были так напряжены, что он забыл о почтении. Почтении, которое он должен был показывать аристократу торговой профессии — своему начальнику!

— Хм... могли бы быть сборные суда, какие-нибудь плоты, катамараны... Сухую одежду, быстро! Слишком холодно для таких развлечений!

Вейс увидел, что Ван Рийн стоит в луже соленой морской воды, которая стекает по его ногам. Трюм, в котором он работал, наверняка был залит уже много часов.

— Я сейчас принесу, Николас. — Сандра побежала вниз по коридору, разбрызгивая воду. Коридор постоянно наклонялся по мере того, как все больше воды проникало внутрь корабля через разбитую корму.

Эрик помог своему шефу снять промокший комбинезон. Обнаженный Ван Рийн напоминал — как же называется эта вымершая обезьяна? — двухметровую гориллу. Ван Рийн громко выражал свое недовольство холодом, влажностью и медлительностью движений своих помощников. На его толстых пальцах сверкали кольца, на запястьях — браслеты, на шее висел медальон с изображением святого Дизмы. Вейс всегда считал, что короткие волосы и хорошо выбритое лицо более практичны; Ван Рийн же завивал и помадил свои черные волосы согласно архаической моде, на лице он отрастил козлиную бородку, а также ужасающе напояженные усы под большим изогнутым носом.

Соля, он рылся в навигационном ящике, пока не отыскал бутылку рома.

— Ага! Я знал, что она должна быть где-то здесь, родимая.— Он приложился к бутылке и одним глотком высосал примерно треть.— Хорошо! Прекрасно! Может быть, мы снова теперь начнем жить, как уважающие себя люди, а?

Когда он услышал, что Сандра возвращается, он обернулся, величественный и круглый, как луна. Единственной подходящей ему одеждой была его собственная одежда: пышное одеяние, состоящее из рубашки, обшитой кружевами, вышитого жилета, шаровар и чулок из блестящего шелка, золотистых туфель, шляпы и лучемета в кобуре.

— Благодарю! — коротко сказал он.— Эрик, пока я буду одеваться, будь добр спуститься в холл и принести мне оттуда коробочку сигар и бутылочку кавальдоса. А потом мы отправимся наружу, чтобы поприветствовать наших спасителей.

— Святой Петр! — закричал Вейс.— Холл находится под водой!

— Жаль! — болезненно вздохнул Ван Рийн.— Ну, тогда принеси мне только кавальдос. Быстро! — шелкнул он пальцами.

— Нет времени, сэр,— поспешно сказал Вейс.— Я должен еще собрать кое-что из наших вещей. Надо прихватить немного боеприпасов, так как туземцы могут быть настроены враждебно.

— Да, такое возможно, если они уже слышали о нас,— согласился Ван Рийн. Он начал одевать шелковое белье.— Бр-р-р! Я поставлю пять тысяч свечей, если вдруг снова окажусь в моей конторе в Джакарте!

— Какому же святому ты принесешь столь щедрую жертву? — смеясь, поинтересовалась Сандра.

— Конечно, святому Николаю, моему тезке и покровителю путешественников...

— Святой Николай будет дураком, если сейчас же не возьмет с тебя письменного обязательства,— вновь засмеялась княгиня.

Ван Рийн побагровел, но не нашелся, что ответить законной наследнице трона планеты, которая могла предложить выгодные торговые сделки. Вместо этого он облегчил себе душу, выкрикивая оскорбления вслед удаляющемуся Эрику.

Прошло немало времени, прежде чем они выбрались наружу. Ван Рийн застрял в аварийном люке и его пришлось проталкивать. Проклятия, выкрикиваемые разгневанным басом, заглушали грохот надвигающейся бури. Время обращения Диомеда вокруг своей оси составляло каких-то двенадцать часов, а на этой географической широте, в тридцати градусах на север, была еще зимняя пора, и солнце опускалось к морю с огромной скоростью.

Они держались за тросы, не укрываясь от ветра и волн, которые перекатывались через них. Ничего более им уже не оставалось.

— Это не место для старого больного человека,— застонал Ван Рийн. Вихрь вырвал слова у него изо рта и швырнул их в воду. Длинные, до плеч, локоны Ван Рийна трепетали, как обтрепанная хоругвь.— Мне нужно было остаться дома, на Яве, а не терять здесь свои жалкие последние годы жизни.

Вейс таращил глаза в темноту. Лодка подплывала все ближе. Даже такой сухопутной крысе, как Эрик, бросилась в глаза ловкость команды. Ван Рийн же свои похвалы выражал во весь голос:

— Дьявол, я возьму их в Воскресный яхт-клуб, а потом запишу на ближайшую регату и поставлю на них!

Это была большая лодка длиной более чем в тридцать метров, с искусно сделанным форштевнем, но при смелом размахе парусов она казалась небольшой. Несмотря на противовес, Эрик в любую минуту ждал, что она перевернется. Конечно, летающим существам в этом случае грозило меньше, чем людям.

— Эти диомеданцы... — Голос Сандры едва донесся к нему сквозь свист ветра и гул моря.— Какие они? Ты был среди них полтора года, правда? Чего мы можем от них ожидать?

Вейс пожал плечами.

— А что можно ожидать от любого человеческого племени из каменного века? Это могут быть и идолопоклонники, и людоеды, или и то, и другое вместе! Я знаю только Тирланское стадо, в котором большинство составляют перелетные охотники. Они всегда придерживаются буквы своих законов, хотя и не слишком мелочны, если речь идет об их душе. Но в общем-то это приличные существа!

— Ты говоришь на их языке?

— Настолько, насколько мне позволяет строение органов речи и воспитание в земной технической культуре. Я не утверждаю, что усвоил все их понятия, но мне удалось с ними... — Корпус планетолета заметно погрузился в воду. Эрик услышал, как под напором поступающей внутрь воды лопается какая-то перегородка и в середину вливается очередная порция морской воды. Они стояли уже по щиколотку в воде. Сандра оперлась о него, и он отметил, что брызги воды замерзают на ее бровях.

— Это не значит, что я пойму местный язык,— закончил он свою мысль.— Мы находимся от Тирлана дальше, чем Китай находится от Европы!

Лодка поравнялась с ними, и как раз вовремя — разбитый корабль мог затонуть в любой момент. Паруса опустились, был брошен якорь и мощные руки моряков опустили весла на воду.

Один из диомеданцев прыгнул на корпус планетолета, держа в руке канат. Двое других находились поблизости, несомненно, как стража. Первый приблизился и присмотрелся к людям.

Тирлан находился севернее, и его обитатели еще не вернулись из тропиков, так что это был первый диомеданец, которого Сандра увидела собственными глазами. Она слишком промокла, замерзла и устала, чтобы любоваться неземным очарованием его движений, но все же заставила себя присмотреться к этому существу. Теперь наверняка придется общаться с представителями этой расы длительное время, если они только захотят оставить ее в живых.

По человеческим критериям диомеданец был низкого роста и, кроме того, у него был толстый хвост метровой длины и огромные перепончатые крылья, как у летучей мыши, которые сейчас были сложены на спине. Плечи находились чуть ниже крыльев, ближе к половине блестящего тюленьего тела. Мускулистыми руками с пятью пальцами он очень напоминал человека. Его ноги отличались от человеческих тем, что сгибались назад над стопами с четырьмя когтями, напоминающими лапы земных хищных птиц. Голова, сидящая на шее, в два раза более длинной, чем у человека, была круглой, с высоким лбом и желтыми глазами с мигающими перепонками. Над глазами находились тяжелые надбровные дуги. Лицо оканчивалось тупой мордой, под черным носом топорщились короткие, словно кошачьи, усики. Большой рот и медвежьи клыки выдавали плотоядное животное, недавно превратившееся во всеядное. Ушных раковин не было, а мясистый гребень, размещенный посередине головы, очевидно, помогал управлять полетом. Диомеданец был покрыт коротким мягким коричневым мехом, и, несомненно, был млекопитающим мужского пола.

На его плечах перекрещивались два ремня, а середину туловища охватывал пояс, к которому были прикреплены две пузатые кожаные сумки. К поясу крепилось оружие: нож из обсидиана, небольшой топорик с кремневым наконечником, а также боло.

В наступающей темноте трудно было заметить, как были вооружены его товарищи, кружащиеся в воздухе. У них было какое-то длинное и тонкое оружие, но это наверняка были не ружья, — их не могло быть на этой, лишенной меди и железа, планете.

Эрик Вейс наклонился и начал ломать свой голос хрипящими звуками тирланского языка.

— Мы друзья. Ты меня понимаешь?

На него обрушился град совершенно незнакомых ему слов. Он грустно пожал плечами и развел руки. Диомеданец направился вдоль корпуса — на двух ногах, несколько наклоняясь вперед, чтобы уравновесить тяжесть хвоста и крыльев — и нашел выступ, к которому земляне прикрепили свои страховочные тросы. Он быстро привязал свой канат к этому месту.

— Корабельный канат,— тихо заметил Ван Рийн.— Почти такой же, как у земных моряков.

Канат понадобился для того, чтобы подтянуть лодку поближе. Диомеданец обернулся к Эрику и показал на лодку. Эрик кивнул головой и только потом прикинул, что такой жест наверняка означает что-то иное, если вообще что-то обозначает. Через мгновение он уже делал первый шаг в указанном направлении. Диомеданец схватил брошенный с лодки другой конец каната. Он показал на него, на людей и начал энергично жестикулировать.

— Я понимаю,— сказал Ван Рийн.— Они боятся подплыть поближе, потому что легко могут разбить лодку о корпус. Мы должны обвязаться канатом, и они нас перетянут. О святой Христовой, чтобы вот так относиться к старым бедным костям!

— Еще наша еда,— напомнил Вейс.

Планетолет вздрогнул и погрузился глубже. Диомеданец нервно зашевелился.

— Нет, нет! — крикнул Ван Рийн.

Ему показалось, что если он будет орать достаточно громко, то, возможно, и преодолеет языковой барьер. Он замахал руками:

— Нет! Никогда! Вы что, не понимаете, вы, капуста головы! Нам лучше утонуть в вашем загаженном океане, чем пробовать вашу пищу! Смерть! Зараза! Самоубийство! — Он прикоснулся руками ко рту, похлопал себя по животу, а потом махнул рукой в сторону запасов пищи.

Вейс мрачно подумал, что эволюция слишком эластична. Вот планета, обладающая кислородом, азотом, водородом, углеродом, серой... Биохимия, основанная на белке, образует гены, хромосомы, клетки, живую ткань... Местная протоплазма соответствует всем земным определениям, но любого человека, который осмелится съесть диомеданский фрукт или бифштекс, ждет верная смерть, вызванная примерно пятьюдесятью аллергическими реакциями. Их вызывали непригодные для человека белки. Только заблаговременно сделанные прививки оберегали людей от хронического насморка, астмы или крапивницы, вызванных воздухом, которым они дышали, либо водой, которую пили.

Эрик провел сегодня днем много времени, перетаскивая пищу на обшивку планетолета с тем, чтобы затем погрузить ее на плот. А уж если Ван Рийн путешествовал на планетолете, то, без

сомнения, в рацион экипажа входили: хлеб, масло, сыр всевозможных сортов, копченый лосось, индейка, компот в жестяных банках, шоколад, сладкие ватрушки, пиво, вина и еще бог знает что в количествах, достаточных на несколько месяцев.

Диомеданец распротер крылья, маневрируя ими, чтобы сохранить равновесие. В полумраке казалось, что когти на верхнем краю крыла промелькнули мимо лица Ван Рийна словно косилка, управляемая ангелом смерти. Торговец ждал неподвижно, время от времени указывая пальцами на груды ящиков. Наконец, диомеданец или понял, в чем дело, или попусту уступил. Осталось уже немного времени. Он свистнул сидящим в лодке, откуда подлетела туча его товарищей, которые развязали тросы, скреплявшие ящики, и начали переносить их в лодку. Эрик помог Сандре обвязаться шнуром.

— Боюсь, что мы можем слегка промокнуть, госпожа,— попробовал он улыбнуться.

— Итак, это и есть геронческие приключения межзвездных хребречов? — насмешливо сказала она. — Что ж, мне придется сказать пару слов моим придворным поэтам, когда я вернусь... Если только вернусь...

Когда Сандра была уже на другой стороне и канат бросили обратно, Ван Рийн кивнул Эрику. Сам он что-то выпаривал у председателя диомеданцев. Как это ему удавалось без знания языка, Вейс не знал, но оба собеседника уже достигли стадии выкрикивания оскорблений в адрес друг друга. В тот момент, когда Эрик сжал зубы и прыгнул в воду, Ван Рийн взбунтовался и сел.

Когда молодой человек, мокрый как крыса, наконец, добрался до лодки, торговец явно выиграл этот словесный поединок.

Один диомеданец может подняться в воздух с грузом примерно в пятьдесят килограммов и перенести его на небольшое расстояние. Трое туземцев связали из канатов примитивную упряжь и начали переносить Ван Рийна над водой.

Прежде, чем они добрались до лодки, планетолет затонул.

ГЛАВА 4

В лодке сидело более сотни туземцев — все вооружены, некоторые в шлемах и нагрудниках из нескольких слоев твердой кожи. На носу стояла катапульта, едва видимая в темноте, на корме же находилась каюта, построенная из стволов молодых

деревьев, связанных канатами. Она возвышалась над лодкой, словно корма средневекового галеона. На ее крыше двое рулевых боролись с мощным румпелем.

— Как видно, мы оказались на военном корабле, — буркнул Ван Рийн. — Это не очень-то хорошо. С капитаном торгового судна я еще могу договориться. Если же речь идет о каком-то паршивом офицеришке, у которого в голове одни только нашивки, то на такого я могу только орать. — Он поднял маленькие, близко посаженные глазки к ночному небу, по которому промелькнула молния.

— Я жалкий грешник! — крикнул он. — Но этого я не заслужил! Ты меня слышишь?

Через мгновение землян протолкнули между гибкими телами диомеданцев по направлению к каюте. Лодка начала убегать от шторма на частично — кроме кливера — зарифленных парусах. Качка, шум волн, ветра и удары грома постепенно ушли на дно сознания Эрика. Он хотел только найти какое-то сухое место, снять одежду, скользнуть в постель и спать сто лет.

Каюта была маленькой. Когда трое людей и двое диомеданцев оказались в ней, то они едва смогли сесть. Однако в ней было тепло, и каменная лампа, подвешенная к потолку, давала приглушенный свет, вызывающий гротескно двигающиеся тени.

Одним из двух диомеданцев в каюте был туземец, который первым прыгнул на корпус планетолета. В одной руке он держал стилет из стекла вулканического происхождения. Он не сел, а только осторожно присел, и его внимание частично сосредоточилось на втором туземце. Тот был значительно старше и худее первого, в его шерсти просвечивали пучки седых волос. Он был привязан ремнем к столбику в углу каюты.

Глаза Сандры сузились. Лучемер Ван Рийна словно случайно оказался на ее коленях, когда она села. Диомеданец с ножом бросил взгляд на лучемер, и Ван Рийн выругался.

— Глупая соплячка! Какого черта ты показала ему, что это оружие?

Первый туземец что-то сказал узнику. Тот что-то буркнул в ответ и обратился к людям. Когда он заговорил, то это прозвучало как другой язык, отличный от того, на котором говорил спасший их диомеданец.

— Ага! Переводчик! — закричал Ван Рийн. — Ты говорить земной язык, нет? Моя, твоя... — Он хлопнул себя по бедру.

— Прошу прощения. Я думаю, мне стоит попробовать, — сказал Вейс и перешел на язык тирланцев:

— Ты меня понимаешь? Мы можем попытаться поговорить друг с другом только на этом языке.

Узник нахохлил гребень и присел на четыре лапы. То, что он ответил, было почти знакомо Эрику.

— Говори немного помедленнее, хорошо? — сказал Вейс и почувствовал, как проходит сонливость.

Он с трудом понимал, что говорит туземец.

— Ты употребляешь разновидность языка карное, которую я никогда не слышал, — разобрал он слова диомеданца.

— Карное... Сейчас, сейчас... да, один из тирланцев упоминал о группе племен далеко на юге, которые так называются. Я говорю на языке тирланцев...

— Я не знаю этой расы. Они не зимуют у нас. Карное тоже не делают этого регулярно, но время от времени, когда мы бываем в тропиках, мы встречаем одного или двух из них, так что... — Дальше Вейс перестал понимать.

Диомеданец с ножом что-то нетерпеливо сказал, и переводчик равкнул ему в ответ. Затем он обратился к Эрику.

— Я Толк, мохра ланнахов...

— Что и кого? — удивился Эрик.

Даже двум людям трудно понять друг друга, когда они употребляют разные диалекты языка, который ни для одного из них не является родным. Эти трудности дополнительно увеличивала специфика человеческого произношения, сдвинутая вниз шкала слуха диомеданцев, а также реакция в стрессовую ситуацию. За целый час Вейс получил такое количество информации, что ее можно было вместить в несколько коротких фраз.

Толк был специалистом по языкам из Великого Стада ланнахов. В его задание входило изучение всех языков, с какими сталкивалось его племя, а их было очень много. Наверняка его титул можно было перевести, как герольд, поскольку его обязанности заключались часто в официальном объявлении присутствующих и прибывающих. Стадо находилось в состоянии войны с дракхонами, а Толка поймали в недавней стычке. Второго из присутствующих диомеданцев звали Дельп, и он был старшим офицером дракхонов.

Вейс, как мог, медлил с разговором о себе, не столько от желания сохранить тайну, сколько из-за сознания, каким трудным будет этот разговор. Однако он не забыл попросить Толка, чтобы тот предупредил Дельпа, что пища, которую забрали с плането-лета, съедобная для землян, была смертельной для диомеданцев.

— А почему я должен ему это говорить? — спросил Толк с не очень приятной улыбкой.

— Если ты этого не сделаешь, — кивнул Вейс, — то, думаю, тебе не поздоровится, когда он узнаёт, что я просил тебя поставить его в известность об этом.

— Верно,— вынужден был согласиться ланнах. Сказав несколько слов офицеру, он подождал ответа.

— Дельп говорит, что с вами ничего не случится, если вы сами чего-то не спровоцируете,— объяснил Толк.— Он говорит, что вы должны выучить его язык, чтобы он мог сам с вами разговаривать.

— Чего они хотят от нас? — прервал разговор Ван Рийн.

Вейс объяснил. Торговец взорвался:

— Что? Что он такое плетет? Мы должны тут сидеть до тех пор, пока... А, чтоб тебя молния ударила! Скажи этой сдохшей жабе...! — Он поднялся с пола. Дверь каюты тут же раскрылась и внутрь ввалились два стражника. Один из них держал в руке топорик, в руке другого был деревянный трезубец с отточенными кремневыми остриями.

Ван Рийн схватился за лучемер. Заскрипел голос Дельпа.

— Он требует,— начал переводить Толк,— чтобы вы сохраняли спокойствие.

После длительной беседы, с большим усилием оттадывая каждое слово, Эрик, наконец, кое-что понял.

— Дельп не хочет сделать вам ничего плохого, но он должен заботиться о своих людях. Вы являетесь для него чем-то новым. Может быть, вы сможете ему помочь, а может — навредить, поэтому он не хочет пока вас освобождать. Он должен иметь время, чтобы принять решение. Вы должны снять свою одежду и другие предметы и оставить у него. Вы получите другие одеяния, поскольку, как видно, у вас нет шерсти.

Когда Эрик перевел все это своему хозяину, Ван Рийн отреагировал на это с необычайным спокойствием.

— Пожалуй, у нас в этот момент нет выбора. Да, мы можем многих убить и даже занять всю лодку. Но, ведь мы не можем сами доплыть до базы. Даже если бы с нами ничего не случилось по дороге, мы просто умерли бы от нехватки пищи. Если бы я был помоложе, то, добрый святой Георгий мне свидетель, я сражался бы честно, согласно правилам. Я одной рукой разодрал бы его пополам, а второй играл бы на его ребрах, как на цимбалах. Я бы весь его народ заставил помогать мне. Но сейчас я уже слишком стар, толст и измучен. Тяжело быть старым, мой мальчик...

Он нахмурил покатый лоб и с хитрым выражением на лице кивнул:

— Но там, где есть две враждебные стороны, которые можно выставить друг против друга, именно там честный торговец имеет шанс кое-что заработать!

ГЛАВА 5

— Прежде всего, — сказал Вейс, — ты должен принять, что наш мир шарообразный.

— Наши философы уже давно знают об этом, — ответил Дельял, довольный собой. — Даже такие варвары, как ланнахи, имеют об этом понятие. Во время перелетов они каждый раз преодолевают тысячи обдечан. Мы так далеко не перемещаемся, но, прежде чем мы отправились в далекое плавание, мы должны были овладеть астрономией.

Вейс сомневался, могут ли дракхоны точно ориентироваться в пространстве. С изумлением осматривал он достижения их неолитической цивилизации в области обработки камня, стекла и керамики. Они даже производили некоторые синтетические смолы, изобрели телескоп, вид астрологии, а также навигационные таблицы, основанные на движении солнца, звезд и двух маленьких лун этой планеты. Однако изобретение компаса и хронометра не состоялось, так как для этих приборов требовалось железо, а его на планете не было.

Вейс машинально подумал о том, что с дракхонами было бы выгодно торговать. Жители Тирлана буквально бросались на простые инструменты и оружие из металла, платя баснословные суммы в мехах, драгоценных камнях и фармакологически полезных соках растений — именно тем, что вызвало интерес к Диомеду со стороны Политехнической Лиги. Дракхоны нуждались в более сложных механизмах — от часов и логарифмических линеек до двигателей высокого давления — и были в состоянии платить соответственно более высокие цены.

Вейс вдруг осознал, где находится: на лодке «Герунис», представляющей собой ставку Главного Командования Флота дракхонов, а это милое существо, которое сидит на палубе и болтает с ним — это же стражник его тюрьмы!

Сколько времени прошло после катастрофы — пятнадцать диомеданских дней? Согласно земному отсчету времени — более недели! Земляне уже съели значительную часть захваченной с собой пищи...

Все это время Эрик старательно учил язык дракхонов с помощью своего товарища по заключению, ланнаха Толка. К счастью, Лига уже давно разработала систему усвоения как можно большей суммы знаний за короткое время. Тренированный мозг с первого раза запоминал любую информацию. Толк тоже применял подобную систему. Может быть, он никогда в жизни не видел металла, но в вопросах языкознания был специалистом.

— Ну так вот,— сказал Вейс все еще не слишком уверенно из-за пробелов в своем убогом словарном запасе, которого, однако, ему в принципе хватало,— знаешь ли ты, что этот шар, этот мир вращается вокруг солнца?

— Многие наши философы верят в это,— сказал Дельп,— но сам я практик и мне всегда было безразлично, как там есть на самом деле.

— Движение вашей планеты необычно. Собственно, со многих точек зрения, это игра природы. Ваше солнце более холодное и красное, чем наше. Поэтому на вашей планете холоднее, чем у нас. Ваше солнце обладает массой немногим меньшей, чем масса нашего солнца, и находится от планеты примерно на таком же расстоянии. Поэтому год на Диомеде — так мы называем вашу планету — ненамного длиннее земного, кажется, он составляет семьсот восемьдесят два диомеданских дня, верно? Диаметр вашей планеты в два раза больше, чем Земли, но здесь отсутствуют тяжелые металлы, находящиеся в изобилии на других планетах. Поэтому гравитация... О, дьявол! Снова неизвестный термин... Поэтому мой вес здесь только на одну десятую больше, чем на Земле.

— Ничего не понимаю,— сказал Дельп.

— А, неважно,— хмуро ответил Эрик Вейс.

Диомед не давал покоя планетографам. Его нельзя было отнести ни к одному из основных типов планет: он не был относительно маленьким шариком твердой материи, как Земля или Марс, он не был также газовым гигантом со сколлапсированным ядром, как Юпитер или 61С Лебедя. Он был средним телом, масса которого составляла 4,75 массы Земли, но абсолютная плотность была гораздо ниже. Это было вызвано почти полным отсутствием всех элементов, более тяжелых, чем кальций.

В планетной системе, к которой принадлежал Диомед, была еще одна похожая на него планета, остальные были более или менее нормальными газовыми гигантами, вращающимися вокруг центрального светила, карлика типа G8, принципиально не отличающегося от других звезд такой величины и температуры. Доказывали, что какое-то неправдоподобное космическое отклонение или же особенное магнитное поле, словно случайно созданный масспектограф космического масштаба, привели к тому, что в этой части первичной газовой тучи не оказалось никаких тяжелых элементов. Почему же внутри Диомеда не произошел молекулярный коллапс? Сам напор массы должен был вызвать дегенерацию материи. Наиболее вероятный ответ на этот вопрос предполагал, что минералы, образующие массу планеты, были не типичными, поскольку возникли при отсутствии таких элементов,

как хром, марганец, железо и никель. Их кристаллическая структура явно была более стабильной, чем, к примеру, структура оливина, основного из земных веществ, созданных при конденсации в результате давления...

— Оставим в покое эту тяжесть, — сказал Дельп. — Так что же необычного в движении Иктанис? — Так звучало местное название планеты, которое соответствовало земному понятию «Океания».

Вейсу нужно было время для размышления — технические детали еще выходили за пределы его небольшого словарного запаса. Дело было в том, что наклон оси Диомеда составлял почти девяносто градусов, так что оба полюса планеты находились в плоскости эклиптики. Этот факт в сочетании со светом холодного солнца, бедным ультрафиолетовым излучением, имел решающее влияние на формы жизни.

На полюсах почти полгода царила ночь, и ее влияние на процессы эволюции не мог ослабить день, продолжавшийся остальные полгода. В полярной зоне обитали некоторые виды животных, впадавшие в спячку на всю долгую ночь, но они не представляли интереса для людей. Даже на широте в 45 градусов длинная ночь продолжалась три месяца, а зима была более суровой, чем где-либо на Земле. Диомеданцы, наделенные разумом, обитали на территории, ограниченной 45 градусами северной и южной широты. Ближе к полюсам находиться они не могли. Ежегодные перелеты в более теплые районы и обратно отнимали слишком много времени и энергии, и обитатели планеты находились в состоянии постоянной борьбы за существование на уровне палеолита.

Здесь, на тридцатом градусе северной широты, Абсолютная Зима продолжалась одну шестую часть года и немного больше двух земных месяцев, а полет к экватору, где размножались туземцы, занимал несколько недель. По этой причине ланнахи были в значительной степени более цивилизованными. Дракхоны же прибывали сюда из местностей, расположенных еще южнее.

Но без металлов достичь можно было немногого. Конечно, магния, бериллия и алюминия на планете было достаточно, но что пользы в них без развитой технологии электролиза, для которой нужны были медь и серебро?

Дельп склонил голову.

— Ты говоришь, что на твоей земле день всегда равен ночи?

— Ну, не всегда. Но с вашей точки зрения, это почти так.

— Значит, поэтому у вас нет крыльев. Путеводная Звезда не дала вам их, потому что они вам не нужны.

— Может быть и так,— вынужден был согласиться Вейс.— Впрочем, они нам и негодились бы. Земной воздух слишком разрежен, чтобы существо твоих или моих размеров могло летать при помощи собственных сил.

— Как это понять — разрежен? Воздух — это... воздух!

— Это неважно. Ты должен поверить мне на слово.

Как можно пояснить понятие гравитационного потенциала представителю цивилизации, в которой математика находится на евклидовом уровне? Можно было бы сказать так: «Слушай, если ты поднимаешься на шесть тысяч триста километров над Землей, ее притяжение упадет до одной четвертой первоначального. Но чтобы уменьшить притяжение Диомеда до такой же величины, нужно подняться уже на тринадцать тысяч километров. Отсюда также следует, что Диомед может удержать вокруг себя значительно больше воздуха. К этому еще прибавляется более слабое излучение солнца, а также относительно меньшее ультрафиолетовое излучение. Но все же основное значение имеет гравитационная постоянная.

Здесь такой плотный воздух, что если бы пропорции содержания в нем кислорода и азота были такими же, как на Земле, то это вызвало бы у меня отравление. К счастью, диомеданская атмосфера содержит семьдесят процентов неона. Кислород и азот находятся в меньшинстве — их молекулярное давление немногим больше, чем на Земле. Похоже обстоит дело и с водяными парами и двуокисью углерода.

Но Эрик Вейс не стал пускаться в пространные объяснения.

— Поговорим о землянах,— сказал он только.— Понимаешь ли ты, что звезды — это тоже солнца, такие же, как и твое, но неизмеримо более далекие? А также то, что Земля вращается вокруг именно такой звезды?

— Да, это я могу понять. Я слышал похожие рассуждения философов и могу поверить твоим словам.

— Понимаешь ли ты, какие мы могущественные, если можем преодолевать межзвездные пространства? Понимаешь ли ты, как мы можем вознаградить тебя и твоих друзей за помощь при доставке нас на базу, и как наши друзья смогут вас покарать, если вы заточите нас здесь?

На короткое мгновение Дельп распротер крылья, шерсть на его хребте встала дыбом, а глаза пожелтели от гнева — ведь он был сыном гордого народа!

Потом он снова спорбился. Несмотря на барьер, разделяющий обе расы, Эрик понял его душевный разлад.

— Ты сам сказал, землянин, что вы летели над Океаном с запада и на протяжении тысяч облетов не было видно ни одного

островка! Это подтверждают наши наблюдения. Нет никакой возможности помочь вам. Мы не можем летать так далеко и при этом нести вас. Мы не можем даже принести весть о вас вашим друзьям, так как по дороге нам нигде остановиться на отдых!

— Понимаю... — Вейс медленно кивнул головой, размышляя. — И нам не удастся доплыть до базы даже на самой быстрой лодке, так как раньше кончится наша пища...

— К сожалению, это так. Даже если бы ветер всю вашу дорогу был попутным, лодка значительно медленнее, чем крылья. Преодоление такого расстояния заняло бы у вас минимум полгода, если не больше.

— Но должен же быть какой-то способ!

— Может быть... Но помни, что мы ведем тяжелую войну. Мы не можем посвятить вам ни слишком больших усилий, ни дать слишком много воинов. Я думаю, что Адмирал не станет помогать вам.

ГЛАВА 6

На юге находился Ланнах, остров, размерами своими приближающийся к земной Британии. Начиная от Ланнаха, архипелаг Хольменах изгибался на расстояние в несколько сотен километров на север, к районам, еще скованным зимой. Острова представляли собой естественную границу, окружая море Ахан и предохраняя его от мощных холодных течений океана.

Здесь стоял Флот дракхонов.

Николас Ван Рийн стоял на главной палубе «Герунис», всматриваясь в видневшуюся на востоке главную группировку Флота.

Куртка и брюки, неумело сшитые из твердого полотна парусным мастером, раздражали кожу, привыкшую к более дорогим тканям. Ему уже надоело меню из мясных и фруктовых консервов — но если бы и этого не стало, он попросту бы голодал. У него вызывало ярость сознание того, что он сидит тут, как узник, с желанием которого никто не хочет считаться. Такой же неприятной была мысль о том, сколько денег теряет его фирма из-за отсутствия его личного присмотра.

— Йа! — загудел он. — Если бы они действительно захотели посвятить себя проблеме, как доставить нас на базу, они, без сомнения, нашли бы решение!

Сандра бросила на него усталый взгляд.

— А ланнахи, очевидно, будут сидеть все это время тихо, пока дракхоны бросят все свои силы на то, чтобы доставить нас домой, не так ли? — иронически скривила она губы. — Победа в этой войне пока еще не пришла ни на ту, ни на эту сторону. Дракхоны еще могут ее запросто проиграть.

— Черт возьми! — потряс Ван Рийн в воздухе своим кулаком. — Эти дураки ссорятся из-за жалкого клочка земли, а тем временем Солнечная компания «Пряности и напитки» теряет миллионы кредитов в день!

— Но тем не менее, эта война — дело жизни или смерти каждой из сторон, — опять уколола толстяка девушка.

— И для нас тоже! — взревел он. — разве не так? — Он порывлся в карманах в поисках трубки, потом вспомнил, что она лежит сейчас на дне океана, и застонал. — Ну, пусть я только узнаю, кто подбросил мне эту бомбу в планетолет... — Ему не пришло в голову посочувствовать девушке, что она вместе с ним попала в затруднительное положение. А может быть, все эти хлопоты именно из-за нее?.. — Разумеется, мы здесь должны уладить несколько дел, — произнес он уже спокойнее. — Нужно закончить за них эту войну, чтобы они могли заняться более важными делами, среди которых первое место занимает вопрос, как доставить нас домой!

Сандра нахмурила брови.

— Это значит что — помочь дракхонам? Я в этом как-то не заинтересована. Это они захватчики. Хотя, если принять во внимание, что их жены и дети голодают... — Она вздохнула. — Это трудно распутать. Хорошо, пусть будет так...

— О, нет! — Ван Рийн погладил бороду. — Мы будем помогать не дракхонам, а совсем наоборот — ланнахам!

— Что?! — девушка отпустила фальшборт и с изумлением уставилась на Ван Рийна. — Но...

— Видишь ли, — начал объяснять Ван Рийн, — я кое-что понимаю в политике. Знание политики необходимо честному торговцу, который ищет случая немного заработать, иначе какой-нибудь двинутый политикан сразу же придерется и обложит дело податью на какую-нибудь школу или дом престарелых. Политика на этой планете немногим отличается от того, что мы видим у себя дома. Вся сила этого флота опирается на группу влиятельных аристократов, и тот, кто находится на троне, все еще имеет достаточно сил воздействовать на события в этой части мира. Однако, нельзя забывать, что он стар. Да, да, адмирал стар: а у его сына, наследника трона, есть что сказать, причем даже больше, чем нужно. Я прислушиваюсь к сплетням — туземцы забывают, что мы слышим значительно лучше, чем они

в этой атмосфере, похожей на гороховый суп. И я знаю, что этот Теонакс твердый орешек.

— Итак, допустим, мы поможем дракхонам победить Стадо,— продолжал он через мгновение,— и что же? Они и так выигрывают войну. Стадо сейчас ведет борьбу только небольшими отрядами в диких районах Ланнаха. Они еще сильны, но у дракхоновского флота есть преимущество, и, чтобы победить, дракхонам достаточно будет некоторое время поддерживать существующее положение вещей. В конце концов, что мы, которым бог не дал крыльев, можем предпринять против партизанской борьбы ланнахов? Ну, скажем, я покажу Теонаксу, как пользоваться лучеметом, так я еще должен буду найти ему цель, против которой он сможет его применить!

— Да... — Сандра кивнула.— Насколько я тебя поняла, дело обстоит следующим образом. Потом, когда нас доставят домой, нам будет нечего предложить дракхонам, кроме торгового договора, так?

— Вот именно. А зачем они должны спешить встретиться с Лигой? Они справедливо осторожны при встрече с неизвестным, таким как, например, пришельцы с Земли. Они должны закрепиться после нового завоевания, прежде чем начнут принимать визиты могущественных гостей, так ведь? Как я и говорил, я слышал сплетни и знаю, как складываются их планы относительно нас. Может быть, Теонакс даст нам умереть с голоду или еще раньше перережет горло? Может быть, он выбросит наши вещи за борт и позже скажет кому-то из спасателей, что и в глаза нас не видел? А может быть, он скажет представителю Лиги, что да, мол, мы вытащили из воды каких-то людей, мы, дескать, хотели для них только добра, но нам не удалось доставить их вовремя домой.

— Ну, а были бы они в состоянии это сделать? А ты, дорогой Ван Рийн, что бы ты сделал на месте диомеданцев, чтобы доставить нас домой?

— Фи, это уже технические детали. А я не из умников, которые должны их разрешать! Я просто понимаю их. Это не мое дело — делать невозможные вещи, а вот проследить, чтобы это делали другие — да. Только как я это могу организовать, если являюсь пленником короля, который не стремится ко встрече с людьми, а?

— А ланнахи нуждаются в помощи и отдадут тебе в руки свою судьбу, так? — Сандра почти весело засмеялась.— Прекрасно, мой дорогой! Один только вопрос — как мы доберемся до этих ланнахов?

Она обвела вокруг себя рукой. Вид был не очень-то ободряющим.

«Герунис» был типичным плотом дракхонов: большой, построенный из легких, но твердых пород дерева, связанный пеньковыми веревками. Плоты этой конструкции имели достаточно эластичности, чтобы противостоять морским волнам. Стены, построенные из вертикально поставленных балок, прикрепленных к поперечным колодкам, создавали обширный трюм, а также поддерживали главную палубу, состоящую из тщательно подобранных досок. На двух противоположных концах плота поднимались корма и бак; на их плоских крышах находилась артиллерия плота; на корме был размещен также большой румпель. Между баком и кормой находились помещения трюма, кают и мастерских. Плот был примерно шестидесяти метров в длину и пятнадцати в ширину. Он сужался к носу, что придавало ему более обтекаемый вид. На фок-мачте и грот-мачте были растянуты три больших квадратных паруса, а перед самой кормой была размещена латинская бизань. При попутном ветре, принимая во внимание его силу на этой планете, этот на первый взгляд неуклюжий корабль мог достигать скорости в несколько узлов, а во время штиля его можно было приводить в движение при помощи весел.

На борту находилась сотня диомеденцев, а также их жены и дети. В их числе было десять супружеских пар аристократов, которые имели право на личные каюты, находящиеся на корме. Остальные двадцать супружеских пар обитали в одной общей каюте на главной палубе. Это были семьи офицеров и унтер-офицеров. Простые неженатые матросы обитали в казарме на форкастеле.

Неподалеку плыли другие плоты эскадры. Это были плоты разных типов — некоторые жмале, как «Герунис», другие трехпалубные, предназначенные для перевозки грузов. Третьи несли на себе длинные постройки, в которых перерабатывали рыбу и водоросли. Иногда несколько плотов соединяли вместе, чтобы создать временный остров. Лодки с противовесами были либо пришвартованы к плотам, либо патрулировали море вокруг эскадры. Сверху доносился шум крыльев воздушных разведчиков, высматривающих шум врага. Это были профессиональные солдаты, составляющие ядро боевой силы дракхонов.

Налево и направо от этой эскадры, насколько можно было охватить взглядом, море было черно от кораблей Флота. Большинство из них сейчас занималось ловлей рыбы. Это был физически тяжелый труд, заключающийся в выборе на борт вручную длинных сетей. Впрочем, вся жизнь дракхонов опиралась

на тяжелый труд. Однако, водные поля давали все же недостаточный урожай.

— Они вынуждены вкалывать, как черти,— заметил Ван Рийн. Он хлопнул ладонью по фальшборту.— Эта древесина очень твердая, даже если брать еще молодое дерево, а они обрабатывают его орудиями из стекла и камня! Иногда я даже начинаю подумывать, а не использовать ли мне несколько дракхонов для определенных видов работы, но как только я подумаю, что кто-то может вложить в их головы глупости о правах работников...

Сандра со злостью топнула ногой. Она не жаловалась на опасность смерти, холод и неудобства. Она презирала монотонность уроков языка, которые проводил Толк при посредничестве Эрика, но ведь всему есть предел!

— Или ты будешь говорить по делу, или я уйду! Я спрашивала тебя, толстяк, как мы сможем отсюда выбраться?

— Но я же тебе уже говорил об этом. Нас спасут ланнахи! — засмеялся Ван Рийн.— Или, если быть точным, они выкрадут нас. Да, так будет лучше.

Сандра остолбенела.

— Не понимаю, откуда они узнают, что мы находимся здесь?

— А Толк, по-твоему, на что?

— Но ведь Толка охраняют даже больше, чем нас!

— Это так. Однако... — Ван Рийн потер руки.— Я составил с ним малюсенький планчик. У этого парня есть голова на плечах, а бы даже сказал, что она такая же неглупая, как и моя.

Глаза девушки блеснули.

— Может быть, ты согласишься рассказать мне, как тебе удалось сговориться с Толком на виду у врага, коль скоро ты не знаешь даже языка дракхонов?

— О, я вполне прилично говорю на этом языке,— сладенько произнес Ван Рийн.— Разве ты не слышала, как я упоминал о подслушивании сплетен на корабле? Ты думаешь, что если я создаю себе такие трудности и часами просиживаю с Толком на уроках языка, то это только потому, что я старый дурень, которого трудно чему-либо научить? Это только видимость! Большую часть времени мы проводим, изучая его язык — язык ланнахов. Его здесь никто не знает. Так что если кто и слышит какие-то странные слова, то думает, что это Толк говорит на моем языке. Они наверняка думают, что этот полиглот решил взяться и за земной язык. Ха! Вообрази себе, я вчера рассказал Толку один пикантный анекдот и, пожалуй, успешно, так как он был очень шокирован. Это еще раз доказывает, что у доброго старого Ван Рийна не жир между ушами! Об остальной его анатомии не будем говорить.

Сандра некоторое время стояла в молчании, пытаясь представить себе, как это возможно учить два веземных языка одновременно, причем один из них — тайком.

— Я не знаю, что ему в этой шутке не понравилось,— продолжал Ван Рийн.— Это был очень хороший анекдот. Слушай, значит, один торговец добрался до планеты, колонизированной людьми, и...

— Я догадываюсь, что его смутило,— поспешно прервала его Сандра,— почему Толк не посчитал эту шутку смешной. Эрик позавчера объяснял мне, что у ланнахов не бывает постоянного полового влечения. Их период размножения наступает один раз в год, в тропической зоне. По их мнению,— она покраснела,— наш постоянный интерес к этим делам не является нормальным, а о приличиях и говорить нечего.

Ван Рийн кивнул.

— Это я тоже знаю. Но ведь Толк видел жизнь на флоте, а здесь есть супружеские пары и дети рождаются круглый год, как у людей.

— Я заметила это,— медленно проговорила Сандра,— но почему так, никак не могу понять. Эрик Вейс говорил, что для диомеданцев генетически обусловлена цикличность в размножении. Но как дракхонам удастся жить вопреки своим собственным железам, вот этого я никак не могу понять!

— Тем не менее, они живут иначе, чем ланнахи,— Ван Рийн пожал мощными плечами.— Что можно сказать... Пусть какой-нибудь ученый напишет работу на эту тему, мы ему в этом поможем, а?

Неожиданно Сандра схватила его за плечо так сильно, что он даже заморгал от удивления. Ее глаза пылали зеленым светом.

— Но ты не сказал мне, что... что ты придумал? Как Толк скажет о нас ланнахам? Что мы должны сейчас делать?

— Не имею понятия,— весело ответил Ван Рийн.— Я могу только импровизировать.

Он бросил взгляд на светло-красное небо. В нескольких километрах от них, обшитый деревом, словно истинный замок на воде, плыл флагманский корабль дракхонов.

С корабля поднялась туча крыльев, направляясь к «Герунис». Где-то вдали был слышен слабый голос рога, сделанного из раковин.

— И все же я думаю, что мы должны поспешить с решением,— закончил свою мысль Ван Рийн,— потому что его ревматическое королевское величество прибыло сюда собственной персоной, чтобы решить, что с нами делать.

Отряд дворцовой гвардии адмирала, состоящий из сотни профессиональных военных, с завораживающей взгляд точностью опустился на палубу и взял оружие «на караул». Полированный камень и пропитанная жиром шкура отражали мутный свет, словно волны моря; на палубе бушевала буря, вызванная хлопающими крыльями. Затрепетал пурпурный флаг, и члены экипажа «Герунис», толпящиеся среди снастей и на крыше форкастеля в позах, полных почтения, издали хриплый ритуальный крик.

Дельп хир Орикан приблизился со стороны кормы и склонился перед своим владыкой в поклоне. Его супруга, прекрасная Родониса Аксоллон, а также двое их детей ступали за ним, склонившись к палубе и прикрывая крыльями глаза. Все четверо были перепоясаны пурпурными шарфами, а на плечах несли перевязи, вышитые драгоценными камнями, что составляло официальную придворную одежду. Трое людей стояли рядом с Дельпом. Ван Рийн не согласился ни на какие поклоны и приседания.

— Ни один член Политехнической Лиги не будет ползать на коленях и локтях! У меня, во всяком случае, для этого неподходящая комплекция!

Толк из Ланнаха гордо сидел рядом с Ван Рийном. Его крылья были связаны веревками, а на шею был одет ошейник, поводок которого находился в руках у одного из членов экипажа «Герунис». Толк, словно змея, впился мрачными глазами в адмирала.

Молодые воины, составлявшие несколько беспорядочную почетную гвардию Дельпа, своего капитана, вели себя сдержанно, и причиной этой холодности был не Сиранакс, а его сын, наследник трона. Старый адмирал опирался на его плечо. Стража, не выпускавшая из рук копыя, трезубцы, топоры и духовые ружья с деревянными штыками, стояла с видом, выражающим полное почтение.

Вейс подумал, что крупный нос Ван Рийна издалека чует любые признаки разногласий. Сам он только сейчас почувствовал напряжение, на которое явно рассчитывал его шеф.

Сиранакс откашлялся, замигал глазами и обратился к землянам:

— Кто из вас капитан? — спросил он. Его голос был все еще красивым, но потерял звучность и прерывался хрипами.

Эрик выступил вперед. Он сказал вслух то, что поспешно подсказал ему Ван Рийн, не вдаваясь в объяснения.

— Вот этот мужчина, господин, наш командир. Он еще плохо знает ваш язык. У меня тоже есть трудности с языком, поэтому я прошу вас, чтобы вы разрешили этому узнику из страны ланнахов переводить некоторые наши слова.

Теонакс нахмурил брови и спросил:

— Откуда он будет знать, что вы хотите нам сказать?

— Он учит нас вашему языку,— ответил Вейс.— Ты же знаешь, господин, он знает много языков. Его врожденный дар и большой опыт разговоров с нами помогут, если у нас возникнут трудности.

— Это звучит разумно,— Сиранакс утвердительно кивнул седой головой.— Хорошо.

— Ну же! — Теонакс окинул Дельпа напряженным взглядом. Дельп ответил ему тем же.

— Черт побери, теперь я говорить,— Ван Рийн выдвинулся вперед.— Мой добрый друг... э-э-э... гм-м... что это за слово? Мой адмирал, мы... того... мы болтать, как хорошие братья, я хорошо болтать, Толк?

Эрик удивленно заморгал. Несмотря на то, что Сандра шепотом старалась втолковать ему что-то, когда их вели сюда на встречу с адмиралом, ему было трудно поверить, что Ван Рийн сознательно и умышленно пользуется этим ломаным, со смешанными ударениями, языком. И зачем?

Сиранакс нетерпеливо зашевелился и предложил:

— Может быть, мы лучше будем разговаривать при посредничестве этого ланнаха?

— К черту! — завопил Ван Рийн.— Его? Нет, нет, моя будет говорить сам! Ясно, просто, как ты, как там тебя звать! Мы говорить братья, да?

Сиранакс вздохнул, однако ему и в голову не пришло возразить Ван Рийну. Аристократ, хоть и с другой планеты, тем не менее был аристократом в глазах представителя кастового общества и, как таковой, имел право говорить от своего имени.

— Я прибыл бы сюда раньше,— сказал адмирал,— но я так или иначе не смог бы с вами разговаривать, а, кроме того, были и другие дела. Отчаявшиеся ланнахи становятся более грозными в нападениях из засад. Нет ни дня без хотя бы небольшой стычки.

— Гм-м-м? — Ван Рийн начал вслух склонять на языке драконов слово «стычка» по степеням интенсивности.— Ксама-гапан... сейчас... сейчас... ксамаган, ксамаган... а, вот так! Маленькая битва! Я не вижу никакой битвы, старый адмирал, то есть почтенный адмирал.

Теонакс ошестинился:

— Следи за тем, что говоришь, землянин! — рявкнул он. Он уже побывал на корабле Дельпа, чтобы присмотреться к узникам, и их реквизированная собственность находилась у него. Люди уже не будили в нем страха, возможно, потому, что по мнению Эрика, Теонакс просто не мог допустить мысли о чьем-то превосходстве над собой.

— И ты тоже будь выдержаннее, сын, — буркнул Сиранакс. — Сюда ланнахи не долетают, — ответил он уже Ван Рийну. — Но на суше наши позиции постоянно атакуются ими.

— Понимать ам, — поддакнул Ван Рийн.

Сиранакс широко разлегся на палубе. Теонакс остался стоять, не позволяя себе расслабиться в присутствии Дельпа.

— Конечно, мы говорили о вас, — продолжал адмирал. — Интересно, очень интересно. Кажется, вы прилетели со звезд?

— Звезды, да! — Голова Ван Рийна закивала в притворном возбуждении. — Мы со звезд. Далеко, далеко.

— Правда ли то, что существа, похожие на вас, основали базу на другой стороне океана?

Ван Рийн вступил в дискуссию с Толком. Переводчик повторил вопрос более простыми словами. Через несколько минут объяснений лицо Ван Рийна прояснилось.

— Да-да, мы из-за океана. Далеко, далеко.

— А твои друзья не будут тебя искать?

— Они искать, йа, они искать множество дней. Майн Готт! Искать везде! Вы к нам относитесь хорошо, потому что если они узнать, то... — Ван Рийн прервал тираду с замешательством на лице и вступил в дальнейший разговор с Толком.

— Землянин, пожалуй, хочет извиниться за отсутствие такта, — сухо объяснил герольд.

— Эта бестактность от искренности, — заметил Сиранакс. — Действительно, если его друзья найдут его еще живым, то многое будет зависеть от того, как мы к нему относились. Дело в том, найдут ли они его достаточно быстро? Как ты считаешь, землянин? — Этот последний вопрос он метнул, словно копье.

Ван Рийн отпрянул назад, поднимая руки, словно желая заслониться от удара.

— Помощи! — застонал он. — Вы нам помочь, старый адмирал, забрать нас домой... уважаемый адмирал... Мы добратсья домой и заплатитть вам много-много рыба!

— Правда выходит наружу, — шепнул Теонакс на ухо отцу. — Так, впрочем, я и подозревал: у него мало шансов, что его приятели найдут его, прежде чем он умрет от голода. Если бы это было возможно, то он не умолял бы нас о помощи. Он требовал бы всего, чего душа желает!

— По крайней мере, я бы поступил именно так, — кивнул адмирал. — Наш гость не слишком опытен в таких делах, а? Хорошо, теперь мы знаем, что из этих землян можно легко выжать правду.

— Итак, — презрительно произнес Теонакс, не беря на себя труд приглушить голос, — необходимо извлечь из них максимум пользы, прежде чем они погибнут.

У Сандры вырвался крик ужаса. Эрик схватил ее за руку и открыл рот, чтобы что-то сказать, когда до него донесся шепот Ван Рийна:

— Сейчас же заткнись! Ни слова, ты, безмозглый идиот! — Затем он снова украсил свое лицо боязливой улыбкой и принял положение напряженного внимания.

— Это нечестно! — взорвался Дельп. — Во имя Путеводной Звезды, господин! Это наши гости, а не враги — мы не можем их просто использовать, а потом предоставить самим себе!

— А ты — что бы ты сделал? — Теонакс пожал плечами.

Его отец заморгал, что-то бормоча себе под нос, словно взвешивая аргументы обеих сторон. Между Теонаксом и Дельпом проскочила искра электрического разряда, передававшаяся стоящему в шеренгах экипажу «Герунис» и дворцовой гвардии, вызвав чуть заметное напряжение, минимальное вздрагивание мышц и движение оружия.

Ван Рийн сделал вид, что внезапно понял, о чем идет речь. Он отпрянул назад театральным движением, заслонил глаза руками, чтобы, наконец, упасть на колени перед Дельпом.

— Нет, нет! — закричал он. — Ты нас забрать домой! Ты нам помочь, мы помочь тебе! Ты помнишь, как говорить ты нам помочь, а мы помочь тебе!

— Что все это значит? — Слова со звериным рыком вырвались из груди наследника престола. Он бросился вперед:

— Ты с ними договорился за нашей спиной? Да?

— Что ты имеешь в виду? — Зубы первого офицера клацнули в нескольких сантиметрах от носа Теонакса. Шпоры на его крыльях поднялись, словно острия ножей.

— Какую помощь должны были оказать тебе пришельцы?

— А как ты думаешь? — Дельп бросил вызов и напрягся в ожидании ответа.

Теонакс не сразу поднял перчатку.

— Может быть, у тебя появилось намерение избавиться от некоторых соперников во Флоте? — сладенько замурлыкал он.

В тишине, которая воцарилась на плоту, Эрик Вейс слышал участвовавшее дыхание матросов и прибывших солдат. Он слышал скрип дерева, из которого был построен плот, плеск волн и

приглушенный шум ветра. Эрик уже различал среди этих звуков лязг обсидиановых кинжалов, наполовину вытащенных из ножен.

Когда непопулярный князь найдет повод, чтобы заточить подданного, всегда найдутся такие, кто будет готов к битве в защиту несправедливо обиженного. так было и на Диомеде.

Сиранакс прервал полную напряжения тишину.

— Произошло какое-то недоразумение, — громко сказал он. — Никто никого не собирается обвинять на основании болтовни этого создания без крыльев. К чему этот переполох? В конце концов, чем он может нам помочь?

— Это еще будет видно, — ответил Теонакс. — Цивилизация, представители которой могут перелететь океан в течение одного равноночного дня, должна иметь какие-нибудь полезные вещи.

С удовлетворением инквизитора, чей узник дрогнул, он обратился к Ван Рийну.

— Может быть, мы как-нибудь поможем вам добраться домой, — бросил он. — Мы еще не знаем, как это сделать. Может быть, ваши вещи помогли бы доставить вас домой? Покажите нам, для чего они служат и как ими пользоваться?

— О, да! — закричал Ван Рийн. Он хлопнул в ладоши и закивал головой. — О, да! Я показать тебе все, добрый господин!

Теонакс бросил короткий приказ. Один из солдат приблизился, неся большой сундук.

— Я позаботился об их вещах, — улыбнулся наследник престола. — Я не пытался трогать их, за исключением, правда, этой пары ножей из какого-то блестящего материала. — На мгновение его глаза заблестели искренним энтузиазмом. — Отец, ты никогда не видел таких ножей! Они не рубят и не рвут, а разрезают! Они могут рассечь хорошо высушенное дерево!

Он открыл сундук. Приближенные, забыв о своем ранге, оживленно сгрудились вокруг, словно дети у новой игрушки. Теонакс жестом отослал их в сторону.

— Дайте этому недотепе место для показа! — потребовал он. — Лучники! Стреляйте в него при первой же опасности!

Ван Рийн взял в руки лучемер.

— Вы хотите прорываться? — прошипел Эрик. — Но это же невозможно! — Он постарался заслонить Сандру от оружия, нацеленного на них со всех сторон. — Они продырявят нас стрелами прежде, чем...

— Знаю, знаю, малыш, — зарычал Ван Рийн. — Когда же эти молодые зазнайки поймут, что у шефа, даже если он уже стар и одинок, не одна труха в голове? Отодвинься назад, мальчик, а когда все начнется, падай на палубу и как можно быстрее выкапывай в ней себе могилу!

— Что ты...

Ван Рийн повернулся к нему широкой спиной и на ломаном туземном языке начал объяснять с подобострастным запалом:

— Это быть... Как это называется?.. Вещь. Она делать огонь. Выжигать дыры...

— Выжигать дыры? — Теонакс удивленно вскрикнул. — Ты хочешь сказать, землянин, что это переносной огнемёт? Такой маленький? — На мгновение в тоне его голоса послышалась тревога.

— Я говорил тебе, — вступил в разговор Дельп, — что мы больше выиграем, если будем хорошо относиться к ним. Клянусь Путеводной Звездой, я думаю, что мы могли бы даже доставить их домой, если бы действительно этого хотели.

— Прежде, чем командовать здесь, Дельп, ты мог бы подождать, пока я умру! — твердо произнес Сиранакс.

Если это была шутка, то она произвела потрясающее впечатление. У моряков, стоящих ближе всех и оттого слышавших ее, от ужаса перехватило дыхание. Дворцовая стража схватилась за оружие. Родонис са Аксоллон прикрыла детей крыльями и глухо заворчала. Жены моряков, столпившиеся в форкастеле, издали вопль полусознанного испуга.

Но Дельпа не так легко было смутить.

— Тихо! — рявкнул он на подчиненных. — Смирно! Сохранять спокойствие! Во имя всех дьяволов с Дождевой Горы, неужели эти существа помutilи вам разум?

— Ты смотреть... — трещал Ван Рийн. — Брать лучемет... Это так называется, лучемет... Нажимать здесь...

Из лучемета вылетел поток ионов и ударил в грот-матчу... Ван Рийн немедленно перевел лучемет вбок, но в матче осталось отверстие глубиной в несколько сантиметров. Бело-голубое пламя лизнуло палубу, загло бухту каната и срезало часть фальшборта, прежде чем Ван Рийн снял палец со спуска.

С ревом трепещущих крыльев дракхоны сорвались в полет.

Только через несколько минут они вернулись на палубу. Прочие же любопытные, прилетевшие с других плотов, все еще испуганно носились в воздухе. Тем не менее, это были по-своему технически развитые существа и их реакция была скорее результатом возбуждения, чем тревоги.

— Покажи это! — Теонакс схватился за лучемет.

— Ждать! Сейчас, сейчас, добрый господин, ждать. — Ван Рийн открыл зарядную камеру и несколькими быстрыми движениями, заслоняя оружие от глаз наблюдателей, разрядил его. — Прежде всего поставим на предохранитель. Вот так!

Теонакс долго вертел оружие в руках.

— Что это такое? — шептал он. — Что это такое — лучемет?

Вспотевший от страха, ожидая осуществления сатанинского плана, задуманного Ван Рийном, Эрик Вейс подумал, что дракконы переоценивают силу этого оружия, что, впрочем, было понятно. Такое оружие было ценным только в борьбе на земле или на воде — к тому же старый пройдоха разрядил все лучеметы, так что необученный диомеданец не имел бы от них никакой пользы...

— Я поставил на предохранитель, — забулькал Ван Рийн. — Поставить на предохранитель раз, два, три, четыре, пять... четыре? пять? шесть? — Он начал рыться в куче одежды, одеял, подогревателей, плиток и другого снаряжения. — Где быть еще три лучемет?

— Какие три? — вытарашил глаза Теонакс.

— Мы имеем шесть, — Ван Рийн тщательно просчитал на пальцах. — Да, шесть. Я даю их всех этот добрый Дельп.

— Что?! — Дельп с проклятиями бросился на Ван Рийна. — Это ложь! Было только три и все они здесь!

— Помогите! — Торговец спрятался за Теонаксом. Дельп с размаха ударился в сына адмирала. Оба дракхона упали на палубу в путанице крыльев и хвостов.

— Это бунт! — завопил Теонакс.

Эрик толкнул Сандру на палубу, прикрывая ее собственным телом. Воздух над ними почернел от стрел и пуль из духовых ружей.

Ван Рийн неловко повернулся, чтобы заняться моряком, стерегущим Толка, но тот уже бросился на помощь Дельпу. Торговцу оставалось только убрать сеть, связывающую герольда.

— Теперь, — свободно произнес он на языке ланнахов, — приведи своих солдат, чтобы они забрали нас отсюда. Быстрее, пока никто не заметил!

Толк кивнул, распростер крылья и исчез в небе, где битва разгоралась уже вовсю.

Ван Рийн склонился над Эриком и Сандрой.

— Туда! — Его запыхавшийся голос едва пробился через шум битвы. Удар, нанесенный хвостом моряка, сражающегося с двумя стражниками, вызвал у торговца поток проклятий.

— Ад и дьяволы! — рявкнул он, помогая Сандре подняться и подталкивая ее перед собой к относительно безопасному убежищу в форкастеле.

— Жаль, что Дельп должен проиграть, — сказал он, когда они оказались внутри, среди перепуганных женщин и детей, наблюдавших за битвой. — У него нет никаких шансов. Это приличный парень, я мог бы даже поторговаться с ним...

— Во имя всех святых! — закашлялся Вейс. — Вы вызвали гражданскую войну только для того, чтобы послать гонца к ланнахам?

— А что, был лучший способ? — спросил Ван Рийн.

ГЛАВА 8

Когда генерал Крахна пал в сражении с захватчиками, Верховный Совет Стада выбрал ему в преемники некоего Трольвена. В Совете заседали старейшины, но их избранник был относительно молод. Для ланнахов было правилом выбирать в предводители молодых военных. Генералу нужна сила, чтобы каждый год вести Стадо во время трудного и опасного перелета — и он редко доживал до преклонного возраста. Если у него возникали какие-нибудь претензии, свойственные молодости, Верховный Совет мог сразу же приструнить своего ставленника. Совет состоял из предводителей кланов, которые уже были слишком стары, чтобы руководить родовыми эскадрами, но еще не настолько, чтобы бросить их на произвол судьбы, когда приходит зимняя пора перелетов.

Мать Трольвена принадлежала к клану Треккан, известному роду, владеющему большими поместьями в стране ланнахов. Сама она была довольно богата, ведя мудрую торговлю среди соплеменников. Ни для кого не было секретом, что отцом Трольвена был Торнак из клана Вендру. Это не имело особого значения, но Трольвену просто было приятно осознавать, что он похож на этого мужественного воина.

И вот Трольвена, офицера клана Треккан, за личные заслуги, проявленные им во время бурь и битв, переговоров и перелетов, Совет избрал предводителем всех кланов. Уже не один десяток дней он руководил кланом в этой заранее проигранной войне — но, может быть, именно благодаря ему ланнахов оттесняли ко взгорьям медленнее, чем это могло бы быть без него.

Теперь он летел во главе основных сил Стада на битву со всем Флотом.

Уже миновало весеннее Равноночие, и дни удлинялись большими скачками — каждое утро солнце вставало все дальше и дальше на севере, а теплеющий воздух заставлял таять снега. От Равноночия до Последнего Восхода Солнца было только сто тридцать дней — а потом, в течение непрерывного дня Полного

Лета — только дождь или туман могли скрыть неожиданную атаку.

«А если мы не победим дракхонов до осени,— мрачно думал Трольвен,— то уже не будет смысла сопротивляться дальше. Дни Стада будут сочтены».

Он размеренно ударял крыльями в сохраняющем силы ритме природного путешественника. Под ним простиралась белая таинственная туча, сквозь которую иногда проглядывало море, сверкая, словно полированное стекло. Над головой он видел фиолетово-голубое покрывало из ночи и звезд. Обе луны находились на этой стороне планеты — быстрый Флихтан, который за полтора дня пробегал от горизонта до горизонта, и значительно более медленная Нуа, четверти которой сменялись быстрее, чем бежала она сама.

Трольвен втягивал в легкие темный холод воздуха, ощущая напряжение мышц и волн, пробегающих по шерсти, но не чувствуя той особой радости, которую дает полет. Он слишком сосредоточился на предстоящей битве.

Генерал не должен высказывать нерешительности. Трольвен был молод, и герольд Толк, пожалуй, осознавал это как никогда.

— Откуда известно, что эти существа все еще находятся на том плоту, с которого ты улетишь? — спросил Трольвен. Он выговаривал слова ритмично, равномерно дыша в полете. Они отчетливо звучали на фоне шума ветра.

— Конечно, уверенности в этом не может быть, предводитель,— сказал Толк.— Однако этот толстяк предвидел такую возможность. Он сказал, что постарается ежедневно на восходе солнца быть на палубе, только как это ему удастся...

— Может быть,— беспокоился Трольвен,— дракхоны заточили его, подозревая, что это он помог тебе освободиться?

— В такой кутерьме этого наверняка никто не заметил,— прокричал Толк.

— А, может быть, он вообще не сможет нам помочь? — Трольвен вздрогнул. Совет решительно возражал против этой экспедиции — мол, рискованно, и потребует слишком много жертв. Возбужденные главы кланов громко выражали свое неудовольствие. Ему удалось переубедить их с большим трудом.

И если окажется, что он пожертвовал жизнями многих своих воинов ради чего-то несбыточного, без особых на то причин... Трольвен был настроен так же патристично, как и любой другой молодой ланнах, за чей народ жестоко напали, но он должен был позаботиться и о своем будущем. В прошлом случалось, что предводителей, покрывших себя позором, навсегда изгоняли из Стада, как обыкновенных воров или убийц.

Он продолжал лететь вперед.

Уже некоторое время он замечал холодный слабый свет. Находящиеся выше тучи начали покрываться красным отсветом, а наполовину скрытое море разгорелось световыми вспышками. Было важно добраться до Флота именно в этот момент, когда света уже достаточно для атаки, но не для того, чтобы враг мог заметить их раньше времени.

Одн из молодых свистунов, чей возраст выдавало небольшое тело и непропорционально большие крылья, вынырнул из клубов тумана. Резкие звуки, вылетающие из его рта, были слышны далеко и четко. Толк, обучавший разведчиков и руководивший ими, кивнул головой в знак того, что все понял.

— Мы хорошо все рассчитали, господин,— обратился он к генералу.— Плоты Флота находятся в нескольких буасах отсюда.

— Я понял... — Голос Трольвена дрожал от напряжения.— Сейчас...

Он прервал речь. Все больше молодых разведчиков подлетало снизу. Их свист сливался в симфонию полезной информации. Трольвен услышал короткий рапорт Толка, стиснул челюсть и махнул рукой знаменосцу. Затем словно камень, ринулся вниз.

Когда Трольвен прорвался сквозь тучи, он увидел далеко внизу Флот, раскинувшийся на огромной акватории — от островов, называемых Щенятами, к берегам суши на востоке. Палуба за палубой, колышущиеся в пурпурно-серой тишине мачты, словно зубы, оскаленные к небу, свет зари, отражающийся от водяного дворца адмирала и краснеющий на его флаге. Когда драконы слышали крики стражи и схватились за оружие, на плотях и лодках поднялась буря криков.

Трольвен сложил крылья и сжался в полете. За ним, в форме клина, состоящего из эскадр отдельных кланов, рассекали воздух три тысячи ланнахов. Даже пикируя вниз, Трольвен искал, где этот дважды проклятый иноземец, это чудовище с Земли... Там! Он увидел три уродливые фигурки, подпрыгивающие и размахивающие руками на пристройке плота.

Чтобы притормозить, пришлось расправить крылья.

— Туда! — крикнул он, указывая направление.

Знаменосец приостановил свой полет и развернул красный флажок предводителя. Эскадры перестроились в боевые порядки, разделились и поочередно ринулись к плоту.

Драконы перестраивались с поразительной быстротой и дисциплиной.

— Во имя всех дьяволов! — застонал Трольвен от удивления.— Если бы мы могли действовать одной эскадрой... Если бы это был обычный налет, а не битва...

— Одна эскадра не смогла бы вытащить пленников живыми, предводитель, — возразил Толк. — Только не из самой середины неприятельской группировки. Нужно было создать впечатление... что им дорого обойдется, если они бросятся за нами в погоню. О, извини, предводитель, что я это тебе говорю!

— Ничего, — попытался успокоиться Трольвен. — Они и так хорошо знают, зачем мы сюда прилетели. Посмотри как они роятся у того плота!

Отряд ланнахов уже пробился через ослабленную линию обороны дракхонов и достиг поверхности воды. Одно подразделение атаковало плот — цель их нападения. Оно высадилось кругом вокруг людей и начало наступать от середины, чтобы занять все судно. Остальные находились в воздухе, чтобы отбивать контратаки противника.

На палубе разыгрывалось обычное неуклюжее сухопутное сражение. Обе стороны были одинаково вооружены — военная техника явно распространялась быстрее, чем другие технические новинки. Деревянные мечи с остриями, усаженными обломками кремня; копыя с остриями, закаленными в огне, палки, кинжалы, топоры — все это ударяло в маленькие сплетенные из веток щиты и нагрудники из кожи. Хвосты ударяли, когти разрывали тела противников, крылья толкали и рассекали плоть шиповидными наростами на концах, зубы смыкались на глотках, кулаки старались найти самое уязвимое место. Когда кто-то напирал слишком сильно, его противник искал спасения во взлете. Никто не пытался сомкнуть ряды — каждый сражался за себя. Трольвен не слишком интересовался этой фазой битвы. Разместив на плоту превосходящие силы, он знал, что сможет в конце концов его занять. Однако, как долго он сможет его удерживать, зависело от эскадры, находящейся в воздухе и отбивающейся от атакующих дракхонов.

Трольвен подумал, как сильно эта воздушная битва напоминает танец — сложный, красивый и в то же время такой страшный. Да, координация действий тысячи или более воинов в полете требовала высочайшего искусства.

Главной силой нападавших были лучники. Каждый из них держал в когтях ног лук длиной с самого лучника, натягивал его руками и пускал стрелу, из колчана на животе доставал зубами новую и накладывал ее на тетиву, прежде чем та успокаивалась от предыдущего выстрела. Такой отряд, обученный с детских лет, мог поставить заслон из стрел, преодолеть который никто не мог бы живым. Однако, когда в колчанах заканчивалась свистящая смерть, а это происходило довольно скоро, они должны были отступать к носильщикам за новыми стрелами. Это была самая

опасная фаза боя и вся остальная армия служила для того, чтобы обеспечить им в это время прикрытие.

Одни бросали боло, другие — тяжелые бумеранги с заостренными краями, третьи — утяжеленные сети, запутавшись в которых, враг падал в полете смерти.

Духовые ружья были новым изобретением, высмотренным у других племен, обитающих в тропических районах. Здесь у дракхонов было некоторое преимущество — их духовые ружья имели рычажные самозарядные механизмы и были снабжены штыками из дерева, обожженного на огне. Нельзя было так же отрицать, что боевые единицы Флота были с лучшей выучкой, чем у ланнахов.

С другой стороны, дракхоны все еще управляли боем с помощью посыльных, которые передавали командирам подразделений приказы, написанные Главнокомандующим. Значительно более подвижные отряды свистунов устно передавали распоряжения от одного командира к другому, связывая Стадо в бою в один огромный организм.

Битва переносилась то вверх, то вниз, когда тучи разорвались, показав высоко стоящее в небе солнце, окрасившее море в красный цвет. Трольвен отдавал приказы: Хунлу — укрепить верхнее правое крыло, Торху — обозначить атаку на плот адмирала, Стигену — перейти в наступление на противоположном фланге...

«Но Флот есть Флот,— невесело думал Трольвен,— и этим все сказано». У него было больше вооружения и боеприпасов, чем могли взять с собой его воздушные войска, которые и так находились в меньшинстве... Если битва не закончится быстро...

Плот с землянами уже был полностью занят ланнахами, но лодки дракхонов уже окружали его, чтобы отбить. Одна из них брызнула огнем — страшным, непобедимым огнем масла — изобретением Флота. Катапульти метали сосуды с этим же маслом, которые взрывались пятнами огня при ударе. Именно это оружие в свое время уничтожило лодки, находящиеся во владении Стада, и помогло дракхонам захватить прибрежные ланнахские города. При виде этого оружия Трольвен выругался с солдатской резкостью.

Но земляне уже находились вне плота — каждого из них несли три носильщика в специально сотканной сетке. И поскольку носильщики менялись часто, то представлялась реальная возможность донести этот живой груз до горной твердыни Стада. Сундуки с пищей, поспешно вытасканные из трюма, были более легкими — каждый из них мог нести один носильщик. Свистун возвестил об успехе операции.

— Отлет! — Трольвен отдал приказ, отлично сознавая, что он будет тут же передан всем эскадрам. — Хунлу и Стигену сомкнуть ряды вокруг носильщиков! Дварн — в авангард с половиной отряда! Хмуру с другой половиной прикрывать наше отступление!

День был уже в разгаре, когда Трольвену удалось оторваться от погони. В самых худших своих предположениях он ожидал, что весь Флот устремится за ним в погоню. Битва в полете в течение всего пути домой могла бы завершиться полным разгромом его армии. Но как только стало ясно, что ланнахи удирают, враги прекратили боевые действия и вернулись на плоты.

— Ты все верно предвидел, — тяжело дыша, произнес Трольвен. — И как тебе это удалось Толк?

— Видишь ли, предводитель, — герольд начал с обычным для себя спокойствием, — их силы были чрезмерно растянуты, плоты оставлены практически без охраны. Они могли даже подозревать, что в нашу задачу входило заманить их как можно дальше в море и устроить какую-то западню. Очевидно, они решили, что земляне не стоят такого труда и риска, и мне кажется, что в таком мнении немалая заслуга самих землян...

— Будем надеяться, что это мнение ошибочное. Однако, независимо от того, как распорядятся боги... Ты правильно предсказал исход этой битвы. Может быть тебе стать предводителем?

— О нет, только не я. Это тот толстый землянин все придумал — вплоть до мельчайших деталей.

Трольвен засмеялся.

— Значит, тогда, может быть, он должен стать предводителем?

— Кто знает... — в глубоком раздумье произнес Толк. — Может быть он им и станет.

ГЛАВА 9

Северное побережье Ланнаха широкими долинами сужалось к морю Ахан; здесь в лесах, полных дичи, из травянистых равнин выросли деревеньки, в которых обычно жили кланы Стада. Там, где залив Сагна врезался в сушу, таких поселений в свое время выросло очень много. Они-то и дали начало городам ланнахов — Ульвену, Манненаху — городам мастеров по обработке кремня, и Ио — городу плотников.

Однако теперь этих городов уже не было. Все, что могло гореть — сгорело, остальное было разрушено. Лодки дракхонв лежали на пляже залива. Отряды захватчиков патрулировали побережье и периодически прочесывали леса, заготавливая мясо рогачей, просыпающихся сейчас от зимнего сна на склонах Дуна. Лодки ланнахов были затоплены, дома сожжены. Они были отрезаны от своих охотничьих и рыболовных угодий, и оставался единственный выход для Стада — уйти в горы.

На вулканических склонах горы Оборх, покрытых лавой, и в холодных ущельях Туманных Гор ютилось несколько небольших деревенок ланнахов, в которых обычно жили самые бедные кланы. Женщины, старики и дети еще могли там разместиться: можно было разбить палатки и занять все свободные пещеры. Используя до последнего ресурсы этой убогой местности, часто голодая, Стадо со своей основной силой — мужчинами продержаться долго не смогло бы.

Сердцем страны ланнахов было северное побережье, доступ к которому сейчас преграждали дракхоны. Без этого побережья Стадо было всего-навсего голодающим племенем дикарей. И это сейчас, а что ожидается осенью, когда Пора Рождений сделает их совершенно беспомощными?

— Нехорошо это все, — сказал Трольвен, явно преуменьшая серьезность ситуации.

Он направился вверх, по узкой тропинке, ведущей к поселению Сальменброк, которое притулилось на рваном краю взгорья. Немного ниже темная вулканическая скала, все еще покрытая заплатами снега, головокружительно вздымалась к кратеру, скрытому от взора клубами дыма. Почва под ногами заколебалась, и Ван Рийн услышал бурчание в недрах планеты.

Слабое изостатическое равновесие, вполне понятное в этих условиях, вызванных низкой плотностью материи, геологическая история, наполненная слишком быстрыми изменениями, землетрясениями, взрывами, наводнениями и появлением новых земель, поднимающихся со дна моря в течение какой-то тысячи лет — отсюда этот катастрофически неуравновешенный климат, несмотря на обилие воды. Ван Рийн плотнее запахнул вонючую меховую куртку, полученную от ланнахов, подул на озябшие ладони и поднял глаза к небу в поисках хотя бы проблеска солнечного света. О дьявол!

Это было не место для человека его возраста и комплекции! Ему бы сейчас сидеть дома, в своем удобном глубоком кресле, с хорошей сигарой и спиртным в бокале, и наблюдать за пылающими за окном красками садов Джакарты. Горько было оставаться навеки в этой кошмарной стране, сознавая вдобавок,

что наверняка каждый день его фирма терпит убытки из-за отсутствия должного присмотра! Эта мысль перенесла его из страны мечтаний в реальный мир.

— Давай-ка я все-таки приведу все сказанное в порядок,— предложил он. Даже без притворства язык ланнахов был ему ближе, чем речь дракхонов. Здесь, в силу простого совпадения, грамматика и произношение не особенно отличались от его родного языка.

— Значит так... Вы вернулись из теплых краев и уже застали здесь врага?

Трольвен откинул назад голову в жесте, выражающем боль и горечь.

— Да. До этого времени мы только догадывались о их существовании, поскольку их страна находится на юго-востоке, далеко от нас. Мы знаем, что они вынуждены были покинуть свои поселения в результате того, что трех-рыба, являющаяся основой их питания, изменила свои места обитания и перебралась из вод дракхонов в море Ахан. Но кто бы мог подумать, что они попытаются захватить нашу страну?

Длинные волосы Ван Рийна, прямые и грязные, уже давно не напоминали завитые локоны. Торговец понимающе кивнул, всколыхнув ими воздух вокруг лица.

— Подобное было у нас в средние века, когда сельдь изменила своим привычкам по каким-то одним ей понятным причинам. И что же ты думаешь? У нас даже были «селедочные войны»! Правительства трепетали перед гневом народа, требовавшим бороться за новые зоны рыболовства. А что оставалось делать беднякам? Ведь они, так же, как и вы, жили морским промыслом.

— Рыба никогда не имела для нас большого значения,— отмахнулся Трольвен.— Да, некоторые кланы в районе залива Сагна имели... теперь уже только имели, небольшие лодки-долбленки, на которых выходили в море и ловили немного пищи с помощью крючка и лески. Никакого каторжного труда, как у дракхонов, с забрасыванием сети, даже если это дает большое количество рыбы. Для нашего народа рыба не являлась основной пищей. Конечно, мы были довольны, когда несколько лет тому назад трех в большем количестве появился в море Ахан. Трех — большая и вкусная рыба, к тому же жир и кости находят широкое применение у наших мастеров. Однако, еще раз говорю, появление этой рыбы не привело к такой радости, которую мы испытали бы, удвойся, к примеру, стадо рогачей за ночь.

Он судорожно сжал пальцы на рукоятке топорика; ведь он же был совсем еще молод.

— Теперь я вижу, что боги послали нам эту рыбу за какие-то наши грехи, поскольку Флот устремился за трехом.

Ван Рийн остановился на тропинке, сопя так громко, что заглушал даже отдаленное ворчание вулкана.

— А ну-ка подожди! — прокашлялся он. — Если рыба не имеет для вас такого большого значения, почему вы просто не предоставите Флоту владеть водами Ахана?

В принципе это был риторический вопрос, но сейчас он явился стимулом для дальнейших словоизлияний ланнаха. Трольвен позволил себе несколько вспыльчивых проклятий, прежде чем ответить.

— Они атаковали нас сразу же, когда мы весной вернулись домой. К тому времени они уже захватили наше побережье! А если бы они даже не сделали этого, то кто впустит к себе дикую орду чужаков, у которых даже обычаи варварские и отвратительные! Вы разрешили бы поселиться таким с вами по соседству? Сколько бы времени продержался любой договор с ними?

Ван Рийн кивнул. Допустим какая-то раса из космоса, управляемая тираном и имеющая отвратительные привычки, попросит разрешения поселиться на Луне, поскольку она им нужна, а землянам, собственно, ни к чему...

Себе лично он мог позволить снисходительность. Во многом дракхоны были ближе к людям, чем ланнахи. Их культура, не опирающаяся на одиночек, была естественным результатом развития экономики: имея в распоряжении орудия эпохи неолита, владелец плота, на котором размещалось много семей, сильно тратился, когда его строил. Недовольные единицы просто не имели шанса на самостоятельную жизнь и целиком зависели от милости государства. В средние века на Земле власть концентрировалась в руках рыцарей-аристократов и жрецов-интеллектуалов. У дракхонов два этих класса слились в один.

С другой стороны, ланнахи были более типичными представителями жителей Диомеда и занимались, главным образом, охотой. Среди них было очень мало квалифицированных ремесленников, поскольку каждый мог жить, применяя инструменты и оружие, сделанные самостоятельно. Низкий калорийный коэффициент поверхности, характерный для охотничьего хозяйства, привел к тому, что ланнахи селились далеко друг от друга, а каждая группа была самостоятельной и почти независимой от остальных. Свои силы они напрягали изредка, например, догоняя дичь, но им не нужно было трудиться в поте лица изо дня в день, падая от усталости, словно обычным гребцам или морякам на Флоте — так что у этого народа не было экономического обоснования для возникновения классов рабов и господ.

По этой причине основной организационной структурой обитателей Ланнаха был небольшой клан, связанный родством по женской линии. Эти полуформальные родовые группы, почти не обладающие какой-либо системой жесткой власти, свободно объединялись в Великое Стадо. А причиной существования Стада, кроме ведения мелких дел между кланами в собственной стране, было обеспечение безопасности диомеданцев из Ланнаха, когда они улетали на юг на зимовку или возвращались домой, зачастую заставая там пришельцев, объявивших им войну.

— Интересно... — продолжал размышлять Ван Рийн, частично вслух на своем родном языке. — Среди наших народов, а также среди народов других планет цивилизованными стали только те, кто занимался сельским хозяйством. Что же мы имеем на вашей планете? Здесь вообще нет сельского хозяйства. Вы охотитесь, собираете ягоды, зерна дикорастущих злаков, ловите рыбу — и несмотря на это, некоторые из вас знают письменность и пишут книги; я увидел у вас кое-какие машины, вы строите дома, у вас есть ткацкие станки. Может быть, ежегодные контакты с другими народами в тропиках являются для вас стимулом развития?

— Что ты там говоришь? — переспросил ничего не понявший Трольвен.

— Ничего. Я только задумался, почему, раз жизнь здесь у вас такая легкая и у вас еще остается время на то, чтобы развивать вашу цивилизацию, вы не размножились настолько, чтобы съесть все свои стада рогачей и вырубить все свои леса? Мы на Земле именно так понимаем хорошо развитую цивилизацию.

— Мы быстро не размножаемся, — ответил Трольвен. — Примерно триста лет тому назад, когда нас было слишком много, часть Стада отделилась и перебралась в какое-то другое место; а в общем, естественный прирост в нашем обществе невелик. Многие гибнут во время перелетов, бурь, болезней, нападений дикарей, хищников, временами от голода и холода... — Он пожал плечами.

— Ага! Естественный отбор, который сам по себе не плох, если это тебя природа выбрала для того, чтобы выжить. Иначе — это трагедия. — Ван Рийн погладил себя по бородке. — Итак, у нас уже есть определенное мнение, откуда взялся на этой планете разум. Или замерзай, или улетай в теплые края. А если улетаешь — будь внимателен к тому, что с тобой может случиться в пути, так? Хотя на Земле ведь тоже существуют перелетные птицы, а разум у них что-то не развился...

Он снова стал, сопя, подниматься по тропинке.

— А теперь поговорим о делах текущих. Я понимаю, что Флот разогнал вас на все четыре стороны и спихнул сюда, где единственная плоская местность — это та, что нарисована на карте. А вы хотите обратно, в свои дома на равнине. Ну и, конечно, хотите избавиться от Флота.

— Мы отважно защищались, — с трудом произнес Трольвен. — Мы еще можем показать им — и сделаем это, клянусь духом моей бабушки! Были серьезные причины, из-за которых мы потерпели столь тяжелое поражение. Мы прибыли сюда усталыми и голодными, после десятков дней полета; после весеннего путешествия домой любой из нас ослабевает. Наши крепости были уже заняты. Огнеметы дракхонов уничтожили наши лодки и сделали невозможной борьбу с ними на море, где сосредоточены их главные силы.

Он обнажил зубы в хищном оскале.

— Мы должны победить их, и немедленно! Если это не удастся, то с нами будет покончено. И они знают об этом!

— Я еще не совсем хорошо это понимаю, — признался Ван Рийн. — Вся эта суета из-за того, что ваши малыши рождаются одновременно, да?

— Да. — Трольвен добрался до вершины и у стен Сальменброка ожидал своего запыхавшегося гостя.

Как и каждое поселение ланнахов, Сальменброк был укреплен от врагов — разумных или же обыкновенных животных. Здесь не было крепостных стен, так как они были бы бессмысленны на этой планете, где все высшие формы жизни природа одарила крыльями. Типичный дом ланнахов своей формой напоминал старинные земные каменные дома. На первом этаже дверей не было и только узкие щели служили окнами. Внутрь входили через верхний этаж или люк в крыше. Фортификация двора заключалась в том, что отдельные дома соединялись крытыми мостами и подземными переходами.

Здесь, в горах, выше границы лесов, дома были построены из камня, связанного белковым раствором, а не из деревянных бревен, которые чаще встречались у низинных кланов. Однако, это, не самое значительное из ланнахских поселений, было весьма солидно. Оно было так удобно расположено на местности, что невольно возникала мысль, насколько богаче должны были быть равнинные поселения этого народа. Ван Рийн искренне восхищался такими предметами, как деревянные часы, сделанные по типу китайских головоломок, деревянный токарный станок с резцом, изготовленным из обработанного с большим трудом алмаза, а также деревянная пила с заменяемыми зубьями из вулканического стекла. Ветряная мельница, построенная в Сальменброке, служила

для того, чтобы молотить орехи и собранные зерна, а также приводила в движение различные небольшие механизмы, среди которых находился примитивный насос, наполняющий водой большой резервуар, вырубленный в скальном навесе над поселением. Когда ветра не было, из резервуара выпускали воду, которая приводила мельницу в движение. Он увидел даже небольшое подобие железной дороги, состоящее из подвижных при помощи парусов плетеных тележек, катящихся по рельсам из специально обработанного твердого дерева. Тележки свозили кремнь и обсидиан из местных каменоломен, дерево из лесов, сушеную рыбу из равнин, а также ремесленные изделия со всего острова. Ван Рийн был на седьмом небе от восторга.

— Ага! — опять воскликнул он. — Торговля! Да вас можно назвать капиталистами! Черт возьми, я думаю, мы с вами можем неплохо торговать!

Трольвен пожал плечами.

— Здесь почти всегда дует сильный ветер. Его силу мы используем для поднятия тяжестей. Но изготовление этих машин заняло много времени — мы не похожи на дракхонов, которые падают от изнурения после тяжелой работы.

Жители Сальменброка, как постоянные, так и временные, сбежались к Ван Рийну, что-то бормоча, подпрыгивая, трепеща крыльями; дети путались у него под ногами, а матери звали их назад.

— Во имя ста тысяч пурпурных дьяволов! — завопил Ван Рийн. — Я что, кандидат в президенты и, может быть, еще должен целовать детей избирателей, а?

— Идем туда, — сказал Трольвен, — к Святыне Мужей, куда женщинам и детям входить воспрещается, у них есть своя собственная святыня.

Он первым направился по другой тропинке, совершив сложный культовый реверанс перед небольшим божком, размещенным рядом с ней. Судя по примитивному виду, фигурка была сделана много веков тому назад. Как оказалось, Стадо исповедовало довольно бессвязную пантеистическую религию, которую в настоящее время уже не воспринимали всерьез. Однако Стадо придерживалось ритуалов и традиций так строго, словно это был полк гвардии английской королевы... на который, впрочем, оно было похоже со многих точек зрения...

Ван Рийн поспешил за ним, временами оглядываясь на туземцев. Местные женщины несколько отличались от женщин дракхонов. Они были немного ниже и стройнее мужчин, у них были более широкие крылья, но без сформировавшегося шипа.

Трольвен заметил любопытный взгляд Ван Рийна и вздохнул:

— Как видишь, половина наших зрелых женщин ожидает очередного ребенка.

— Гм... Иа, это проблема. Впрочем, хорошо ли я понял тебя? Все ваши младенцы рождаются примерно в осеннее Равноночье...

— Да, буквально в течение нескольких дней. Исключений так мало, что о них можно и не упоминать.

— Получается, что почти сразу после этого вы должны улетать на юг... Но ведь маленький ребенок еще не умеет летать?

— Конечно, всю дорогу он держится за тело матери; новорожденный младенец обладает сильными руками, которыми он и придерживается. У матери новорожденного, как правило нет ребенка с прошлого года, поскольку, если она воспитывает ребенка, то в течение года не беременеет. А когда ребенку уже два года, он достаточно силен, чтобы преодолеть огромные расстояния перелета, и должен только через определенные промежутки времени отдыхать у кого-нибудь на спине. Тем не менее, в этой возрастной группе мы теряем самое большое количество детей; трехлетние и более старшие нуждаются только в охране и руководстве, поскольку их крылья вполне справляются с перелетом.

— Но ведь матери ребенка труднее всех в полете?

— Ей помогают все подрастающие члены клана или же старшие женщины, у которых миновал период плодовитости, но которые еще не настолько стары, чтобы не выдерживать путешествия. А мужчины, конечно, занимаются охотой, разведкой, охраной и так далее.

— Понятно... Итак, вы летите на юг. Мне говорили, что там легко жить, много плодов, орехов, рыбы в реках и морях. Так зачем вам возвращаться назад, сюда?

— Здесь наш дом,— ответил Трольвен.— И кроме того,— добавил он через мгновение,— тропические острова были бы не в состоянии обеспечить проживание ордам пришельцев, которые собираются на них только на время зимовки. Когда мы улетаем из тропиков, там уже нечего есть.

— Понимаю. Значит, пребывание на юге одновременно является для вас периодом спаривания?

— Да. Нас охватывает желание... ну, ты ведь понимаешь, что я имею в виду.

— Конечно,— вежливо согласился Ван Рийн.

— Во время пребывания на юге мы позволяем себе расслабиться. Устраиваем карнавалы... ну, там разные шалости и озорства... Однако, не забываем и об общении с другими племенами.— Трольвен вздохнул.— А сразу же после летнего Солнцестояния мы возвращаемся сюда. Мы прибываем незадолго

перед Равноночием, когда большие животные, на которых мы охотимся, уже проснулись и немного набрали в весе. Вот и вся наша жизнь, землянин.

— Веселая жизнь, но не для меня: я слишком стар и толст для этого,— Ван Рийн жалобно шмыгнул носом.— Упаси тебя боже, Трольвен, постареть. Человек становится таким одиноким в старости. Но у вас такого, пожалуй не бывает. Старики гибнут у вас во время перелетов и не доживают до дряхлого возраста бессилия, когда не остается ничего, кроме воспоминаний, как мне...

— Если так пойдет и дальше, то и речи не может быть о том, что я доживу до преклонного возраста,— печально произнес Трольвен.

— Ваши дети рождаются все сразу, осенью... — задумался Ван Рийн.— Теперь я вижу, что осень у вас — это пора, посвященная прежде всего акушерству. А если для новорожденных не будет пищи, укрытия и других удобств, они в большинстве своем погибнут...

— Родятся новые,— ответил Трольвен бесстрастно.— Но женщины, которые их рожают, нам необходимы. Молодая мать должна соответствующе отдыхать и питаться, иначе она никогда не долетит до юга. Посмотри, сколько среди наших женщин таких, кто скоро станет матерью. Это проблема существования Стада, как целого народа! Эти паршивые драконы плодятся целый год... как какие-то рыбы... Нет! Мы обязаны выжить во что бы то ни стало!

— Конечно,— сказал Ван Рийн.— Мы должны немедленно что-то придумать, потому что иначе я сам не доживу до...

— Я пожертвовал жизнями многих своих воинов,— перебил его Трольвен,— в надежде, что вы что-нибудь придумаете!

— Итак, самое важное, отнести известие моим людям на базу. Они сюда быстро прилетят, и тогда я скажу им, чтобы они навели порядок со всем этим чертовым Флотом.

Трольвен улыбнулся. Даже принимая во внимание отличающуюся от человеческой форму рта, было видно, это не дружеская и не веселая улыбка.

— Не так быстро, землянин! Я не могу пожертвовать ни людьми, ни временем, ни усилиями на такое безумное мероприятие, как перелет через океан! Во всяком случае, пока драконы держат нас за горло, это невозможно. И еще, прости, но откуда у меня возьмется уверенность в том, что когда ты отсюда выберешься, то не раздумаешь нам помочь?

Он отвел взгляд от Ван Рийна на украшенные ворота пещеры, в которой находилась Святыня Мужей. Из нее поднималось облако пара от гейзера, шипящего внутри.

— Я сам мог бы рискнуть, — неожиданно добавил он тихо. — Но мои возможности ограничены, Совет может не утвердить любой мой план в отношении вас. Члены Совета не поверят трем чудовищам без крыльев. Дело в том, что мы так мало знаем о вас. Единственное преимущество над вами — это возможность использовать вашу потребность поскорее добраться домой... Совет не разрешит оказать вам помощь, пока идет война.

Ван Рийн развел руками.

— Говоря между нами, мой мальчик, на их месте я и сам поступил бы подобным образом. Ну что ж, у меня есть еще время. Пока что спешить некуда...

ГЛАВА 10

Темнота уже отступала. Скоро должны были прийти белые ночи, во время которых солнце пряталось у самого горизонта, а небо приобретало цвет весенних цветов. Уже сейчас, после захода солнца, обе луны были полными. Когда Родонис вышла из каюты, быстрый Скуанакс выбрался на горизонт и помчался среди звезд к Медленной и терпеливой Ликарис. Обе луны — Та, Которая Ждет и Тот, Который Догоняет, перебросили между собой колышущийся двойной мост на широкой воде.

Родонис происходила из старого дворянского рода, и ее научили насмехаться над верой почитателей лун. Эта вера была хороша для простых моряков, которые иначе вернулись бы к старым кровавым жертвоприношениям Акхану из глубин. Но образованный человек должен чтить только одно божество — Путеводную Звезду. Тем не менее, Родонис упала на палубу, накрыла голову крыльями и прошептала о своих заботах светлой матери Ликарис:

— Я обещаю тебе песню, песню только для тебя, ее сложат лучшие барды Флота и будут петь во время твоего последующего обручения с Тем, Который Догоняет. Астрологи говорят, что это обручение произойдет не раньше, чем через год, и времени будет достаточно, чтобы сложить для тебя достойную песню, о Ликарис, которая будет жить так долго, пока плавает Флот. Только молю тебя, сохрани мне моего Дельпа!

Она не умоляла воителя Скуанакса, Верховное божество Язычников, об этом даже нельзя было подумать, как и о молитве мужчины к Матери Ликарис. Однако в мыслях она обращалась к Ликарис и просила ее напомнить воителю, что Дельп отважный мореход, который никогда не забывал о достойной жертве.

Луны посветлели. На западе собрались тучи в форме горной цепи; вдали маячил рваный контур лопающихся льдов. Море здесь выглядело странно, ничем не напоминавая милого сердцу вида Южных Вод, откуда голод вывел Флот. Родонис задумалась, допустят ли когда-нибудь боги, чтобы дракхоны остались здесь.

Плеск волн, треск балок, писк тросов, натянутых между мачтами, свист вихря в вантах, хлопанье парусного вооружения, далекая жалобная песня флейты и более близкие звуки, доносящиеся из форкастеля ее собственного плота: хрип, детский плач, вздохи удовольствия, издаваемые какой-то парой... все эти звуки давали утешение в этой холодной пустоте, называемой морем Ахан.

Родонис подумала о своих малышах, о двух маленьких детях, сжавшихся в кроватках, богато обитых тканями, и это прибавило ей сил. Она распростерла крылья и поднялась в воздух.

Сверху весь Флот выглядел, как скопление теней, тут и там пронизанных огнями — там, где какой-то экипаж работал позно ночью. Большинство моряков уже давно спало, отдыхая после трудов: вытягивания сети, обслуживания плота, чистки, соления и маринования улова, сворачивания и разворачивания тяжелых парусов на плотах, сбора ариса и других сладких водорослей, рубки деревьев и обработки их каменными топорами. Простой член экипажа, будь то мужчина или женщина, мало что имел от жизни, кроме тяжелой работы. Их отдых заключался в незатейливых развлечениях: танцы, борьба, безудержная копуляция, непристойные песенки, выкрикиваемые во всю плотку над бочонком пива, которое варили из морского зерна.

На мгновение, когда мысли об этом мелькали у нее в голове, Родонис почувствовала гордость за свою команду. Для аристократа простой моряк был не более чем домашним животным, плохо воспитанным, неграмотным, некультурным, которое нужно было держать в повиновении бичом и палкой для его же блага. Пролетая над Флотом, который лежал внизу, словно огромный спящий зверь, Родонис, однако, сознавала все его могущество. Владыки Флота были истинными хозяевами моря, а гордая слава дракхонов держалась на крепких спинах обыкновенных моряков.

Может быть, это чувство появилось оттого, что предки ее мужа еще не так давно покинули помещение форкастеля? Она не раз

видела, как Дельп помогает команде, работая плечом к плечу с ними как во время шторма, так и во время лова рыбы. Родонис сама привыкла к тому, что вращение жерновов или сидение за прялкой не унижает ее достоинства.

Если труд приятен Путеводной Звезде, как утверждают святые книги, то почему же тогда состоятельные дракхоны относятся к нему с отвращением? Не в этом ли причина проклятия, тяготеющего над старыми аристократическими кланами? Члены этих родов вымирали век за веком, а приходившие к ним на смену новые фамилии с течением времени перенимали их привычки. А ведь у простых моряков, как известно, бывает больше всего детей, у квалифицированных ремесленников и профессиональных солдат — меньше, и меньше всего — у потомственных офицеров.

Сам адмирал Сиранакс за всю свою жизнь зачал только одного сына и двух дочерей. У нее, Родонис, было уже двое маленьких после каких-то четырех лет замужества.

Разве это не доказательство, что Путеводная Звезда благоприятствует людям трудолюбивым, привыкшим содержать себя и свою семью трудом своих рук?!

Но нет... Женщины ланнахов рожали детей каждый второй год, как заводные, хотя многие из малышей гибли во время перелетов. А ланнахи не работали. То, что они делали всю свою жизнь, никак нельзя было назвать работой: они охотились, пасли полудикие стада, ловили рыбу на какие-то примитивные крючки. Сил у них было достаточно, но они никогда не придерживались постоянного занятия, как моряки дракхонов... И, кроме этого, их обычаи были попросту отвратительными, животными! Две декады в году, во время экваториального летнего Солнцестояния — неукротимая похоть и только! Всю остальную жизнь отец ребенка был для тебя только одним из самцов — если ты вообще знала, кто является отцом, ты, распутница! А дома — никакой скромности в отношении полов, даже обычаи женщин и мужчин почти не отличались, да и зачем, раз уж нет желания. Бр-р-р...

Но тем не менее, эти отвратительные ланнахи живут и дальше, так что, может быть, Путеводной Звезде это безразлично? Невозможно — эта мысль пронизала ее холодом, когда она летела; несомая ночным ветром под посеребрившим диском Скуанакса. Несомненно, Путеводная Звезда предназначила Флот для исполнения ее желания — уничтожить этих чудовищ, ланнахов, и отнять у них земли, которые они попросту поганят!

Взмахи ее крыльев набирали силу. Флагманский корабль был уже близко. Его башенки виднелись, словно горные вершины на фоне темного неба. На судне горело много ламп как на палубе,

так и в помещениях, окна которых были закрыты ставнями. Тут и там болтались группки воинов. Флаг Сиранакса все еще развевался на мачте, значит старый адмирал еще не умер, но число дежуривших у постели умирающего увеличивалось с каждой минутой.

«Они ждут, как пожиратели падали», — подумала Родонис и содрогнулась. Один из часовых приказал ей замедлить полет и подлетел ближе. Свет луны отражался от полированного острия его копья.

— Стой! Кто ты?

Родонис была готова к тому, что ее задержит стража; но на мгновение язык отказался ей повиноваться. Она была только женщиной, перед которой маячила грозная фигура воина.

Порыв ветра потряс высохшие останки, свисающие с реи — это были крылья, отрубленные некогда у какого-то преступника, который торчал теперь прикованный к веслу или дробил камни на каменоломне, если еще был жив. Родонис вообразила себе спину Дельпа с кровавыми кульями от отрубленных крыльев, и ее гнев нашел выход в крике:

— Как ты смеешь говорить таким тоном с дочерью рода Аксоллон?!

Воин не знал ее лично — она была все-таки одной из многочисленных обитательниц Флота; однако он узнал шарф офицерской касты. Кроме этого, сразу было видно, что стройное тело Родонис никогда не сгибалось под бременем тяжелой работы.

— Упав лицом вниз, мерзавец! — кричала Родонис. — Закрой глаза, когда обращаешься ко мне!

— Я... госпожа... — начал заикаться стражник. — Я не... — Она понеслась прямо на него. У часового не оставалось другого выбора, как убраться с дороги. Вслед ему неслись ее слова, разящие, словно удары бича:

— Конечно, если твой боцман получит для тебя мое разрешение, чтобы ты мог обратиться ко мне...

К стражнику приблизились другие воины, так же бессильно кружащиеся в воздухе. Когда Родонис приземлилась, офицер, стоящий на палубе, взял дело в свои руки.

— Госпожа, — сказал он с надлежащим почтением, — вам не следовало улетать со своего плота без сопровождения, тем более сюда, на этот траурный корабль...

— Так было нужно, — ответила Родонис. — У меня к капитану Теонаксу есть дело, не терпящее промедления.

— Капитан у ложа своего почтенного отца, госпожа. И я не осмелился бы...

— Тогда пусть твои крылья повиснут на рее, когда он узнает, что Родонис са Аксоллон могла предотвратить новый бунт, а ты его не предупредила!

Она направилась к фальшборту и перегнулась через поручни, словно выливая свой гнев в волны моря. У офицера перехватило дыхание в груди, словно он получил удар хвостом в желудок.

— Госпожа! Соизвольте подождать здесь немного... — взмолился он. — Стража! Эй, стража! Не спускайте глаз с этой дамы и следите, чтобы она ни в чем не нуждалась! — И он поспешно улетел.

Родонис ждала. Теперь должно было произойти настоящее испытание.

Пока все шло гладко. Флот был возбужден; ни один офицер не отказал бы ее требованию, коль скоро она упомянула о новой попытке бунта.

Первый бунт был страшен. Даже не бунт — фактически восстание против самого Оракула Путеводной Звезды! Это было чем-то неслыханным за последние сотни лет — да еще во время войны! Все пытались отрицать, что вообще случилось что-то серьезное. Недоразумение, достойное сожаления... Народ Дельпа, введенный в заблуждение, героически сражался, движимый долейностью по отношению к капитану... Нельзя ожидать, что простые моряки понимают тот современный принцип, что Флот и его адмирал стоят выше, чем каждый из отдельно взятых плотов.

Родонис с досадой вспоминала разговор с Сиранаксом, произошедший пару дней тому назад, хотя слезы того дня уже высохли.

— Мне очень жаль, госпожа, — говорил тогда адмирал. — Поверь, я очень сожалею. Да, твоего мужа обманули, и он прав больше, чем Теонакс. Я сам знаю, что это было всего лишь случайное столкновение, искра, воспламенившая старые раздоры, за которые, главным образом, следует винить только моего сына.

— Так пусть твой сын и понесет наказание! — крикнула она тогда.

Седаея голова неумолимо качалась вперед и назад.

— Нет. Теонакс, может быть, не самый благородный среди обитателей этого мира, но он мой сын и наследник трона. Мне недолго осталось жить, а военное время — не самое подходящее для того, чтобы устраивать борьбу за наследство. Для блага Флота Теонакс должен наследовать трон после меня без всякого сопротивления с чьей-либо стороны, и для этого у него не должно быть запятнанного прошлого.

— Почему же, однако, ты не можешь простить и Дельпа?

— Во имя Путеводной Звезды, если бы я только мог это сделать! Но подобное невозможно. Всем остальным можно простить вину — и она будет прощена. Однако должен быть кто-то один, на кого падет обвинение, и это умерит боль наших ран. Дельп должен быть обвинен в подготовке бунта и наказан за это. Наказан, чтобы все остальные участники могли сказать: «Мы сражались в братоубийственной войне, но это была его вина, так что теперь с его наказанием мы сможем снова верить друг другу...»

Старый адмирал вздохнул; негромкое шипение донеслось из его раздувшихся легких.

— Пусть Путеводная Звезда поможет тебе и сделает так, что я не исполню ее волю. О, как много бы я дал, чтобы к этому времени я был бы уже... Поверь, госпожа, что к тебе я очень хорошо отношусь. И если бы мы снова могли жить в дружбе...

— Можем... — прошептала она. — Если ты освободишь Дельпа. Завоеватель Майона хмуро посмотрел на нее.

— Нет! — ответил он. — И хватит об этом говорить!

Она вышла из его каюты.

И потянулись дни, во время которых она пережила кошмарный фарс суда над своим мужем и еще один кошмар — ожидание исполнения приговора. Налет ланнахов был словно кратковременное пробуждение от горячечного сна.

Адмирал Сиранакс лежал на ложе смерти. Если бы не его внезапная болезнь, Дельп уже был бы искалеченным невольником, но в этой ситуации напряжения и неуверенности выполнение столь противоречивого приговора было отложено.

«Когда Теонакс станет Великим Адмиралом, — думала Родонис той частью своего разума, которая еще могла холодно рассуждать, — то промедления уже не будет. Разве что...»

— Госпожа, извольте пройти туда, — ее размышления прервал голос офицера.

Офицеры, которые вели ее по палубе к большому мрачному строению из деревянных колод, относились к ней с почтением. Дворцовые слуги, бегающие вверх и вниз по коридорам без окон, смотрели на нее словно с ужасом. Каким-то образом самые тайные вещи становились известными обитателям форкастеля, которые могли их вынюхать.

Внутри здания было темно, душно и тихо. Очень тихо. Море никогда не бывает спокойным. Только сейчас Родонис осознала что никогда раньше не была изолирована от шума волн, скрипа дерева и канатов. Мышцы ее крыльев напряглись: она хотела с криком подняться в воздух. Но, преодолев это желание, двинулась дальше.

Перед ней открыли какую-то дверь, в которую она вошла. Дверь закрылась, Родонис увидела маленькую комнатку, богато выложенную мехами и коврами, освещенную многими лампами. Воздух был таким тяжелым, что у нее закружилась голова. Теонакс лежал на кровати, играя одним из земных ножей. Больше в каюте никого не было.

— Садись,— предложил он.

Она присела на хвосте, смотря на Теонакса так, словно они были равными.

— Что ты хочешь мне сказать? — глухим голосом поинтересовался он.

— Твой отец, Адмирал, еще жив? — ответила она вопросом.

— Боюсь, что ему недолго осталось жить,— сказал он.— Акхан сожрет его еще до полудня.— Его бессознательный взгляд переместился на гобелен.— Как длинна эта ночь!

Родонис ждала.

— Итак? — сказал Теонакс и змеиным движением откинул голову назад. В его голосе звучал холод.— Ты упоминала что-то о новом бунте?

Родонис присела не сгибаясь. Ее гребень встопорщился.

— Да,— холодно произнесла она.— Команда моего мужа не забыла его.

— Может быть,— бросил Теонакс.— Но они достаточно дюжальны по отношению к Адмиралу. Это им успешно вбили в голову.

— Конечно, они дюжальны по отношению к Адмиралу Сиранаксу,— ответила она.— Этого у них не отнять. Ты сам знаешь так же хорошо, как и я, что то, что произошло не было бунтом, а только столкновением, вызванным теми, кто против тебя. Сиранакса всегда уважали и даже любили. Истинный бунт будет направлен против того, кто его убил.

Теонакс вскочил.

— Что... что ты имеешь ввиду? — крикнул он.— Кто мог поднять руку на него?

— Ты! — сквозь зубы процедила Родонис.— Ты отравил своего отца.

Она ничего уже не боялась. Хотя и знала, что Теонакс, известный своим буйным характером, может запросто убить ее за эти слова.

И он почти сделал это. Но все же отпрянул, когда его нож прикоснулся к ее горлу. Его челюсти снова были плотно сжаты, он прыгнул на кровать и стоял там на четырех ногах — с выгнутым хребтом, напряженным хвостом и поднятыми крыльями.

— Говори дальше, — прошипел он. — Произноси свою ложь. Я хорошо знаю, как ты ненавидишь всю мою семью из-за своего никчемного мужа. Весь Флот это знает. Ты думаешь, что твоим словам поверят без доказательств?

— Я всегда уважала твоего отца, — произнесла Родонис, потрясенная: ведь смерть была так близко. — Да, он приговорил Дельпа. Он поступил несправедливо, но сделал это для блага всего Флота, а я... я сама из офицерского рода. Вспомни, как через день после налета ланнахов я пригласила его на пир, в знак того, что дракхоны должны сплотить свои ряды.

— Ну и что из этого? — насмешливо произнес Теонакс. — Красивый жест и ничего более. Я помню, как гости жаловались, что блюда были слишком остро приправлены. А этот подарок, который ты ему сделала, этот блестящий кружок, принадлежащий землянам! Разве не трогательно? Только ты не имела права это дарить! Вся их собственность принадлежит Адмиралу!

— Этот толстый землянин сам мне его дал, — ответила Родонис. Она специально переводила разговоры на менее важные темы, желая успокоить себя и Теонакса. — Он сказал, что вытащил этот кружок из своего багажа. Он говорил, что это монета и что она является предметом торговли на его родной планете... и что он дает мне это на память о себе. Это было сразу же после столкновения, перед тем, как его и его спутников перевели с «Герунис» на другой плот.

— Подарок ничего! — засмеялся Теонакс. — Кружок был совершенно вытертый и бесформенный. — Его мышцы снова напряглись. — Ну давай, обвиняй меня дальше, если осмелишься!

— Я не так глупа, — покачала головой Родонис. — Я отправила письма друзьям и попросила их ознакомиться с их содержанием, если не вернусь отсюда. Взвесь факты. Ты гордый, и большинство думает о тебе очень плохо. Смерть твоего отца делает тебя адмиралом. Фактически властелином Флота. Как же долго и нетерпеливо ты должен был ждать этого! Твой отец умирает, пораженный болезнью, неизвестной нашим медикам. Ее симптомы даже не напоминают отравление каким-либо из известных ядов — так бурно уничтожает его эта болезнь. И еще: многим известно, что нападавшие не смогли унести всю пищу землян, оставив три маленьких пакета. Земляне часто и в присутствии всех предостерегали нас, что их пищу есть нельзя. А все вещи землян находились у тебя!

Теонакс тяжело вздохнул.

— Это ложь! — заскулил он. — Я ничего не знаю... я никогда... Кто поверит, что я или кто-нибудь другой мог бы сделать нечто подобное... Отравить своего отца!

— Если речь идет о тебе, то поверят! — твердо произнесла Родонис.

— Клянусь Путеводной Звездой, я не...

— Путеводная Звезда не принесет счастья Флоту, руководимому отцеубийцей. Одного этого хватит, чтобы вызвать бунт, Теонакс!

Тяжело дыша, он пронзил ее яростным взглядом и прошипел: — Чего ты хочешь?

Родонис посмотрела на него таким холодным взглядом, с каким его глаза еще не встречались.

— Я сожгу эти письма, — сказала она, — и навсегда сохраню молчание. Я буду отрицать это вместе с тобой, если подобная мысль еще кому-нибудь придет в голову. Однако Дельпа нужно немедленно и полностью простить.

Теонакс съехался и заворчал:

— Я мог бы бороться с тобой, Родонис. Я мог бы заточить тебя в тюрьму за государственную измену и убить всякого, кто осмелился бы...

— Вполне может быть, — кивнула Родонис. — Но стоит ли? Ты этими действиями наверняка вызвал бы раскол во Флоте и бросил бы его на произвол ланнахов. А я прошу только вернуть мне мужа.

— И только поэтому ты грозишь уничтожением Флота?

— Да! — ответила она и через мгновение добавила: — Тебе этого не понять... Вы, мужчины, основываете новые государства, объявляете войны, слагаете песни, создаете науку. Воображаете, что вы практичны и сильны. Однако, это женщины постоянно приближаются к твоей смерти, чтобы дать новую жизнь. Это мы — сильный пол! Мы должны им быть, иначе...

Теонакс отпрынул. По его телу пробежала дрожь.

— Да, — прошептал он, перебивая ее. — Да, черт тебя возьми, ты получишь его. Я отдам приказ сейчас же, немедленно! Забирай своего мерзавца долой с глаз моих еще до рассвета! Но знай одно: я не убивал его!..

Родонис молча ждала.

Затем она взяла письменный приказ и вышла из каюты, направляясь к палубе, где были разрезаны узы, стягивающие Дельпа хвир Орикана. Он упал в ее объятия и зарыдал:

— Я сохранил свои крылья... Сохранил свои крылья...

Родонис са Аксоллон гладила его по груди, что-то шептала, говорила, что теперь все уже будет хорошо, что они уже возвращаются домой, и через мгновение сама заплакала, потому что безмерно любила его.

В ее памяти билось вызывающее дрожь воспоминание о том, как Ван Рийн давал ей эту монету, одновременно предостерегая ее от... как это он тогда сказал?.. Отравление тяжелыми металлами!

— Для вас железо, медь и цинк — это чужие вещества. Я сам не химик, но когда нужно, я этих ученых понимаю. Поэтому, могу посоветовать тебе только одно: ни ты, ни твои дети пускай ни в коем случае не пробуют эту монету на зуб!

И она вспомнила еще, как ночью сидела у камня и опиливала монету, приготавливая приправу для блюда, предназначенного неумолимому адмиралу...

Потом она задумалась над тем, что толстый землянин по странному стечению обстоятельств обладал неожиданно хорошим знанием ее языка. Теперь ей пришла в голову именно эта мысль, и от этого в теле возникла дрожь. А может быть, земляне специально оставили здесь эти три пакета пищи, в надежде, что они вызовут какие-то осложнения? Неужели они так точно все предвидели?!

ГЛАВА 11

В двери появилась Гунтра из рода Энклана, и Эрик Вейс поднял на нее усталые глаза. Позади него кипела работа у водяного колеса, на которое падали тени от мерцающего света факелов.

— Да? — спросил он, тяжело вздыхая.

Гунтра показала ему широкий щит длиной в метра два — легкую, но солидную конструкцию из прутьев, сплетенных на деревянной раме. Она много дней присматривала за сотней женщин и детей, которые собирали, расщепляли и сушили прутья, выгибали дерево, плели и складывали всю конструкцию. Она была так измучена, словно только что перенесла перелет из тропической зоны. Однако в ее голосе звучала гордость:

— Это уже четырехтысячный, Советник.— Эрик Вейс никогда не носил такого титула, но ланнахи просто не могли представить себе, чтобы у кого-то не было определенного положения в организации Стада. Ввиду авторитета, которым пользовались эти бескрылые существа, их, естественно, называли Советниками.

— Хорошо,— Эрик взвесил щит на огрубевшей ладони.— Хорошая работа.— Четыре тысячи — это больше, чем нужно; наше задание выполнено, Гунтра!

— Благодарю,— она с интересом посмотрела на перестроенную мельницу. Трудно было поверить, что еще не так давно она служила для помола зерна.

К ним подошел Ангрек из клана Треккан, держа в руках кусок дерева.

— Советник,— начал он,— я... — Тут он прервал речь. Его взгляд упал на Гунтру, которая только вступила в средний возраст и ее всегда считали красивой.

Их глаза встретились, потом затуманились. Ангрек распростер крылья и сделал шаг по направлению к ней.

С коротким вскриком, почти рыданием, Гунтра отвернулась и убежала. Ангрек посмотрел ей вслед, швырнул дерево на землю и выругался.

— Что случилось, черт возьми? — Спросил Вейс.

Ангрек ударил кулаком по открытой ладони.

— Духи... — пробормотал он.— Это наверняка духи... беспокойные духи всех грешников, которые когда-либо ходили по свету. Сначала они посетили дракхонов, а теперь пришли преследовать нас!

Две фигуры замаячили в двери, открытой настежь в эту короткую ясную ночь раннего лета. Вошли Николас Ван Рийн и герольд Толк.

— Как дела, мой мальчик? — загудел Ван Рийн. В зубах он вертел маринованную луковицу: похудение, которое коснулось Эрика и даже Сандры, на нем даже не сказалось.

«Ну да,— горько подумал Вейс,— старый толстяк даже руки не приложил к работе. Единственное, чем он занимался, так это лазил по окрестностям, разговаривал с предводителями ланнахов и жаловался, что работа не продвигается вперед достаточно быстро...»

— Потихоньку, сэр.— Молодой человек прикусил язык, не отваживаясь произнести слова, которые вертелись у него в голове: «Ты, толстая пиявка, ты намерен добраться домой с помощью моего труда и мыслей, а потом отделаться от меня должностью посредника на другой периферийной планете?»

— Так их нужно ускорить,— сказал Ван Рийн.— Мы не можем ждать так долго, ни ты, ни я.

Толк внимательно присмотрелся к Ангреку. Ремесленник все еще дрожал и шептал заклятия.

— Что случилось? — спросил герольд.

— Это дьявольское влияние дракхонов,— Ангрек прикрыл рукой глаза.— Герольд,— выдал он из себя,— недавно здесь была Гунтра из Энклана и какое-то время... мы желали друг друга...

У Толка было серьезное выражение лица, но он заговорил без укора в голосе:

— Это уже случалось со многими. Ты должен это преодолеть.

— Но что это, герольд? Болезнь? Предназначение судьбы? Что я такого сделал?

— Эти неестественные порывы уже встречались,— сказал Толк.— Время от времени они появляются у большинства из нас. Просто об этом не говорят. Их нужно подавлять, а еще лучше через какое-то время вообще забыть об этом. Забыть о том, что нечто подобное имело место.— Он грозно нахмурился.— В последнее время все чаще, и никто не знает, почему. Возвращайся к работе и избегай женщин.

Ангрек тяжело вздохнул, поднял кусок дерева и прикоснулся к плечу Эрика:

— Я хотел посоветоваться. У этого дерева, пожалуй, неподходящая форма для моей цели...

Толк осмотрелся. Он только что вернулся из далекого путешествия, во время которого облетел всю страну, оповещая рассеянные кланы.

— Здесь многое сделано,— сказал он.

— Да,— милостиво согласился Ван Рийн.— Он талантливый конструктор, этот мой юный друг. Но, в конце концов, торговец на новой планете должен быть, черт побери, мастером на все руки.

— Я не слишком хорошо понимаю детали его планов.

— Моих планов,— обиженно поправил Ван Рийн.— Это я ему говорю, чтобы он сделал оружие. Он только исполняет мои приказания.

— Все? — сухо спросил Толк. Он осмотрел скелет сложного устройства.— Что это?

— Самозаряжающийся метатель снарядов, другими словами, пулемет. Посмотри вот сюда: этот балансир вращает зубчатое колесо. Снаряды подаются лентой к колесу, вот так, и быстро выбрасываются,— прежде чем ты успеешь моргнуть глазом, уже два-три полетят. Колесо смонтировано на вращающейся подставке, чтобы его можно было направить в любую сторону. Эта старая идея, кажется, какой-то Миллер или де Камп уже давно построил его, этот... пулемет. И должен вам заметить, что в битве он очень эффективен!

— Прекрасно! — похвалил Толк.— А это что такое?

— Это баллиста. Она напоминает катапульты дракхонов, но гораздо лучше, чем они. Она метает достаточно большие камни, чтобы разбивать ими стены или топить лодки. А здесь... Йа,— Ван Рийн поднял с земли щит, который принесла Гунтра.—

Может быть, это не выглядит захватывающе, но по мне, оно важнее, чем все другие машины. Воины должны носить это на спине.

— М... м... да, я вижу, где крепятся ремни... это служит для защиты от снарядов, падающих сверху, да? Но наш воин не взлетит, имея это на спине.

— В этом-то и дело! — рывкнул Ван Рийн. — В этом все и дело, доннерветтер! Именно это и есть проблема жителей Диомеда. Майн готт! Как можно вести настоящую войну, имея только воздушные силы? Здесь в Сальменброке, я потратил много дней, вбивая в тупые лбы офицеров, что именно пехота занимает позиции и обороняет их, пе-хо-та! Теперь офицеры должны вбить это в головы солдатам и обучить их... О черт, у нас нет времени! За оставшиеся несколько десятков дней я должен сделать нечто, на что в общем-то уходят годы!

Толк кивнул почти машинально.

Даже Трольвену понадобилось время и аргументы, прежде чем он понял идею боевых сил, главная часть которых вынуждена целенаправленно действовать исключительно на земле. Замысел был слишком чуждым. Но герольд принял его без слов.

— Я понимаю ход твоих мыслей, — сказал он. — Те, кто занимает крепости, владеют всем Ланнахом! Укрепленные города господствуют над сельскими районами, откуда поступает пища. Но, чтобы завладеть городами, мы должны захватить их.

— Ты рассуждаешь мудро, — похвалил его Ван Рийн. — История Земли знает много примеров, что одно превосходство в воздухе не дает победы!

— Остается еще огневое оружие дракконов, — заметил Толк. — Что ты намерен ему противопоставить? Вся моя миссия в течение последних дней в основном заключалась в том, чтобы уговаривать кланы присоединиться к нам. Я передал им твои слова, что будет защита от огня, что у нас будут собственные огнеметы и огненные бомбы. Я надеюсь, что я говорил правду!

Он осмотрелся вокруг. Старая мельница, превращенная в примитивную фабрику, была так заполнена рабочими, что, кроме них, трудно было что-то увидеть. Недалеко от них на простом токарном станке, несколько усовершенствованном Эриком, точили древки копий и рукоятки топориков. Другая машина, шлифовальная, до сих пор не была ему известна. Она производила острия топориков и другого колющего оружия. Они были, конечно, не так тщательно сделаны, как вручную, но зато в значительно больших количествах. Механический молот дробил осколки кремня и обсидиана в режущие острия; дисковая пила резала дерево, другая машина сворачивала канаты быстрее, чем это мог

заметить глаз. Все машины приводились в движение трансмиссионными ремнями и при помощи больших мельничных колес. Все это вместе взятое выглядело сложным и запутанным, но производило военное снаряжение быстрее, чем ланнахи могли его употребить. Готовым снаряжением наполнялись целые лари.

— Это воистину волшебство,— заметил Толк,— и оттого немного пугает.

— Я ввел здесь новый стиль жизни,— откровенно произнес Ван Рийн.— Здесь не идет речь об одной или другой машине, которые и так неотвратно повлияют на вашу историю. Речь идет об основной идее, которую я ввел, а именно — о производстве массовой продукции!

— Но огонь...

— Вейс уже начал делать для нас огневое оружие. Серу нашли неподалеку от горы Оборк. Есть также неплохие источники нефти. Дистилляция — это еще одно умение, которым обладают дракхоны, а вы нет! Теперь мы сделаем себе собственные зажигалки...

Ван Рийн нахмурил брови:

— Но одно, к сожалению, верно,— продолжал он.— У нас не было времени научить ваших воинов, как они должны применять это снаряжение. Вскоре я буду голодать; вскоре ваши женщины будут беременны и нужно будет накапливать пищу... — Он театрально вздохнул.— Однако, прежде чем вы действительно начнете страдать, я уже давно буду мертв.

— О, нет,— мрачно сказал Толк.— Это правда, у нас есть еще почти полгода до Поры Рождений. Но уже теперь мы слабы от голода, холода и отчаяния. Уже теперь мы не выполняем многие наши обряды...

— К дьяволу ваши обряды! — вскричал Ван Рийн.— Прежде всего нужно отобрать назад Ульвен, потому что именно он расположен над склонами Дуна, где, как известно, живут все рогачи. Если мы возьмем Ульвен, то будет достаточно еды, а кроме того у нас будет форт, который легко оборонять. Но Трольвен и Совет упорствуют и настаивают, чтобы мы ударили на Манненах, оставляя в тылу Ульвен, находящийся в руках врага. Нельзя забывать, что, двигаясь к заливу Сагна мы рискуем многим... И все ради того, чтобы совершить возле Маннаха какой-то там паршивый обряд!..

— Ты не поймешь этого,— мягко сказал Толк.— Мы слишком отличаемся друг от друга. Даже я, в чьих обязанностях находится общение с другими народами, не могу понять твою позицию. Наша жизнь основывается на годовом цикле. Дело в том, что мы все еще серьезно воспринимаем наших богов... — Он посмотрел

вверх на скрытую в тени крышу, где ветер свистел и крутил работающие колеса мельницы.— Нет, я не верю, что духи предков вылетают ночью. Однако я верю, что если я поприветствую Полное Лето во время большого обряда в Манненах так, как это делали мои предки со времен существования Стада, то тем самым я анесу вклад в поддержание нашего единства, в сплочение нашего сообщества...

— Фи! — Ван Рийн протянул грязную руку, чтобы почесать всклокоченную бороду, обрамлявшую его лицо. Здесь он не мог ни бриться, ни мыться — даже после анестезирующих уколов человеческая кожа не принимала диомеданское мыло.— Я тебе скажу, откуда весь этот ритуал. Во-первых, вы невольники времен года, даже больше, чем какой-нибудь фермер на Земле. А во-вторых, вы вынуждены летать так далеко и оставлять свои дома пустыми так надолго, что этот обряд — ваша самая ценная собственность. Это нечто такое, что не весит много и что можно забрать с собой...

— Может быть, ты и прав,— согласился Толк.— Одвако факт остается фактом. Если существует какой-то шанс на то, чтобы поприветствовать Полное Лето на валунах Манненах, то мы пойдем на этот риск. Дополнительные потери в людях по той причине, что это не самая лучшая стратегия, мы понесем с радостью.

— Если вообще не потеряете шансов на победу в этой проклятой войне,— фыркнул Ван Рийн.— Ад и дьяволы! Мой личный капеллан на Земле не заботится так о правилах этикета. Посмотри — этот юноша только что был близок к самоубийству, потому что его возбудил вид девицы в неподходящее время!

— Это не в счет,— скованно произнес Толк и вышел из мастерской. Через мгновение Ван Рийн поспешил за ним.

Вейс закончил давать объяснения Ангреку, проверил остальные работы, обругал носильщиков, которые поставили сосуды с летучими фракциями нефти у печи, и вышел. Его ноги отяжелели. Для одного человека было слишком много работы: организация, проектирование, надзор, преодоление трудностей. Ван Рийну казалось, что это так просто — перенести охотников из каменного века в эру машин за несколько недель. Пусть бы он сам попробовал, может быть, потерял бы тогда немного жира!

Ночи были уже такими короткими, что Эрик Вейс не обращал внимания на часы. Он работал до тех пор, пока не падал с ног, засыпая на короткое время и снова возвращаясь к работе.

Иногда он думал: а отдыхал ли он вообще когда-либо, был ли он когда-нибудь чист, накормлен, утешал ли его кто-нибудь в одиночестве?

Рассвет заалел над северными взгорьями, где ряд вулканов гневной чернотой закрывал лик бледного солнца. Обе луны заходили; каждая из них висела над горизонтом, как медный круг диаметром раза в два больше чем диаметр земной Луны. Склоны горы Оборх дрожали, плюясь валунами в бледное небо. Каменная стена Сальменброка ежилась под резкими ударами ветра.

Эрик добрался до лестницы, сделанной специально для него, чтобы он мог взбираться на чердак, где жил. Сандра вышла из-за ближайшей башенки. Она остановилась, приложив ладони к губам. В грохоте ветра не было слышно, что она говорила.

Эрик подошел поближе. Под ногами, на которых были неуклюжие сапоги из кожи рогачей, закрипел гравий.

— Слушаю тебя, госпожа,— произнес он.

— Ох... ничего такого, Эрик Вейс.— Его взгляд встретился с ее зелеными глазами, непреклонными и гордыми; однако он увидел, что ее лицо покрылось румянцем.— Я хотела только пожелать тебе... доброго утра.

— Я тоже желаю тебе того же, госпожа.— Он потер уставшие глаза.— Я давно не видел тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Я беспокоюсь,— ответила она.— Мне так одиноко. Может быть мы немного поговорим?

Они оставили позади строения, идя по запущенной тропинке, карабкающейся вверх среди низких острых кустов, покрытых пурпурными цветами. Высоко над ними кружили стражники, но сейчас это были малозаметные точки на фоне неба. Эрик Вейс почувствовал, как его сердце забилося чаще.

— Что ты делаешь, госпожа? — поинтересовался он.

— Ничего особенного. Что я могу делать? — Она посмотрела на свои ладони.— Я пытаюсь, но мне не хватает навыков, которые есть у тебя или у Ван Рийна.

— Что? — Вейс пожал плечами. Несомненно, у старого козла было достаточно поводов, чтобы бахвалиться собственными заслугами, когда он бесцельно болтался по Сальменброку.— Достаточно... — он подбирал подходящие слова,— достаточно того, госпожа, что ты здесь, рядом со мной.

— Но Эрик,— засмеялась она с искренним удовольствием, слегка развеселившаяся и вовсе не обиженная.— Я не думала, что на словах ты такой рыцарь...

— До сих пор не было случая, госпожа,— буркнул он, слишком уставший и измученный, чтобы обращать внимание на слова.

— Не было? — Она искоса посмотрела на него. Ветер ворвался в ее тесно сплетенные косы и развил их в маленькие серебристые ленты. Она еще не выглядела страдающей от голода, но височные

кости на ее лице обозначились немного четче, на щеке виднелась темная полоса, а одежду составляли мешковатые лохмотья, сшитые портными, которые никогда раньше не видели человеческих фигур. Но лишившись своего королевского вида, она казалась теперь Эрику даже красивее, чем раньше, может быть, потому, что теперь стала ближе к нему? Или, может быть потому, что ее нищета искренне свидетельствовала о ее человеческой сущности?

— Нет,— процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Не понимаю,— пожала плечами девушка.

— Прости, госпожа. Я просто думал вслух. Плохая привычка. Это иногда случается на таких отдаленных планетах. Видишь одних и тех же людей так часто, что они перестают быть желанными; начинаешь избегать их — и кроме этого, конечно, людей всегда не хватает, так что многие работы приходится делать самостоятельно, часто в течение многих недель. Зачем я все это говорю? Господи, как же я устал!

Они остановились на краю взгорья. У их ног лежала скала, круто опускавшаяся вниз на сотни метров к ленивой реке. С другой стороны ущелья поднимались снежные склоны гор, окрашиваемые солнцем в кровавый цвет. Ветер протискивался в верхнюю часть ущелья, ударяя в лица землян.

— Я понимаю тебя.— Сандра серьезно посмотрела на Эрика.— Ты всю жизнь вынужден был тяжело работать. У тебя не хватало времени на удовольствия, на обучение хорошим манерам, культуре... правда?

— Времени не было ни на что, госпожа,— ответил он.— Я родился в трущобах, в километре от старого порта на Тритоне. Только самые бедные живут так близко от космодрома, где жизни нет от постоянного движения машин, вони и шума, словно от землетрясения... Хотя к этому можно привыкнуть, и это вращает в тебя, в твои кости. Половина моих друзей детства уже мертва или сидит в тюрьме, а вторая половина хватается за любую временную работу, не требующую квалификации, тяжелую и грязную, которой никто другой не хочет заниматься. Но не надо мне сочувствовать. Мне повезло. В возрасте двенадцати лет я стал практикантом у оптового торговца мехами. Через два года я установил несколько контактов, которые позволили мне найти такое же тяжелое и грязное занятие, только на космическом корабле охотников за пушными животными, летящем на Рианон. В свободные минуты я учился, и благодаря этому мне удавалось находить все лучшую работу. И так далее, и так далее. Пока меня не поставили во главе здешнего пункта по заготовке, мелкого предприятия, которое со временем, может быть, начнет

окупаться, но большого значения так никогда и не получит. Однако, это все же был какой-то очередной шанс. И вот я здесь, на вершине этой горы, подо мной лежит Диомед... И что теперь?

Он резко потряс головой, удивляясь, что иссяк запас его слов. Это немного напоминало алкогольное опьянение. Хотя, может быть, нечто большее... Не то, чтобы он искал сочувствия, но в глубине души он хотел знать, понимает ли она его? Сможет ли понять?

— Ты обязательно вернешься домой, — тихо сказала она. — Такие, как ты, выходят целыми из всех затруднительных положений.

— Хочется в это верить!

— То, что ты сделал, это уже героический поступок. — Она посмотрела в сторону на тучи, проплывающие рядом с вершиной Оборх. — Я думаю, что никто не сможет тебя удержать. Пожалуй, только ты сам.

— Я? — Его замешательство росло, и он уже хотел сменить тему. Эрик погладил заросший щетиной подбородок.

— Ну да. А кто другой? Ты так быстро достиг столь многого. Может, следует остановиться? Ты не задавал себе вопрос: как долго стоит продвигаться в этой жизни?

— Не знаю. Я думаю, что так далеко, как только можно.

— Зачем? Стоит ли становиться большим человеком? Не будет ли достаточно оставаться просто-напросто свободным? С твоим талантом и опытом ты достаточно заработаешь на любой из колонизованных планет, где условия жизни для людей получше, чем здесь. Например, на Гермесе. Не кроется ли в этом стремлении к богатству и власти лишь желание насытить того маленького мальчика, который когда-то плакал перед сном от голода в трущобах Тритона? Однако, ты никогда не сможешь утешить того мальчугана, приятель. Он уже давно умер, его уже нет!

— Ну... не знаю... Я думаю, что когда-нибудь заведу семью... Я хотел бы дать своей семье нечто большее, чем средства на жизнь. Я хотел бы оставить моим детям и внукам достаточное состояние, чтобы обеспечить им будущее, чтобы они могли противостоять любым трудностям, если будет нужно.

— Значит, так. Я думаю, что... — Прежде, чем она отвернулась, Эрик увидел, что кровь прихлынула к ее лицу, — что давние, энергичные князя Гермеса были похожи на тебя. Было бы хорошо, если бы они снова взошли на трон... — Неожиданно она быстрым шагом пошла по тропинке. — Довольно. Лучше всего будет, если мы вернемся, правда?

Эрик пошел за ней, едва осознавая, что ступает по земле.

Ланнахи были готовы к битве. По зову свистунов Толка они собрались в Сальменброке, и небо потемнело от их крыльев. Трольвен проложил себе дорогу к Ван Рийну через клубок тел.

— Воистину боги неблагосклонны к нам,— горько сказал он.— В это время года почти всегда дуют сильные южные ветры.— Он указал рукой на безветренное небо.— Знаешь ли ты какие-то чары, призывающие ветер?

Торговец, несколько раздраженный, посмотрел вверх. Он сидел за столом перед домиком из тростника и глины, выстроенном для него за поселением, поскольку не желал ни карабкаться в дом по лестнице, ни спать во влажной пещере. Он проводил время, играя в кости с капитаном Стигеном на камни, напоминающие бериллы, которые являлись местным эквивалентом денег. Число цивилизаций, населяющих галактику, которые независимо друг от друга изобрели тот или иной вид игры в кости, не поддается определению.

— Ха! — бросил он.— Без ветра под хвост вы уже не полетите? Ага, семерка! Нет, черт возьми, я забыл, что семерка здесь не является счастливым числом. Попробуем еще раз.— Три кубика затарахтели у него в руке и упали на стол.— Гм-м-м, снова семь.— Ван Рийн сгреб кон.— Удаиваем?

— Пусть тебя похитят пожиратели духов! — Стиген сорвался с места.— По-моему, ты слишком часто выигрываешь!

Ван Рийн сам вскочил на ноги, как атакующий носорог.

— Черт побери, а ну-ка, возьми свои слова назад, приятель, или...

— Я не сказал ничего оскорбительного,— холодно ответил Стиген.

— Спокойно! — рявкнул Трольвен.— Это что, пьянка? Землянин, все боевые формирования ланнахов собрались здесь на этих взгорьях. Мы не сможем кормить их слишком долго. А с другой стороны, мы не сможем выступить, потому что новое оружие погружено на парусные тележки. Что же делать?

Ван Рийн яростно взглянул на Стигена:

— Я говорю, что меня оскорбили. А когда меня оскорбляют, я не могу давать разумные советы!

— Я уверен, что капитан извинится за неумышленную обиду, нанесенную тебе, землянин,— сказал Трольвен, бросая на капитана разгневанный взгляд.

— Конечно.— Стиген с трудом выдавил из себя это слово.

— Хорошо.— Ван Рийн погладил себя по бороде.— Итак, чтобы доказать, что ты не сомневаешься в моей порядочности, брось кости еще раз. Удваиваешь?

Стиген схватил кости и бросил их на стол.

— Ага, у тебя шестерка,— сказал Ван Рийн.— Что ж, это нелегко побить. Я боюсь, что уже проиграл. Нелегко быть бедным, уставшим, голодным стариком, брошенным далеко от дома и его сямских кошек; они одни любят его ради него самого, а не из-за денег... Трам-та-та-там... Восемь! Два, три и еще раз три! Ну и ну!

— Нам нужен транспорт,— проговорил Трольвен, усиленно стараясь овладеть собой.— Новое оружие слишком тяжело для носильщиков. Они должны ехать по рельсам. Как мы доведем их без ветра до залива Сагна?

— Это просто,— сказал Ван Рийн, считая выигрыш.— Прежде, чем поднимется попутный ветер, привяжите канаты к тележкам, и эти ваши молодые балбесы их потянут.

Стиген взорвался:

— Свободный член клана должен тянуть тележку, как... Дракхон? — Он овладел собой и уже гораздо спокойнее произнес: — Нет, это невозможно.

— Иногда,— отрезал Ван Рийн,— и то, что невозможно, должно стать возможным! — Он сгреб драгоценные камни, бросил их в мешочек и направился к колодцу.— Черт возьми, есть какая-то дисциплина в этом Стаде?

— Да... я думаю, да... — Растерянный взгляд Трольвена обратился на кричащую волну крылатых существ, которая поглотила селение.— Однако, такая работа, продолжающаяся длительное время, всегда была... прежде, чем пришли дракконы... ее всегда считали в определенном смысле вырождением... не то, чтобы она была запрещена, но она не делалась без крайней необходимости. Физический труд в общественном месте... Нет!

Ван Рийн завертел воротом колодца.

— Почему же нет? Дракконы много болтают об уважении к труду. Им он нужен, у них надо много и тяжело работать, если хочешь жить. А для вас? Почему ланнахи не могут работать?

— Нет! — твердо произнес Стиген.— Это не для нас! Иначе мы станем животными!

Ван Рийн поставил ведро на колодезный сруб и вытащил из него бутылку земного пива.

— Ах, какое холодное и приятное... гм... похоже, слишком холодное... Пусть ад поглотит все места, где нет холодильников с терморегуляторами! — Он открыл бутылку о сруб и попробовал.— Может быть... Я много путешествовал и убедился, что

везде образ действий и мораль обитателей отдельных планет зависит от вполне реальной причины. Может быть, раса даже забыла, откуда берет начало тот или иной закон, но если бы закон не имел смысла, он долго не просуществовал бы. Отсюда следует, что вы не любите длительной тяжелой работы, конечно, за исключением труда перелетов, потому что по каким-то причинам она вам не подходит. И в то же время тяжелый труд не вредит дракхонам. Парадокс!

— Пусть злые силы похитят твои рассуждения,— рявкнул Трольвен.— Это была твоя идея, чтобы сделать все эти новомодные устройства вместо того, чтобы сражаться, как сражались наши предки. Так скажи теперь, как спустить тележки в долину, не демобилизуя для этого армию?

— Ах, дело в этом! — Ван Рийн пожал плечами.— У вас есть какие-нибудь соревнования, спорт или что-то в этом роде?

— Конечно!

— Значит, нужно объяснить, что эти тележки нужно спустить вниз, и так как мы не должны отправляться сразу...

— Должны! Мы будем голодать, если не отправимся немедленно!

— Мой юный друг,— терпеливо сказал Ван Рийн.— Я вижу, что ты очень слаб в политике. Вы, ланнахи, не можете лгать, наверное, потому, что никогда не заключаете браков. Так что скажи своим воинам следующее, слушай внимательно: «Мы могли бы сидеть и ждать южного ветра, но я знаю, что вы рветесь в битву с врагом, так что я объявляю соревнование. Каждый клан должен свезти вниз столько тележек, сколько сможет, а мы измерим скорость и лучшим дадим награду!»

— Пусть меня похитят злые духи... — удивленно произнес Стиген.

Трольвен охотно кивнул.

— Традиции кланов позволяют нечто такое...

— Видишь ли,— объяснил Ван Рийн,— на Земле мы называем это семантической проблемой. Я стар и у меня одышка, так что я могу равнодушно смотреть все эти бейсболы, футболы и гонки в мешках и знаю, что спорт — это просто вид тяжелого труда, которым ты не обязан заниматься.

Он громко икнул, открыл еще одну бутылку пива, а из сумки вытащил кусок салами. Запасы пищи таяли катастрофически быстрыми темпами.

ГЛАВА 13

Когда вся экспедиция находилась на полпути вниз по склону Туманных Гор, наконец, появился долгожданный попутный ветер. Воины, запряженные в тележки, облегченно вздохнули и остановились, ожидая Измеряющих время, которые должны были при помощи песочных часов определить победителя.

— Вряд ли они дали провести себя с этими соревнованиями, — заметила Сандра.

— Конечно, — ответил Вейс. — Однако те, кто был достаточно разумен, чтобы разгадать план старого Ника, понял, что это необходимо, и держал язык за зубами.

Он сжался под резким порывом ветра, который дул с горных склонов в направлении далекой затуманенной зелени холмов и долин, и присмотрелся к работе механиков. Поезд ланнахов состоял примерно из тридцати легких тележек, связанных тросом; в начале и середине поезда находились «локомотивы». Это были прочные тележки, которые несли по две мачты с квадратными парусами. Дерево, твердое, как металл; смазываемые деревянные втулки для колес и крепкий ветер обеспечивали неуклонное продвижение колонны. Достигаемая при этом скорость не была ошеломляющей, и часто нужно было ждать попутного ветра, однако ланнахи не привыкли работать с часами в руках.

— Госпожа, еще не поздно вернуться, — сказал Эрик. — Я организую эскорт.

— Нет. — Она притронулась к луку, сделанному специально для нее. Это была не игрушка: он весил десять фунтов и напоминал тот лук, с которым она охотилась в лесах Гермеса. Сандра гордо подняла голову, а ее светло-серебристые волосы поймали красный свет солнца и отразились в темном зеркале скал и льда. — Мы останемся вместе, и если нужно, вместе умрем! Не подобает владыке оставаться дома, когда другие сражаются!

Ван Рийн откашлялся и буркнул:

— Беда с этой аристократией! Для них главное — продемонстрировать благородство и отвагу, а не разум. Зато я охотно остался бы дома, если бы не нужно было показать, что я доверяю собственным планам.

— А в самом деле вы не доверяете? — скептически поинтересовался Эрик.

— Не болтай глупостей, — фыркнул Ван Рийн. — Конечно нет. — Он проковылял к специально сделанной для него штабной тележке. Там, по крайней мере, были стены, крыша и кровать.

Ветер свистел в каменном ущелье, и Ван Рийн сопротивлялся ему изо всех сил. Над головами парили, пикируя вниз, эскадры ланнахов.

У Вейса, как и у Сандры, была собственная тележка, но княгиня попросила Эрика, чтобы он ехал вместе с ней.

— Прости меня за эту театральность, Эрик, но мы можем погибнуть, а очень досадно умирать в одиночестве, когда рядом нет человека, который может взять тебя за руку.— Она несколько принужденно засмеялась.— И тут, по крайней мере, мы можем поговорить.

— Боюсь... — он откашлялся, так как горло у него сжало,— боюсь, госпожа, что я не смогу так гладко произносить речи, как Николас Ван Рийн.

— Ох,— улыбнулась Сандра.— Я как раз хочу именно разговаривать, а не слушать чьи-то монологи.

Однако, когда тележки двинулись, она замолчала. Молчал и Эрик.

Без часов им трудно было оценить, сколько времени заняло путешествие. В стране ланнахов лето было уже почти в самом разгаре: через каждые двенадцать с половиной часов солнце касалось горизонта на севере, но настоящей ночи не было.

Эрик Вейс смотрел, как мимо них пробегают окрестности, ел, спал, разговаривал с Сандрой или молодым Ангреком, который помогал им, а тем временем окружающая их горная страна все больше переходила в волнистые долины и леса, состоящие из низких деревьев с перьевидными листьями; море же становилось все ближе.

Иногда перегрев оси или встречный ветер приостанавливали движение вперед. В ряды ланнахов вкрадывалось беспокойство; они привыкли к быстрым перелетам с гор к побережью, продолжавшимся от силы один день, а не к кружению над поездом, ползущим, как медленный червяк. Разведчики дракхон, конечно, высмотрели их с воздуха, и в залив Сагна вошел конвой плотов с сильным подкреплением. Дозоры устраивали стычки с флангами колонны. И, несмотря на это, поезда должны были продвигаться вперед.

В общей сложности, за время между выездом из Сальменброка и прибытием в Манненах Диомед восемь раз обернулся вокруг собственной оси.

Портовый город Манненах лежал на берегу залива Сагна, вдали от открытого моря, и был окружен поросшими лесом взгорьями. Это был мрачный и хмурый комплекс каменных башен, тесно сплетенных цепью туннелей и крытых мостов, с дюжиной больших ветряных мельниц. Манненах располагался на

небольшой косе, которую дракхоны расширили. Вдали, на фоне бушующих коричневых волн темнели колышущиеся силуэты нескольких десятков плотов.

Когда поезд остановился, Эрик Вейс выпрыгнул из тележки Сандры. Стрелять было еще не во что: было видно только несколько остроконечных крыш, торчащих из-за травянистого края находящегося перед ними взгорья. Несмотря на свист ветра, Эрик слышал шум от крыльев дракхонов, взлетающих над городом, кружащихся в воздухе, словно обретший телесную оболочку смерч. Однако в воздухе было густо от ланнахов, и враг еще не решался на немедленную атаку.

Сердце учащенно билось, словно хотело вырваться из груди, а во рту пересохло так, что Эрик не мог подать голос. Словно сквозь туман он заметил, что Сандра спала рядом с ним. Диомеданская охрана под предводительством Ангрека окружила их остроконечным частоколом копий.

Девушка проснулась и улыбнулась.

— Ну что ж, уже легче,— сказала она.— Конец вынужденному сидению без дела. Теперь мы сделаем все, что сможем, правда?

— Неправда! — прохрипел Ван Рийн, ковыляя по направлению к ним. Так же, как Эрик и Сандра, он надел шлем и плохо лежащую на нем кирасу из многих слоев твердой кожи, одетую на дурно пахнущую одежду из местных тканей. Для уверенности торговец одел два панциря, один поверх другого; на левом плече у него был щит, а другой, словно защитный экран, над ним держали два молодых воина. За поясом у Ван Рийна торчал топорик и множество каменных ножей.

— Если мне удастся, то я ничего не буду делать, черт побери! Вы можете вступать в сражение, а я останусь так далеко в тылу, как только позволят добрые святые.

Эрик обрел дар речи.

— Я часто думал,— язвительно заметил он,— что, может быть, между цивилизованными существами было бы меньше войн, если бы их генералы выходили бы на поле боя, согласно древним обычаям.

— Фи! Ерунда! Войн было бы столько же, только у генералов было бы больше отваги и меньше ума. По моему мнению, трусы — самые лучшие стратеги, это можно легко доказать! Я остаюсь в тележке.

Ван Рийн ушел, бормоча что-то себе под нос.

Вновь созданные подразделения полевой артиллерии Трольвена поспешно выгружали свои неуклюжие орудия с тележек и монтировали их, в то время как эскадры и воздушные патрули

сталкивались вверх. Вейс выругался: наконец-то было что-то для него! — и поспешил к ближайшему центру замешательства.

— Эй, вы там! Назад! Что вы делаете? Эй, ты, войди в тележку и отвяжи главную раму... нет, не то... Вот идиот!

Через некоторое время он почти забыл о битве, которая разгорелась вокруг него.

Гарнизон Манненаха и подкрепления, подошедшие с моря, начали с осторожного прощупывания, применяя только несколько эскадр одновременно; эти эскадры выдвигались к летящим подразделениям ланнахов, чтобы затем отступить к городу. Здесь дракхоны были в значительном меньшинстве; Трольвен правильно рассчитал, что ни один адмирал не решился бы оставить главные силы Флота без достаточно мощного прикрытия, пока ланнахи были еще достаточно грозны. Кроме этого, моряки удивились и немного испугались при виде странных войсковых соединений атакующих.

По крайней мере, половина ланнахов маршировала в шеренгах на земле, прикрытая крышеподобными щитами, которые даже не позволяли им летать! Никто о подобном даже не слышал!

В течение часа обе армии вошли в более тесный боевой контакт. Имея преимущество в воздухе, дракхоны все время пробивали воздушное прикрытие Трольвена. Но тут же строй воздушных сил восстанавливался, координируемый летучими отрядами свистунов. Атаки на пехоту ланнахов не приносили пользы: эти неуклюжие щиты из прутьев задерживали метательные снаряды с заостренными концами, отбивали камни, и налеты с воздуха не причиняли атакующим почти никакого вреда.

Стрелы уже падали густо, когда Эрик, наконец, расставил по местам всю боевую технику. Он кивнул головой свистуну, который немедленно взлетел, чтобы передать известие Трольвену. С командного пункта, где находился Трольвен, вылетела туча посланников. На земле развернулись знамена, ветер понес военные кличи, одним словом, это был сигнал к наступлению.

В окружении охраны Ангрека Эрик хорошо осознавал, что он находится на передней линии наступления. Сандра с полуоткрытым ртом стояла рядом с ним. На обоих флангах растягивались ошестинившиеся копьями шеренги воинов. Казалось, они еще долго не достигнут гребня взгорья.

Один за другим офицеры дракхонов начали понимать, в чем дело. Тут и там раздавались крики изумления.

Невозмутимые подразделения пехоты ланнахов, которые нельзя было победить с воздуха, не встречая сопротивления на земле, медленно переливались через край холма, направляясь к стенам

Манненаха, и тянули за собой осадные машины. Когда воины добрались до места, они принялись за дело.

В воздухе бушевал ураган крыльев и оружия. Дракхоны ныряли, рубили и кололи пехоту Трольвена и сами, в свою очередь, оказывались атакованными сверху, когда летучие отряды ланнахов, рассеянные на мгновения, снова возвращались в боевой порядок. Одновременно — трах, трах, трах — тараны ударяли в стены, а пешие отряды обходили город, направляясь к порту.

— Так! Дай ему еще! — Вейс осознал, что это он сам кричит.

Что-то пролетело через хаос в воздухе. Пролетевшее стрелами тело ланнаха рухнуло на землю. За ним поспешило другое, живое тело воина-дракхона, с треском рассекающее крыльями воздух. Он летел быстро и низко; один из воинов Ангрека замахнулся на него мечом, промахнулся и упал с головой, разбитой топориком моряка.

Не отдавая себе отчета в том, что произошло, Эрик увидел дракхона перед собой. Он резко замахнулся на него каменным топориком, но удар крылом повалил его на землю. Он опять вскочил на ноги, плюясь кровью, но в этот момент моряк снова оказался над ним в пикирующем полете. Ладони Эрика были пусты... Неожиданно дракхон крикнул, схватился за горло, в котором торчала стрела, упал, скорчился и замер.

Сандра наложила на тетиву новую стрелу и сказала:

— Я же говорила, что могу пригодиться.

— Я... — Эрик Вейс обернулся и посмотрел на нее.

— Иди, — сказала она, — помоги им прорваться. Я буду тебя прикрывать.

Она была бледнее, чем обычно, но в ее глазах горел зеленый огонь.

Эрик снова принял под свое командование саперов. Уже было видно, что атака таранами не привела к успеху: через каменные стены, связанные раствором они могли пробиваться до следующей весны. Эрик отозвал всех с осадных машин и послал на помощь копающим. Имея в распоряжении много деревянных лопат, или даже голыми руками, они стремились прорыть подкоп в город.

Где-то вдалеке раздался такой сильный шум, что он заглушил другие звуки битвы. Вейс прыгнул на раму тарана и поверх голов осмотрелся вокруг.

Группа дракхонов приняла бой на земле. Они не были обучены такой тактике, но ланнахи сами делали лишь первые шаги в ее освоении. В яростной атаке дракхоны теснили своих противников назад.

Трольвен видел, что в первой линии наступления появилась серьезная брешь.

— Где же, черт возьми, пулемет?

Но вот на маленькой подпрыгивающей тележке подвезли орудие. Двое ланнахов начали разгонять колесо, а третий подавал снаряды. Поток смерти понесся на дракхонов. Их наступление захлебнулось, и дракхоны начали спасаться бегством в воздух. Эрик схватил Сандру в объятия и пустился с ней в пляс по полю.

Настоящий ад бушевал на крышах города. Отряд Эрика наконец-то докопался до подземного перехода, открывая себе дорогу в город. Оттесняя врага перед собой на верхние этажи и крышу, ланнахи моментально заняли одну башню.

— Ангрек! — Вейс тяжело дышал. — Помоги мне туда добраться! — Кто-то опустил канат, по которому Эрик, а за ним Сандра забрались наверх. Стоя на коньке крыши, он смотрел поверх каменных парапетов и вращающихся ветряных мельниц в сторону залива. Силы Трольвена заняли пирс безо всяких хлопот. Однако они не могли продвинуться дальше. Их сдерживал непрерывный поток огня, зажигательных бомб и снарядов с катапульта, находящихся на плотках, стоявших на якоре. Подобное оружие ланнахов имело значительно меньший радиус действия.

Сандра отвернулась от ветра, который выдавливал слезы из ее глаз, и показала на что-то.

— Эрик, узнаешь ли ты вон тот флаг на самом большом судне?

— Гм-м-м... дай-ка я хорошо присмотрюсь... Не личный ли это флаг нашего старого знакомого Дельпа?

— Конечно. Видимо, он избежал наказания за замешательство, которое мы вызвали. Честно говоря, я предпочла бы сражаться с кем-нибудь другим. Это было бы лучше для нас...

— Может быть, — согласился Вейс. — Но сейчас не до рассуждений. Мы уже одной ногой в городе. Теперь мы должны разбить ворота и вытеснить врага метр за метром. Ты останешься здесь!

— Не останусь!

Вейс пальцем подозвал Ангрека и бросил:

— Вышли отряд, чтобы он провел госпожу к тележкам!

— Нет! — крикнула Сандра.

— Слишком поздно, — улыбнулся Эрик. — Я обговорил это еще до того, как мы выступили из Сальменброка.

Она бросила ему проклятие, но потом неожиданно ласково обратилась к нему:

— Возвращайся целым и невредимым, дорогой,— прошептала она едва слышно сквозь свист ветра и военные крики.

Эрик повел солдат внутрь башни.

После он уже не мог вспомнить подробности боя. Это была тяжелая и кровавая битва, которую вели топором, ножом, зубами и когтями, крыльями и хвостом, в узких туннелях и больших залах. Эрик получал удары и отвечал на них; один раз он на несколько секунд потерял сознание, в другой раз провел победное наступление на просторный зал собраний. У него не было клыков, крыльев и хвоста, но свои удары он редко вынужден был повторять, так как был сильнее любого диомеданца.

Ланнахи заняли Манненах потому, что имели больше времени для изучения тактики битвы со стесненными крыльями. Такая борьба была настолько чужда инстинкту диомеданцев, как для людей борьба со связанными руками, с применением только зубов. Не готовые к этому дракхоны, как крысы удирали по туннелям в поисках открытого неба.

Через много часов, шатаясь от усталости, Эрик Вейс вскарабкался на плоскую крышу дома на другой стороне улицы. Там сидел Толк, ожидая его.

— Я думаю, что весь город в наших руках,— сказал Вейс.

— Но это еще не победа! — Толк указал на залив.— Посмотри вон туда!

Вейс схватился за парашют, чтобы встать.

Уже не было ни пирса, ни барачных платформ — все окутывал густой черный дым. А плоты и лодки дракхонов собрались на отмелях, создавая нечто вроде моста. По их палубам моряки перетаскивали на берег части катапульта и огнеметов.

— У них хороший командир,— заметил Толк.— Он очень быстро понял, в чем дело; должен сказать, что у наших методов ведения боевых действий есть свои слабости.

— Что Дельп намеревается делать? — прошептал Эрик.

— Подожди немного и сам увидишь! — усмехнулся герольд.— Мы уже ничего не сможем сделать, чтобы воспрепятствовать ему!

Дракхоны все еще имели преимущество в воздухе. Посматривая на низкое и мрачное небо, заполненное дождевыми тучами, проплывающими над бурным морем цвета бронзы, Эрик Вейс увидел, как дракхоны подлетают, чтобы окружить воздушную охрану ланнахов.

— Видишь,— сказал Толк.— Это правда, что их воздушные силы ничего не могут сделать нашей пехоте, но Дельп понял, что это относится и к противной стороне.

Трольвен был слишком хорошим командиром, чтобы дать захватить себя врасплох. Его летающие солдаты отступали,

сражаясь за каждый метр, и через короткое время в воздухе летали только серые перья.

На земле, под прикрытием снарядов, которые метали с плотов по навесной траектории, моряки монтировали подвижную артиллерию. У них ее было больше, чем у ланнахов, и они были лучшими стрелками. Несколько атак пехоты захлебнулось в кровавом беспорядке.

— Разумеется, у них нет нашего автоматического оружия, — сказал Толк. — Но и у нас его нет в таком количестве, чтобы это могло оказать решающее влияние на ход битвы.

Вейс повернулся в сторону Ангрека, который приблизился к ним, и крикнул:

— Не стой здесь! Сойди вниз, собери наших, возьми катапульты! Может быть нам удастся что-то сделать!

— Теоретически, да, — Толк кивнул худой головой. — Я понимаю, что солдаты, сражаясь на земле, могли бы передвигаться от укрытия к укрытию, подкрасться к катапультам и огнеметами и топорами выбить их расчеты. Но практически это невозможно осуществить!

— Так что бы ты сделал? — застонал Эрик.

— Сначала подумаем, что произойдет наверняка, — начал Толк. — Мы, скорее всего, потеряем наши поезда, если их еще не захватили. Я думаю, что они будут сожжены. Таким образом, наше снабжение прекратится. Наши силы разделены. Наши воздушные силы рассеяны. Наземные остались здесь. Трольвея не сможет пробиться к нам, потому что он находится в меньшинстве. Мы здесь в Манненнахе количественно значительно превышаем наших противников. Но с их артиллерией мы не можем мериться силой. Для того же, чтобы продолжать сражаться, мы должны отбросить наши большие щиты и другие новомодные устройства и вернуться к обычной битве в воздухе. Но пехота плохо вооружена для традиционной борьбы. У нас, например, слишком мало лучников. Дельпу будет достаточно только спрятать войско на плотках, под прикрытием огневого оружия, и несмотря на все наше преимущество, мы не сможем до них добраться. Тем временем он держит нас здесь под огнем, отрезанных от пищи и жилья. Дополнительное вооружение, которое произвела наша мельница, бесполезно лежит в Сальменброке. А вскоре, несомненно, подойдут сильные подкрепления Флота.

— К черту все это! — крикнул Вейс. — Мы взяли город, не так ли? Мы можем защищаться до тех пор, пока дракхоны не развалятся от старости.

— А что мы будем есть все это время? — спросил Толк. — Ты хороший инженер, землянин, но слабый воин. Неопро-

вержимым фактом является, что Дельпу удалось разделить наши силы и тем самым он уже победил. Я предлагаю отступить сейчас, пока мы еще можем это сделать.

Неожиданно его спокойствие исчезло, он съехался, закрыл глаза крыльями, и изумленный Вейс заметил у герольда первые признаки старости.

ГЛАВА 14

На палубах продолжались танцы победы, и радостное пение звучало по всему заливу Сагна, отражаясь от окружающих его взгорий. Вверху, внизу, спереди и сзади ноги и крылья сплетались в танце так, что доски трещали. Высоко на мачте игрок добывал высокие звуки из пищалки; внизу большой бубен надсмотрщика, служащий для поддержания темпа работы весел, на этот раз выбивал ритм танца. В кругу фигур, стоящих со сложенными крыльями, мокрой от пота шерстью и блестящими глазами, кружил моряк с женщиной, и сотни плоток гудели песню:

«...Плыть, плыть, плыть, по морю Пива! Полюби меня, родная, И мы вместе поплывем на моем плоту...»

Дельп вышел из каюты на корму и посмотрел на экипаж.

— Через шестьдесят декад состав Флота значительно увеличится, — засмеялся он.

Родонис крепко держала его за руку.

— Я хотела бы... — начала она.

— Да?

— Иногда... да нет, ничего...

Танцующая пара вспорхнула вверх, и ее место на палубе тут же заняла следующая. Доски затрещали под очередной бочкой пива, выставленной в знак победы.

— Иногда я хотела бы быть такой, как они, — наконец закончила Родонис.

— И жить в форкастеле? — сухо поинтересовался Дельп.

— Ну нет, конечно же, нет...

— За отдельную каюту, слуг, красивую одежду и свободное время нужно платить соответствующую цену, — сказал Дельп. Его глаза поблели. — Как раз сейчас я буду платить очередной взнос.

Он коснулся хвостом стены, распростер крылья и ударил ими, поднимаясь в воздух. дюжина вооруженных воинов поспешила за ним. Взгляд Родонис тоже.

Плоты дракхонов тесно сбились под потрескавшимися стенами Манненаха; следы битвы еще не были убраны, потому что моряки спешили отпраздновать тяжело завоеванную победу. Только профессиональные солдаты остались на страже, поскольку никого нельзя было преждевременно предупреждать о возможности нападения. На форкастеле хвалились, что моряк Флота, пьяный, с женщиной на коленях победит трех солдат любой другой расы, будь они даже трезвыми.

Летя над спокойными водами под высоким безоблачным небом, Дельп раздумывал над значением такого хвастовства для морального облика Флота и сопоставлял его с суровой действительностью... Ланнахи сражались как дьяволы. Дракхоны еще победили в этот раз...

Внизу оказалась группа лодок. На одной мачте, украшенной гирляндами, развевался флаг адмирала. Теонакс прибыл сам, вместо того, чтобы вызвать Дельпа к себе. Это могло означать, что он хочет забыть старые распри. Родонис не хотела говорить мужу, что произошло между ней и Теонаксом, и Дельп не заставлял ее делать это; однако было очевидно, что она чем-то вынудила наследника трона вынести оправдательный приговор. Более правдоподобным казалось, что новый адмирал прибыл для того, чтобы присмотреть за этим ненадежным капитаном, который превратил в большую победу невыполненное задание удерживать гарнизон в городе. Иногда случалось, что командир, пользующийся таким уважением, поднимал флаг бунта и пытался стать адмиралом.

Дельп, который не питал уважения к Теонаксу, но чтил его должность, чувствовал себя обиженным таким подозрением.

Он приземлился, как ему было указано, на противовесе лодки и ждал, когда на палубе зазвучит рев приветствия. Ожидание длилось дольше, чем нужно. Подавляя гнев, Дельп перелетел на палубу лодки и упал лицом вниз.

— Встань,— сказал Теонакс безразличным тоном.— Мои поздравления по случаю победы. Ты хотел со мной поговорить? — Он едва сдерживал показную зевоту.— Можешь сейчас...

Дельп посмотрел на сгрудившихся вокруг офицеров, солдат и моряков.

— Если адмирал позволит, я хотел бы поговорить с ним отдельно, только в присутствии самых приближенных офицеров,— сказал он.

— Ах, так? Ты считаешь, что то, что ты хочешь сказать, настолько важно? — Теонакс толкнул молодого офицера, стоящего рядом, и многозначительно подмигнул.

Дельп распростер крылья, затем вспомнил, где находится, и медленно кивнул. Он держал голову так прямо, что у него заболела шея.

— Да, господин, я так считаю, — выдавил он из себя.

— Хорошо... — Теонакс неспешно направился в сторону каюты.

Она была достаточно обширна, чтобы вместить четверых человек, но внутрь вошли только они вдвоем, а так же молодой фаворит, который улегся на полу и со скучающим видом закрыл глаза.

— Адмирал не хочет, чтобы присутствовали советники? — спросил Дельп.

Теонакс улыбнулся.

— А ты сам, капитан, разве не имеешь намерения давать мне советы?

Дельп мысленно посчитал до двадцати, разжал стиснутые челюсти и заговорил:

— Как адмирал пожелает. Я думал о нашей новой стратегии, и эта битва меня немного испугала...

— Я не знал, что тебя может что-то испугать.

— Адмирал, я... Впрочем неважно! Прими во внимание, господин, что враг был очень близок к тому, чтобы победить нас. Они заняли город. Мы перехватили их оружие, которое является таким же хорошим, как и наше, или даже лучшим, в том числе несколько устройств, о которых я никогда не слышал... Оружия было на удивление много, принимая во внимание то, как мало у них было времени, чтобы сделать все это. Кроме того, эта их проклятая тактика сражения на земле... Не как временное действие, например, при захвате плота, но главная тактика боевых действий! Единственная причина, из-за которой они проиграли, это недостаточная координация между силами на земле и в воздухе, а также неподготовленность к возможному изменению обстановки. Они не были готовы моментально отбросить щиты и перейти к сражению в воздухе организованными эскадрами. Но если мы дадим им шанс, они исправят эту ошибку...

Теонакс повел провел когтями по шерсти на плече и хмыкнул.

— Не люблю пораженчества, — сказал он.

— Адмирал! Я стараюсь избежать недооценки противника. Ясно, что свои новые идеи они почерпнули от землян. Но что они еще могут получить от них?

— Гм-м-м... Да... — Теонакс поднял голову. На мгновение в его глазах появилось выражение неуверенности. — И что ты предлагаешь?

— Сейчас они рассеяны,— начал Дельп с растущим энтузиазмом.— Я уверен, что неудача повлияла на них деморализующе. И к тому же они потеряли все свое тяжелое оборудование. Если мы сейчас не дадим им опомниться, то война может закончиться. Прежде всего мы должны нанести решающее поражение всей их армии. Тогда они будут вынуждены уступить и отдать нам эту страну, иначе они полностью вымрут, как насекомые, когда придет их время рождений.

— Да... — Теонакс с удовлетворением улыбнулся.— Как насекомые. Как грязные, паршивые насекомые. Мы не позволим им улететь, капитан.

— Они заслуживают того, чтобы мы им дали шанс,— запротестовал Дельп.

— Это дело высокой политики, капитан, и это буду решать я.

— Прости, господин,— произнес Дельп.— Адмирал,— добавил он через мгновение, не отдашь ли ты часть наших войск под мое командование с приказом атаковать ланнахов?

— Ты же не знаешь, где они сейчас находятся!

— Они могут быть где угодно в горах, господин. У нас есть пленные, которых можно заставить указать нам путь и снабдить нужными сведениями. Разведка утверждает, что ставка ланнахов находится в месте, известном под названием Сальменброк. Хотя... они могли исчезнуть куда угодно... даже провалиться сквозь землю.— Дельп вздрогнул. Его мир состоял из отдельных островов и плоского горизонта на море: склоны гор наполняли его ужасом.— Местность дает множество укрытий. Думаю, наша атака не будет легкой...

— Как ты предлагаешь ее провести? — ворчливо спросил Теонакс. Он не любил, когда во время торжеств, во время победы и обильного пира ему напоминали, что впереди еще много жертв, которые должны были быть понесены в этой войне.

— Нужно вынудить их выступить в открытой битве, господин. Я хотел бы взять наши главные силы, а также несколько местных проводников, которых я заставлю оказать нам помощь, и отправиться от города к городу туда, навверх, сравнивая с землей все, что нам попадется, сжигая леса и убивая животных. Не дать им возможности охотиться с загонщиками, не дать им возможность добывать пищу для женщин и детей. Рано или поздно они вынуждены будут выступить против нас. И тогда я добьюсь победы над ними!

— Понимаю,— кивнул Теонакс.— А если они победят тебя? — тут же добавил он с усмешкой.

— Это невозможно!

— В священных письменах написано: Путеводная Звезда светит не только одному избранному народу!

— Адмирал знает, что война всегда несет в себе какой-то риск. Но я убежден, что мой план гораздо безопаснее, чем ждать здесь, внизу, пока земляне выдумают какую-то новую чертовщину.

Палец Теонакса ткнул в Дельпа.

— Не беспокойся! Ты забыл, что у них скоро кончится еда? Мы можем не принимать их во внимание.

— Я думаю...

— Молчать! — визгливо крикнул Теонакс. — Не забывай, что твои огромные экспедиционные силы оставят Флот без соответствующей защиты. А без Флота, без плотов мы пропали.

— Ах, господин! Не опасайся атаки... — начал с оживлением Дельп.

— Что? Опасаться? — напыжился Теонакс. — Капитан, ты забываешь, что сомнение в компетентности адмирала — государственная измена!

— Я не имел в виду...

— Я не буду делать из этого выводов, — спокойно произнес Теонакс. — Однако, или ты полностью покоришься, моя о пощаде, или вон отсюда!

Дельп поднялся. Его губы приоткрылись, показав клыки: расовый инстинкт, берущий начало у диких предков, призывал его разорвать глотку противнику. Теонакс сжался, готовый позвать на помощь.

Очень медленно Дельп овладел собой. Через мгновение он направился было уже к выходу, но тут остановился, сжав кулаки, и пленка на его крыльях явственно набухла от прилива крови.

— Ну же, — улыбнулся Теонакс.

Словно испорченный механизм, Дельп упал на живот.

— Я унижаюсь, — пробормотал он. — Я съедаю твои отходы, господин. Я заявляю, что мои отцы были невольниками твоих. Как рыба в сети, ловя воздух, я умоляю тебя о прощении.

Теонакс упивался каждым словом. Дополнительное удовольствие приносило ему сознание того, что Дельп так ловко дал поймать себя в ловушку между своей гордостью и желанием служить Флоту.

— Очень хорошо, капитан, — сказал адмирал, когда церемония завершилась. — Благодарю меня за то, что я не потребовал твоего унижения в присутствии всех. Теперь я хочу слышать, что ты хочешь сказать. Мне кажется, что ты говорил что-то об обеспечении прикрытия плотов.

— Да, господин. Я говорил, что плоты могут не опасаться врага.

— В самом деле? Они действительно находятся в открытом море, но не так далеко, чтобы до них нельзя было долететь в течение нескольких часов. Что удержит армию Стада от того, чтобы собраться в горах, о чем ты не будешь знать, и атаковать плоты, прежде чем ты сумеешь прийти к нам на помощь?

— Как бы я желал этого, господин.— К Дельпу немного вернулся энтузиазм.— К сожалению, их командиры не так глупы. Никогда в истории морских войн воздушные силы не были в состоянии победить Флот без поддержки с воды. Самое большое, что они могут сделать, это с огромными потерями занять один или два плота... на определенное время... как во время того налета, когда они унесли землян. Другие суда подойдут и отгонят их. Видишь ли, господин, те, кто находится в воздухе, не могут пользоваться военными машинами: катапультами, огнеметами и так далее, которые сами по себе способны уничтожить морские силы. И одновременно экипажи плотов могут стоять под прикрытием и стрелять, сколько душе будет угодно.

— Ну что ж, верно,— кивнул Теонакс.— Все так очевидно, что повторение этого было бы для меня потерей времени. Однако я понимаю, что по твоему мнению, небольшой группы стражников будет достаточно, чтобы сдержать любую атаку ланнахов.

— Если нам повезет, мы свяжем врага битвой на море, пока не прилечу я с главными силами. Но, как я уже сказал, господин, они наверняка достаточно разумны, чтобы воздержаться от таких действий...

— Ты строишь слишком смелые предположения, капитан,— буркнув, перебил Дельпа Теонакс.— Ты не только предполагаешь, что я отпущу тебя в горы, но даже думаешь, что вручу тебе командование главными силами?

Дельп склонил голову и опустил крылья.

— Прости, господин,— пробормотал он.

— Я думаю, что будет лучше всего, если ты останешься в Манненахе вместе со всей флотилией.

— Как адмирал пожелает. И все же, господин, не хочешь ли ты все-таки обсудить мой план?

— Пусть тебя сожрет Акхан! — рявкнул Теонакс.— Ты хорошо знаешь, что мне не за что тебя любить, но твой план хорош и ты сам лучше всего претворишь его в жизнь. Я назначаю тебя командующим экспедиционными силами.

Дельп имел такой вид, будто только что был поражен молнией.

— А теперь убирайся! — приказал Теонакс.— Официальное совещание мы проведем позже.

— Я благодарю моего господина...

— Убирайся, я сказал!

Когда Дельп вышел, Теонакс обратился к своему фавориту.

— Не беспокойся,— усмехнулся он.— Я знаю, о чем ты думаешь. Этот солдат выиграет свою компанию и станет еще популярнее, а значит, со временем ему в голову может прийти мысль о посягательстве на трон адмирала, так?

— Я только задумываюсь, как мой господин собирается избежать этого,— прошептал дворянин.

— Что может быть проще,— засмеялся Теонакс.— Я знаю такие характеры. Пока продолжается война, с его стороны можно не ожидать никаких предосудительных поступков. Так что пускай пока повоюет. Он победит этих ланнахов, в этом нет сомнений, уж очень ему этого хочется. Потом он отправится в погоню за оставшимися в живых, чтобы довершить дело. И во время этой погони какая-нибудь шальная стрела окажется очень кстати. Такие вещи, к сожалению, случаются. Да!

ГЛАВА 15

Густая атмосфера Диомеда поднимала частицы пыли — центры конденсации воды в более высокие и холодные струи. Поэтому на планете было больше туч и разного рода осадков, чем на Земле. Когда небо было чистым, звезд все равно было видно меньше, а в облачные ночи кругом стоял непроницаемый мрак.

Туман через каменистые долины и высокое солнце Полного Лета перешел в холодный сумрак. Толпы даннахов, расположившихся вокруг Сальменброка, роптали от голода и отсутствия надежды. Само солнце отвернулось от них!

Не горел ни один костер, так как все топливо в округе было уже сожжено. Все срединные земли были уже лишены зверья, незрелых посевов, даже червей и насекомых не было, так как они исчезли в желудках полчищ воинов.

Теперь, в этой страшной темноте, истекающей влажностью, существовал только ветер и быстрые воды, бегущие среди ледников... а так же гора Оборх, извергающая клубы дыма из глубин земли.

Трольвен и Толк оставили позади отчаявшихся предводителей кланов и пошли вверх по узкой тропинке, закрытой туманом, к мельнице, в которой работали земляне.

Только здесь, как казалось, жизнь продолжалась, — огонь пылал, вода из резервуара текла по желобам, заставляя вращаться колеса, брошенные ветром; в мерцающем свете лампадок было видно только движение — тархтение токарных станков и удары молотов. Сверхчеловеческими усилиями Николас Ван Рийн подавил горькие протесты людей Ангрека, и фабрика работала дальше.

— Зачем? — подумал Трольвен. Мысли его были серыми, как тот туман, который клубился вокруг.

Ван Рийн лично поприветствовал их у двери, скрестив на груди мощные руки.

— Как дела, друзья? — спросил он. — Здесь все идет нормально, вскоре артиллерия будет готова.

— На что она нам? — автоматически спросил Трольвен, но тут же поправился: — Конечно, у нас тогда будет возможность сделать Сальменброк неприступным, что означает, что мы сможем здесь окопаться и защищаться от врага, пока не умрем от голода.

— Не говори мне о голоде, — Ван Рийн засунул руку в сумку, вынул оттуда кусок сухого сыра и с грустью осматривал его. — Подумать только, что совсем недавно это был сочный и вкусный швейцарский сыр. Теперь я не дал бы его и крысам. — Тем не менее, он впихнул кусок себе в рот и, скривившись, начал жевать. — Мои проблемы с наполнением желудка более серьезные, чем ваши. Во-первых, высокая температура кипения воды приводит к тому, что кухня на этой планете отвратительна. Повара не имеют понятия о регулировании температуры. Во-вторых, ваник носильщики несли меня весь этот путь от Манненаха только для того, чтобы я сейчас мог умереть с голода, да?

— Нет, — покачал головой Толк. — Он и его друзья приложили все старания, Предводитель Стада, — обратился он к Трольвену.

— Прости меня, — вожак кивнул толстому землянину. — Видишь ли, только что пришло известие, что дракхоны уничтожили Эйсельдрас.

— Этот покинутый город?

— Священный город! Они осмелились поджечь лес вокруг него! — Трольвен напрягся. — Так дальше продолжаться не может! — продолжал он. — Через какое-то время эта страна будет опустошена, что даже если мы и победим, она не прокормит нас. А это означает...

— Я думаю, вы еще можете пожертвовать парочкой лесов, — махнул рукой Ван Рийн. — Это не слишком перенаселенные края.

— Послушай-ка, — жестко произнес Трольвен. — До сих пор я спокойно переносил твое поведение. Я согласен, что ты в принципе прав: выступив всей нашей мощью в решительной битве

с врагом, мы рискуем потерпеть окончательное поражение. Но бездейтельно сидеть здесь, предпринимая всего несколько партизанских вылазок против выдвинутых вперед постов врага в то время, когда он уничтожает весь наш народ! Это верная дорога к гибели!

— Нужно было время,— покачал головой Ван Рийн.— Время для того, чтобы восполнить то, что мы потеряли в Манненахе и на то, чтобы создать новое вооружение.

— Зачем? То, что вы изобретали, нельзя переносить иначе, как с использованием большого каравана. И, что самое плохое, этот сукин сын Дельп, будто бы зная это, уничтожил дорогу!

— Тут ты не прав, Троль,— усмехнулся Ван Рийн.— Мой молодой друг Эрик немного переделал это вооружение. Сейчас оно разбирается, и его можно будет транспортировать при помощи женщин и детей, которые будут нести всего по одной или по две части...

— Я знаю об этом,— прервал его вождь.— Ты уже объяснял это раньше. Но я продолжаю повторять: против кого мы его употребим? Если мы поставим его в каком-то определенном месте, дракхонам будет достаточно избегать этого места. А мы не можем долго оставаться в каком-то районе, так как толпы наших солдат объедят его до голой земли.— Трольвен набрал в грудь воздуха: — Я прибыл сюда не для того, чтобы препираться с тобой, землянин. Я прибыл с посланием Верховного Совета Ланнаха, в котором сказано, что пища в Сальменброке на исходе, так же, как и терпение войска. Мы должны, нет, мы обязаны дать сражение!

— Конечно, надо дать сражение,— невозмутимо кивнул толстяк.— А пока что я хотел бы поговорить с этими вашими надутыми членами Совета.

Он просунул голову в помещение:

— Эрик, мальчик мой, будет лучше всего, если ты немедленно начнешь упаковывать то, что у нас уже есть. Скоро это нужно будет переносить.

— Я понял! — донесся до стоящих снаружи ответ.

— Вот и хорошо. Ты здесь работай, а я немного займусь политикой, чтобы все это хорошо пошло.— Ван Рийн потер волосатые руки, усмехнулся и отправился с Толком и Трольвеном, шаркая ногами, очевидно для того, чтобы показать свою страшную усталость.

Эрик вышел и смотрел Ван Рийну вслед даже тогда, когда тот исчез в стене тумана.

— Да... — наконец прошептал он.— Так всегда. Мы делаем, а он болтает. Да здравствует равенство!

— Что ты имеешь ввиду? — Сандра отошла от стола, возле которого работала, и подошла к нему.

— То, что говорю. И вот думаю, почему я еще не сказал ему это прямо в лицо. Я не боюсь этого жирного паразита и не нуждаюсь в его дерьмовом жаловании!

Эрик махнул рукой на мельницу и на трудолюбивое окружение ланнахов, царящее вокруг него.

— Он говорит — сделай это, сделай то, а сам идет на прогулку. Когда я думаю о том, как он обжирается едой, которая нужна тебе, госпожа, для того, чтобы выжить...

— Разве ты не понимаешь? — Сандра продолжительное посмотрела на юношу. — Нет, я думаю, что ты слишком занят все это время, чтобы спокойно все обсудить. А до этого тебе поручали мелкие задания и ты не познал искусства управления, разве не так?

— Что ты имеешь в виду? — повторил он за ней, как эхо, и посмотрел на Сандру потускневшим взглядом, затянутым туманом усталости.

— Может быть, ты поймешь это позже. Сейчас мы должны спешить. Вскоре мы выйдем из города, и все должно быть готово для пути.

На этот раз она нашла себе занятие на те десять дней, которые прошли со времени битвы за Манненах. Ван Рийн требовал, чтобы все дополнительное снаряжение, которое не взяли на битву из-за нехватки места, было приспособлено к воздушной перевозке. Это требовало определенных изменений, таким образом, чтобы большие элементы из дерева можно было разделить на меньшие и потом соединять их, когда нужно. Вейс этого достиг. Однако, в месте назначения возник бы хаос, если бы не было возможности идентификации каждой части. Сандра разработала систему обозначений и теперь наносила их кисточкой.

Ни у нее, ни у Эрика Вейса не было времени на длительный сон. Они даже не были в состоянии вдуматься глубже в то, на что пригодится их труд.

— Старый Ник говорил что-то о нападении на сам флот... — буркнул Эрик. — Он что, в своем уме? Неужели мы должны садиться на воду и там монтировать катапульты?

— Может быть, — пожала плечами Сандра. Ее голос был равнодушен. — Меня это не беспокоит. Вскоре все должно решиться, так как у нас осталось пищи на четыре земных недели или даже немного меньше.

— Мы можем прожить, по крайней мере, два месяца, вообще не принимая пищи, — сказал Эрик.

— Но мы ослабеем... — Сандра опустила взгляд. — Эрик...

— Да? — он отошел от дисковой пилы с обсидиановыми зубьями, приводимой в движение ветряком, и склонился над Сандрой. Слабый свет плоски отражался в каплях росы, собравшихся в ее волосах и сверкающих теперь, словно драгоценные камни.

— Вскоре мой вклад в работу уже не будет иметь значения... Работа будет тяжелой, требующей сил и умения, которого у меня нет... Разве что сражение, в котором я была бы еще одной лучницей, и то не слишком умелой.— Ее руки побелели, так сильно она сжала пальцы.— Так что, когда придет пора, я уже не буду есть. Ты и Николас можете разделить мою пищу между собой.

— Не глупа! — не выдержал Эрик. Она выпрямилась и отвернулась, сверкнув по его лицу гневным взглядом. Ее бледные щеки покраснели.

— Это ты не будь глупцом, Эрик Вейс! — произнесла она.— Если я смогу обеспечить тебе и ему дополнительную неделю работы полными силами, чтобы голод не мучил вам мысли, тогда я, быть может, спасу и себя. А если нет, то я потеряю только одну или две недели, не имеющие никакого значения. А сейчас возвращайся к машине!

Он мгновение смотрел на нее и сердце стучало в его груди. Потом кивнул и вернулся к работе.

Ван Рийн, непрерывно ругаясь, продвигался по тропинке вниз, к открытому месту, покрытому острой травой, где на краю скалы собрался Совет.

Старейшины ланнахов сидели, словно группа сфинксов на фоне серого неба, и ожидали землянина. Трольвен стоял во главе двойной шеренги ланнахов. Толк же остался рядом с землянином.

— Мы собрались здесь во имя Наимудрейшего,— церемониально произнес вождь.— Пусть солнце и луны осветят наш разум. Пусть духи наших прапратерей дадут нам свои советы. Да не покрою я позором тех, кто жил до меня, и тех, кто придет после меня.— Он несколько расслабился.— Итак, мои офицеры, было решено, что мы не можем здесь больше оставаться. Я привел сюда землянина, чтобы он посоветовал нам. Желаете ли вы объяснить ему, как обстоят дела?

Один из ланнахов, исхудавший старик с гневными глазами, напряг крылья.

— Во-первых, Предводитель Стада, почему он вообще здесь находится? — со злостью фыркнул он.

— По приглашению Предводителя,— объяснил Толк.

— Герольд, не лови меня на слове! Ты знаешь, что я имел в виду. Экспедиция на Манненах была предпринята по его

предложению. Она принесла нам самое страшное поражение в истории. С этого времени он требует, чтобы наши главные силы оставались тут в бездеятельности, в то время как враг опустошает беззащитный край. Я не вижу причины, чтобы мы должны были выслушивать его советы!

В глазах Трольвена мелькнуло беспокойство.

— Есть ли еще какие-то возражения? — спросил он тихо.

Ропот возбуждения пронесся вдоль шеренг.

— Да... да... Пусть ответит, если сможет...

Ван Рийн побагровел и начал надуваться, словно жаба.

— Землянин, ты стоишь перед лицом Совета, — сказал Трольвен, — Что ты ответишь?

Он сел в ожидании, как и другие.

И тут Ван Рийн взорвался.

— Ад и дьяволы! Во имя всех жалких грешников, поджаривающихся в аду! Как долго я должен выносить ваши издевательства, тупые неблагодарные личности? О ты, который там, Наверху, сколькими еще бюрократами и умничающими офицерами ты населил эту Вселенную?..

Он погрозил небу кулаком и продолжал рычать дальше.

— Во имя Сатаны и Адского огня! Это просто невыносимо! Если вы намереваетесь совершить коллективное самоубийство, то зачем бедный старый Ван Рийн должен постоянно вас от этого удерживать? Или вы перестанете меня оскорблять, или я вам всем заткну глотки!..

Он двинулся к ним, словно шагающая гора, рыча от переполнявшего его гнева. Ближайшие члены Совета поспешно отодвинулись.

— Землянин... офицер... господин... прошу тебя! — нерешительно проговорил Толк.

Когда Ван Рийн решил, что произвел достаточное впечатление, тон его излияний несколько смягчился.

— Ладно, черт с вами. Я вам дам кое-какие полезные советы... Хотя я и прежде давал вам отличные советы. А вы все портите и сваливаете вину на меня. Но я бедный и терпеливый старик, не такой, каким я был в молодости, нет, я выношу это с христианской покорностью и продолжаю давать вам добрые советы. И я предупреждал вас, — продолжал он, — да, да, предупреждал, не атакуйте сначала Манненах. Я предупреждал, говорю это еще раз! Я говорил, что там плоты подойдут под самые стены, а плоты составляют мощь Флота. Так вот, я упал на свои бедные коленки, вымаливая милость и умоляя вас, чтобы сначала занимать главные города на высотах. Но нет, вы не хотели меня слушать. И, несмотря на это, мы и так заняли

Манненах, но победа наша пропала зря. Ах, если бы у меня были такие ангельские крылья, я сам бы повел вас! Я возвещал бы сейчас о победе пением на мачте адмиральского плота, клянусь митрой святого Николая. И поэтому с этих пор вы будете слушать мои советы; нет, черт возьми, мои приказы! Никаких возражений с вашей стороны, или я умываю руки и сам доберусь домой. С этого момента, если вы хотите остаться в живых, то когда старый Ван Рийн крикнет «прыгай», вы должны прыгать! Понятно?

Он остановился. Он слышал свое астматическое дыхание, а так же ропот неудовольствия, доносившийся из лагеря, плеск воды о скалы чужого мира... и ничего больше.

Слово взял Трольвен.

— Если, — начал он тихим голосом, — мы решим, что землянин дал ответ на вызов, мы можем перейти к делу.

Никто не отозвался.

— Хочет ли землянин вновь взять слово? — спросил Толк. Он один сохранял хладнокровие, с критическим удовлетворением наблюдая прекрасное актерское мастерство толстяка-землянина.

— Да! — вскричал Ван Рийн. — Я сам знаю, что мы можем, а что не можем! Так вот знайте, что мы в самом деле не можем остаться здесь! И тогда вы справедливо можете спросить, почему же я тогда за то, чтобы держать здесь войско, как на привязи, позволяя этому негодяю Дельпу делать все, что заблагорассудится! — Ван Рийн начал отсчитывать на пальцах: — Во-первых, непосредственная атака была бы ему на руку; вероятнее всего, он победил бы нас, поскольку его войска более многочисленны и не так изнурены голодом, к тому же сам ход кампании значительно поднял их моральный дух. Во-вторых, он не подойдет к Сальменброку, пока мы здесь находимся, потому что здесь мы могли бы его побить. Оставаясь на месте, войско дало мне возможность закончить перевооружение. У нас появилась артиллерия. В-третьих, я надеюсь, что из-за этой проволоочки, во время которой работала мельница, я получил шанс на победу.

— Что?! — вырвался крик из плоток членов Совета, забывших о церемониале.

— Ага! — Ван Рийн прикоснулся указательным пальцем к своему импозантному носу и подмигнул. — Я говорю вам — увидим! Может быть, сейчас вы думаете, что я дряхлый старик, которому следует угасать в постели со стаканом горячего грога и сигарой в руке? Так вот знайте — я торговец из Политехнической Лиги, а это вам не что попало! Поняли? Вот и хорошо. Я предлагаю всем уйти отсюда и направиться на север.

Поднялся ужасный переполох. Ван Рийн терпеливо ждал, пока все утихнет.

— Спокойствие! — крикнул Трольвен.— Тихо! — Он ударил хвостом о землю.— Смирно, офицеры! Землянин, мы уже говорили о том, чтобы навсегда покинуть Ланнах, впрочем, мы говорим об этом все чаще, по мере того, как дух в народе падает. Мы все еще могли бы добраться до болот Килну и пробыть там какое-то время, чтобы спасти большинство наших женщин и детей в Пору Рождения. Но это означает, что мы должны бросить наши города, поля и леса, все, что у нас осталось, все, что наши предки добыли тяжелым, изнурительным трудом на протяжении сотен лет. Это означает также, что нам грозит чудовищное одичание, жизнь в темных джунглях, эпидемии, жалкое существование... Я скорее желал бы погибнуть в битве, чем выбрать такую жизнь! — Он набрал воздух в легкие.— Но Килну, по крайней мере, находится на юге. На север от Ахана — лед!

— Совершенно верно,— подтвердил Ван Рийн.

— Так что, мы должны умереть от голода и холода на ледниках Даврнах? Ближе, чем там, мы не можем приземлиться, потому что разведчики Флота заметят нас в любом месте Хольменаха. Пожалуй, мы должны вступить в нашу последнюю битву на архипелаге!

— Нет! — загремел опять Ван Рийн.— Нужно пробраться в этот Даврнах! Мы возьмем второй завтрак... то есть пищу где-то дней на десять, топливо и оружие.

— Зачем? Ты предлагаешь, чтобы мы атаковали Флот с севера? Это будет атака отсюда, откуда противник не ожидает, согласен. Но должен сказать, что это будет безнадежная атака!

— Неожиданность необходима для моего плана,— произнес Ван Рийн.— Но солдатам ничего говорить нельзя! Представьте, если хотя бы одного из них схватят в какой-то стычке. Они же смогут заставить его сказать все, что он знает. Мне жаль, что я изложил свой план даже вам!

— Довольно! — крикнул Трольвен.— Ты еще не рассказал нам суть своего плана! Хотя все равно из него ничего не выйдет. Может быть, технически такое выполнимо, но политически — невозможно.

— Снова политика! — застонал Ван Рийн.— В чем дело на этот раз?

— В людях! Воины, женщины, дети и все остальные должны отправиться в Даврнах; им нужно сказать, зачем мы туда летим. А ведь весь этот план, как сам ты говоришь ни на что не будет годен, если хотя бы один человек попадется в руки врага и под пыткой скажет все, что знает.

— Но он не должен ничего знать,— пожал плечами толстяк.— Единственное, что можно довести до их сведения, так это то, что

они должны набрать немного пищи и дров, чтобы взять с собой. И еще — надо будет сказать, что потом мы перенесем все это в какое-то другое место, а вот какое, не скажем.

— Мы не дракхоны! — гневно произнес Трольвен. — Мы свободный народ. Я не имею права принимать столь важные решения, не вынося их на голосование всего народа.

— Гм... Может быть ты мог бы с ними поговорить? — Ван Рийн дернул себя за усы. — Произнеси им речь. Уговори их, чтобы они отказались от своего права на осведомленность и принятие решения. Уговори их, чтобы они пошли за тобой, не задавая вопросов.

— Нет! — покачал головой Толк. — Я специалист в искусстве уговоров и знаю границы этого искусства. Сейчас мы уже имеем дело не со Стадом, а скорее с толпой — замерзшей, голодной, без тени надежды, без веры в руководство, готовой отдать все, только чтобы ринуться в бой и победить или умереть. Им не хватит силы духа, чтобы пойти за кем бы то ни было в поход за неизвестным.

— Дух можно закалить, — сказал Ван Рийн. — И это я попробую.

— Ты?!

— Я не так плох в речах, когда нужно. Я обращаюсь к ним!

— Они... они... — Толк смотрел на землянина с изумлением. Потом он засмеялся, но в этом смехе звучала ирония.

— Пусть будет так, — решил Предводитель Стада. — Мы послушаем, какие слова найдет землянин, слова, которые будут лучше, чем наши.

А часом позже он сидел на краю обрыва, видя перед собой народ Ланнаха и слушал бас Ван Рийна, который прорывался сквозь туман, словно раскаты грома.

— Итак, я говорю: взвесьте то, что вы имеете и что у вас могут отобрать:

...О этот трон царей,
Величественный остров,
Божественен Иктанис,
Второй Эдем, частица рая,
Твердыня, что заслоном ото зла
Себе воздвигла Мать-Природа.
Будь счастлив ты, народ ланнахов...*

— Ничего не понимаю, — шепнул Толк.

* Ван Рийн использует в своей речи искусно подогнанные под ситуацию цитаты из произведений В. Шекспира.

— Успокойся! — ответил Трольвен. — Дай послушать. — В глазах вождя появились слезы, он весь дрожал.

...Блаженный сад, жемчужина,
О ты, Ланнах...

Солдаты захлопали крыльями, и из недр их грудных клеток вырвался мощный гортанный вопль.

Ван Рийн продолжал свою речь соответствующе переработанными фрагментами погребальной речи Перикла и речи Линкольна в Геттисберге. Когда он закончил, то, если бы захотел, мог бы стать Верховным Вождем ланнахов.

ГЛАВА 16

Остров, называемый Даврнахом, находился далеко за пределами архипелага, в нескольких сотнях километров севернее Ланнаха. Несмотря на скорость полета Стада, прерываемого только короткими привалами на скалистых островках, дорога к месту назначения заняла несколько земных дней и представляла собой кошмар для людей, которых несли в транспортных сетках. Позже Эрик вспоминал путешествие словно сквозь туман.

Когда он оказался на берегу острова, являвшегося целью их перелета, то едва держался на ногах, и первым чувством, которое он испытал, было чувство огромного облегчения.

Лето и здесь было в разгаре, но несмотря на это, север был севером — воздух был наполнен небольшим морозцем, и Эрик начал понимать, почему Толк говорил, что никто не пытался поселиться здесь. Острова Хольменах изменяли направление холодного течения океана к северу, к морю Ледовых гор, и эти холодные воды омывали Даврнах.

И вот Стадо, крыло за крылом опускаясь с неба, достигло цели путешествия: омываемых тяжелыми и темными приливами черных песков, взбирающихся вверх через вечные льды к пылающей глотке вулкана.

Тонкие и прямые деревья попадались тут и там в нижней части склона, между островками зарослей; морские птицы ныряли за чем-то съестным в холодные воды океана; солнце, скрытое за тучами, отбрасывало на землю отблески цвета засохшей крови.

Сандра дрожала. Вейс с ужасом заметил, как она похудела. А теперь, когда они уже добрались сюда, в последней фазе усилия, и может быть и жизни, это ее решение ничего не есть...

Эрик увидел, что она еще теснее завернулась в вонючую куртку из ткани, сделанной ланнахами. Ветер подхватил ее волосы и разметал в воздухе на фоне вулканических скал. Вокруг нее около десяти тысяч ланнахов сидели на земле, ходили, кружились и хлопали крыльями; крик и свист нечеловеческой речи, грохот бьющих по воздуху перепончатых крыльев заглушали пустой стон ветра. Когда Сандра протерла глаза трогательным жестом маленького ребенка, Эрик Вейс отметил про себя, что ее некогда красивые руки были растерты до крови в тех местах, где прикасались к сетке; он заметил также, что Сандра чуть ли не валилась от усталости.

Эрик почувствовал, что его сердце забилося сильнее, и непроизвольно направился к ней. Но первым около девушки оказался Николас Ван Рийн, жирный и грязный, издавая крики утешения.

— Ничего, ничего, моя девочка, мы-таки добрались сюда и скоро, очень скоро я заберу вас домой, в ванну с горячей водой! Клянусь святым Дизмой, я сделаю это!

Принцесса Сандра Тамарин, наследница трона Великого Княжества планеты Гермес, слабо улыбнулась ему и прошептала:

— Я хотела бы только немного отдохнуть...

— Да-да, дорогая. Сейчас будет сделано! — Он засунул два пальца в рот и издал оглушительный свист, который привлек внимание Трольвена.

— Эй, ты там! Найди госпоже пещеру или нечто подобное, и помоги ей расположиться там на отдых!

— Я? — Трольвен едва сдержал плев.— У меня на шее целое стадо!

— Ты что, не слышал, что я сказал, бестолковщина? — Ван Рийн захромал в сторону Эрика, который, остолбенев от изумления, застыл на месте.— Теперь ты! Приготовься к работе! Собери команду — столько, сколько нужно для начала!

— Я... — Вейс попытался собраться с мыслями.— Послушайте, со времени последнего отдыха прошло не знаю сколько часов, и...

Ван Рийн взорвался оглушительным воплем:

— А сколько недель прошло с того времени, когда у меня во рту была сигара или хотя бы маленький плоток джина? О других ты не беспокоись, да? — Толстяк обратился к нему свой крошечковатый нос и затряс поднятыми руками: — Неужели я один должен все делать? О ты, там, Наверху, зачем ты заполнил Галактику лентяями и бездельниками?! Это невыносимо!

— Ну... — Эрик увидел, как Трольвен отводит Сандру в место, где она могла бы поспать, забыв хотя бы на несколько

часов о холоде, боли и одиночестве. Он сжал пальцы в кулаки: — Хорошо! А вы — что будете делать именно вы?

— Я должен заняться организацией, малыш. Сначала Трольвен выделит группу, которая займется рубкой деревьев и сооружением мачт, рей и весел. Тем временем полотно, которое мы взяли с собой, нужно как-то превратить в паруса... остается еще такелаж, постройка помещений для приема пищи и сна... Фи! Это только детали. Я не буду заниматься этим! Для деталей я нанимаю таких людей, как ты!

— Конечно, зачем заниматься какими-то деталями, есть же вещи поважнее, — попытался сострить Эрик.

Маленькие серые глазки Ван Рийна некоторое время внимательно буравили Эрика.

— Значит так... — наконец пробурчал торговец. — Ты тоже начинаешь отчаиваться? Ты, может быть, думаешь, что раз я стар, слаб и не так вынослив, как тогда, когда я был молод, то только извлекаю выгоду из твоей работы, да? Сейчас слишком мало времени на то, чтобы добавить немного смазки в твои мозги. Может быть ты сам научишься жить!

Он шелкнул пальцами.

— Марш за работу! Потом будем разговаривать!

Эрик ушел, проклиная себя за то, что не двинул этого старого кабана в живот. Но на это еще придет время! А сейчас, Ван Рийну удалось попасть в такое положение, в котором он был авторитетом для ланнахов. И это он! А не Эрик, который в основном делал всю работу!

Но идея все же толстяка. От этого не уйдешь. Да, это Ван Рийн высказал мнение, что такой остров, как Даврнах, полный айсбергов у берегов и ледников на поверхности, представлял неисчерпаемый источник строительного материала. При помощи каменных долот можно было в течение нескольких часов обтесать ледовое судно, такое же большое, как любой плот дракмонов.

Для того, чтобы выровнять поверхность, можно воспользоваться самой примитивной горелкой, состоящей из масляной лампадки с меховой гармошкой для подачи воздуха. В отверстиях, сделанных во льду, можно поместить простую мачту и рулевой рычаг; используя замерзающую воду, как вяжущий материал, можно надежно установить их на плоту. Если бы за такую работу взялось большинство Стада — мужчины, женщины, старики, молодые — то за неделю можно было бы создать флотилию такую же большую, как весь Флот дракмонов.

Конечно, только инженер спроектирует всю эту технологию. Какой глубины должно быть отверстие для закрепления мачты? Каким образом произвести прямое резание в блоке льда

неправильной формы и длиной в несколько сотен метров? Как выгладить низ, чтобы уменьшить трение? Строительный материал легко таял, и его можно было укрепить, разливая по законченному корпусу несколько ведер смеси опилок и морской воды, которая, замерзая, создаст нечто вроде брони. Но в какой пропорции смешать опилки и воду?

Не было времени проводить необходимые эксперименты. Каким-то образом, с божьей помощью и по счастливой случайности, имея против себя все стихии, Эрик Вейс должен был получить ожидаемые результаты.

А Ван Рийн? Что внес в дело этот толстяк? Только общую идею, небрежно оброненную; словно Вейс был джинном Алладина, который мог исполнять все желания. Это были наверняка проблески интуиции, развитого воображения, это нельзя было отрицать. Но воображение немного стоит в этом мире...

Каждый может сказать: «Нам нужно новое оружие, которое можно сделать из таких-то и таких-то ранее не применявшихся материалов...» Однако все останется только в сфере бесплодного воображения, пока не найдется кто-то, кто сможет сообразить, как сделать то, что было задумано.

Закабалив таким образом своего инженера, Ван Рийн промаршировал дальше, заставляя работать одну часть Стада вежливостью, другую — силой. А когда уже все были запряжены в тяжелый труд, он вытянулся одеяле и заснул!..

ГЛАВА 17

Эрик Вейс стоял на палубе корабля «Рийнстаффель» и наблюдал, как из-за горизонта появляется неприятельский флот.

Он медленно опустил руку в сумку, пришитую к поясу. Его пальцы сжались на кусочке черствого хлеба и ломтике засушенной колбасы. Это была последняя порция земной пищи, которая оставалась у него; уже много дней он уменьшал себе рацион питания, чтобы вступить в бой, имея что-нибудь приятное в желудке. Но сейчас он совсем не хотел есть.

Лед морозил ноги неожиданно слабо. Теплый воздух моря Ахан прогонял холод, идущий ото льда. Эрик не удивлялся тому, что в течение недели, когда они плыли на юг, лед растаял лишь незначительно — он знал тепловые свойства воды.

Сзади, за его спиной, наполненные ветром, громко хлопали примитивные квадратные паруса, привязанные к реям, которые

были укреплены на перегруженных одночастных мачтах. Корабли из льда были массивны, но в то же время более обтекаемой формы, чем корабли дракхонов. Ван Рийн использовал свои невероятные ораторские способности, чтобы заставить сопротивляющихся ланнахов работать под водой для того, чтобы выгладить нижнюю часть. Теперь же, при попутном диомеданском ветре Военный Флот ланнахов плыл, покачиваясь на волнах Ахана со скоростью в добрых пять узлов.

Однако самый трудный момент наступил не тогда, когда все надрывали жилы, чтобы закончить постройку. Он пришел позже, когда они были почти готовы отправиться в путь. В этот момент ветер изменил свое направление. Тысячи ланнахов жались от отчаяния под холодным дождем, ища рыбу и гнезда птиц, чтобы накормить детей, плачущих от голода. Члены Совета и предводители клана доказывали, что невозможно вести борьбу с судьбой, что нет иного выхода, как поддаться и искать убежище в болотах Килну. Каким-то образом, угрожая, стеля, умолая, обещая, а несколько раз и подкупая при помощи того, что он выиграл в кости, Ван Рийн сумел удержать их на Даврнахе.

Но теперь все было позади.

Торговец вышел из маленькой каюты, построенной из камня, прошелся по палубе, посыпанной песком, рядом со стоявшими на ней военными машинами и кучами метательных снарядов, пока не добрался до носа, где стоял Вейс.

— Лучше съешь все сейчас, — сказал толстяк, словно читая мысли Эрика. — Потом будет уже поздно.

— Я не голоден... — покачал головой Вейс.

— Ах, нет? — Ван Рийн вырвал еду из его рук. — Зато я, черт побери, голоден! — И стал запихивать в рот хлеб и колбасу.

На нем снова был двойной панцирь, но на этот раз торговец остановился только на одном виде оружия — мощном каменном топоре с рукояткой метровой длины. У Эрика Вейса на боку висел гораздо меньший топорик, зато в руке он держал щит. Вокруг землян кишели вооруженные ланнахи.

— Они, конечно, уже готовятся к встрече с нами, — кивнул, разговаривая с полным ртом, Ван Рийн.

Эрик остановился взглядом на узких лодках противника, плывущих по направлению к ним на веслах против ветра.

— А ты что, ожидал красную дорожку в знак приветствия? — захохотал торговец, заметив, куда смотрит Вейс. — Я могу поспорить, что они увидели нас с воздуха уже много часов назад. Теперь они поспешно шлют юнцов в армию, находящуюся внутри Лавнаха, — Ван Рийн поднял вверх последний кусочек колбасы, с благоговением поцеловал его и съел.

Вейс посмотрел назад. Их судно было флагманским. Так было решено, когда выяснилось, что оно самое быстрое. Оно занимало положение в вершине огромного клина. За ним плыло несколько десятков серо-белых неуклюжих корабликов со рваными парусами. Их было, конечно, меньше и вооружены они были хуже, чем плоты дракхонов; им оставалось только надеяться, что превосходство врага не будет слишком подавляющим. Значительно более низкий свободный борт имел для расы крылатых небольшое значение; куда более важным был тот факт, что ланнахи не были настолько опытными моряками, чтобы...

Однако, по крайней мере, они были отважными воинами. Как тигры с крыльями, подумал Вейс. Во время путешествия на юг они отдохнули, отъелись дарами моря, и воля к победе вновь наполнила их сердца. Хотя флот ланнахов численно уступал противнику, воинов на его палубах было, пожалуй, больше, даже если к дракхонам присоединятся солдаты армии Дельпа.

К тому же ланнахи могли позволить себе пойти на риск. Их женщины и дети остались на Даврнахе, остались вместе с Сандрой, бледной и сейчас уже почти немощной... Ланнахи не взяли с собой имущества, о котором должны были бы беспокоиться. Весь их багаж составляли оружие и ненависть.

Герольд Толк выплыл из тучи прямо над головами землян. Он затормозил распростертыми крыльями и приземлился, наклонив шею, словно лебедь, чтобы присмотреться к землянам.

— Все ли идет хорошо здесь, внизу? — спросил он.

— Насколько это возможно, — ответил Ван Рийн. — Мы пока еще движемся по направлению к этому вшивому флоту?

— Да. До него осталось несколько буасков. Скоро вы увидите их основные силы. Они пытаются с помощью ветра и весел уйти с нашего пути, но если ветер удержится, то им это не удастся...

— Армии Дельпа не видно?

— Еще нет. Я думаю, что этот новый адмирал, о котором мы слышали от пленных, уже выслал посланцев в горы. Но горы велики. Пройдет немало времени, прежде чем они их найдут, — тут Толк фыркнул с профессиональным презрением. — Я бы, например, поддерживал постоянный контакт при помощи двухсторонней связи свистунов...

— Несмотря на все, — прервал его Ван Рийн, — их нужно скоро ждать, а это означает, что с их прилетом для нас начнется сущий ад!

— Ты уверен в том, что мы можем...

— Ни в чем я не уверен! А сейчас возвращайся к Трольвену и продолжай вести наблюдение!

Толк кивнул и снова поднялся в воздух.

Темная, пурпурного цвета вода белыми гребнями пены вздымалась к небу, где тучи играли, словно какие-то диковинные животные, окрашиваемые солнцем в немыслимо розовые тона. В нескольких километрах от Вейса был четко виден маленький островок; через подзорную трубу Эрик мог видеть кучки желтоватых цветов под деревьями. Над его головой ныряла и снова взмывала в воздух пара молодых свистунов. Нелегко было осознать, что плывущие так близко узкие лодки, вырезанные из льда, несли на себе огонь и острые камни.

— Ну,— проворчал Ван Рийн,— вот и начинается наш бал. Добрый святой Диомас, возьми меня под свою защиту!

— Пожалуй, святой Георгий был бы сейчас больше к месту, как вы считаете? — попробовал пошутить Вейс.

— Тебе, может, кажется, что это так. Но я слишком стар и труслив для того, чтобы призывать Михаила, Георгия, Олафа или каких других более могущественных святых. Я чувствую себя лучше в обществе не столь энергичных особ: например, святого Диомаса, столь полезного для странствующих.

— Но нельзя забывать, что он — покровитель разбойников, промышляющих на дорогах,— с горечью ответил Эрик.— Разве не так?

Сейчас он чувствовал себя препаршиво. В горле першило, язык колом торчал в глотке. В ногах была слабость. В принципе он не ощущал страха, но тем не менее, колени его подгибались.

— Йа-а-а! — загудел Ван Рийн.— Хороший выстрел, мой мальчик. Я не ошибся в тебе!

Передняя баллиста на «Рийнстаффеле» со свистом и шумом точно уложила полутонный камень как раз посередине ближайшей лодки неприятеля. Та немедленно переломилась, словно спичка; команду повыбрасывало в воздух, и на нее ринулся отряд летучих солдат Трольвена. Настал момент убийственной неразберихи, и через мгновение дракхоны перестали существовать.

Ван Рийн схватил изумленного командира баллисты в объятия и закружился с ним по палубе, распевая во всю глотку:

«Ты мой солнечный свет, Мой единственный солнечный свет, Только ты приносишь радость...»

Приблизилась другая лодка дракхонов. Вейс заметил, как расчет огнемета склонился над своим орудием, и это заставило его тут же упасть под низкий ледяной борт, окружающий палубу.

Струя огня достигла борта, отразилась от него и разлилась по морю. Она ничего не смогла сделать замерзшей воде. Даже растопить ее она не могла так, чтобы это имело какое-то значение для лодки. Из защищенного места посередине судна сотня

ланнахов высала вверх дождь стрел, которые пронесли по небу и упали на лодку врага.

Вейс выглянул из-за борта. Заряжающий огнем был мертв; воина, державшего ствол, сковала стрела, которая пробила ему крыло... Рулевого не было видно, очевидно, убитый или раненый, он упал в море. Лодка стала неуправляемой, боло на мачте описывало свои смертоносные круги, и экипаж дракхонов сжался на дне, не желая попадаться на его пути.

— Полный вперед! — рявкнул Эрик. — Таранить!

Корабль ланнахов раздавил лодку своей тяжестью.

Лодки дракхонов, словно стая волков вокруг стада буйволов, кружили вокруг ледяных судов ланнахов, используя свою скорость и более высокую маневренность. Некоторые прорывались сквозь строй ланнахов, чтобы атаковать с тыла; другие отходили еще дальше, за края клина. Потери несли обе стороны: стрелы, снаряды катапульта, камни, метаемые вручную — все это доставляло неприятности ланнахам. Сосуды с пылающим маслом, перебрасываемые через воду, взрывались на ледяных палубах, тут и там огонь охватывал паруса и мачты. Но крылатые существа с удивительной легкостью могли погасить огонь, разъедающий такелаж. За все время битвы только один корабль ланнахов полностью потерял мачту, и экипаж попросту его бросил, перебравшись на другие суда. Кроме мачт, ничто не могло загореться, за исключением тел солдат, которые, однако, являются самым дешевым военным материалом...

Несколько лодок собралось у одного корабля, пытаясь взять его на abordаж. Однако их экипажи находились в значительном меньшинстве и дорого заплатили за эту попытку. Тем временем силы Трельвена полностью контролировали пространство, наступали, метали снаряды, наносили удары.

Лодки дракхонов какое-то время все же сдерживали наступательный порыв ланнахов. Но время шло, и вскоре все они были протаранены, подожжены, разбиты, оттеснены в сторону непотопляемым врагом.

Только потому, что он был первым и своей мощью сразу же прорвался сквозь фронт врага, «Рийнстаффель» натолкнулся на сопротивление, впрочем быстро подавленное с помощью баллисты, катапульта, сосудов с горящей жидкостью и стрел. За ними горело и дымилось само море; перед ними же находились большие плоты дракхонов — основная мощь врага.

Когда паруса плотов оказались в поле зрения ланнахов, команда Эрика затянула победную песнь Стада.

— Несколько рановато, мне кажется, — Эрик старался перекричать шум.

— Ну их,— тихо произнес Ван Рийн,— пусть теперь потешатся. Многие из них вскоре погибнут и пойдут кормить рыбок, не так ли?

— Пожалуй... — начал Эрик, но поспешно сменил тему, словно испугался всего того, что сделал.— Мне нравится эта песенка, а вам? Она немного напоминает мне старые американские народные песни, например, «Джон Харди».

— Народные песни хороши, но если кто-то их любит, то в глубине души он деревенщина,— фыркнул Ван Рийн.— Что касается меня, то я предпочитаю Моцарта.

Он смотрел на воду, и в его голосе зазвучала особая тоска.

— Я всегда надеялся, что однажды, еще до того, как я умру, мне удастся понять Баха, старого Иоганна Себастьяна, который разговаривал с Господом Богом языком звуков и математики. Однако моей старой глупой голове не хватает ума.

Со стороны Флота слышались крики. Медленно и тяжело, молотя воду тонкими, словно паучьи ножки, веслами, плоты формировали боевые порядки, оставив попытки принять бой в более выгодной для них позиции. Ван Рийн гневно махнул свистуну:

— Быстро! Лети вверх и скажи этому балбесу Трельвену, чтобы он не морочил себе голову охраной нас от лодок. Пусть он атакует плоты. Пусть он займется ими! Нельзя позволить посланцам неприятеля свободно перелетать от одного капитана к другому, чтобы они смогли организовать!

Когда свистун улетел, торговец потрепал свою козлиную бородку, уже почти полностью потерявшуюся в густой, жесткой от грязи щетине.

— Ко всем чертям! — рявкнул он.— Как долго я еще один буду думать за всех! Добрый святой Николай, хранитель мой, пришли мне с неба штабного офицера, у которого между ушами находилась бы хоть крупинка мозгов, а не взболтанная овсянка, и я поставлю тебе собор на Марсе! Слышишь меня?!

— Трельвен находится в центре битвы там, наверху,— запротестовал Эрик.— Он не может думать обо всем!

— Может быть, и нет,— ворчливо согласился торговец.— Может быть, он единственный в Галактике, кто не совершает ошибок.

Когда Трельвен последовал его советам, то словно шторм обрушился на находившуюся поблизости группировку плотов. В пурпурном хаосе переплелись сражающиеся дьяволы с крыльями летучих мышей. Эрик Вейс отметил, что в этой смертоносной путанице подход его корабля должен остаться почти незамеченным.

— Они не могут сомкнуть строй! — крикнул он, ударя кулаком по борту. — Богом клянусь, не могут!

На палубу приземлился свистун, харкая кровью, в его бок зияла страшная рана.

— Там... Герольд Толк говорит... пустое место... вбит клин во Флот... — Худое тело посланца изогнулось и бессильно опало на палубу. Вейс склонился и подхватил молодого ланнаха на руки. Он услышал бульканье в легких, пробитых сломанными ребрами.

— Мама, мама... — тяжело стонал свистун. — Он ударил меня топором... Мамочка... не дай мне так страдать!

Через мгновение он был уже мертв.

Ван Рийн проклятиями, которые он метал в команду, вызвал изменение курса, не больше, чем на несколько градусов, так как его плот на большее и не был способен; но когда плоты противника были совсем уже близко, с ледяной палубы отчетливо было видно, что в линии дракхонов зияет широкая брешь. Атака Трольвена до сих пор не позволяла ей захлопнуться. Красная от крови вода, устланная оброненными копьями и луками, словно кровавая стрела указывала направление к плавающему дворцу адмирала.

— В середину! — орал Ван Рийн. — Лупите их! Съешьте их на завтрак!

Над бортом с шумом пролетел снаряд, выпущенный из катапульты. Ван Рийн засмеялся, но уже следующий разорвал у него рукав и сыпанул осколками льда в том месте, куда упал. Три струи жидкого огня через мгновение сосредоточились на «Рийнстаффеле».

Огненные пальцы поползли по палубе, настигнув одного из ланнахов, который с криком упал, а тело его тут же обуглилось в местах соприкосновения с огнем. Огонь добрался до парусов. На этот раз не было сигнала лить на них воду, и мачта, такелаж и полотно, пропитанное маслом, запылало как гигантский факел.

Ван Рийн отвернулся от рулевого, которого осыпал страшными проклятиями, и направился поперек палубы. Но уже через несколько шагов он поскользнулся на том месте, где палуба частично растаяла от огня, и поехал на своей широкой заднице, посылая проклятия на весь Космос. Через мгновение он все же встал и дохромал до правой ванты, где принялся рубить канат каменным топором.

— Сюда! — закричал он. — Быстрее помогите мне, моллюски! У вас что, мозг оброс шерстью? Быстро, пока мы не проплыли мимо!

Эрик Вейс, который руководил обслуживанием баллисты, забрасывающей снарядами ближайший плот противника, не очень ясно понимал намерения Ван Рийна. Другие поняли это лучше, подбежали с топорами и набросились на ванту. Сам торговец подхватил из кучи одну из масляных бомб, зажег ее и бросил у подножия пылающей мачты.

Отверстие, в котором была закреплена мачта, подтаяло, а когда были перерублены правые ванты, огромный факел, который до того времени держался на них, упал на левую сторону. Он ударил в находящийся там плот. Огонь тут же разгорелся на плоту противника, отгоняя дракхонов, которые яростно пытались спихнуть упавшую мачту со своего судна. Через мгновение загорелся такелаж, затлели доски палубы. Прежде, чем «Рийн-стаффель» отплыл дальше, весь вражеский плот превратился в остров безумствующего огня.

Ледяной корабль ланнахов почти потерял управление, но инерция и случайные течения вели его в глубину порядков уже находящегося в панике Флота. Следующие суда ланнахов уже входили в брешь, столь героически расширенную Ван Рийном.

Между плывущими ледяными монстрами бушевали огнеметы — но, как известно, дерево горит лучше, нежели лед, так что дракхоны в своем усердии больше поражали своих же собственных солдат на других плотях, чем ланнахов.

Сквозь завесу дыма, среди стрел и снарядов, продолжавших лететь сверху, по палубе, устланной убитыми и ранеными, Эрик Вейс направился к ближайшему огнемету. Его расчет готовился поджечь очередной плот, как только течение поднесет их к нему.

— Нет! — закричал Эрик.

— Что? — капитан повернул к нему свое грязное от сажи и крови лицо, его гребень от усталости упал на бок. — Но, господин, они же сейчас зальют нас огнем!

— Мы выдержим это, — прокричал Вейс. — Борту защитят нас. Я не хочу сжигать — я хочу захватить его!

Диомеданец тихо свистнул. Затем он распростер крылья и его глаза заблестели. Он спросил:

— Могу я быть первым из атакующих?

Рядом прошел Ван Рийн, таща за собой топор. Он не мог слышать, о чем говорил Эрик и капитан, но голос его загудел в ответ:

— Йа! Я как раз хотел распорядиться об этом, мальчик. Нам придется судно, способное к маневру!

Приказ передали дальше по палубе, которая заполнилась фигурами вооруженных ланнахов, сжавшихся в ожидании сигнала к атаке. Корабль, который был ни чем иным, как обработанной

льдиной, нес их все ближе к более высокому и мощному плоту. Огонь, камни и стрелы падали на ланнахов, которые стоически переносили удары противника. Эрик послал свистуна вверх, к Трольвену, с просьбой о помощи, и вскоре воздушный отряд стрелами успокоил артиллерию дракхонов.

Трольвен продолжал владеть подавляющим преимуществом. Он был в состоянии поднимать в воздух все новых воинов, спихивая дракхонов на палубы, где они ожидали атаки с воздуха. До сих пор, подумал Вейс, скупые на ласку боги Диомеда благоволили к землянам. Но такое не могло продолжаться вечно.

Эрик двинулся вперед за первой волной ланнахов, которая упала на плот с воздуха, чтобы захватить плацдарм. Он подпрыгнул вверх с поверхности льдины, когда та ударилась о дерево плота, схватился за какую-то балку и вскарабкался на плот. Когда ноги его коснулись палубы, оказалось, что он стоит в шеренге атакующих воинов. Глаза разьедал дым, ползущий со всех сторон, и от него трудно было различить стоящих перед ним в шеренге защищающихся дракхонов.

Возня и крики, доносящиеся сверху, с воздуха, усилились.

Он почувствовал на своем плече прикосновение чьей-то руки и, обернувшись, увидел перед собой поросячьи глаза Ван Рийна.

— Уфф! Что за дьявольский подъем! Жаль, что я не остался. Итак, мой мальчик, мы остались живы. Толк как раз прислал сообщение, что экспедиционные силы дракхонов показались на горизонте и что есть мочи в крыльях чешут в нашем направлении.

ГЛАВА 18

Эрик на мгновение почувствовал слабость. Неужели все кончится обломком кремня в его черепе, когда армия Дельна победит ланнахов?

Неожиданно он вспомнил, как стоял на холодном черном побережье Даврнаха незадолго до отплытия и разговаривал с Сандрой... Может быть, в последний раз?

— Мне будет легче, когда нас победят, — сказал он тогда. — Для меня все окончится быстро. Но ты...

Она на это ответила ему гордым взглядом и спросила:

— Почему ты думаешь, что вы будете побеждены?

...Эрик поднял оружие. Воины, собравшиеся вокруг него, взъерошили перья и с шипением выкрикнули свой боевой клич.

Большинство из них составляли пехотинцы, воевавшие за Манненах; впрочем, на каждом судне находились многие, кого научили основам тактики битвы на Даврнахе. Во время всего путешествия на юг в поисках флота Ван Рийн и военачальники ланнахов шлифовали их искусство. «Вам нельзя присоединиться к нашим бойцам в воздухе», — говорили Толк и Трольвен. А Ван Рийн басил еще о каких-то Вооруженных Силах. «Вы должны оставаться на палубе и будете участвовать в захвате плотов. Весь наш план зависит от того, сколько плотов нам удастся перехватить или уничтожить. Помните, что те, кто будет наверху, прикроют вас». Диомеданский разум неохотно воспринимал эту стратегию. Эрик Вейс не был уверен в том, что она удержится в их головах хотя бы на час, и не оставят ли ланнахи его и толстяка Ван Рийна отрезанными на вражеской палубе, ринувшись в бессмысленное воздушное сражение. Но другого выхода не было, и приходилось сейчас доверять тому, что было сделано за время обучения.

Эрик побежал наверх. Нечеловеческий крик, вырвавшийся из груди атакующих, рвал барабанные перепонки в его ушах.

Перед ним захлопали крылья — это ломались шеренги ведомых инстинктом дракхон, непривычных к битве на суше. В течение веков любой диомеданец, находящийся в здравом уме, атакуя, старался оказаться над противником. Вейс бросился по направлению к позиции, которую дракхоны занимали перед тем, как подняться в воздух.

Поднимаясь со своего стула, моряки пикировали на этого странного нелетающего противника. Кто-то из ланнахов забылся, взвился в воздух, и его немедленно ударили трое нападавших. Беспомощное тело ланнаха, словно марионетка, упало в воды океана. Дракхоны продолжали пикировать вниз.

Но внизу их встретил частокол копий, который словно лес, внезапно вырос над палубой. Многие из воинов бывшей пехоты ланнахов сохранили во время бегства из-под Маннензха свои плетеные щиты, и теперь вновь приняли черепахоподобный вид. Остальные отражали воздушную атаку — а тем временем лучники готовились к решительным действиям.

Эрик Вейс услышал, как раздался зловеющий свист, а мгновением позже пятьдесят дракхонов начали падать в воду.

В следующий миг перед ним вырос один из дракхонов, замахиваясь острым, как нож, трезубцем. Вейс прикрывшись от удара щитом, который задрожал на его левом плече, парализовав мышцы. Пинок, нанесенный ногой в тяжелом сапоге, попал в твердый живот дракхона и на некоторое время перебил ему дыхание. Эрик тут же поднял топорик и ударил, услышав при

этом тупой звук. Диомеданец отскочил в сторону, хватаясь за сломанное крыло.

Эрик направился дальше. Дракхоны, ошеломленные тактикой abordажной группы, толкались в воздухе вне досягаемости стрел.

Женщины дракхонов враждебно ворчали в двери форкастеля, расправив крылья, чтобы прикрыть детей. Но никто не обращал на них внимания — речь шла о том, чтобы захватить артиллерию плота.

Кто-то из находящихся в воздухе дракхонов угадал намерения атакующих. Его ястребинный крик и бросок вниз закончился гибелью от стрел ланнахов, но уже через мгновение целая туча дракхонов оторвалась от висящей в воздухе массы нападающих и ринулась на носовую палубу, занимая позиции перед главной батареей баллист и огнеметов.

— Ага! — тут же загудел Ван Рийн. — Наконец-то они захотели немного размяться. Ну что ж, займемся этим! Доставим ребятам такое удовольствие!

И он слоновой трусой ринулся вперед, выписывая над головой вензеля огромной дубиной. Камень, выпущенный из пращи, отскочил от его живота, другой зацепил щеку; стрелы из духовых ружей испещрили панцирь. Два крылатых ланнаха-телохранителя посадили его вверх, так как голая стена носовой надстройки была без всякой лестницы. Через мгновение Ван Рийн уже находился среди защитников плота.

— Йа, майнтехдвай, — завывал он, разбивая голову ближайшему дракхону. — Бог посылает неверным ночь! — следующий боевой клич торговца раздался тогда, когда он голыми руками схватил трезубец врага, которым тот пытался поразить его. — Фрам, фрам, Квистмен, Крозмен, Кепингмен! — завывал он, выбивая ритм битвы на ребрах грех воинов, которые попались ему под руку. — Йа, йа, йа, — затрубил он, оборачиваясь, чтобы заняться крылатым существом, впившимся ему в спину. Результат немедленно сказался на шее нападавшего.

Вейс и ланнахи поспешили за Ван Рийном. Наступил перерыв в боевых криках. Слышался только стук ударов боевого оружия, шум толчков, хруст ломающихся костей от выпадов, наносимых крыльями и хвостами. Оборона дракхонов развалилась. Ван Рийн бросился к огнемету и принялся орудовать мехами.

— Направьте горловину! — продышал он с трудом. — Выметем их отсюда огнем, болваны!

Один из ланнахов, обрадовавшись, схватил керамическую горловину орудия, нажал деревянный рычаг зажигания и направил струю огня вверх.

На нижней палубе уже раздался грохот баллисты, пение катапульта и свист очередных огнеметов. Группа ланнахов с ледяного корабля смонтировала один из деревянных пулеметов и начала забрасывать остатки защитников плота градом снарядов.

Из носового помещения выбежала женщина и крикнула:

— Они убивают наших мужей! Мы должны помочь...

Ван Рийн прыгнул с трехметровой высоты крыши носовой надстройки. В том месте, где он приземлился доски прогнулись и застонали. Тяжело дыша и размахивая руками, он преградил путь обезумевшему существу и рывкнул на своем родном языке:

— Возвращайся! Немедленно убирайся обратно! Брысь отсюда! Вон! Оставляешь детей без опеки? Что? Ты не знаешь? Да, я пожираю за раз с десяток маленьких дракхончиков! На завтрак с зеленым лучком!

Мгновенно женщина вскрикнула и отступила в носовое помещение. У Эрика от изумления пропал дар речи. Он весь истекал потом... Может быть, опасность и не была такой серьезной... теоретически, толпа женщин могла быть перебита на глазах их детей... но кто бы совершил нечто подобное? Наверняка не Эрик Вейс! Лучше уступить и по рыцарски принять удар копьем.

Неожиданно он понял, что Флот захвачен.

Воздух был все еще настолько насыщен дымом, что Эрик плохо видел, что происходит в других местах. Тут и там возникали на мгновение какие-то образы: брошенный плот, пылающий таким огнем, что его невозможно было уже погасить; ледяной корабль, побитый, без мачты, без экинажа...

Другой корабль ланнахов, на борту которого сгрудилась очередная абордажная группа, штандарт одного из кланов ланнахов, победно развевающийся на чужой мачте...

Вейс не имел возможности оценить это морское сражение в целом — на скольких ледяных кораблях полностью уничтожены экипажи, сколько покинуто воинами, сколько вывели из строя контратаки дракхонов, а сколько еще дрейфовало адалеке от врага. Сразу было известно, подумал он — Ван Рийн говорил об этом открыто Трольвену и Толку — что меньший, хуже обеспеченный, почти необученный флот ланнахов не имеет никаких шансов нанести сокрушающий удар Флоту. Исход этого сражения не решит обмен ударами камней из баллист или огня из огнеметов.

Эрик посмотрел вверх. Над мачтами и такелажем, куда не доставал дым, небо было удивительно чистое. Боевые отряды,

кружащие то тут, то там, были так высоко, что снизу походили на стаю ласточек.

Только сейчас, спустя несколько минут, его неопытный глаз смог охватить всю картину боя.

Имея превосходство в силах над плотами дракхонов, армия Трольвена оказалась в меньшинстве, когда подошли силы Дельпа. С другой стороны, солдаты Дельпа летели много часов подряд к месту битвы, и сейчас им было трудно сражаться с отдохнувшими ланнахами. Понимая это, каждый из противников хотел использовать свое небольшое преимущество: Дельп решил прибегнуть к массовой атаке, а Трольвен предоставил решать исход сражения небольшим группам, каждое мгновение набрасывающимися на врага, кусавшими его, словно волки, нападающие на большого оленя, и тут же отскакивающие назад.

Ланнахи отступили, как только Дельп отдал приказ послать отряд на помощь плотам. Перегруппировав свои силы, Трольвен ударил в один из таких отрядов.

Бой, вспыхнувший под солнцем Полного Лета, не поддавался описанию. Вейс погрузился в созерцание жуткого танца крылатой и неумолимой смерти. Голос Ван Рийна вернул его, хотя и не без труда, к жалкой, бескрылой человеческой сущности.

— Проснись! Может быть тебе приснилось, что ты скалишь клыки и машешь крыльями? Ад и дьявольщина! Проснись! Возьмись за артиллерию, а я пойду отдам приказ рулевому. Ну! — Он гневно повернулся всем своим телом и с шумом и резвостью, напоминающей старинный локомотив, направился на корму.

Все попытки захватить плоты были отражены, и воины Дельпа отступили. Ланнахи без лишних слов взяли за весла и направили захваченные плоты вперед.

Плот, на котором находился Вейс, тоже двинулся вперед. Но уже через несколько минут в просвете отогнанного ветром дыма перед ними возник корпус другого плота. Тотчас же с обоих бортов посыпался град стрел, а оба экипажа столкнулись в воздушном бою на полпути между плотами.

Вейс находился на своем месте, на носовой палубе, управляя огнем боевых машин, метавших камни, стрелы, бомбы; языки огня выбрасывались на несколько метров, бомбы после удара разбрасывали вокруг искры и обугленное дерево.

Он организовал группу воинов с ведрами для тушения пожаров от бомб, падавших с неприятельского судна.

Двухтонная глыба упала на одну из его новых катапульт, унося в ничто обслуживающих ее ланнахов. Те, что остались в живых, в ужасе завопили и начали в панике разбегаться, но Вейс

быстро привел их в чувство и приказал занять места у других боевых машин. Он видел, как рвались паруса, повисали сломанные реи, кучи трупов вырастали на обоих плотках после каждого залпа. И все время где-то в отдаленном уголке его сознания таилась мысль, почему хоть где-нибудь во Вселенной разумная жизнь не прекратит, наконец, уничтожение самой себя.

Ван Рийн не располагал таким экипажем, как какой-то доисторический адмирал Нельсон, чтобы выиграть сражение только за счет артиллерии. Он не хотел брать на abordаж очередной плот, его маленький и неопытный отряд едва ли сумел бы захватить судно дракхонов, не говоря уже о том, чтобы управлять им. Однако он упрямо правил вперед, приказывая рулевому держать курс на сближение, сам тем временем прохаживаясь по палубам, поддерживая обессиленных ланнахов, сидящих на тяжелых веслах. А плот шел сквозь огненную бурю, камень и живые тела, пока не оказался почти у борта вражеского плота.

Тотчас же заревели трубы дракхонов, весла ударили по воде и неприятельский плот резко отпрянул в сторону, покидая свое место в строю Флота, чтобы избежать столкновения.

Ван Рийн позволил им бежать. Взобравшись на главную палубу и воздев руки к небу, он заорал:

— Ага, испугались? Сучья дети, испугались!

— Не понимаю, советник, — с уважением изрек Эрик. — У нас малочисленный и менее опытный экипаж. Они должны были остаться на курсе и атаковать нас. Они ведь могли запросто уничтожить нас, если бы мы не захотели покинуть плот.

— А! — махнул рукой Ван Рийн. — Видишь ли, мой юный и невинный приятель, у них на борту женщины и дети, а так же много ценных инструментов и другого добра. У них вся жизнь связана с плотами. Они просто не могли отважиться рискнуть их целостностью; нам было бы легче поджечь, а может быть, даже и захватить его. Йа! Ад скорее покроется льдом, нежели кто-то разумом превзойдет Ван Рийна!

В небе сражение подходило к концу. Дельпу удалось собрать армию в один кулак и вывести в целости на передовую позицию. Здесь дракхоны бросились в бой для защиты своих плотов. Теперь каждая abordажная группа ланнахов, захватившая плот, внезапно оказывалась в меньшинстве и не имела другого выхода, как ретироваться с захваченного судна, бросая его, даже если это был их собственный ледяной корабль, и присоединялась к Трольвену в небе.

Ланнахи были стойкими бойцами, но сейчас, казалось, не подтверждалась классическая формулировка, утверждающая, что

армия, состоящая исключительно из воздушных сил, не опасна для хорошо защищенной единицы флота. Установив окончательно, кто владеет каждым из плотов, Дельп перегруппировал свои силы и значительную их часть повел вверх, чтобы связать боем усиленные эскадры Трольвена. Если бы им удалось разбить в небе ланнахов, располагая оставшимися у дракхоней плотами вместе с полным преимуществом в воздухе, можно было бы легко отвоевать утраченные плавсредства. Однако Трольвен не сдался так легко. И в то время, как внизу разворачивалась морская битва, в небесах с новой силой завязались воздушные поединки. Но пока что не было видимого превосходства какой-либо стороны.

Так выглядела в общем картина в донесении Толка, которое он доставил час спустя. С моря рассмотреть можно было только, что обе воздушные армии разделились. Летящие войны кружили и пикировали ошеломляюще высоко над головами стоящих на плотках, как два больших скопления точек на фоне рыжеватых облаков. С обеих сторон доносились угрозы, проклятия и оскорбления, однако перестрелка не возобновлялась.

— Что это? — крикнул Эрик. — Что там происходит?

— Временное перемирие, — изрек Ван Рийн. Он поковырял пальцем в зубах, сплюнул и похлопал себя по животу. — Очевидно, ничего не получилось у них, и Толк послал к Дельпу какого-то свистуна со словами: «любопытнее». Как видишь, Дельп согласился.

— Но... но ведь нельзя... Нельзя договариваться с врагом... с дракхонами... Это же чудовища!

Леденящий кровь в жилах рев ненависти пробежал по рядам уставших ланнахов на плоту.

— Нельзя разговаривать с такими зверями! — доказывал Эрик. — Их можно только убивать — третьего не дано! Или мы их, или они нас!

Ван Рийн покосился на него и пробурчал:

— Что это нашло на тебя, парень? Ты говоришь как заправский ланнах.

Эрик покраснел и ничего не ответил.

Ван Рийн продолжал:

— Думаю, что сейчас самое время сказать, что это перемирие было целью всего нашего сражения. Как ты думаешь, парень, а?

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь отважимся признать это, — пожал плечами Вейс.

— Нет, мой мальчик. Это не так. Думаю, что мы вынуждены пойти на это и даже сегодня. Нам остается только надежда на то, что они не нафаршируют нас красным перцем живьем. В конце концов Трольвен и Совет договорятся. Но эти, здесь на

плотах — крепкие орешки.— Ван Рийн пожал плечами.— Да, настает время переговоров. До сих пор все шло гладко. Но вот момент, который ломает человеческие характеры. Йа! Сможешь ли ты пережить эти мгновения?

ГЛАВА 19

Около одной десятой всех плотов выбрались из общей кучи и сгруппировались в нескольких километрах от места сражения.

К ним присоединились те ледяные корабли, которые были еще исправны. Их палубы были полны ожидавшими в напряжении воинами. Это были корабли, захваченные дракхонами.

Другие плоты либо уже догорали, либо были повреждены градом каменных снарядов настолько, что уже и не были похожи на корабли, либо полностью были разрушены к тому времени волнами моря Ахан. Воины покинули их. Между островами кораблей плавало много лодок, разбитых, сломанных пополам, уничтоженных огнем, а иногда и абсолютно целых, но с мертвым экипажем.

Адмирал собрал офицеров Флота. В ходе военного совета выяснилось, что почти половина экипажа и кораблей уничтожена ланнахами. Множество плотов было повреждено так, что оказалось практически бесполезно. Если бы Флоту удалось выставить хотя бы половину своих обычных сил, это было бы для него большим счастьем.

Тем не менее, Флот располагал почти в три раза большим числом кораблей, чем ланнахи. Количество мужчин на обеих сторонах было более или менее одинаково, но, имея больше места в трюмах, дракконы имели значительно большее число женщин. Кроме того, плоты дракконов были более надежны, чем ледяные корабли ланнахов, у них были лучшие экипажи чем на захваченных плотях.

Короче говоря, дракконы имели преимущество.

Помогая Ван Рийну перейти на захваченную лодку, Толк зловеще ухмыльнулся.

— На твоём месте, землянин, я не снимал бы доспехов,— сказал он.— Когда перемирие закончится, их снова придется одеть.

— Ах... — торговец потянулся, надул живот и рухнул на сиденье.— Ну а если перемирие не будет нарушено? Тогда получится, что я должен буду носить этот проклятый корсет зря...

— Я заметил,— вставил Вейс,— что ни вы, ни Трольвен не носите оружия.

Вождь ланнахов нервно погладил свою цвета красного дерева шерсть.

— Это для подчеркивания гордости Стада,— буркнул он.— Эти скоты не имеют права думать, что мы их боимся.

Лодка мгновенно отошла от плота, влекомая силой весел, приводимых в движение мускулами команды, и быстро понеслась по темно-оранжевым водам. Над ними кружились, пикируя, остатки примирившихся с дракхонами ланнахов, демонстрируя фигуры высшего пилотажа с тем, чтобы покрасоваться перед своими вождями. Их было около сотни, и только сейчас Вейс оценил, как это мало.

— Не думаю, что они пойдут на какие-нибудь длительные переговоры,— сказал Трольвен.— До сих пор это никому не удавалось. Они все понимают несколько иначе.

— Воины Флота — это такие же существа, как и вы! — загремел Ван Рийн.— Вам нужно было бы иметь больше братских чувств. Надеюсь сегодня вы поняли, что им вполне можно дать по башке! И без всяких каких-то там расовых предрассудков!

— Такие, как мы? — возмутился Трольвен. Его глаза заблестели желтым огнем.— Слушай, землянин...

— Погоди, погоди,— остановил его Ван Рийн.— Я как-то не подумал, что у них нет периода размножения. Да, в этом есть принципиальное различие. Ну и ладно. Я должен подумать над этим. Сядь и заткнись!

Ветер играл волнами и лениво натягивал такелаж. Сквозь тянущиеся за ветром вереницы облаков солнце слало длинные, медленные лучи, которые танцевали огненными пятнами по морю. Воздух был холодным, влажным и пах солью. «Нелепо умирать в такой час,— подумал Эрик Вейс.— Однако еще труднее оставить Сандру, которая все больше слабеет под ледяными ветрами Даврнаха. Молись за меня, любимая, пока ждешь встречи со мной. Молись за мою душу...»

— Оставим личные чувства,— сказал Толк,— Но что-то, однако, есть в словах вождя. Дело в том, как мы чужды дракхонам, так и они чужды нам. А чем мы чужды? Своими мыслями, своим образом мыслей? Я не собираюсь прикидываться, что понимаю все твои намерения, землянин. Да, я считаю тебя другом ланнахов, но у нас так мало общего, признайся. Я доверяю тебе только потому, что хорошо понимаю главный мотив твоих поступков — желание сохранить свою жизнь. Даже если я не вполне понимаю ход твоих мыслей, но могу допустить, что поведение это вызвано добрыми замыслами. В свою очередь,—

продолжал он,— дракхоны для меня тайна. Как им можно доверять? Допустим, что будет достигнута мирная договоренность. Откуда мне знать, что они будут придерживаться ее? Может быть, у них нет вообще такого понятия, как «честь»? Точно так же как они не имеют никакого понятия о сексе! Либо, даже если они захотят поддержать договор, то можно ли быть уверенным, что слова договора будут иметь для них такое же значение, как и для нас? Как герольд, знаток языков, я встретил много непонимания между разноязычными племенами. А о чем говорить, когда два племени имеют вообще разные инстинкты? Сомневаюсь так же,— продолжал он,— можем ли мы даже доверять самим себе? Сможем ли мы придерживаться данных нами же обязательств? Хотя, если разобраться, мы не питаем ненависти ни к кому, даже к врагу, с которым воюем. Но ненавидим мощничество, издевательства, вранье. Мы не сможем жить с сознанием того, что помирились с существами, которых даже боги презрели!

Он вздохнул и печально уставился перед собой, разглядывая приближающиеся плоты.

Вейс пожал плечами.

— Когда тебе пришло в голову, что они мыслят не так, как вы?

— При чем это,— изрек Толк.— Разве здесь есть какие-то сомнения? Это еще одно бревно на развитии торговли между нами.

«Лично я,— подумал Эрик,— удовлетворился бы и временным соглашением. Пускай хоть на время согласятся рассмотреть разницу мнений и взглядов, на время необходимое, чтобы известие достигло базы. А потом пусть хоть режут друг друга, мне не будет до этого никакого дела».

Он посмотрел вокруг себя, на крылатые фигуры, задумался над смыслом мира и войны, хаоса и триумфа — и над минутным единением всех существ в общем смехе и пении. Он подумал о практичном Трольвене, о мудром Тольке, подумал о деловом и гордом Дельпе и его жене Родонис, которая была даже большей дамой, чем многие знакомые ему земные женщины. А эти маленькие, заросшие перьями дети, купающиеся в пыли и так любящие взбираться на колени...

«Нет я не прав,— подумал он.— Необходимость окончательного завершения этой войны имеет для меня огромное значение».

Лодка проскочила между высокими бортами плотов. Сверху на них смотрели дракхоны, смотрели молча и, как показалось Эрику, без всякого интереса.

То там, то здесь кто-то из низ плевал в воду. Стояла глубокая тишина.

Перед ним замаячил корпус флагмана. На мачтах были подняты вымпела, и отряд гвардии в ярких мундирах образовывал кольцо вокруг главной палубы.

Адмирал Теонакс ожидал перед входом в деревянный дворец, развалившийся на мехах и подушках. Сбоку стоял калитин Дельп в порванном и обгоревшем боевом снаряжении.

На плоту царила тишина. Когда лодка остановилась и причалила к корме, Трольвен, Толк и воины охраны таннахов почти сразу же перелетели на палубу. А через пару минут, вскарабкавшись и тяжело дыша, и земляне вступили на плот дракхонов.

Ван Рийн оглянулся вокруг:

— Что за гостеприимство! — заверещал он на языке дракхонов. — Даже трапа не сбросили вниз! Я вынужден преждевременно впахивать свои старые уставшие кости в гроб, и все из-за вас! Это же невыносимо — влезть в такое корыто! О господи! Какое бремя я взвалил на себя, тяжелое и неблагодарное! Иногда я думаю, а не плюнуть ли на все и уйти на покой? Но что станет тогда с Галактикой? Будете жалеть, но будет уже поздно...

Теонакс иронически посмотрел на него:

— Среди множества гостей Флота ты не отличаешься хорошими манерами, землянин. У меня большой долг перед тобой. И я не забуду заплатить его.

Ван Рийн двинулся по доскам палубы к Дельпу, протягивая руки.

— Значит, наша разведка была правильной: это твоя работа? — заговорил он. — Хотя я мог бы и сам догадаться. Никто во всем Флоте, за исключением тебя, не имеет и грамма мозгов в голове. Я, Николас Ван Рийн, высказываю тебе всяческое уважение.

Теонакс замер, а его советники послушно приняли позу возмущения таким поведением землянина.

Дельп мгновение колебался. Потом взял руку Ван Рийна в свою и вполне по-земному пожал ее.

— Путеводная Звезда свидетель, как я рад вновь видеть твое толстое и хитрое лицо, — сказал он. — Ты знаешь, чего стоил мне твой поступок... И если бы не моя жена...

— В интересах дела не должно быть свидетелей, — весело заметил Ван Рийн. — Ах, да, добрая госпожа Родонис. Как она чувствует себя? Как дети? Помнишь ли они лодочку Ника и его сказки, которые я им рассказывал на ночь? Ну, например, о...

— Если можно перебить тебя, землянин, — произнес Теонакс с изысканной вежливостью, — давай перейдем, с твоего позво-

ления, к делу. Кто будет переводить? Ах, да! Я помню тебя, герольд.

Он недоверчиво посмотрел на ланнаха.

— Смотри же, сообщи своему господину, что согласие на эти переговоры выразил мой Главнокомандующий Дельп хир Орикан. Он не спрашивал моего позволения на эту встречу и не выслал вестника, чтобы испросить его. Если бы я узнал об этом вовремя, ни за что не согласился бы на это. Я прикажу обстругать доски в том месте, где по ним ступали эти разбойники. Но поскольку Флот связан словом чести, послам ничего не грозит. Кстати, в вашем языке есть понятие «честь»? Я выслушаю, что ваш вождь готов сообщить нам.

Толк кивнул и перевел сказанное на язык ланнахов. Трольвен напрягся, и в его глазах вспыхнули молнии.

Стражники ланнахов гневно заворчали, схватив рукоятки оружия.

Дельп неловко переступил с ноги на ногу, а некоторые капитаны Теонакса сконфуженно отвернулись.

— Скажи ему, — изрек сурово Трольвен, — что мы позволим Флоту покинуть море Ахан, если это будет сделано сейчас же. Конечно, потребуются заложники.

Толк перевел.

Теонакс оскалил зубы и засмеялся.

— Сидят, понимаешь ли, там, на жалкой кучке плотов и еще осмеливаются командовать!

Его фавориты захихикали. Капитаны же Флота, его советники, сохранили достоинство.

Дельп выступил вперед и произнес:

— Адмирал знает, что я вдоволь испил чашу этой войны. Этими руками, крыльями и хвостом убил многих воинов врага. Этими зубами выпускал кровь неприятелю. Тем не менее я говорю сейчас: давайте хотя бы выслушаем их.

— Что? — глаза Теонакса округлились от удивления. — Я надеюсь, что это только шутка!

Ван Рийн сделал шаг вперед.

— У меня нет времени на препирательства! — загудел он. — Послушайте меня, а я изложу это самыми простыми словами и даже ребенок поймет, что я хотел сказать и объяснить тебе это. Посмотри туда! — Он махнул рукой в море. — Там плоты. Может быть, их не так много, но думаю, что достаточно. Или вы с ними договоритесь, или будете воевать дальше. Если будет заключен мир, то через некоторое время и вы будете иметь столько же плотов. Вот так! Вбей это в свою башку и подумай!

Вейс кивнул головой. Хорошо. Очень хорошо. Тот плот дракхонов — почему он ускользнул от его корабля с экипажем, набранным из одних сухопутных крыс? Дракхоны могли метать стрелы на более далекое расстояние, либо сражаться в одиночку в воздухе. Однако они не хотели рисковать, пуская противника на палубу, ведь эти сумасшедшие дьяволы, ланнахи, могли запросто поджечь плот. А плот был домом, крепостью и местом жительства — обитание на плоту было единственным образом жизни, известным культуре дракхонов. Если большинство плотов будет уничтожено, исчезнет возможность рыболовства — основного источника продуктов питания. Это же так просто!

— Мы утопим вас! — заверещал Теонакс. Он вскочил со своего места, захлопал крыльями, его гребень скривился, а хвост стал прямым как стальной прут. — Утопим весь ваш помет!

— Может быть, и так, — кивнул Ван Рийн. — Но разве этого нам нужно опасаться? Если мы сейчас сдадимся то и так все погибнем. Но если мы отправимся в ад, а ваших заберем с собой как можно больше, чтобы чистить там наши сапоги и подавать холодные напитки, то это будет только к лучшему, не так ли, адмирал?

Выступил Дельп, и в глазах его светилась тоска.

— Мы приплыли в Ахан не из желания убивать. Нас сюда привел голод. Вы не позволили нам ловить рыбу, ту, которая вам не нужна. Правда, мы заняли также немного ваших земель, но нам ведь нужен доступ к воде. В этом мы не можем уступить!

Ван Рийн пожал плечами.

— Есть и другие моря. Мы можем позволить вам пару раз забросить сеть, но потом вы должны уйти.

Отозвался один из капитанов Флота:

— Господин уловил суть дела, — медленно сказал он. — Это, может быть, путь к решению... В конце концов, море Ахан имеет не столь большое значение, а для ланнахов оно не существует вообще. Конечно, мы вынуждены будем заселить побережье и занять некоторые острова, которые будут источником дерева, камня и так далее. И конечно же, нам понадобится порт в заливе Сагна для спасательных и ремонтных работ. Эти требования касаются обороны и самообеспечения, а не проблемы выживания, как например доступ к воде. Поэтому, может...

— Нет! — крикнул Теонакс. Точнее сказать, завыл. Все замолкли как громом пораженные. Адмирал минуту тяжело дышал, а потом обратился к Толку:

— Скажи своему... вождю, — он выдавливал из себя каждое слово, — что как высшая власть, я отказываю вам. Мы сумеем уничтожить ваши силы при самых небольших наших потерях. Я

не вижу повода, чтобы уступать вам. Мы можем позволить вам занять вершины Ланнаха. Это наибольшая уступка, на которую вы можете рассчитывать.

— Невозможно! — взорвался герольд. И тотчас же быстро перевел слова Трольвену, который напряг хребет и даже клацнул зубами от гнева.

— Горы нас не удовлетворяют,— объяснил Толк немного спокойнее.— мы б ели их до голой земли, и это ни для кого не тайна. Мы должны иметь низины. И наверняка не отдадим вам ни пяди земли, с которой позднее вы смогли бы атаковать нас.

— Если вам кажется, что вы можете победить нас, не неся при этом катастрофических потерь, то можете попробовать! — крикнул Эрик Бейс.

— Уверен, что сможем! — взорвался Теонакс.— Мы сделаем это.

— Мой господин!.. — Дельп заколебался и на мгновение прикрыл глаза.— Адмирал,— произнес он через мгновение абсолютно нейтральным голосом.— Эта последняя битва наверняка означала бы конец нашего народа. То небольшое количество плотов, которое уцелело бы, стало бы добычей первой же банды пиратов с островов, которые встретятся нам, без сомнения, сразу же после битвы. Дурные вести разносятся быстро.

— Но уход в океан тоже наверняка погубит нас,— Теонакс немного успокоился.— Разве что мы сможем переправить рыбу и сладкие водоросли из моря Ахан на широкую воду.

— Это правда, мой господин,— произнес Дельп.

Он повернулся и посмотрел Трольвену в глаза. Оба смотрели друг на друга спокойно, и во взгляде каждого читалось уважение к сопернику.

— Герольд! — произнес наконец Дельп.— Скажи так своему вождю: мы не покинем море Ахан. Мы не можем сделать это. Если вы будете настаивать на этом, мы вынуждены будем сражаться в надежде, что нам удастся уничтожить вас, не понеся особенно больших потерь. У нас нет выбора. Но мы могли бы,— продолжал он,— отказаться от намерения захватить как Ланнах, так и Хольменах. Можете парить на суше. Мы будем обменивать нашу рыбу, соль, дары моря, изделия ремесел на ваш камень, мясо, дерево, сукно и масло.

— А может быть,— вмешался Ван Рийн,— случаем, придет вам в голову и такая мысль: если дракконы не будут иметь постоянной суши, а ланнахи судов, то им будет немного сложнее воевать между собой, не так ли? После нескольких лет такой торговли и взаимного обогащения настанет момент, когда они начнут зависеть друг от друга и вот тогда-то война будет уже

немыслима. И если вы сейчас договоритесь, то вскоре у вас появятся дополнительные хлопоты. Пока не прилетит Николас Ван Рийн с Земли с товарищами и все утрясет. У меня, скажу вам, цены такие низкие, что их можно считать подарком от святого Николая!

— Заткнись! — взревел Теонакс.

Он схватил за крыло командира стражи и показал на Дельпа.

— Арестовать этого преступника!

— Мой господин!.. — Дельп отошел назад.

Стража заколебалась.

Воины Дельпа окружили своего капитана, принимая боевую стойку. Среди солдат, столпившихся на нижней палубе, пробежал шумок.

— Путеводная Звезда свидетель, — произнес Дельп, — что я только предложил это... мой адмирал имеет, конечно, последнее слово...

— И это слово — «нет»! — вскричал Теонакс, снова жестом приказывая страже взять под арест Дельпа. — Как Адмирал и как Глава дракхонов, я не согласен. Не может быть никаких договоров между Флотом и этими... этими никчемными грязными... животными! — Он опьянел от душившей его ярости. Над головой он поднял свои руки и растопырил пальцы, словно когти.

В шеренгах дракхонов усилился шум. Капитаны все еще оставались возлещать, сохраняя спокойствие, только в глазах их появилась угроза.

Ланнахи, которые не понимали слов, но почувствовали тон ответа, сгрудились в группку и сильнее сжали оружие.

Толк быстро перевел ответ приглушенным голосом. Когда он закончил, Трольвен вздохнул:

— К сожалению, должен признать, — начал он, — если хорошо взвесить слова этого сукиного сына, то он прав. Разве можно в самом деле думать, что две расы, две такие чужие расы, как наши, могут жить в мире друг возле друга? Искушение сорвать договоренность чересчур сильно. Они могут опустошить наши земли в то время, когда мы путешествуем на юг. Они могут вновь занять наши города... а мы, в свою очередь, можем когда-нибудь вернуться на север с союзниками, нанятыми среди пиратов... среди всякого сброда только за то, что пообещаем им добычу, отнятую у дракхонов. Пройдет лет пять и мы так или иначе вновь будем хватать друг друга за горло. Поэтому лучше закончить сейчас. Пусть боги решат, кто прав, а кто не заслуживает права на жизнь.

И он, с учетом ситуации, напряг мускулы, чтобы броситься в бой, если бы в этот момент Теонакс решил нарушить перемирие.

Ван Рийн поднял руки и заговорил. Его голос загудел, как колокол размером, по крайней мере, с плот Адмирала. И стрелы, уже вложенные в тетивы, вернулись назад в колчаны.

— Остановитесь! Подождите, черт вас побери, одну минуту! Я еще не все сказал вам, дураки!

Он кивнул в сторону Дельпа.

— У тебя в голове есть кое-что, парень. Может быть, среди вас есть еще кто-нибудь, у кого в голове мозги, а не остатки заплесневелого чая, который продает конкурирующая со мной фирма? А если это так, то я должен сказать вам нечто важное. Я говорю на языке дракхонов, а ты, переводчик, побыстрее переводи, если желаешь остаться в живых. Этого на вашей планете еще никто никогда не слышал. Я говорю вам, дракхоны и ланнахи — вы не чужие друг другу! Вы принадлежите к одной и той же расе, одинаковы и абсолютно равны по своей тупости!

У Эрика перехватило дыхание.

— Что? — прошептал он на английском языке. — Но цикл их воспроизводства...

— Убейте этого толстого червяка! — крикнул Теонакс.

Ван Рийн нетерпеливо отмахнулся от него и заорал с новой силой:

— Заткнись, идиот! Сейчас говорю я! Пусть оба народа сядут и выслушают то, что скажет им Николас Ван Рийн.

ГЛАВА 20

— Эволюция разума на Диомеде остается еще в сфере предположений: не было времени до сих пор копать в земле в поисках каких-то там окаменелостей. Однако, на основании биологических законов развития, а также известных общих принципов развития разумных существ, можно дедуктивным способом проследить путь развития вашей цивилизации в течение прошедших тысячелетий.

Районы, лежащие вблизи экватора не знали длинных дней и ночей, которые так характерны для других географических широт; во время Равноночия солнце бежит по небу шесть часов и заходит на остальные шесть часов. Во время зимнего Солнцестояния наступает сумрак, а солнце находится либо едва над горизонтом, либо вообще не появляется. На Диомеде это создало идеальные условия для развития жизни. Среди разновидностей существ, живших в прошедших эпохах, нашлось одно: хищник, обитавший

на деревьях. Как земная белка летяга, это существо отрастило себе перепонки, на которых перелетало с дерева на дерево.

Однако планета, имея небольшую плотность ядра, не обладала постоянной формой. Континенты поднимались из моря и погружались в воды океана в течение всего каких-то сотен или, может быть тысяч лет. Воздушные и океанские течения соответственно меняли свои направления. Здесь надо отметить, что в связи с сильным наклоном оси планеты и наличием большой массы свободной океанской воды диомеданские течения переносят больше тепла или холода, чем земные течения.

Вследствие этого в какой-то момент времени, когда — сейчас это не существенно, на равнинах произошли резкие климатические изменения. Леса исчезли, оставшиеся кое-где рощицы были разделены обширными степями. И псевдолетуны вынуждены были отрастить себе настоящие крылья, чтобы перелетать из одного леса в другой. Приспособившись к изменившимся условиям, они начали охотиться на новых травоядных существ, которые появились в степях. Чтобы справиться с копытными, они стали крупнее и сильнее. Однако вместе с этим потребовалось и больше пищи для столь крупного тела, и поэтому они стали селиться везде, где можно было добыть много еды: на побережьях, в горах, на болотах, на равнинах. Благодаря своей подвижности они все же сохраняли однородность расы, не разделяясь на несколько видов. Тем самым, отдельный индивид мог выжить в разных средах обитания в течение всей своей жизни, а это, в свою очередь, способствовало тому, чтобы не дать угаснуть искре разума.

На этом этапе, по какой-то непонятной причине, раса, вернее, часть ее, та часть, которая должна была занять главенствующее место, не родилась. Скорее всего, из-за геологических изменений континент, на котором она жила, был разломан и образовался ряд небольших островов, которые были не в состоянии прокормить большое количество этих существ. А может быть, это не были геологические катаклизмы, а к примеру, длительная засуха, кто знает... Как бы то ни было, началась миграция расы от экватора на север и юг. Там были лучшие земли, лучшие условия для охоты, но там был холод, который стал убивать их. И при наступлении очередной зимы они вынуждены были откатываться в тропики, чтобы выждать, пока на родине не наступит весна. Это не было инстинктивным действием, как у земных перелетных птиц. Существа были уже настолько разумны, что уже не руководствовались исключительно инстинктом; были и приобретенные навыки. Изобретенные орудия труда еще больше способствовали развитию разума.

Однако ценой разума является значительное увеличение длительности детства по отношению ко всей продолжительности жизни. Гены не могут передавать знания, и каждое поколение должно усваивать их заново, а для этого нужно время. Из-за этого ни один вид не станет разумным, пока он сам, либо среда, в которой он обитает, не создаст условий, способствующих тому, чтобы родители могли сохранить и обучить молодых в этот удлинённый период младенчества и неосознанного детства. Любовь матери в этом случае недостаточна; мать и так достаточно занята тем, чтобы следить за детьми, которые из-за своего чрезмерного любопытства могут причинить себе вред. Кроме того, она занята поисками пищи и ведением, пусть это и звучит смешно, домашнего хозяйства. Здесь должен помогать отец, иначе, что же еще должно удерживать отца в семье, когда исчезает сексуальное влечение?

Инстинкт? Например, у некоторых птиц оба родителя воспитывают птенцов. Однако для разумных существ инстинкт не может быть единственным мотивом поведения. Отец должен иметь соответствующий эгоистический повод для того, чтобы остаться в семье, поскольку имеет уже столько сознания, что уже способен на этот самый эгоизм.

В случае с человеком дело было совсем просто: постоянное половое влечение. Отсюда возникла семья, а затем и возможность продления времени детства.

В случае диомеданцев это была миграция. Каждое племя каждый год пускалось в длинную и опасную дорогу. Лучшее всего было путешествовать вместе, организованно. В конце такого путешествия к тропикам стаи распадалась, существа занимались продолжением рода, но это не могло продолжаться длительное время, так как небольшие лесистые острова не могли обеспечить пришельцев достаточным количеством пищи.

Это примитивное ежегодное группирование, не вызванное слепым инстинктом, а представляющее плод сознательного решения, привело к возникновению многочисленных постоянных связей. Группы враждующие стали группами сотрудничающими. Только теперь суровые условия длительных перелетов привели к тому, что тела самцов и самок видоизменились. Одно было приспособлено к сражению, другое — к ношению тяжестей. А отсюда же и выгода к поддержанию партнерства обоих полов в течение всего года.

Семьи на Диомеде чаще всего представляли собой целые кланы, происходящие от одной матери. В условиях долговременной беременности, продолжительного детства, постоянных изменений геологических и погодных условий, борьбы за сексуальных

партнеров каждую зимовку в тропиках с чужими группами, семейные кланы имели все условия для того, чтобы не дать угаснуть в себе искре разума.

В соответствии с этим сформировался язык, возникли новые инструменты, семьи стали поддерживать огонь и образовалось то бесформенное и неуловимое нечто, которое называется культурой. Хотя диомеданец не имел никакого врожденного инстинкта поведения, он старался поступать так, как требовала сама жизнь. Так было легче всего. Здесь можно провести параллель с родом человеческим, которому инстинкт вовсе не приказывает удовлетворять сексуальное влечение только через супружество, хотя почти все земные народы поступают именно так. У землян возник своего рода инстинкт разума — семья. А у диомеданцев — инстинкт полета на юг для размножения. Но это не означает, что так обязательно должно быть!

Если где-то возникает временной цикл размножения, то он всегда регулируется каким-то простым, доступным механизмом. Например, для множества земных птиц период сексуальной активности вызывается увеличением продолжительности весеннего дня. Тепло и солнечный свет включают гормональные процессы, которые активизируют спящие половые органы. На Диомеде такое было невозможно, слишком большая разница в световом цикле в зависимости от географической широты. Однако, когда первобытный диомеданец начал мигрировать и из-за этого мог размножаться только в определенную пору года, поскольку дети должны были выжить, процесс эволюции вынудил его к упорядочению размножения.

Охотник по своей сути, иногда употребляющий растительную пищу — орехи, фрукты и дикорастущее зерно — диомеданец работал урывками. Миграция требовала усилий, напряжения на длительный период времени; по крайней мере, сотни или тысячи поколений пережило формирование необходимых мускулов крыльев, не говоря уже о времени, необходимом для дальнейшего приспособления.

Такие усилия стимулировали некоторые железы, которые, включая гормональную систему, окончательно пробуждали половые органы. Исключение составляли кормящие матери, у которых молочные железы выделяли вещество, ослабляющее половое влечение. Во время перелета концентрация полового влечения нарастала, поскольку не было ни сил, ни времени, которые можно было бы посвятить на его растрачивание.

Уже в тропиках отдохнувший и оживший диомеданец наеживал все, чего был лишен в течение года. Наеживал так тщательно, что обратная дорога не оказывала существенного влияния на его обессиленные органы.

Временами, я не берусь сказать более определенно, он мог осушить тягу к существу противоположного пола также на родине. Подавлялось это чувство так же сурово, как человек подавлял тягу к кровосмешению, и этому была причина: ребенок, рожденный до перелета, был обречен на смерть так же, как и его мать. Не то, чтобы средний диомеданец понимал такое сознательно — он просто одобрял запрет, из которого возникла религия и даже этическая система.

Тем не менее, несомненно, слабое продолжающееся весь год половое влечение было вначале подсознательной причиной для образования кланов и племен.

Когда путешествующий диомеданец наталкивался на племя, которое не соблюдало его самое страшное табу, он чувствовал физический страх.

Племя дракхонов является одним из многих племен, которые не испытывали необходимости миграции. Они начали искать источники питания в море, а не только на суше. Через много веков они усовершенствовали свои лодки в корабли с парусами и стали жить на них.

Это произошло скорее с целью обеспечения безопасности, чем для поисков пищи. Это давало приют, где можно было постоянно жить. Давало возможность строительства и применения сложных инструментов, сбора и накопления знаний, давало возможность вести дискуссии о разных проблемах; короче говоря, давало свободу, которой не обладала ни одна из путешествующих рас, разве что в весьма ограниченной степени. Но если говорить о негативной стороне такого образа жизни, это был тяжкий труд под гнетом сформировавшегося класса аристократии.

Отсутствие необходимости тяжелых перелетов у этих народов привело к тому, что табу на половое влечение стало постепенно ослабевать. Теплые каюты и запасы еды, которой обеспечивало море, еще более усилили этот эффект. В конечном итоге возникла такая ситуация, когда племена перестали зависеть от времени года. Тем самым моряки сформировали систему супружества и воспитания детей, похожую на человеческую; не чуждо им было даже понятие «романтической любви».

Моряки стали считать представителей путешествующих рас бесстыдными, а те отвечали им тем же.

Мало того, прошло время, и уже ни одна из культур не была в состоянии представить себе, что та, другая, принадлежит к той же расе, что и она.

Ну так как, можно ли доверять представителям совершенно чужой расы?

— Это о причинах вашей глупой разницы в убеждениях по поводу возникновения этой бессмысленной войны,— заключил Ван Рийн.— Но сейчас мы оставим это и перейдем к тому, чтобы трезво и мирно обсудить создавшееся положение.

Конечно, его гипотеза грешила неточностями. Он намеренно ограничился простейшими, многократно повторяющимися формулировками, рисуя одно, по его мнению, трезвое объяснение хорошо известных различий в вопросах размножения.

Ван Рийн потер руки и захохотал, нарушая напряженную тишину.

— Ну как? Вот подкинул я вам изюминку, а? Думаю, что никто другой не смог бы сделать такого! Конечно, еще долгое время вы будете считать, что те, другие, в этих делах ведут себя неестественно. Будете сами о себе друг другу рассказывать сальные анекдоты... Кстати, я знаю несколько таких, которые можно было бы легко перевести на ваши языки. Но вы всегда будете помнить, что принадлежите к одной расе. Мог бы каждый из вас быть примерным гражданином другого народа? На это пока что трудно ответить. Может быть, когда-нибудь, когда пройдет достаточно времени, вы сможете сблизить свои обычаи. Почему бы вам немного не поэкспериментировать? Нет, нет, я вижу, что эта мысль пришла к вам не по вкусу, значит, я больше ничего не скажу.

Он скрестил руки на груди и стал ждать; крупный, заросший, ободранный, покрытый заскорузлой, многонедельной грязью человек.

На скрипящих досках палубы, под красным солнцем и дуновением слабого бриза десятки крылатых воинов и капитанов дрожали перед лицом невообразимых вещей, которые они только что слышали.

В конце концов первым подал голос Дельп. Он заговорил медленно, глубоким голосом, словно боясь нарушить эту нависшую тишину.

— Да. Похоже, то, что ты сказал, землянин, имеет смысл. Я могу поверить в это...

После минутного молчания он склонил голову в направлении неподвижного как скала Теонакса.

— Мой господин,— сказал он,— это меняет дело. Считаю, что мы могли бы договориться... Они получают всю землю, а мы будем владеть морем Ахан. Сейчас, когда мы узнали, что они не

дьяволы, не звери... Обычные гарантии, договоренность, обмен словами обеспечат продолжительность и надежность договора.

Толк заговорил шепотом на ухо Трольвену. Командир ланнахов кивнул головой.

— Да, я считаю так же, — сказал он.

— Удастся ли нам убедить Совет и кланы, господин? — спросил Толк.

— Герольд, если мы принесем выгодный договор, Совет объявит нас богами!

Толк перевел взгляд на Теонакса, который возлежал без движения посреди дворца. Поседевшая шкура съежилась на гребне герольда.

— Сначала мы должны целыми вернуться в Совет, командир, — прошептал он.

Теонакс поднялся.

Его крылья затрепетали в воздухе, издавая треск, словно ломались кости под ударами топора. На его морде появилась гримаса, зубы оскалились и сверкнули хищным блеском.

— Достаточно! — рявкнул он. — Мы должны закончить этот фарс!

Трольвену и эскорту ланнахов не потребовалось перевода. Схватив рукоятки оружия, они мгновенно образовали защитный круг. Их челюсти инстинктивно захлопнулись, словно куснули воздух.

— Мой господин! — Дельп вскочил на ноги.

— Успокойся! — заскрежетал Теонакс. — Ты уже сказал достаточно. — Он посмотрел по сторонам. — Капитаны Флота, слушайте все, как Дельп хир Орикан предлагает заключить договор с существами более хитрыми, чем дикие хоры! Запомните это!

— Но, господин... — Один из старших офицеров поднялся с места, поднимая руки вверх в знак протеста. — Адмирал, мой господин, здесь же сейчас доказали, что они не звери... только другая...

— Допуская даже, что землянин сказал правду, что вообще вряд ли возможно, ну и что с того? — Теонакс насмешливо посмотрел на Ван Рийна. — Тем хуже! Известно, что дикие хоры не могут справиться со своими инстинктами, тогда как ланнахи ведут себя неприлично по собственной воле. И вы позволите им жить? Могли бы... могли бы мы торговать с ними... жить в их городах... Может быть, вы уже готовы отдавать своих дочерей им на поругание?

Капитаны посмотрели друг на друга. Это было словно немой стон. Тогда Дельп решился заговорить вновь:

— Прошу покорно, чтобы адмирал вспомнил об отсутствии выбора. Если мы будем воевать с ними до конца, то он может стать и нашим концом.

— Вздор! — взревел Теонакс. — Ты просто боишься их, или они тебя подкупили!

Толк все шепотом переводил Трольвену. Эрик Вейс с горечью слушал, что Командующий отвечал герольду.

— Если он придерживается такого решения, то, естественно о договоре не может быть и речи, — говорил Трольвен. — Если бы мы даже договорились, он потом пожертвует своими послами, а о нашей судьбе даже не удосужится вспомнить. Когда он соберется с силой, то сразу же возобновит войну... Да, это скорее всего. Улетим, пока он первый не прервал перемирие!

Да, это так, подумал Эрик. Мир на этом закончится. Он погибнет под градом камней, а Сандра умрет в стане охотников. Во всяком случае, мы сделаем попытку...

Он напрягся. Возможно, Адмирал не позволит им вернуться...

Дельп огляделся, заглядывая то в одно, то в другое лицо.

— Капитаны Флота! — закричал он. — Прошу вас подумать! Умоляю вас, объясните Адмиралу, что...

— Если кто-нибудь промолвит хотя бы одно предательское слово, он потеряет крылья! — крикнул Теонакс. — Может быть, кто-то желает моей отставки!

Это было смелое заявление, подумал Эрик Вейс. Поставить все на карту. Конечно же, этому лису удастся это. В кастовом обществе никто не может поставить под сомнение его абсолютную власть, даже отважный Дельп. Капитаны могут колебаться, но никогда не нарушат традиции.

Тишина стояла поразительная.

Нарушил ее Николас Ван Рийн сочными земными словами. Все вздрогнули. Теонакс присел на задних конечностях, на минуту напомним кота с крыльями летучей мыши.

— Что? — взорвался он.

— Ты что, глухой? — вежливо поинтересовался Ван Рийн. — Не знал, что ты туг на ухо. Повторяю... — И он повторил всю тираду, дополнив ее несколькими новыми словами.

— Что это означает?

— Это земные выражения, — ухмыльнулся Ван Рийн. — Не знаю смогу ли я точно перевести на ваш язык... Это означает, что ты...

Эрик Вейс не думал, что толстяк так хорошо знает язык дракхонов. Это были самые изощренные ругательства, какие он когда-либо слышал.

У капитанов перехватило дыхание. Некоторые инстинктивно схватились за оружие. Стража дракхонов на верхней палубе натянула луки.

— Убейте его! — кричал Теонакс, тыча пальцем в Ван Рийна.

— Нет! — бас купца взорвался в ушах, и этот звук парализовал дракхонов... — Я парламентар! Пусть хоть волос упадет с наших голов, и Путеводная Звезда утопит вас в кипящих водах ада!

Это удержало дракхонов.

Теонакс не повторил приказа.

Стражники отпрянули и замерли на местах, а офицеры были напряжены и не могли произнести ни слова.

— Хочу вам еще что-то сказать! — продолжал Ван Рийн чуть ли не в два раза громче, чем пароходная сирена. — Я говорю всему Флоту, а вы уже сами спросите себя, чего добивается этот жалкий кусок дерьма. Он толкает вас на войну, в которой могут проиграть только обе стороны. Я говорю вам, он хочет рисковать нашими жизнями, жизнями ваших жен и детей, даже существованием всего Флота! Вы спросите, зачем? И я отвечу! Потому что он боится! Знает, что после нескольких лет торговли с моей фирмой, после моих низких цен, все начнет изменяться! Вы начнете сами думать! Сделаете глоток свободы! И постепенно власть ускользнет из его лап. А он является слишком большой свиньей, чтобы жить самостоятельно! Нет, он должен иметь охрану и рабов из всех вас, которыми можно править, чтобы доказать самому себе, что не выскочил у мамки из-под хвоста, а является настоящим правителем. Он лучше пошлет Флот на верную гибель и сам погибнет, чем согласится на этот договор и потеряет все!

— Убирайся с моего плота! — брызгая слюной, зашипел Теонакс, весь трясась. — Я никогда не подпишу этот договор!

— Хорошо, я уйду, — кивнул Ван Рийн. Он подошел к Адмиралу. Палуба загудела от его шагов. — Я уйду, а ты будешь воевать дальше, если хочешь этого. Однако я сначала задам тебе один вопрос. — Он остановился напротив его адмиральского величества и нацелился волосатым пальцем в царственный нос:

— Почему столько шума из-за каких-то странных обычаев ланнахов? Может быть, ты сам тайно занимаешься такими штуками, а?

Сказав это, он повернулся к Теонаксу спиной...

Вейс не заметил того, что произошло потом, так как на мгновение стражники и капитаны Флота перекрыли ему обзор.

Он услышал какой-то писк и рев Ван Рийна. И тут же перед взором Эрика развернулся ураган крыльев.

Что-то произошло!

Он бросился в массу стиснутых тел. Его ударили хвостом по ребрам. Едва почувствовав этот удар, он вцепился кому-то кулаком в лицо, но сделал это лишь затем, чтобы убрать противника с дороги и увидеть...

Николас Ван Рийн стоял с руками, поднятыми вверх, окруженный несколькими десятками острых копий.

— Адмирал укусил меня! — орал по-дракхонски толстяк. — Я здесь посол, а эта свинья меня укусила! Где написано в правилах международных отношений, чтобы глава государства кусал заграничных послов, а? Разве земной президент кусает дипломатов? Это варварство! Понимаете, вар-вар-ство!

Теонакс отодвинулся назад, сплевывая и вытирая кровь с лица.

— Убирайся! — приказал он приглушенным тоном. — Уходи сейчас же, землянин!

Ван Рийн склонил голову:

— Идемте, друзья. Найдите себе такое место, где существуют более цивилизованные обычаи.

— Извините, сэр... Куда он вас?... — Эрик подошел ближе.

— Неважно, куда, — раздраженно бросил Ван Рийн.

Трольвен и Толк присоединились к ним. За ними двинулся эскорт ланнахов. Они прошли размеренным шагом по палубе, стараясь не выдавать своей радости при виде замешательства, охватившего дракхонов от столь некрасивого поступка их предводителя.

— Вы должны были предусмотреть это, — прошептал Вейс. У него уже не было никаких сил, ни эмоций, за исключением чувства гнева из-за невероятной глупости шефа. — Это раса хищников. Разве вы никогда не видели, как они шелкают челюстями, когда злятся? Это движение... нужно было предугадать его!

— Ты прав, мальчик, — пожал плечами толстяк. — Но нет худа без добра. Посмотри на наших ланнахов, они прямо светятся от радости за такой ляпсус дракхончиков. И посмотри на его подданных, они не находят себе места от горя.

— Но они могли запросто убить тебя, разве не так?

Ван Рийн не счел нужным ответить.

Дельп догнал их возле фальшборта. Его гребень жалко свисал набок.

— Мне жаль, что все так получилось, — сказал он. — Мы могли бы жить в дружбе...

— Может быть, еще не все потеряно,— развел руками Ван Рийн.

— Что ты имеешь в виду, землянин? — Усталые глаза Дельпа смотрели на толстяка без тени надежды.

— Так это можешь скоро узнать! — Ван Рийн положил руку на плечо дракхона.— Ты отличный парень, Дельп. Мы могли бы найти тебе занятие, например, ты мог бы стать моим торговым агентом на этой планете. Конечно, за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, знай, что ты единственный, кого любят и уважают. Если что-то случится с этим адмиралишкой, и они ударятся в панику, человеком, который сможет привести их в чувство, будешь ты и только ты! Если они не дураки, то именно к тебе они должны будут обратиться за помощью. И если ты в такую минуту будешь действовать быстро, то сам станешь Адмиралом. А вот тогда-то мы сможем все обговорить по-настоящему, разве не так?

Отвернувшись от Дельпа, который остался стоять как вкопанный, он с обезьяньей ловкостью вскочил в корыто подъемника и приказал дракхонам быстро опускать их.

Оказавшись в лодке, он заорал:

— А сейчас, ребятки, гребите, как сумасшедшие!

Они были уже почти возле своего флота, когда Эрик заметил тучи крыльев, взметнувшихся с королевского плота. От волнения он сглотнул.

— Атака... Они уже начали? — Он проклинал себя за то, что голос его срывался в такой момент.

— Эх, парень, жаль, что меня там сейчас нет! — Ван Рийн выпятил грудь, стоя на корме лодки, и кивнул головой.— Думаю, что это не война. Это просто-напросто суматоха. Сейчас Дельп должен захватить власть в свои руки, и они успокоятся как миленькие.

Но Дельп...

Ван Рийн пожал плечами.

— Если диомеданский белок является для нас ядом,— сказал он,— то наш для них тоже не сахар. А наш покойный ныне Теонакс укусил меня, между прочим, до крови. Это еще раз доказывает, что дурной характер доставляет его владельцу массу хлопот. Лучше действовать по моему примеру: если меня кто-то бьет, я подставляю другую щеку.

ГЛАВА 22

Торговая база Политехнической Лиги не имела хорошего медперсонала; всего-то, что автодиагност, пара робохирургов и робототерапевтов, бедный выбор лекарств, да еще ксенобиолог базы, в обязанности которого вменялось заниматься лечением. Так или иначе, шестидневный пост не грозит летальным исходом, если перед его началом человек был сильным и здоровым, а для перелета ему служили руки, ноги, крылья и хвосты двух народов, населяющих планету. При помощи биопрепаратов восстановление сил проходило успешно, а диета, начавшаяся с глюкозы внутривенно, через пару дней закончилась увесистыми бифштексами с кровью. На шестой диомеданский день Эрик Вейс уже немного поправился, но еще неуверенно рассказывал по комнате.

— Закурим? — предложил молодой человек по имени Бенегал.

Когда экспедиция вернулась, его не было на станции, поскольку он посещал поселение аборигенов, с которыми торговали земляне. Только сейчас он обо всем узнал и с уважением предложил сигарету.

Эрик остановился, и халат обернулся вокруг его ног. Он постоял немного, а потом усмехнулся:

— Кажется, за все то время, пока у нас не было табака, я утратил привычку курить. Встает вопрос, а стоит ли ее возобновлять?

— Но, извините, сэр, разве не...

— Хотя нет! Дай мне сигарету! — Эрик сел на край кровати и осторожно затянулся. — Наверняка я еще восстановлю все свои привычки и приобрету еще парочку новых!

— Вы хотели рассказать мне о том, как было сообщено на станцию о случившемся, — напомнил Вейсу Бенегал.

— Ах, да. Это было очень просто. Я придумал это за десять минут. Нужно было послать достаточно многочисленную группу диомеданцев с известием на бумаге, а также одного толкового переводчика, Толка, чтобы он мог расспросить о дороге к базе по ту сторону океана. Необходимо было также спроектировать большой плот, состоящий из легких дощечек, которые можно было бы привязать к хвосту. Каждый диомеданец мог нести один элемент, и когда нужно было, легко соединяли их в плот. Они отдыхали на нем, ловили рыбу, ели и так далее. В этой группе было также несколько специалистов из Флота, которые занимались сборкой плота и управлением. В это время года дождь идет часто, так что можно было собирать дождевую воду в емкости и пить ее. Проблемы с водой у них не было, впрочем,

так же, как и с едой. Я был уверен, что с этой стороны все будет в порядке. Дракконы ведь уходят в море на очень долгий срок, и никогда у них не бывает проблем с водой. Правда они уходят на своих огромных плотах, но тем не менее, они приучены добывать воду в условиях длительного плавания. Не забывайте, Бенегал, что это — планета дождей. Кроме того, я настаивал на том, чтобы в группе было несколько женщин из расы ланнахов по причинам, которые тебе уже известны. Означало это то, что члены группы посланцев из обоих народов должны избавиться от вековых предрассудков. В перспективе, этот факт должен изменить всю их жизнь гораздо больше, чем все впечатления, какие могли произвести на них земляне при помощи таких шуточек, как доставка их обратно за один день. С этого момента, хотят они этого или не хотят — те, кто отправился в путешествие, станут зачинателями нового в обеих культурах. Они станут почвой под зерна диомеданского интернационализма. Но это пусть утешает Лигу, а не меня.

Вейс пожал плечами.

— После отлета посланников,— продолжал он,— мы могли только ждать. Мы лежали и ждали. После первых дней уже не было так плохо. Аппетит со временем пропадает.

Он погасил сигарету и передернулся от отвращения к никотину. После долгого воздержания от курения у него закружилась голова.

— Когда я увижу остальных? — спросил он.— Я уже выздоровел и мне скучно. Хочу пообщаться с друзьями, черт возьми!

— Собственно, сэр... — начал Бенегал,— кажется, что сэр Ван Рийн говорил что-то...

В это время в коридоре загрохотал голос:

— Ад и дьяволы! Бездельники! Кто будет работать?..

— ...О том, что он собирается навестить вас,— закончил Бенегал, съжившись от испуга при голосе шефа.

— Тогда беги отсюда, парень,— усмехнулся Эрик.— Ты слишком молод, чтобы слышать то, что будет здесь сказано. Мы, братья по крови, которые обманули смерть, присягнули в дружбе и так далее, и тому подобное, вот-вот должны вновь встретиться.

Юноша скрылся через другую дверь, а Эрик встал с постели. Ван Рийн ввалился в помещение через главный вход. Его фигура Юпитера немного округлилась, он опирался на палку с золотым набалдашником. Волосы у него были вновь завиты в элегантные черные локоны, усы и борода подстрижены в стрелку, кружевная рубашка и камзол были усеяны крошками табака, а ноги, напоминающие волосатые пни, торчали из гигантских сапог. Пальцы

обеих рук были унижены перстнями с бриллиантами, а на шее висела серебряная цепочка размером с хорошую якорную цепь.

Он махнул рукой, в которой держал вонючую сигару вместе с четырехслойным бутербродом, и зарычал:

— Ага, ты уже на ногах! Отлично, мой мальчик! Выздороветь можно лишь тогда, когда перестанешь хлебать этот помойный супчик! Знает ли этот сумасшедший ветеринар, сколько стоит мне каждый час, проведенный здесь? Какой куш попадет мне в руки, если я доберусь до дома, прежде чем эти шакалы-конкуренты узнают, что Николас Ван Рийн несмотря ни на что жив и здоров! Только что я втолковывал инженеру станции, в его высохший гриб, который он носит вместо головы, что если мой корабль не будет готов к старту завтра в полдень, то я привяжу его снаружи к обшивке корабля и прикажу взлететь. Ты сам тоже возвращаешься с нами на Землю, нет?

Эрик Вейс ответил не сразу.

За спиной Ван Рийна в комнате возникла Сандра. Она ехала в инвалидном кресле, такая бледная и худая, что у него зануло сердце. Ее волосы разметались на подушке, как легкое холодное облачко, и казалось, дотронься до нее — и ощутишь холод. Только глаза у нее были живые, огромные, как бесконечная зеленая глубина земных морей.

Она улыбнулась ему.

— Мисс... — прошептал он.

— А,— махнул рукой Ван Рийн.— Она тоже летит.— Он выбрал спелое яблоко из вазы, стоящей возле кровати Эрика и смачно откусил.— Продолжим нашу прерванную прогулку; может быть на борту не будет столько забав и развлечений, но также... — он повернулся и глянул на девушку одним глазом.

— Оставим это на потом, когда вернемся на Землю,— улыбнулась Сандра.

— Но у вас может не хватить сил на такое путешествие... — испугался Вейс. Он сел на кровать — ноги не держали его.

— Хватит,— сказала она тихо.— Я должна только соблюдать предписанную диету и много отдыхать.

— А вот это самое худшее, что мы можем сделать,— буркнул Ван Рийн, доедая яблоко и выбирая апельсин.

Наступила неловкая пауза. Ван Рийн стал есть апельсин, бросая корки на пол.

— Даже с большого несчастья,— наконец подал он голос,— добрый Господь Бог может дать нам хорошую прибыль, если только на то будет его воля. Я не могу лично знать всех людей, работающих на меня, но многообещающие парни, такие, как ты, только зря теряют время на маловажных участках, похожих на

эту планету. Я заберу тебя на Землю и найду хорошую работу в соответствии с твоими способностями.

«Коль скоро она забыла то холодное утро под горой Оборх,— подумал Эрик Вейс,— я сам могу вспомнить другие, менее приятные вещи и громко говорить о них. Час настал».

Он был все еще немного слаб и немного дрожал, однако перехватил взгляд Ван Рийна и гневно произнес:

— Это, конечно же, для вас, сэр, простейший способ, чтобы восстановить чувство собственного достоинства. Подкупить меня теплым местечком, чтобы я забыл, как Сандра сидела с кисточкой в тесной камерке и падала от усталости, как отдала вам последнюю еду... и как я напрягал все силы для того, чтобы освободить вас, пленных, в том краю... Не прерывайте меня, сэр! Знаю, что вы тоже принимали в этом участие! Вы сражались во время морской битвы, но у вас не было выбора, не было, где спрятаться. И вы нашли выход, чтобы избавиться от невыгодного партнера. У вас талант к таким вещам. Вот вы и сделали несколько результативных предложений. Но к чему все это привело? — продолжал он.— В сумме это не больше, чем приказания для меня, типа «сделай это», «построй то». И я вынужден был делать все это, имея помощниками нелюдей и инструменты каменного века. Я должен был сам все проектировать! А теперь я слышу: «Заберу тебя на Землю!» Вся ваша роль, ваше руководство сводилось к прогулкам, к игре в кости, разговорам, тайной политике, обжираловке в то время, когда Сандра лежала без еды на Даврнахе! А все заслуги вы приписали себе! И сейчас я должен лететь на Землю, засесть в том грязном хлеву, который вы называете Бюро и провести остаток своих дней, обивая баклуши и держа язык за зубами, когда вы будете похвально о приключениях на Диомеде! Что, не так? Возьмите себе свою должность и...

Эрик почувствовал на себе взгляд Сандры, полный сочувствия, и резко замолчал.

— Я ухожу из Компании! — наконец пробормотал он.

Во время всей этой речи Ван Рийн, наконец, прикончил апельсин и вернулся к бутерброду. Затем громко икнул, облизал пальцы и затащил сигарой.

— Если ты считаешь, что я раздаю теплые местечки,— загудел он неожиданно вежливо,— то ты великий оптимист. Я раздаю хорошие должности только потому, что считаю, что от хорошего специалиста будет больше пользы, чем от какой-то бараньей головы, даже если эта голова сидит на Земле. Я буду платить тебе столько, сколько ты заслужишь своими трудами. И даю слово, что работы у тебя будет навалом.

У Эрика захватило дух.

— Вольному воля, можешь оскорблять меня, если хочешь, — продолжал Ван Рийн. — Я знаю тебя, парень, и поэтому не обижаюсь. Ты это делаешь не из-за того, чтобы сделать пакость старику. Поэтому-то я и не обижаюсь. Сейчас же я хотел бы покинуть вас, милые мои. Я еще не выяснил, кто же подложил бомбу в корабль. А вот когда я узнаю кто, вот тогда-то и займусь им. Вот будет потеха! Нет, постойте! Сначала я схожу и попрошу своего повара, чтобы он сделал мне небольшой бутербродик, так, с полбатончика. Похоже, черт побери, если я не скажу им, они здесь меня уморят с голода!

Он помахал волосатой рукой и удалился, как небольшое землетрясение.

Сандра подкатила на кресле ближе и положила руку на руку Эрика. Ее прикосновение было холодным, мягким, как падающий октябрьский листок, но огнем обожгло его кожу.

Словно сквозь туман он слышал ее голос.

— Я ждала такой реакции от тебя, Эрик. Да, многие из них имеют талант только на то, чтобы мешать другим. Конечно. Но он к ним не относится. Без него мы оба лежали бы сейчас на дне моря Ахан.

— Но...

— Жаль, что он вынуждал тебя выполнять вещи, которые требовали от тебя, а не от него, применения своего умения. Да, конечно, вынуждал! Командиру нет необходимости делать все самому. Ему нужно только приказывать... убеждать, применять силу, понукать... и все для того, чтобы заставить других делать то, что нужно сделать, неважно, возможно это или нет. Ты говоришь, что его работа сводилась только к болтовне, шуткам и созданию внешнего эффекта, чтобы произвести впечатление на провинциалов-туземцев. Ну конечно же, это так! Ведь кто-то же должен был это делать! Мы были бы для них чудовищами, чужаками и неумехами, если бы не его разговоры. Смогли бы мы сами без него начать жалкими глупцами, а закончить почти королями? Ты говоришь, что он подкупал при помощи вещей, которые выиграл в фальшивые кости, врал, обманывал, интриговал как тайно, так и открыто. Это правда, но я не говорю, что это хорошо. Но и не говорю также, что он находил в таких действиях удовольствие. Можешь ли ты, однако, предложить хотя бы один другой способ, который сохранил бы нам жизнь? Либо хотя бы принести мир этим бедным измученным народам?

— Но... — Он отвел глаза и посмотрел в окно, на голый пейзаж за ним. Мелькнула мысль, что, может быть, было бы хорошо немного отдохнуть на менее суровой природе Земли. —

Как знать,— сказал он в конце-концов неохотно, цедя каждое слово.— Думаю... однако, что слишком быстро осудил его. Но мы тоже сделали немало, сама знаешь. Без нас он никогда бы...

— А я считаю,— прервала она его,— что без нас он нашел бы другой способ, как добраться до дома. А вот мы без него — вряд ли!

Он резко отпрянул назад. Ее лицо горело красным огнем, гораздо более ярким, чем мог вызвать солнечный свет, проникающий снаружи.

«Она в конце концов женщина,— подумал Эрик с усталостью, которая внезапно охватила его.— Женщины отличаются от нас, мужчин, еще и тем, что их жизнь принадлежит будущим поколениям. А ее — в особенности, поскольку существование целой планеты может зависеть от ее ребенка, а она аристократка в высшем понимании этого слова. Отец будущего Великого Князя Гермеса может быть старым, толстым и неопрятным, толстокожим и лишенным всякой романтики; может увидеть в ней лишь эпизод в жизни. Это не имеет для нее значения, если она как женщина и аристократка видит в нем только отца своего ребенка».

— Я... — Сандра смешалась, словно ее поймали с поличным. В ее взгляде светилась невысказанная мольба.— Думаю, что мне лучше уйти и дать тебе отдохнуть.— А после минутного молчания добавила: — Он не так силен, как утверждает. И я ему еще потребуюсь.

— Нет, принцесса,— сказал Эрик с неожиданной нежностью.— Это не ты ему, это он тебе нужен. Прощай, дорогая!

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

КНИГА ПЕРВАЯ

УБЕЖИЩЕ

«Золотой век мира начинается вновь. Так было раньше и так будет всегда. Приходы и уходы человека цикличны. И эти циклы не более удивительны, чем годовые циклы планет. Именно потому, что мы сегодня странствуем среди звезд, нам ближе европейцы, открывшие Америку, или греки, колонизировавшие Средиземное море, чем наши недавние предки. Мы тоже открыватели, пионеры, миссионеры, торговцы, создатели эпосов и саг; но, с другой стороны, мы жадны, грубы, равнодушны к будущему, нетерпимы, а часто и жестоки. Таковы законы развития общества в периоды его подъема.

И вместе с тем в прошлом нет аналогов нашего развития. Наша цивилизация не классическая и не западная, она распространилась до крайних пределов Вселенной и встретила со множеством нечеловеческих рас, и, к лучшему или к худшему, пути ее изменялись непредсказуемо. Мы живем в мире, который не мог вообразить себе ни один рожденный на Земле человек.

Он, может быть, увидел бы сходство Политехнической Лиги с торговыми гильдиями средневековой Европы. Однако если присмотреться внимательнее, то станет ясно, что Лига — это совершенно новое образование, которое, несомненно, берет свое начало из прошлого Земли, но существует только благодаря влиянию других рас.

Мы не можем предсказать, чем все это кончится. Мы не знаем, куда идем. Большинство из нас об этом и не задумывается. Ибо для нас достаточно того, что мы в пути».

Л. Маталот.

Капитан Бохадур Торранс воспринял новость, как подобает Мастеру Ложи в Объединенном Братстве Космонавтов. Он внимательно выслушал ее, задал несколько дополнительных вопросов и спокойно сказал:

— Хорошо, Ямамура. Пожалуйста, продолжайте следить за этим. Я подумаю, что нужно сделать.

Но когда дежурный инженер покинул его каюту, — новость была из числа тех, что не передаются по интеркому, — он сделал большой глоток виски, сел и уставился на пустой экран.

Он совершал далекие путешествия, много видел и был хорошо вознагражден. Однако, несмотря на быстрое продвижение и сложный жизненный путь, он был еще достаточно молод, чтобы не почувствовать холод смерти, услышав свой смертный приговор.

Экран показывал так много холодных и ярких звезд, что только астроном мог распознать отдельные из них. Торранс разглядывал Млечный Путь, пока не нашел Полярную Звезду и не определил, где находится Валгалла. Он, конечно, не мог разглядеть солнце типа G на таком расстоянии без мощной оптики, гораздо более мощной, чем была на борту «Гебы», но его несколько утешало то, что он смотрит в сторону ближайшей базы Лиги с ее домами, кораблями, людьми, уютно устроившимися в зеленой долине Фрейи в этой почти неисследованной области Галактики. Тем более, что он уже не надеялся приземлиться там вновь.

Корабль вибрировал, несясь в четырехмерном пространстве на квазискорости, намного превышающей скорость света и тем не менее слишком малой, чтобы спасти его.

Что ж, обязанность капитана — в первую очередь думать о других. Торранс вздохнул и встал. Несколько минут он уделил своей внешности, понимая, что на него устремлены все взоры. А моральное состояние людей на корабле особенно важно, тем более теперь. Обычному серому костюму он предпочел полную форму: синий китель, белую фуражку и брюки, отделанные золотым шнуром. Как житель планеты Рамаунджан на голове он носил тюрбан, заколотый пряжкой с эмблемой Политехнической Лиги — кораблем и солнечным лучом.

По коридору он прошел к каюте владельца. Оттуда выходил стюард с подносом. Торранс сделал ему знак, чтобы он не закрывал дверь, вошел в каюту и поклонился, щелкнув каблучками.

— Прошу прощения за вторжение, сэр, — сказал он. — Могу я поговорить с вами? Весьма срочно.

Николас Ван Рийн — тучный человек с несколькими подбородками под густой эспаньолкой — поднял двухлитровую пивную кружку, только что принесенную ему, и шумно глотнул. Этот резкий звук на мгновение заглушил музыку, звучащую из магнитофона. Джерри Кофоед, светлоглазая, светловолосая, казавшаяся совсем крошечной рядом с Ван Рийном, свернулась на кушетке. Торранс, который давно не был дома и не видел свою жену, заставил себя смотреть только на торговца.

— Ах! — Ван Рийн со стуком поставил кружку на стол и вытер пенью с усов. — Клянусь чумой и сифилисом, первая кружка в день — хороша. Так же холодна и приятна, как... гм... черт побери, как что же? — Он ударил себя по лбу волосатым кулаком. — С каждой неделей я тупею все больше. Ах, Торранс, когда вы станете одиноким толстым стариком и силы покинут вас, вы оглянетесь назад, вспомните меня и пожалеете, что были так недобры ко мне. Но будет слишком поздно, — он вздохнул и почесал волосатую грудь. Близкая к тропической температура, которую он заставлял поддерживать у себя в каюте, сокращала его наряд до саронга — набедренной повязки вокруг его могучего тела. — Ну, что за глупость заставляет вас отрывать меня от дела?

Тон его был добродушным. Он и на самом деле постоянно пребывал в хорошем настроении с тех пор, как они спаслись от аддеркопов. (Да и кто бы не радовался? Для простой космической яхты, даже оборудованной сверхмощными механизмами, уйти от трех крейсеров было не просто удачей, а чудом. Ван Рийн все еще держал четыре зажженных свечи перед статуэткой святого Диомаса.) Правда, он швырял посуду в стюарда, если тот, по его мнению, слишком поздно приносил выпивку, и ежедневно обругивал кого-нибудь на корабле, но все это было нормой.

Джерри подняла брови.

— Твое первое пиво, Рикки? — промурлыкала она. — В самом деле? Два часа назад...

— Да, но это было еще до полуночи. На какой-нибудь планете наверняка уже была полночь. Значит, начался новый день, — Ван Рийн взял со стола свою длинную трубку и принялся ее раскуривать. — Ладно. Садитесь, капитан, устраивайтесь поудобнее. Вы как будто начинены динамитом. Всем вам не хватает выдержки. Когда я был космонавтом, мы сами решали свои проблемы. А теперь, гром и молния, вы приходите и просите вытереть вам носы. Нужно иметь твердый характер, — он похлопал себя по животу*. — Итак, что же случилось?

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, сэр.

Он видел, как побледнела Джерри. Она не была трусихой. На отдаленных планетах, даже таких, как Фрейя, не было трусливых людей. Она согласилась участвовать в этом, как она знала, опасном путешествии: возможность совершить его с одним из торговых принцев Солнечной компании «Пряности и напитки»,

* Игра слов: по-английски «иметь твердый характер» буквально означает «иметь много кишок».

самой могущественной из всех в Политехнической Лиге, была слишком заманчива, хороша, чтобы честолюбивая девушка отказалась от нее. Она отлично держалась во время стычки и последующего бегства, хотя смерть стояла совсем рядом. Но они находились еще слишком далеко от ее планеты, среди неизвестных звезд, и враги охотились за ними.

— Ступай в спальню,— сказал ей Ван Рийн.

— Пожалуйста,— прошептала она.— Но я была бы счастлива услышать правду.

Маленькие черные глаза Ван Рийна, посаженные близко к носу, загорелись.

— Грязь и параша! — взревел он.— Что за чудовищная чепуха? Когда я кричу «прыгать», каждая лягушка должна прыгать.

Джерри в негодовании вскочила на ноги. Не вставая, Ван Рийн шлепнул ее по соответствующему месту. Шлепок прозвучал как пистолетный выстрел. Она открыла было рот, но подавила негодующий крик и выскочила в соседнее помещение. Ван Рийн позвал стюарда.

— Потребуется еще пиво,— сказал он Торрансу.— Ну, ладно, не стойте, делая безумные глаза! У меня нет времени на глупости, даже если вы мне заплатите. Я должен проверить ценники на перец и мускатный орех для Фрейи, прежде чем мы туда прибудем. Ад и дьявол! Этот идиот Фактор мог получить на десять процентов больше, не сокращая объема торговли. Черт бы его побрал! О добрые духи, услышьте меня и помогите бедному старику управиться с делами, когда у него в подчинении идиоты с овсянкой вместо мозгов.

Торранс едва смог сдержаться.

— Сэр, я получил доклад Ямамуры. Вы же знаете, что во время стычки в нас попали: снаряд разорвался вблизи машинного отделения. Конвертор казался неповрежденным, но когда брешь заделали, инженеры решили его проверить и выяснили, что перегорело больше половины цепей генератора инфразащиты. Мы можем заменить лишь немногие из них. Если мы будем продолжать двигаться на квазискорости, весь конвертор сгорит за пятьдесят часов.

— Ах, та-а-а-к! — Ван Рийн сразу стал серьезным. Щелчок зажигалки, когда он принялся раскуривать свою трубку, показался необыкновенно громким.— А нельзя ли остановить конвертор для починки? В гиперпространстве мы будем слишком маленьким предметом, и никаким вонючим аддеркопам нас не догнать.

— Нет, сэр. Я уже сказал, что у нас нет запасных частей. Это яхта, а не военный корабль.

— Но мы должны продолжать двигаться в гиперпространстве. Какую скорость мы можем себе позволить, чтобы войти в пределы слышимости Фрейи, прежде чем машина взорвется?

— Одна десятая полной скорости. Потребуется шесть месяцев.

— Нет, дружище капитан, это слишком много. Так мы никогда не достигнем звезды Валгаллы. Аддеркопы разыщут нас.

— Я тоже так считаю. К тому же наших запасов на шесть месяцев не хватит.— Торранс взглянул на стол.— Мне кажется, мы можем достигнуть одной из ближайших звезд. Правда, мы вряд ли найдем там планету с индустриальной цивилизацией, которая поможет нам отремонтировать конвертор, но в конце концов пригодная к обитанию планета там может быть...

— Нет! — Ван Рийн так затряс головой, что его черные жирные локоны свернулись на плечах.— Чтобы столько мужчин с одной женщиной провели всю жизнь на какой-то мусорной скале, где нет даже виноградной грозди! Предпочитаю получить снаряд аддеркопов и погибнуть как джентльмен, черт побери!

Появился стюард.

— Где вы шлялись? Пива, и пусть господь Бог проклянет вас! Я должен думать, а как думать, если мое горло пересохло, как пустыня в середине лета?

Торранс тщательно подбирает слова. Ван Рийну нужно напомнить, что в космосе хозяин он, капитан. И ему принадлежит решающее слово. Вместе с тем старому дьяволу нельзя противоречить: никто лучше его не умеет выпутываться из сложных ситуаций.

— Я готов обсудить любое предложение, сэр, но в любую минуту нас может атаковать противник, и я не могу брать на себя ответственность за такой риск.

Ван Рийн встал и заходил по каюте, извергая непристойные ругательства и вулканические голубые облака дыма. Проходя мимо ниши, где стояло изображение святого Диомаса, он сбросил свечи. Затем он повернулся к капитану и быстро заговорил:

— Да! Индустриальная цивилизация, да, может быть, и так. Не одни паразиты аддеркопы бродят в этом районе. Мы ведь можем встретить и другой корабль, нет? Передайте Ямамуре: пусть увеличит чувствительность нашего детектора до такой степени, чтобы тот мог уловить колебания крыльев комаров в моей конторе в Джакарте на Земле. Потом мы пойдем нужным курсом и будем вести поиски на уменьшенной скорости.

— А если мы найдем корабль? Он может оказаться вражеским, вы знаете?

— Тогда мы его захватим.

— В любом случае, сэр, мы теряем время. Преследователи отыщут нас, пока мы будем идти по поисковой спирали. Особенно, если мы будем преследовать корабль чужаков, которые никогда не слышали о человеческой расе.

— Этим мы займемся, если потребуется. У вас есть более удачный план?

— Ну... — Торранс замялся.

Вошел стюард со свежей кружкой пива. Ван Рийн выхлебал его.

— Думаю, вы правы, сэр, — проговорил Торранс. — Я пойду и...

— Девственность! — проревел вдруг Ван Рийн.

— Что?! — подпрыгнул Торранс.

— Девственность! Это то слово, которое я искал. Первое пиво приятно, как девственность, идиот!

Дверь каюты зазвенела. Торранс вздохнул. Он надеялся хоть немного поспать. Он провел на палубе столько часов, что не мог и сосчитать. Но когда корабль бродит во тьме в поисках другого корабля, которого, может быть, и нет здесь, когда охотники кружат поблизости...

— Войдите.

Вошла Джерри Кофоед. Торренс глотнул воздух, вскочил на ноги и поклонился.

— Фриледы... что... как... какой сюрприз! Чем я могу быть вам полезным?

— Пожалуйста, — она взяла его за руку. Ее платье было мерцающим и невероятно коротким (Ван Рийн других не признавал), но ее взгляд сказал Торрансу, что все это не при чем. — Я пришла к вам, Мастер Ложи, и если у вас есть чувство жалости, вы выслушаете меня.

Он указал ей на кресло, предложил сигареты и закурил сам. Глубоко затянувшись, он немного успокоился и сел напротив нее.

— Если я могу быть вам чем-нибудь полезен, фриледы Кофоед, я буду счастлив... Гм... фримен Ван Рийн...

— Он спит. Но ему не в чем упрекнуть меня. Я не подписывала контракт или чего-нибудь в этом роде. — ее раздражение выразилось в сухой улыбке. — О, я согласна, мы все его подчиненные, как формально, так и по существу. Я не противоречу его желаниям. Просто он не захотел ответить на мой вопрос, а если я не узнаю правды, то начну визжать.

Торранс взвесил некоторые обстоятельства и решил, что объяснить ей все наедине несколько подробнее, чем экипажу, возможно, будет действительно лучше.

— Как хотите, фриледы,— сказал он и рассказал, что случилось с конвертором.— Мы не можем исправить его,— продолжил он.— Если мы будем двигаться на полной скорости, то конвертор расплавится еще до прибытия, а без энергии мы окажемся обреченными на верную смерть. Если же мы резко уменьшим скорость, это, конечно, сохранит конвертор, но до Валгаллы мы доберемся через полгода, а у нас нет достаточных запасов. К тому же, несомненно, аддеркопы выследят нас через одну-две недели.

Она вздрогнула.

— Почему? Я не понимаю.— Она некоторое время смотрела на кончик своей сигареты, пока к ней не вернулось спокойствие, а вместе с ним чувство юмора.— Капитан, я — лишенная наивности девушка с Фрейи, и умею считаться с фактами. Но вы даже лучше меня знаете, что Фрейя — отдаленная планета. У нас нет никаких космических сообщений, кроме кораблей Лиги, а они тоже никогда не задерживаются в порту надолго. Я, в сущности, ничего не знаю о законах ведения войны или политики. Никто не говорил мне, что наше путешествие — не просто разведывательная экспедиция, да я никогда и не спрашивала. Почему аддеркопы так встревожены и пытаются нас поймать?

Торранс задумался, прежде чем ответить. Как космонавт Лиги он с трудом понимал, как мало значат для колонистов их враги. Слово «аддеркопы» было фрейанским — это презрительное название обитателей планеты, изгнанных с нее и поставленных вне закона около ста лет назад. С тех пор у фрейанцев никогда не было прямых контактов с ними. Беженцы осели где-то в глубинах космоса, за Валгаллой, на какой-то неизвестной планете. Шло время, их стало значительно больше, увеличилось и число их военных кораблей. Но Фрейя по-прежнему была слишком сильна для них, они не осмеливались нападать на нее. К тому же у Фрейи не было межпланетных предприятий, и ей нечего было беспокоиться.

Торранс решил нарисовать полную картину, даже если придется повторить общеизвестное.

— Что ж, аддеркопы не глупы. Кто-то информирует их обо всем происходящем. Они знают, что Политехническая Лига стремится распространить свои операции на весь этот район. Это им не нравится, ибо означает конец их набегов на планеты, выжимания дани в их грабительской торговле. Конечно, Лига состоит не из святых. Мы боремся с ними потому, что пиратство сокращает доходы наших компаний.

Аддеркопы решили не объявлять нам настоящую войну, а нападать на передовые посты, чтобы мы отказались от своих

планов. Их преимущество состоит в том, что они хорошо знают свой сектор космоса. Мы были уже на грани того, чтобы поставить крест на этом участке и начать свою деятельность где-нибудь в другом месте. Фримен Ван Рийн захотел предпринять последнюю попытку. Противодействие его плану было настолько велико, что он был вынужден сам возглавить экспедицию. Полагаю, вы знаете, что он делал. Используя свое сверхъестественное искусство подкупа и обмана, он собрал даже незначительную информацию, которой располагали пленники Лиги, и сопоставил факты. Мы получили ключ к неприступному доселе участку, прилетели туда, уловили нейтринный поток и, следуя по нему, обнаружили колонизированную людьми планету. Как вы знаете, это, несомненно, планета аддеркопов.

Если мы доставим информацию, аддеркопы перестанут причинять нам беспокойства. Лига сможет послать туда несколько военных кораблей звездного класса и пригрозить бомбардировкой планеты. Они понимают это. Мы были обнаружены, несколько военных кораблей окружили нас, но нам удалось ускользнуть от них. Их корабли устарели, поэтому мы смогли оставить их позади. Но я уверен, что весь их флот продолжает нас искать. Корабль постоянно создает вибрацию гиперпространства, которую можно обнаружить на расстоянии до одного светового года. Поэтому, если аддеркопы обнаружат нашу волну и по ней определят, где мы находимся,— это конец.

Она глубоко затянулась, но внешне оставалась спокойной.

— Каковы ваши планы?

— Контрманевр. Вместо того чтобы пытаться достичь Фрейи, мы предприняли спиральный поиск на средней скорости и увеличили чувствительность наших детекторов. И если мы обнаружим корабль, то используем последние возможности своей машины, чтобы догнать его. Если это будет чужой корабль — что ж, у нас есть световые пушки в орудийных башнях, мы постараемся захватить его или уничтожить. Но это может оказаться и человеческий корабль. Доклады ученых, сообщения обсерваторий, сведения пленников говорят о том, что в этом районе есть три-четыре различных расы, обладающие секретом гиперпространства. Аддеркопы сами не очень хорошо осведомлены. Космос чертовски велик.

— А если корабль окажется не человеческим?

— Будем действовать по обстановке.

— Понятно,— она кивнула, посидела молча, улыbnулась ему.— Спасибо, капитан. Вы не представляете, как помогли мне.

Торранс глуповато улыбнулся:

— Я счастлив, фриледы.

— Я отправляюсь с вами на Землю. Вы это знаете? Фримен Ван Рийн обещал мне там хорошую работу.

«Он всегда обещает»,— подумал Торранс.

Джерри придвинулась ближе.

— Я надеюсь, на пути к Земле мы познакомимся ближе, капитан. Или даже прямо сейчас...

В эту минуту прозвучал сигнал тревоги.

«Геба» была яхтой, а не пиратским фрегатом. Однако, когда на ее борту находился Ван Рийн, это различие исчезало. Корабль двигался быстрее многих военных кораблей, обладал детекторами повышенной чувствительности, а его экипаж был хорошо знаком с тактикой погони. «Геба» могла уловить гиперэмиссию другого корабля задолго до того, как будет обнаружена ее собственная вибрация. Оставаясь необнаруженной, она установила верный курс и, используя всю мощность двигателей, устремилась в погоню. Если чужой корабль сохранит свою квазискорость, то встреча состоится через три-четыре часа. Но корабль незнакомцев попытался уйти. «Геба» соответственно изменила курс и продолжала догонять свою медлительную добычу.

— Они боятся нас,— сказал Торранс.— И направляются не в сторону планеты аддеркопов. Значит, это не аддеркопы. Но у них есть свои причины бояться незнакомцев,— он угрюмо кивнул, так как во время предыдущих полетов ему приходилось видеть планеты после налета аддеркопов.

Видя, что его настигают, преследуемый корабль вышел из гиперпространства. Его конвертор уменьшил подачу энергии до минимума, скорость упала ниже световой, и корабль превратился в крошечную точку в бесконечном пространстве. Этот маневр часто помогал: противник, тщетно потратив некоторое время на поиски, отправлялся дальше. «Геба», однако, к этому была готова. Знание сверхсветового вектора с координатами места, где корабль покинул гиперпространство, позволило ее компьютерам определить координаты добычи. Яхта двинулась в этот участок и прочесала его, время от времени возвращаясь в обычное пространство, чтобы попытаться уловить нейтринное излучение, которое испускает любой атомный двигатель. Правда, излучение двигателя похоже на нейтринное излучение звезд, но благодаря статистическому анализу компьютеры, как правило, точно улавливали его. И на этот раз корабль был найден довольно быстро. Яхта двинулась туда, и на ее обзорных экранах вновь показался корпус чужого корабля.

Он в несколько раз был больше «Гебы» и походил на цилиндр с тупым закругленным носом; на нем выделялись массивные конусы двигателей, многочисленные ниши для вспомогательных

шлюпок и единственная орудийная башня. Физические принципы требовали, чтобы конструкции всех межзвездных кораблей были примерно одинаковыми. Однако любой космонавт с первого взгляда определил бы, что этот корабль построен не технической цивилизацией.

Сверкнул огонь. Даже несмотря на автоматическое затемнение экрана, Торранс был на мгновение ослеплен. Приборы показали, что чужак выстрелил в них, и их робомониторы перехватили снаряд ракетами. Нападение было удивительно слабым и медленным — это был не военный корабль. Он так же проигрывал по сравнению с «Гебой», как сама яхта — с военным кораблем аддеркопов.

— Прекрасно, после этой их глупости мы можем приняться за дело, — сказал Ван Рийн. — Вызовите их по телекому и найдите общий язык. Быстрее! Объясните им, что мы не причиним им вреда, что мы хотим попасть на Валгаллу, — он немного поколебался и добавил: — Мы можем хорошо заплатить.

— Могут встретиться трудности, — ответил Торранс. — Наш корабль построен людьми, а из людей они встречали лишь аддеркопов.

— Что ж, если потребуется, мы можем взять их на бордаж и заставить отвезти нас. Торопитесь, ради сатаны! Если мы будем медлить, как проклятые сони, то нас поймают.

Торранс хотел было объяснить, что им ничего не угрожает. Аддеркопы намного отстали от быстреего из земных кораблей и даже не подозревали, что яхта вышла из гиперпространства, а когда поймут это, у них не будет ни малейшего представления, где ее искать. Но потом он сообразил, что все не так просто. Если переговоры с чужаком продлятся достаточно долго — например, неделю — корабли аддеркопов прочешут этот район и будут караулить. Они не прекратят поиски в течение месяца, а к этому времени на «Гебе» начнет ощущаться недостаток продовольствия. И когда яхта будет вынуждена перейти в гиперпространство, ее обнаружат и легко уничтожат. Единственный выход — организовать рейс к Валгалле как можно скорее, чтобы компенсировать уменьшенную скорость.

— Мы испробовали все частоты, сэр, — доложил Торранс. — До сих пор никакого ответа. — И с беспокойством добавил: — Не понимаю. Они должны видеть, что мы их вызываем, и понять, что мы хотим поговорить с ними. Почему они не отвечают? Ведь это им ничем не грозит.

— Может, они покинули корабль? — предположил офицер-связист. — Возможно, у них есть шлюпки, пригодные для передвижения в гиперпространстве.

— Нет,— Торранс покачал головой.— Мы бы это заметили. Продолжайте попытки, фримен Бетанкур. Если в течение часа мы не получим ответа, будем брать их на абордаж.

Экран приемопередатчика продолжал оставаться темным. Час прошел. Когда Торранс надевал космический скафандр, Ямамура сообщил новые сведения. Нейтринное излучение из источника в корме корабля чужаков значительно усилилось. Там происходил какой-то процесс, требующий не очень большого количества энергии.

Торранс защелкнул свой шлем:

— Мы посмотрим сами, что это такое.

Он составил отряд захвата. Ван Рийн, громко ругаясь и протестуя, остался на борту — и повел его к главному шлюзу. Плавно, как акула («В конце концов,— напомнил себе изумленный капитан,— старый боров был космонавтом, награжденным голубой лентой»), «Геба» двинулась к чужаку.

Но тот исчез. От отдачи яхта содрогнулась.

— Вельзевул и бутулизм! — заревел Ван Рийн.— Он снова ушел в гипер! Ну, это у него не выйдет.

Конвертор скрипел, но давал нужную энергию, и вскоре яхта вновь нагнала чужака. Ван Рийн проделал это с таким блеском, что Торранс должен был признать себе: такой маневр труден даже для опытного пилота. Яхта уклонилась от поражающего луча чужака и прикрепилась к его корпусу нерасторжимо прочными силовыми линиями. Затем Ван Рийн выключил конвертор, который мог просто не выдержать напряжения. Однако огромный корабль двигался, не изменяя скорости, и увлекал за собой «Гебу». Скрепленные корабли летели быстрее света к неизвестным созвездиям.

Торранс выругался и сделал переключку своих людей. Ему раньше никогда не приходилось захватывать корабли, но он считал, что это не труднее, чем проникнуть в корабль, покинутый экипажем. Выбрав место, он первым делом приказал закрыть его защитным карманом, чтобы перекрыть утечку воздуха: нет необходимости уничтожать чужаков. Резаки его людей изрыгали пламя, синие искры срывались фонтанами и исполняли в невесомости сложный танец. Остальная часть отряда стояла наготове, держа бластеры и гранаты.

Два корабля продолжали падать в бесконечность. Без компенсирующей электроники небо, в соответствии с эффектом Доплера, было искажено абберацией, и людям казалось, что они умерли и несутся навстречу Судному Дню. Торранс заставлял

себя думать о конкретных делах. Как они будут обращаться со своими пленниками, когда окажутся на корабле? Особенно, когда придется застрелить нескольких из них...

Наконец внешнюю оболочку разрезали, и Торранс принялся с интересом изучать внутреннюю поверхность. Ничего похожего он раньше не видел. Несомненно, эта раса овладела космосом совершенно независимо от человечества. Хотя в целом конструкции кораблей были основаны на одинаковых физических законах, но детали различались существенно. Что это за непрочная, но вязкая субстанция, образующая внутреннюю оболочку чужака? Проходят ли в ней контуры и схемы? Больше им скрываться негде.

Последняя преграда была преодолена. Торранс с трудом глотнул и пошел внутрь; там было темно и пусто. Войдя, он повис в пространстве: искусственная тяжесть была выключена. Экипаж прячется где-то и...

И...

Торранс вернулся на яхту через час. Он нашел Ван Рийна сидящим рядом с Джерри. Девушка начала что-то говорить, но посмотрела внимательно в лицо капитана и замолчала.

— Ну? — сварливо спросил торговец.

Торранс прочистил горло. Собственный голос показался ему незнакомым.

— Думаю, вам лучше взглянуть самому, сэр.

— Ты отыскал экипаж в его вонючем аду? На что они похожи? Что это за корабль?

Торранс решил сначала ответить на последний вопрос.

— Похоже, этот корабль предназначен для перевозки животных с различных планет. Должен сказать, что такого проклятого набора животных я не видел даже в зоопарке Солнечной системы в Луна-Парке.

— На кой сифилис это мне? Где тот, кто собирал этих животных? Где его прикрытые фиговыми листочками друзья?

— Как вам сказать, сэр, — Торранс опять глотнул. — Думаю, они спрятались от нас, спрятались среди своих животных.

Между главным шлюзом яхты и прорезью в корпусе чужака проложили туннель. Через него накачали воздух и провели электричество, чтобы осветить захваченный корабль. Манипулируя гравитационными генераторами «Гебы», Ямамура установил на чужаке силу тяжести примерно в одну четверть земной, но при этом ему не удалось сохранить везде горизонтальное положение: палубы чужака были наклонены под разными углами.

Даже в этих условиях походка Ван Рийна была тяжелой. Он стоял с салями в одной руке, с сырой луковицей в другой и осматривал добычу. Вероятно, здесь находилась рубка управления, хотя она располагалась ближе к корме, чем к носу. Экраны действовали; для глаз существа, меньшего чем человек, они были удобными. Экраны показывали ту же картину созвездий, видимо, работая на аналогичных оптических компенсаторах. Контрольная панель образовывала полукруг у передней стены, слишком большой, чтобы ею мог управлять один человек. Но, похоже, конструкторы рассчитывали на одного космонавта, так как в центре стояло одно кресло.

Из пола торчали короткие металлические стержни. Они были видны с обеих сторон кресла, и отверстия для болтов показывали, что здесь можно прикрепить еще кресла, однако самих кресел не было.

— Я думаю, пилот сидит в этом кресле, когда они движутся в автоматическом режиме,— Торранс заколебался.— Штурман и связист... здесь и здесь? Не уверен. В любом случае они не используют помощника пилота, хотя крепления кресла в дальнем углу говорят о том, что там находится резервный офицер.

Ван Рийн пожевал луковицу и потянул себя за бородку.

— Чертовски большая она, эта панель,— сказал он.— Раса кровожадных спрутов, а? Посмотрите, как сложно.

Консоль, покрытая чем-то вроде флюоресцирующего пластика, имела очень мало кнопок и переключателей, но зато на ней располагалось множество плоских квадратов, каждый не менее двадцати квадратных сантиметров; некоторые из них — вдавленные. Очевидно, это было управление приборами. Осторожная попытка показала, что нужно очень большое усилие, чтобы вдавить такой квадрат. Эксперимент закончился, когда открылся один из грузовых люков и большая часть воздуха улетучилась из корабля, прежде чем Торранс, напрягая все силы, поставил пластинку на место. Не следовало неосторожно обращаться с приборами незнакомого корабля, особенно в космосе.

— Они должны быть сильными, как лошади, чтобы справляться с этими приборами,— заметил Ван Рийн.— Все свидетельствует об этом.

— Не все, сэр,— возразил Торранс.— Экраны как будто предназначены для карликов около метра ростом,— он указал на полку с инструментами размером не больше пуговицы, на каждом из которых была нанесена цифра или буква, а может быть, идеограмма. Знаки отдаленно напоминали старые китайские

иероглифы.— Человек не мог бы пользоваться ими, во всяком случае, без должной тренировки и напряжения. Конечно, иметь глаза, приспособленные для мелкой работы, еще не значит быть карликом. А вот этот переключатель невозможно достать с пола, не обладая длинными руками,— встав на цыпочки, он дотянулся до выключателя, находящегося как раз над предполагаемым креслом пилота.

Переключатель щелкнул.

С кормы донесся рев. От внезапного толчка Торранс отлетел назад и, чтобы не упасть, ухватился за полку у задней стены. Тонкий металл согнулся, но выдержал.

— Каракатицы и болваны! — взревел Ван Рийн.

Упершись своими слоновьими ногами в пол, он дотянулся до выключателя и вернул его в прежнее положение. Рев прекратился, вернулась сила тяжести. Торранс подошел к высокой двери, ограниченной широкой аркой, и крикнул в коридор:

— Все в порядке! Не беспокойтесь!

— Что это за проклятая чертовщина? — потребовал ответа Ван Рийн.

Торранс с трудом взял себя в руки.

— Думаю, выключатель двигателя,— голос его дрожал.— Полное ускорение без всякой компенсации. Конечно, в гиперпространстве это не опасно. Вероятно, в целом ускорение было меньше одного жэ. В нормальном пространстве это дало бы несколько жэ. Приспособление для внезапного быстрого ухода и... и...

— И вы, с мозгом из перекисшей подливки, с бананами вместо пальцев, дернули этот переключатель?

Торранс почувствовал, что краснеет.

— Откуда я мог знать, сэр? Я нажимал с силой менее килограмма. Двигатели не должны включаться так легко! Кто мог подумать, что он так легко поддастся, особенно после тех усилий, которые мы прикладывали к этим плиткам?

Ван Рийн посмотрел на выключатель более внимательно:

— Я вижу здесь предохранительную защелку.— Может быть, они используют этот выключатель на планетах с большой гравитацией? — Он указал на отверстие в центре панели около сантиметра в диаметре и пятнадцати сантиметров в глубину. На дне находился маленький ключ.— Это может быть другим специальным защитным приспособлением, а? Более безопасным, чем тот переключатель. Потребуется очень тонкие щипцы, чтобы достать его оттуда,— он почесал свою напояженную голову.— Но здесь поблизости нигде нет таких щипцов. Я не вижу ни крюка, ни скобы для них.

— И не ищите,— сказал Торранс.— Когда они очищали все помещения... Там, в машинном отделении лишь груды обломков, расплавленный металл, обожженный пластик... постельные принадлежности, мебель — все, что, по их мнению, могло нам хоть что-то рассказать о них, они оттащили туда и уничтожили. А для этого использовали свой конвертор — вот откуда нейтринное излучение, которое заметил Ямамура. Они должны были работать, как черти.

— Но ведь они не разрушили все необходимые инструменты и машины? Тогда им было бы проще взорвать весь корабль вместе с вами. Я потел, как свинья, от страха, что они это сделают. Для бедного старого грешника не лучший способ кончить свои дни — разлететься в радиоактивном взрыве за триста лет от виноградинок Земли.

— Н-нет... Насколько можно судить по беглому осмотру, они не уничтожили ничего жизненно важного. Конечно, мы не можем быть уверены. Группе Ямамуры потребуется неделя, чтобы установить в общих чертах, как функционирует их корабль. Но я согласен, что экипаж не собирался совершать самоубийство. Они поймали нас в ловушку, даже не зная об этом. Мы крепко привязаны к их кораблю и летим, вероятно, к их звезде, под прямым углом к нужному нам курсу.

Торранс направился к выходу.

— Вероятно, нам надо получше присмотреться к их зверинцу,— добавил он.— Ямамура собирался установить там кое-какое оборудование. Оно поможет нам отличить экипаж от животных.

Главный трюм занимал почти половину огромного корпуса корабля. Коридор вверху и мостик внизу шли вдоль длинного ряда помещений. Их было девяносто шесть, и все они ничем не отличались друг от друга. Каждое пяти метров в ширину с вмонтированными в потолок блестящими пластинами; в некоторых помещениях вдоль стен были закреплены полки и параллельные прутья, видимо, для животных, привыкших прыгать и лазать. В задних стенах помещений находились хорошо укрытые отсеки. Ямамура не разрешил трогать их, но сказал, что они, наверное, служат для регулирования состава атмосферы, а также температуры, гравитации, санитарного состояния и других элементов «обстановки» каждой клетки.

Передние стены, выходящие в коридор и на верхний мостик, были прозрачными. В них размещались люки с воздушными шлюзами, прочно запертые простым, но надежным механизмом. Управлять механизмом можно было как снаружи, так и изнутри клеток. Лишь несколько клеток пустовали.

Людам не было необходимости освещать помещения. Ван Рийн и Торранс шли по затемненному коридору мимо чудовищ. Свет дюжины различных солнц сквозь прозрачные стены помещений освещал их — красный, оранжевый, желтый, зеленый и резко-голубой.

Существо, которое было бы похоже на акулу, если бы не усы, развевающиеся над его головой, плавало в наполненном водой помещении среди водорослей. В следующем помещении находилось множество маленьких крылатых рептилий с ярко сверкающими чешуйками. Они ползали и перелетали с места на место. На противоположной стороне четыре прекрасных создания, похожих на медведей с тигровой шкурой, бродили в желтоватом тумане; они передвигались на четырех лапах, но время от времени вставали на две. Тогда можно было заметить убирающиеся когти между похожими на обрубки пальцами и клыки хищников.

Дальше люди прошли мимо клеток с полдюжиной красноватых животных, напоминающих шестилапых выдр, которые резвились в приготовленном для них бассейне. Очевидно, механизмы поддержки решили, что пришла пора кормления; хоппер выбросил какую-то протеиновую массу в лоток, и звери принялись рвать ее клыками.

— Автоматическое кормление,— заметил Торранс.— Я думаю, пища синтезируется на месте в соответствии с биохимией каждого вида. Для членов экипажа тоже — мы не нашли ничего, похожего на камбуз.

Ван Рийн содрогнулся.

— Ничего, кроме синтетики? Нет даже крошечного стакана джина перед обедом? — Его передернуло.— Ха! Мы, вероятно, открыли новый хороший рынок. И пока они разберутся в ситуации, мы можем драть с них втридорога.

— Сначала их надо найти,— напомнил Торранс.

Ямамура из центра трюма направлял на одно из помещений различные приборы и измерительные инструменты. Джерри стояла рядом и подавала ему приборы по его указанию, включая и выключая переносной аккумулятор.

— Что тут происходит? — спросил Ван Рийн.

Ямамура невозмутимо взглянул на него.

— Я приказал членам группы подробнее изучить корабль, сэр,— сказал он.— Я к ним присоединюсь, как только фриледи Кофоед приобретет некоторую сноровку в обращении с этими инструментами. Она вполне способна выполнять эту однообразную работу, в то время как остальные будут гораздо полезнее как специалисты.— Он заговорил медленнее и печально улыбнулся: —

Боюсь, нам потребуется не меньше месяца, чтобы раскрыть их секреты, да еще с нашими ограниченными ресурсами.

— У нас нет месяца,— возразил Ван Рийн.— Вы замеряете условия в каждой клетке?

— Да, сэр. Они описаны здесь, конечно, но мы не можем прочесть эти надписи. Я сопоставляю гравитацию, состав и давление атмосферы, температуру, спектр освещения и так далее. Это медленная работа, она требует многочисленных математических расчетов. К счастью, нам не нужно проверять каждое помещение.

— Не нужно,— согласился Ван Рийн.— Совершенно очевидно, этот корабль не могли создать птицы или рыбы. В любом случае у них должно быть что-то вроде рук.

— Или щупальцев,— Ямамура кивнул в сторону ближайшего помещения, залитого тускло-красным светом, где были видны несколько существ черного цвета, непрерывно движущихся. У них были квадратные тела на четырех лапах, на этих телах возвышались вторые, покрытые костным панцирем. Они напоминали кентавров. Под безликими головами располагались шесть тонких липких рук, разделенных по три. Две руки оканчивались бескостными, но явно сильными пальцами.

— Подозреваю, что это и есть наши застенчивые друзья,— продолжил Ямамура.— Если это так, у нас будет достаточно времени... Они дышат водородом под большим давлением и с устроенной гравитацией, температура же в помещении около семидесяти градусов ниже нуля.

— Они единственные, кто находится в таких условиях? — спросил Торранс.

Ямамура пристально посмотрел на него:

— Понимаю, что вы имеете в виду, капитан. Нет, не единственные, я обнаружил три помещения с аналогичными условиями. Но в них точно животные: змеи и тому подобные; они не могли построить корабль.

— Но ведь эти лошади-осьминоги не могут быть экипажем,— робко встала Джерри.— Экипаж собирал животных с различных планет, зачем им свои животные?

— Они могут быть,— возразил Ван Рийн.— У нас на «Гебе» есть кот и несколько попугаев. Или можно предположить, что существует несколько планет с водородной атмосферой и аналогичными условиями. Ведь есть же Земля, Фрейя и другие планеты с кислородной атмосферой. Это ничего не доказывает,— он повернулся к Ямамуре, как огромный глобус.— Но послушай-

те, если экипаж выпустил наружу весь воздух перед нашим прибытием, почему бы не проверить их резервные tanks? Если мы найдем там воздух, которым дышат эти сони...

— Я думал об этом,— сказал Ямамура.— И это было первым, что я приказал своим людям проверить. Они ничего не обнаружили. Да я и не надеялся. Так как первое, что они нашли, была передвижная труба синтезатора. Я думаю, синтезатор способен восстановить воздух, выпущенный перед нашим приходом. Когда мы уйдем, они откроют дверь своего помещения, и воздух выйдет наружу. Синтезатор камеры включится и восстановит количество и состав воздуха на корабле.— Он вздохнул.— А может, им вполне подходят земные условия?

— Да,— сказал Торранс.— Думаю, нам надо осмотреть все и еще поискать разумных хозяев корабля.

Ван Рийн покатился за ним.

— Какого типа разум у этих безмозглых животных? — ворчал он.— Почему они затеяли этот дурацкий маскарад?

— Это не так уж глупо,— сухо заметил Торранс.— Мы летим вместе с их кораблем и не знаем, как остановить его. Они рассчитывают, что мы улетим и оставим их в покое или попадем в их собственный район. В любое время, и это весьма вероятно, какой-то военный корабль, или что они там имеют, обнаружит нас и приблизится узнать, что происходит,— он замолчал перед очередным помещением.— Я поражен...

В помещении находилось животное, похожее на слона, но с более тонким строением, что указывало на более низкую, чем на Земле, гравитацию. Его зеленая кожа была покрыта редкой чешуей, а вдоль спины шла полоса волос. Животное смотрело на них встревоженно и загадочно. Его совсем слоновий хобот оканчивался кольцом псевдопальцев, которые могли быть не менее сильными и чувствительными, чем человеческие.

— Может ли существовать однорукая раса разумных? — пробормотал Торранс.— Так же, как и двурукая. Отсутствие второй руки компенсируется огромной силой. Этот хобот мог бы согнуть огромный прут.

Ван Рийн нахмурился, молча прошел мимо помещения с пернатыми копытными и остановился перед следующей клеткой.

— Посмотри на этих,— сказал он.— Что-то похожее есть и на Земле. Как же они называются? Квинталла? Нет, горилла или шимпанзе?

Торранс почувствовал комок в горле. В двух соседних клетках находились по четыре двуногих животных с короткими ногами и длинными руками. Они вполне могли быть хозяевами корабля. Стоя они достигали почти двух метров, а размах рук был не

менее трех метров. Одно из них запросто могло в одиночку управиться с контрольной панелью. Запястье толщиной с человеческое бедро заканчивалось пропорциональными пальцами, из которых четыре противостояли пятому, большому. Трехпалые ноги явно предназначались для ходьбы, как и ноги человека. Тело было покрыто коричневой шерстью. На их сравнительно небольших остроконечных головах массивные носы казались огромными, а вот сверкающие глаза, глубоко посаженные под густыми бровями, были крошечными. Пока они бесцельно бродили взад и вперед, Торранс заметил среди них самцов и самок. В углах каждого помещения находились светильники, покрытые светочехлами. Свет их был знакомым желто-белым светом звезды, типа Солнца.

Он заставил себя возразить:

— Я не уверен. Эти мощные челюсти требуют соответствующих мускулов, которые должны прочно прикрепляться к черепу. Это соответственно уменьшает вместимость черепа.

— А если у них мозги в животах? — предположил Ван Рийн.

— Что ж, у некоторых людей так и есть, — пробормотал Торранс. Когда торговец подавился, он поспешно добавил: — Нет, в самом деле, сэр, в это трудно поверить. Нервные связи будут слишком длинными, и так далее. Все животные, которых я знаю, имеют центральную нервную систему, их мозг расположен вблизи органов чувств, а последние обычно находятся на голове. Конечно же, малый объем мозга еще не говорит, что они не разумны. Их мозг может функционировать совсем по-другому.

— Укус и перерез! — закричал Ван Рийн. — Может, может, может!

Они пошли дальше мимо странных созданий, и через некоторое время Ван Рийн сказал:

— Мы немногого добьемся, изучая их атмосферу и освещение. Чтобы спрятаться, экипаж может изменить нормальные для себя условия — немного и без всякого труда. Гравитацию, например, на двадцать-тридцать процентов.

— Я надеюсь, они дышат кислородом, хотя... эй! — Торранс остановился. Через мгновение он понял, что показалось ему странным в животных в оранжевом свете: они были покрыты хитиновой броней, похожей на квадратный военный шлем. Четыре короткие ноги, оканчивающиеся ступнями с острыми ногтями, поддерживали их массивные тела. Ресницы напоминали пучки щупальцев. В них не было ничего особенного, как и в любом неземном животном, кроме двух глаз — огромных, похожих на глаза человека или осьминога.

— Черепашки, — фыркнул Ван Рийн. — Или броненосцы.

— Не повредит, если Дже... мисс Кофоед проверит и их условия,— сказал Торранс.

— Напрасная трата времени.

— Не понимаю, как они едят, не вижу никакого рта.

— Эти щупальца похожи на капиллярные присоски. Готов поклясться, что они паразиты или переросшие лиявки, или что-то похожее на моих конкурентов. Идемте дальше.

— Что мы будем делать после того, как выявим предположительный экипаж корабля? — спросил Торранс.— Постараемся связаться с каждым по очереди?

— От этого будет мало пользы. Они спрятались, потому что не хотят с нами разговаривать, пока мы не докажем, что мы не аддеркопы. Но трудно сказать, как это можно сделать.

— Подождите! В конце концов, почему они спрятались, если уже вступили в контакт с аддеркопами? Ведь им тогда ничего не поможет.

— Я думал, что уже объяснил это вам, черт побери! — рявкнул Ван Рийн.— Для удобства давайте назовем эту неизвестную расу иксянами. Итак, иксяне уже некоторое время странствуют в космосе, но космос велик, и они никогда не встречались с людьми. Затем в этом секторе, где не было людей, появились аддеркопы. Иксяне услышали об этой страшной нации, тоже вышедшей в космос. Они высаживались на примитивных планетах, где побывали аддеркопы, разговаривали с туземцами, может быть, устанавливали автоматические камеры там, где ожидали набега аддеркопов. Возможно, издали следили за их лагерем или захватили их одиночный корабль. Так они узнали, как выглядят люди, но это и все. Они не хотят, чтобы люди узнали о них, поэтому остерегаются всяких контактов. Может, они еще не готовы к войне, не знаю. Торранс, экипаж должен поверить в наше честное намерение, тогда они доставят нас на Фрейю и доложат своим вождям, что не все люди похожи на этих грязных аддеркопов. В ином случае, проснувшись однажды, мы можем обнаружить, что наши планеты атакованы иксянами. И прежде чем эта война кончится, мы потеряем миллиарды кредитов! — он потряс кулаками в воздухе и взревел, как раненый бык.— Наш долг — предупредить это!

— Наш первый долг — вернуться живыми домой,— коротко ответил Торранс.— У меня там жена и дети.

— Тогда перестаньте слезовато поглядывать на Джерри. Я первый приметил ее.

Поиски продолжались.

Четыре существа длиной с человека, похожие на гусениц с толстыми лицами, ползали в зеленоватом свете. Тела их были

темно-синими с серебряными и напоминающими пятнами тела тех животных, похожих на кентавров, но были более приземистыми и имели две настоящие руки. На руках не было больших пальцев, но шесть пальцев, расположенных полукругом, могли заменить человеческую руку. Наличие рук не доказывает разумности: на Земле кроме обезьян некоторые рептилии и амфибии могли бы иметь такие же руки, или даже лучше, чем у людей. Однако круглые плосколицые головы этих существ, большие яркие глаза под перьевыми антеннами неизвестного назначения, маленькие челюсти и тонкие губы выглядели многообещающими.

«Обещающими что?» — подумал Торранс.

Трое земных суток спустя он торопливо шел по центральному коридору, направляясь к машинному отделению корабля иксян.

Коридор представлял собой большой полуцилиндр, выложенный тем же похожим на резину пластиком, что и клетки, так что шагов было не слышно, а сорвавшееся слово не отдавалось эхом. Но все же стены издавали какую-то глухую вибрацию — едва уловимое гудение машин гиперпространства, которые несли их корабль сквозь тьму к неизвестной звезде и выдавали их присутствие любому охотнику, находящемуся не далее светового года. Светильники, установленные людьми, были далеко, и он шел в полутьме. В коридор выходили помещения без дверей. Некоторые были полны снаряжением, и хотя форма большинства инструментов была незнакомой, а содержание контейнеров совсем неизвестным, они внушали уверенность, что корабль этот — не «Летучий Голландец», что он обитаем. Однако некоторые помещения выглядели явно нежилыми.

Нигде не осталось личных вещей экипажа. Книги сохранились, но никто не сумел расшифровать их знаки. Пустые места на полках свидетельствовали, что все иллюстрированные книги уничтожены. Можно было заметить и следы на стенах: там раньше висели картины. В личных каютах, в большом помещении, которое, по-видимому, служило кают-компанией, в машинном отделении, в мастерской — повсюду только по креплениям можно было понять, что тут находилась мебель. В стенах кают-компании сохранились длинные низкие ниши и маленькие уютные углубления, но, когда все постельные принадлежности уничтожены, как можно догадаться, каковы они были, эти постели, кто на них спал? Одежда, украшения, обеденная и кухонная посуда — ничего не осталось. Одно помещение, вероятно, было туалетом, но никаких принадлежностей там не

сохранилось. Другое место могло служить для научных занятий, в частности, для изучения койманных животных, но и там все было так пусто, что ни один человек ничего бы не понял.

«Клянусь богом, ими стоит восхищаться! — подумал Торранс. — Захвативший существами, которых они считали отвратительными чудовищами, экипаж чужаков не избрал легкий путь — атомный взрыв, который уничтожил бы оба корабля. Вероятно, они так бы и поступили, если бы корабль не был зверинцем... Увидев в этом надежду на спасение, они ухватились за нее с невероятной смелостью, которой вряд ли обладал кто-либо из людей. Теперь они сидят на виду у всех, ожидая, пока чудовища уйдут или пока военный корабль не освободит их. Они не знали, что их захватчики не аддерконы, не знали и того, что вскоре этот сектор будет заполнен их кораблями. Так что в пределах имеющейся у них информации чужаки действовали вполне логично. Но сколько нервов это стоило?

Я хотел бы найти их и подружиться с ними. Иксие не могли бы стать отличными напарниками землян, жителей Рамамунджана или Фрейи, или всей Политехнической Лиги. — Он криво улыбнулся. — Держу пари, их вряд ли можно легко надуть, как надеется на это старый Ник. Они сами его надуют, и хотел бы я это увидеть! Мое желание их найти более логично, — продолжал он, загрустив. — Если мы не разберемся с этим недоразумением как можно быстрее, не будет ни нас, ни их. И очень скоро. Хорошо, если у нас есть еще три-четыре дня отсрочки.

Коридор заканчивался лестничной площадкой с двумя дверями, которые вели направо и налево. Одна из дверей шла в машинное отделение, и Торранс это знал. За ней ядерный конвертор питал энергией все системы корабля и двигатели, гравитационный и гиперпространственный. Принцип, по которому он действовал, был знаком Торрансу, но большинство машин оставались загадкой в металле и пластмассе.

Он открыл другую дверь — в мастерскую. Большую часть оборудования, несмотря на разрушения, можно было определить: токарный и сверлильный станки, осциллограф и кристаллический тестер. Ямамура сидел за импровизированным верстаком и сплавлял части электронной аппаратуры. Рядом с ним стояло несколько приборов. Лицо Ямамуры осунулось, руки дрожали. Он работал без отдыха, и лишь стимуляторы не давали ему уснуть.

Весь экипаж «Гебы» под руководством Ямамуры пытался разгадать загадку иксин, изучая их корабль. Когда Торранс вошел, Ямамура разговаривал со связистом Бетакуром.

— Я обнаружил основное электрическое оборудование, сэр, — говорил связист. — Они не пользуются энергией конвертора

непосредственно, как мы. Очевидно, их методы поглощения отличаются от наших: они используют трансформаторы и получают переменный ток. Там же, где нужен постоянный, они пропускают переменный через ряд пластин, изготовленных, похоже, из окиси меди. Пластины прикрыты лишь защитным экраном, но поскольку через них проходит ток большого напряжения, они слишком горячи и взглянуть на них поближе нельзя. И все это мне кажется довольно примитивным.

— Или просто отличным от наших методов,— вздохнул Ямамура.— Мы используем конвертор на легких элементах. Он хорош тем, что дает ток непосредственно. Они могли использовать другой метод — на тяжелых элементах, требующий гораздо меньше очистки. Я вспоминаю, на Земле когда-то пытались сделать это, но отказались — непрактично. Но, может, иксяне — лучшие инженеры, чем мы. Такая система конвертора имеет свои преимущества, а то, что не нужно очищать горючее, для корабля, странствующего среди неисследованных планет, очень важно. Может, этим покрываются недостатки их системы, мы просто не знаем.

Покачивая головой, он смотрел на провода, которые держал в руках.

— Мы чертовски мало знаем,— проговорил он, и добавил, увидев Торранса: — Ладно, продолжайте, фримен Бетанкур. И помните: горючитесь медленно.

— Чтобы не повредить двигатель? — спросил Торранс.

Ямамура кивнул.

— Иксяне должны были сообразить, что у такого маленького корабля, как наш, не хватит мощности, чтобы тащить в гиперпространстве их корабль,— сказал он.— Поэтому они могли решить, что мы и не станем этого делать. Они могли расставить в своих механизмах мини-ловушки. Мы должны быть предельно осторожны.

— Весь экипаж и так в напряжении.

— Это даже лучше. Гм... Что ж, сэр, я подготовил основную аппаратуру,— так как Торранс ни о чем не спрашивал, он пояснил: — Я приспособил аппаратуру для исследования этих существ. Особенно тех, кто дышит водородом.

Торранс возразил:

— Начнем с тех, кто дышит кислородом. В сущности, они живут в условиях, настолько близких к нашим, что мы запросто можем войти к ним в клетку. Я имею в виду гориллондов. Так мы с Джерри их назвали. Это поросшие шерстью двуногие с обезьяньими лицами.

Ямамура состроил обезьянью рожу.

— Такие мощные звери. Проявили они хотя бы след разумности?

— Нет. Но разве мы ожидали, что иксяне сделают это? Мы с Джерри много раз проходили мимо клеток со всевозможными животными, делали им знаки, рисовали картинки — все, что могли придумать, стараясь объяснить им, что мы не аддерконы. Что те нас самих преследуют. Конечно, ничего не вышло. Все животные хоть как-то реагируют на наше присутствие, кроме гориллоидов. Впрочем, это ничего не доказывает.

— Каких еще животных надо проверить? Я был занят все это время.

— Ну, мы их называем тигровыми обезьянами, потом кентавры со щупальцами, элфантид, зверьки в шлемах и гусеницы. Эти последние ползают, тигровые обезьяны и зверьки в шлемах вряд ли подойдут, элфантид тоже. Только у гориллоидов подходящие размеры и отлично устроенные руки. К тому же они дышат кислородом, поэтому мы начнем с них. Следующие по вероятности, я думаю, гусеницы и кентавры со щупальцами. Но гусеницы, хотя и дышат кислородом, привыкли к высокой гравитации. Их атмосфера будет действовать на нас, как наркотик. Кентавры со щупальцами дышат водородом. И в том, и в другом случае придется работать в скафандрах.

— Эти гориллоиды не выглядят добродушными.

Торранс взглянул на верстак.

— Что вы, собственно, собираетесь делать? — спросил он. — Я был слишком занят своими делами, чтобы изучить ваш план в деталях.

— Я приспособил некоторые медицинские приборы, например офтальмоскоп. На большей части их механизмов есть знаки. Кроме того, используется свет. Так что иксяне должны иметь глаза не хуже наших. Затем есть прибор, прослеживающий нервные пути. Он проецирует все данные на этот экран так, что мы можем увидеть уменьшенное изображение всей нервной системы проверяемого. Сопоставляя эту картину с общей анатомией тела, мы сумеем определить симпатические и парасимпатические системы или их эквиваленты... я надеюсь. А также мозг. Уровень развития мозга в какой-то степени определяется уровнем развития всей нервной системы. На мне это сработало. Сработает ли это на другом существе, да еще на таком, которое дышит не кислородом, не знаю. Попробуем.

— Да, мы можем только попробовать, — устало подтвердил Торранс.

— Полагаю, старый Ник ходит и думает, — заметил Ямамура. — Я давно его не видел.

— Он не захотел помогать мне и Джерри,— ответил Торранс.— Сказал, что наши попытки установить иксян будут тщетными, пока мы не докажем иксянам, что знаем, кто они. Но и после того, добавил он, единственным приемлемым языком будет жестикуляция пистолетом.

— Вероятно, он прав.

— Он не прав! Логически — возможно, но не психологически... или морально. Он сидит в своей каюте с батареей бутылок и ящичками сигарет. Кока, который помогал вашим людям, вызвали на яхту готовить ему гурманские обеды. Можно подумать, его не беспокоит, что в любую минуту он может взорваться.

Но тут он вспомнил присягу, свое официальное положение, и так далее и тому подобное. Сейчас, на краю гибели, это казалось бессмысленным. Но привычка оказалась сильнее; он глотнул и резко сказал:

— Мне очень жаль. Прошу забыть сказанное мной. Когда вы будете готовы, фримен Ямамура, мы испытаем гориллоидов.

Шестеро мужчин и Джерри стояли в коридоре с бластерами наготове. Торранс страстно надеялся, что им не придется стрелять. Он махнул рукой четверым стоящим в коридоре за его спиной.

— Порядок, парни!

Облизал губы. Сердце его колотилось. «Быть капитаном и Мастером Ложи приятно, но, черт побери, наступает час, когда за привилегии приходится платить».

Торранс повернул наружное колесо механизма люка. Загудел мотор, дверь створилась, и он вошел в клетку гориллоидов.

Разница в давлении была незначительной, и Торранс не ощущал неудобств. Но, попав в поле гравитации лишь на одну десятую меньше земной, он ощутил удар: ведь все это время он находился в поле тяготения в четверть жэ. Он пошатнулся, чуть не упав, и вдохнул теплый воздух, полный незнакомых запахов. Прислонясь к стене, он смотрел на четверых двуногих. Их покрытые коричневой шерстью тела казались невероятно огромными, вздымающимися к грубым лицам с крупными чертами. Глаза под густыми бровями пристально смотрели на него. Торранс нащупал рукой пистолет-парализатор. Он не хотел стрелять, вовсе нет: нельзя было предсказать, как подействует на чужую нервную систему ультразвук. А если это действительно были члены экипажа, худшее, что он мог сделать, это причинить вред кому-нибудь из них. Но он чувствовал себя таким маленьким и

хрупким, а рубчатая рукоятка пистолета внушала ему уверенность.

Самец заревел — рев вырвался из глубины его груди — и двинулся вперед. Его заостренная голова приближалась, странные щели на шее приоткрывались и закрывались, как сосущие рты. Губы поднялись, обнажая белые зубы.

Торранс отступал в угол.

— Я постараюсь отвести этого от других,— тихо сказал он.— Тогда берите его.

— Понятно,— ответил один из космонавтов, разматывая аркан. За ним остальные расправили сеть, сплетенную для этого случая.

Гориллоид остановился. Крикнула самка, казалось, давая самцу указания, и тот жестом, удивительно похожим на человеческий, отослал остальных в сторону и направился к Торрансу.

Капитан выхватил пистолет и направил его трясущей рукой. Надежда на то, что ему удастся раскрыть их маскарад, показалась ему смехотворной. Он отпрыгнул назад, к люку. Гориллоид с рычанием последовал за ним. Торранс двигался не достаточно быстро. Рука животного разорвала ему куртку и оставила кровавую царапину на груди. Он опустился на четвереньки, морщась от боли. В воздухе метнулся аркан. Пойманный за ноги гориллоид упал. Его падение сотрясло всю клетку.

— Берите его! Следите за руками. Так...

Торранс поднялся на ноги. За схваткой, в которой четверо мужчин старались связать ревущее и борющееся животное, он увидел остальных существ. Они столпились в противоположном углу, ревя басом. Торрансу показалось, что он находится внутри барабана.

— Утащите его! — крикнул он.— Пока не вмешались остальные.

Он снова поднял свой пистолет и направил его на животных. «Если они разумны, то должны понять, что это оружие. И все равно они могут напасть...»

Гориллоиду связали руки, обмотали аркан вокруг могучего торса и закрепили скользящим узлом, а потом забросили сеть. Беспомощного в ее цепких ячейках гориллоида потащили к выходу. Шаг за шагом подбирался второй самец. Торранс стоял неподвижно. Звериный вой и крики людей звучали вокруг него и в нем самом. Рана болела. Он с неестественной четкостью видел пасть, маленькие тупые глазки, красные от ярости, и руки такого же размера, как у человека, но с четырьмя пальцами и покрытые шерстью...

— Все в порядке, капитан!

Гориллоид сделал выпад. Торранс кинулся в люк, гигант последовал за ним. Торранс вылетел в коридор и направил свой пистолет. Гориллоид остановился, задрожал, посмотрел вокруг с выражением, похожим на замешательство, и отступил. Торранс закрыл люк и, дрожа, опустился на пол.

Джерри склонилась над ним.

— Что с вами? О, вы ранены!

— Ничего страшного,— пробормотал он.— Дайте сигаретку.

Она достала сигарету из кармана и с удивительной живостью проговорила:

— Это всего лишь кровоподтек и глубокая царапина. Но лучше проверить и простерилизовать. Может быть инфекция.

Он кивнул, но продолжал оставаться на месте, пока не докурил сигарету. Ниже по коридору люди Ямамуры привязывали гориллоида к металлической раме. Невредимый, но беспомощный, тот ревел и старался укусить инженера, приблизившегося к нему с оборудованием. «Да, вернуть его в клетку будет не легче, чем извлечь оттуда».

Торранс встал. Сквозь прозрачную стенку он видел самку гориллоида, яростно разрывающую что-то на куски, и понял, что обронил в клетке свой тюрбан. Он вздохнул.

— Больше ничего нельзя сделать, пока Ямамура не вынесет свой приговор,— сказал он.— Идемте, я хочу немного передохнуть.

— Сначала лазарет,— решительно произнесла Джерри. Она взяла его за руку, и они прошли входной зал, туннель и оказались в пониженном тяготении поля «Гебы», которое предпочитал Ван Рийн. Они почти не разговаривали, пока Джерри помогала Торрансу снять куртку, смазывала рану дезинфицирующим средством, которое жгло, как огонь, и перевязывала его. Потом она предложила ему выпить. Они пошли в кают-компанию.

К их удивлению и разочарованию Торранса, там был Ван Рийн. Он сидел у столика, инкрустированного красным деревом, одетый в кружевную накидку и свой обычный саронг. В одной руке он держал бутылку, в другой — сигарету. Перед ним лежала папка с бумагами.

— А, это вы,— буркнул он, взглянув на них.— Что случилось?

— Испытываем гориллоида,— Торранс упал в кресло. Так как стюард отправился на корабль чужаков в составе группы капитана, то за напитками пошла Джерри. Из соседнего помещения донесся ее гневный голос:

— Капитан Торранс чуть не погиб при этом. Может, вы в конце концов пойдете взглянуть, Ник?

— Что пользы глядеть, словно турист с глазами трески? — усмехнулся торговец. — Я не скрываю, что уже слишком стар и жирен для охоты на этих обезьян. И у меня нет технических знаний, чтобы вертеть ручки приборов Ямамуры, — он выпустил клуб дыма и благодушно добавил: — Это не моя работа. Я не специалист, и у меня нет университетских дипломов, я учился в школе. Но я изучил науку, как заставлять людей работать на себя и как извлекать выгоду из их действий.

Торранс сделал очень медленный выдох. Напряженное спало, и он почувствовал невероятную усталость.

— Что вы проверяете, сэр? — спросил он.

— Доклады специалистов о корабле иксян, — ответил Ван Рийн. — Я всем приказал дать подробные отчеты обо всем увиденном ими на корабле. Где-то в этих отчетах может скрываться ключ от загадки. И если гориллоиды не иксяне... Я имею в виду, гориллоиды вполне вероятны, и я не вижу иного способа исключить их из числа подозреваемых, кроме испытаний Ямамуры.

Торранс потер глаза.

— Они не очень вероятны, — сказал он. — Большинство найденных нами приборов надо управлять большими руками, но некоторые инструменты так малы, что... О, я понимаю, чужаков тоже поразило бы разнообразие наших инструментов. Так ли уж важно, что одна и та же раса использует дляковки и кузнечный молот, и гравировальную иглу?

Джерри вернулась с двумя порциями крепкого шотландского виски с содовой. Торранс взглядом следил за ней. В обтягивающей блузке и короткой юбочке она была очень привлекательна. Она села ближе к Торрансу, чем к Ван Рийну. Глаза торговца сузились, однако заговорил он мягко:

— Я был бы рад, если бы вы перечислили мне всех возможных кандидатов в иксяне и сказали, почему вы так считаете. Я, конечно, тоже видел их, но пока еще ничего не решил, и, может быть, что-нибудь в ваших наблюдениях натолкнет меня на верный ответ.

Торранс кивнул.

— Что ж, — сказал он, — кентавры со щупальцами кажутся мне наиболее вероятными. Вы знаете, кого я имею в виду? Живут в красном свете и при половинной гравитации. Неяркое солнце и низкая температура позволили их планете удержать водородную атмосферу — они дышат смесью водорода с азотом. Вы знаете, как они выглядят: тело носорога, торс с головой, прикрытой костяными пластинками, и щупальца с пальцами. Подобно

гориллоидам, они достаточно велики, чтобы легко управлять кораблем.

Все остальные дышат кислородом. Те, кого мы называем гусеницами — длинные многоногие существа сине-серебряного цвета, со своеобразными руками и лицами, которые кажутся разумными, должно быть, с большой планеты. В их клетке тройное тяготение, и это не может быть отвлекающим маневром, по крайней мере, не так долго. Если для них привычно меньшее тяготение, их организмы давно бы сдали. В их атмосфере кислород в смеси с азотом, а давление превышает земное в двенадцать раз. Температура высокая — около пятидесяти градусов. Их планета по массе должна приближаться к Юпитеру, но находиться так близко к звезде, что весь водород уже улетучился, и поэтому их эволюция должна значительно отличаться от земной.

Элефантоид живет на планете с гравитацией, вдвое меньшей, чем земная. Он один в своей клетке, его хобот оканчивается пальцами. Он дышит воздухом, слишком разреженным для нас, а это доказывает, что уровень гравитации в его клетке установлен правильно — это не обман.

Торранс сделал большой глоток.

— Остальные живут в условиях, близких к земным, — заключил он. — Поэтому я хотел бы, чтобы иксяне оказались среди них. Но, к сожалению, за исключением гориллоидов, все они маловероятны. Разве что зверьки в шлемах...

— Кто они? — спросил Ван Рийн.

— О, вы должны помнить, — вмешалась Джерри. — Восемь или девять существ, похожих на горбатых обезьян, немного больше вашей головы. Они ползают на когтистых лапах и помахивают тоненькими щупальцами, с помощью которых всасывают пищу — жидкое вещество, синтезируемое машиной. У них нет ничего похожего на работоспособные руки — щупальцами можно делать только некоторые простейшие операции. Но исследовать их нужно обязательно, так как глаза у них развиты лучше, чем обычно бывает у паразитов.

— У паразитов не может развиваться интеллект, — сказал Ван Рийн. — Надо установить, действительно ли они паразиты в своем домашнем окружении — и тогда их можно будет вычеркнуть. Кто еще?

— Тигровые обезьяны, — ответил Торранс. — Это хищники, отдаленно напоминающие медведя. В основном они передвигаются на четырех конечностях, но иногда встают на две, и тогда у них появляются руки. Неуклюжие, без больших пальцев, с втягивающимися когтями, но зато все конечности имеют ладони. Могут

ли четыре руки без больших пальцев заменить две человеческие? Не знаю. Я слишком устал, чтобы думать.

— И это все? — Ван Рийн поднес бутылку ко рту. Осушив ее, он откинулся, рыгнул и выпустил облако дыма через свой величественный нос. — Кого вы будете испытывать следующим, если гориллы не оправдают надежд?

— Я выбрала бы гусениц, — сказала Джерри, — несмотря на давление их атмосферы. Потом... о... кентавров со щупальцами. Потом, может быть...

— Глупый выбор! — Ван Рийн ударил кулаком по столу. Бутылка и стаканы подпрыгнули. — Сколько времени уйдет на проверку всех? Часы? А сколько часов потребуется, чтобы приспособить аппаратуру для каждого испытания? Ямамура скоро упадет от истощения, и заменить его нечем! А аддеркопы все ближе. У нас нет времени для этого метода! Если гориллы не окажутся иксянами, нас может выручить то... Мы должны тщательно изучить все факты и найти иксян сразу.

— Давайте, — сказал Торранс, осушая стакан. — А я пойду вздремну.

Ван Рийн покраснел.

— Правильно, — фыркнул он. — Будьте, как все остальные. Бездельничайте и играйте, танцуйте и пойте, развлекайтесь целыми днями, потому что здесь есть бедный старый Николас Ван Рийн. Он взвалит всю работу и беспокойства на себя. О дорогой святой Диомас, почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь другой в этом мире сделал что-нибудь полезное?

Торранса разбудил Ямамура. Гориллоиды не были иксянами. Они были дальтониками и не могли управлять механизмами. Их маленький мозг по массе и сложности соответствовал мозгу собаки.

Торранс стоял в капитанской рубке и старался свыкнуться с мыслью о своей обреченности. Космос никогда еще не казался ему таким прекрасным, как сейчас. Он не был хорошо знаком с местными созвездиями, но его тренированный глаз определил созвездие Персея, Возничего и Тельца; они находились в направлении Земли и поэтому были не очень искажены. В том же направлении лежал Рамамунджан, где позолоченные города поднимались из тумана, чтобы поймать первый луч солнца, выходящего из-за Маунт Ганди. Можно было распознать и несколько отдаленных звезд — рубиновый Бетельгейзе и янтарную Спикку, звезду пилотов, на которую он так долго смотрел в своих полетах. С другой стороны небо было покрыто мелкими

морозными огнями звезд в безоблачной и бесконечной тьме. Млечный путь опоясывал небо холодным серебром, зеленовато сверкали туманности, другие галактики развертывали свои спирали на краю видимости. Он меньше думал о планетах, на которых уже был, даже о своей родной планете, чем об этой безграничной дали. Конец близок, взрыв будет таким, что никто не успеет ничего почувствовать. Лучше уйти в чистоту этого взрыва, чем в подземные темницы аддеркопов.

Он отбросил сигарету, ласково коснулся приборов управления. Он знал каждую кнопку и рукоятку так же хорошо, как свои пальцы. Это был его корабль, совсем не похожий на корабль чужаков, где огромная бессмысленная панель требовала в одно и то же время и карлика, и гиганта, где управление двигателем, если оно не закрыто особым ключом, выключалось легким нажатием руки, где...

Звук легких шагов заставил его резко обернуться. Увидев, что это Джерри, он расслабился, но кровь продолжала громко стучать в висках.

— Что привело вас сюда? — спросил он, и голос его зазвучал мягче, чем он предполагал.

— О... то же, что и вас, — она взглянула на экран. С того времени, как они захватили корабль чужаков, а может, он захватил их, красная звезда на носовом экране заметно выросла. Теперь она зловеще горела перед ними на расстоянии всего в один световой год. Джерри состроила гримасу и отвернулась от экрана.

— Ямамура переделывает аппаратуру, — тихо сказала она. — У нас нет ни одного специалиста, который мог бы помочь ему, а он уже шатается от усталости и бессоницы. Старый Ник в своей каюте курит и пьет. Он только что прикончил очередную бутылку и начал другую. Там так дымно, что я не могла выдержать. И он не говорит ни слова. Только иногда разговаривает с собой на каком-то малайском языке. Я этого не вынесу.

— Мы можем только ждать, — ответил Торранс. — Мы сделали все, что могли, теперь подождем испытаний гусениц. Придется надевать скафандры и отправляться в их камеры. Будем надеяться, что они не нападут на нас.

Он тяжело опустился на стул.

— К чему беспокоиться? — пожала плечами Джерри. — Я знаю положение не хуже вас. Даже если гусеницы и есть иксяне, нам потребуется несколько дней, чтобы доказать это. Сомневаюсь, осталось ли у нас для этого время. Если мы в ближайшие два дня не отправимся к Валгалле, нас обнаружат и уничтожат. А уж если гусеницы тоже окажутся животными, у нас точно не

будет времени для испытаний третьего вида. К чему тогда беспокоиться? Нам ничего не остается делать! Не извиваться ведь так же остервенело, как загнанные в угол крысы. Почему бы нам не признать, что мы обречены, и провести оставшееся время... как подобает людям.

Удивленный, он перевел взгляд с экрана на нее:

— Что вы имеете в виду?

— Это зависит от того, что предпочитает каждый. Может быть, вам хочется привести в порядок свои мысли или что-нибудь подобное?

— А как насчет вас? — спросил он, чувствуя, как сильно забилося сердце.

— Я не мыслитель, — она печально отвернулась. — Боюсь, я слишком легкомысленна: я люблю радость жизни. Но я нигде не могу найти никого, кто бы наслаждался со мной вместе.

Он схватил ее за обнаженные плечи и притянул к себе. Руки его ощутили бархат ее кожи.

— Вы уверены в этом? — грубо спросил он. Она стояла, закрыв глаза, наклонив голову и полураскрыв губы. Он поцеловал ее. Через секунду она ответила. В это мгновение на пороге появился Николас Ван Рийн.

Он стоял с трубкой в руке и с оружием на поясе и смотрел, пока трубка не выпала из его рук.

— Так! — заревел он.

— Ой! — взвизгнула Джерри. Она высвободилась.

Волна гнева поднялась в Торрансе. Он сжал кулаки и шагнул к Ван Рийну.

— Так! — повторил торговец. Переборки, казалось, дрожали от его голоса. — Проклятый укус, я пришел вовремя. Хвост сатаны в мышеловке! Я просиживаю часы, напрягая свой мозг, чтобы спасти ваши бесполезные жизни, а вы, предательская смесь грязной змеи с сырым клещом, заводите здесь шашни с моей секретаршей, нанятой на мои кровные деньги! Химеры и дьяволы! На колени! И просите прощения, или я раздавлю вас и превращу в собачий корм!

Торранс остановился в нескольких сантиметрах от Ван Рийна. Он был чуть выше торговца, намного легче, но зато чуть ли не на тридцать лет моложе.

— Уходите! — резко бросил он.

Ван Рийн побагровел. Несколько секунд он стоял неподвижно.

— Ладно, черт возьми, — наконец прошептал он. — Дьявол и смерть, он достаточно потрепал мне нервы. — И левым кулаком описал полукруг.

Торранс уклонился, еле удержавшись на ногах. Его левый кулак ударил торговца в живот и, на мгновение задержавшись в складке жира, натолкнулся на тугой мускул и отскочил. Тогда Ван Рийн пустил в ход правый кулак... Космос взорвался вокруг Торранса. Он взлетел в воздух, перевернулся, упал и остался лежать неподвижно.

Когда к нему вернулось сознание, Ван Рийн поддерживал его голову и протягивал бренди, принесенное испуганной Джерри.

— Ну вот, парень, успокойся. Маленький глоток бренди, а? Вот так, получите. Вы потеряли один зуб, вставьте его на Фрейе. Можете сделать это за счет компании. Это делает вас более счастливым, не так ли? А теперь, девочка Джерри, дай ему стимулирующую таблетку. Пошли к люку, парень. Вот так, вставайте на ноги. Вам не следует пропускать эту забаву.

Одной рукой придерживая Торранса, Ван Рийн поставил его на ноги. Капитан навалился на торговца, но скоро стимулирующая пилюля прогнала боль и головокружение, и он, едва шевеля разбитыми губами, спросил:

— Что случилось? Что вы имеете в виду?

— Я знаю, кто такие иксяне. Я пришел за вами, чтобы вместе вытащить их из клетки,— Ван Рийн подтолкнул Торранса большим пальцем и зашептал: — Не говорите никому, иначе мне придется слишком часто драться, но я люблю пощекотать себе нервы, как сегодня. Когда будем дома, я переведу вас с яхты и поручу командовать торговым отрядом. Как вам это нравится, а? Но идемте, у нас много работы.

Торранс в замешательстве пошел с ним. Когда они подошли к зоологическому трюму, Ван Рийн подал знак космонавтам, стоящим на страже, чтобы они не дали иксянам уйти. Они присоединились к торговцу, и их тяжелые шаги вскоре замерли перед одним из люков.

— Это? — спросил Торранс. — Но я думал...

— Вы думали то, на что они надеялись,— сказал Ван Рийн. — Их план хорошо продуман. Он сработал бы где угодно, только не у Николаса Ван Рийна. Ну, а теперь зайдем и покажем свое оружие. Надеюсь, этого будет достаточно. К тому же, с помощью рисунков мы сумеем объяснить, как проникли в их тайну. Тогда они отвезут нас к Валгалле, которую мы покажем им на астрономических картах, уже подготовленных капитаном Торрансом. Им придется как нашим пленникам выполнять ваши требования. Но во время путешествия мы сможем найти общий язык и доказать им, что мы на аддеркопы, что хотим быть друзьями и торговать с ними. О'кей. Начинаем.

Он прошел через люк, схватил одного зверька в шлеме и вытащил его наружу.

У Торранса не было времени ни на что, кроме собственной работы. Сначала нужно было заделать пробоину в корабле чужаков и перенести туда с «Гебы» продукты и оборудование. Затем следовало направить яхту в противоположную сторону: через несколько часов ее конвертор взорвется, заставив аддеркопов прекратить охоту на них. Наконец началось путешествие, и хотя иксяне вели корабль туда, куда им приказали, за ними все время нужно было следить, чтобы они не приняли самоубийственного решения. Каждая свободная минута уходила на выработку общего языка. Торрансу также приходилось присматривать за своими людьми, успокаивать их и одновременно следить по детектору, не появится ли вражеский корабль.

Напряжение было постоянным. Иногда ему удавалось заснуть. Поэтому у него не было времени подробнее поговорить с Ван Рийном. Но он знал, что тот — счастливчик, и решил довериться его удачливой судьбе.

И вот уже Валгалла превратилась в небольшой желтый диск, затмевающий остальные звезды. К ним подошел патруль Лиги, им выделили эскорт, и на небольшой скорости они двинулись к Фрейе. Командир патруля сообщил, что хочет побывать у них на борту и побеседовать, но Торранс остановил его:

— Когда мы выйдем на орбиту, фримен Агилин, я с радостью приму вас. Но теперь ваше присутствие может нарушить дисциплину. Вы поймете меня, я надеюсь.

Он выключил телескоп чужаков, с которым научился обращаться.

— Пойду приведу себя в порядок. Не мылся с тех пор, как мы покинули яхту, — сказал он. — Продолжайте, фримен Лафар, — он поколебался. — И гм... гм... фримен Джунх-Варклакх.

Джунх что-то промычал: он был слишком занят, чтобы разговаривать. Гориллоид сидел в кресле пилота, протягивая свои большие руки к приборам и направляя корабль по гиперболической орбите. Варклакх, зверек в шлеме, сидел у него на плече. У него не было голосовых связок, он лишь помахал щупальцами, потом вытащил ими ключ из отверстия. Остальные щупальца оставались погруженными в массивную шею гориллоида, получая питание от его кровеносной системы и посылая чувствительные импульсы искусному пилоту корабля.

Сначала такое сочетание казалось Торрансу вампиризмом. И хотя предки зверьков в шлемах действительно паразитировали на предках гориллоидов, сейчас это было не так. Они были симбиотами. Зверьки давали зоркие глаза и разум, а горил-

лоиды — силу и руки. Ни один из них не мог существовать без другого, в комбинации же они составляли новый вид. Привыкнув к этой мысли, Торранс уже не видел в этом зрелище (зверек, взбирающийся на плечи гориллоида) ничего более странного, чем в изображении всадника на лошади в исторических картинках. А когда существа в костяных шлемах уяснили, что не все люди их враги, они изменили свое отношение к ним.

«Несомненно, они думают о тех любопытных видах животных, которые мы сможем продать для их зоопарка», — подумал Торранс. Он шлепнул Варклакха по шлему, потрепал Джунха по шерсти и вышел из рубки.

Обтирание губкой и свежая одежда сняли усталость. Он подумал, что лучше предупредить Ван Рийна, и постучал в дверь его каюты.

— Войдите, — послышался бас. Торранс вошел в каюту, синюю от дыма. Ван Рийн сидел перед пустой бутылкой бренди, одной рукой держа трубку, другой обнимая Джерри, слегка одетую, свернувшуюся у него на коленях.

— Садитесь, садитесь, — сердечно проревел он. — Где-то в углу есть еще недопитая бутылка.

— Я должен сообщить вам, сэр, что скоро мы будем принимать на борту капитана эскорта. Профессиональная вежливость. Он хочет взглянуть на икс... на торгу-контактах.

— Ладно, зовите его на борт, — сказал Ван Рийн и нахмурился. — Только пусть захватит с собой бутылку и не задерживается слишком долго. Я хочу на землю — я болен от космоса. Черт побери, я готов босиком бежать по мягкой земле Фрейи.

— Может, вы хотите переодеться? — намекнул Торранс.

— Ой! — взвизгнула Джерри и побежала к каюте.

Ван Рийн осмотрел свой саронг и скрестил волосатые ноги.

— Если этот капитан желает посмотреть на иксян, пусть смотрит на них. А мне так удобней, и я так останусь. Я не хочу, чтобы он узнал, кто такие иксяне. Это поможет мне создать новый торговый синдикат. Понятно?

Его глаза сузились и стали колючими. Торранс кивнул:

— Да, сэр.

— Хорошо. Сидите, парень. Помогите мне привести мой корабль в порядок. У меня нет вашего образования. Я работаю с двенадцати лет и нуждаюсь в помощи, чтобы сделать свою речь такой же элегантной, как и моя логика.

— Логика? — повторил Торранс удивленно. Он наклонил бутылку, главным образом потому, что дым начал есть ему глаза. — Я думал, что вы угадали.

— Николас Ван Рийн никогда не гадает. Я знал, — он дотянулся до бутылки, сделал глоток и продолжил: — Я понял это после того, как Ямамура установил, что гориллоиды — не иксяне. Тогда я сел, напряг свой мозг и решил все обдумать как следует. Видите ли, я шел путем исключения. Элефантоида я исключил сразу, он был только один. Может быть, в крайнем случае, один пилот может вести корабль в космосе, но не приземляться, отлавливать диких животных, заботиться о них и так далее. К тому же, если что-то выйдет из строя, он будет беспомощным.

Торранс кивнул:

— Я думал об этом с точки зрения космонавта. Именно поэтому я тоже был склонен исключить элефантоида. Но должен признаться, я не подумал о том, что собирание зверей не под силу одному космонавту.

— К тому же он слишком велик, — добавил Ван Рийн. — Что же касается тигровых обезьян, то я, как и вы, никогда не принимал их всерьез. Может быть, их предки были более мелкими и ходили на двух конечностях, но потомки вернулись к передвижению на четырех. Разумное существо не может быть таким. Маленький мозг, внешность хищника, кошачьи когти — этого достаточно.

Гусеницы казались более подходящими, но лишь до тех пор, пока я не вспомнил, как легко вы включили двигатели. Этот тумблер, не будучи закреплен отдельным ключом, срабатывал слишком легко, он включился бы от собственного веса при утроенном тяготении... во всяком случае существовала опасность, что он включится. А вспомните полку, которую вы так легко погнули. На планете с утроенной тяжестью не может быть таких непрочных вещей. Оставались кентавры со щупальцами, — продолжал он. — Это было плохо для нас, ибо смесь водорода с кислородом взрывается. Я внимательно читал отчеты специалистов, надеясь, что обнаружу что-нибудь, что позволит исключить их, и, черт возьми, нашел! Видите ли, у иксян были замедлители из окиси меди, выставленные на открытом воздухе. А окись меди и водород под действием высокой температуры, возникающей при прохождении тока, разлагаются на воду и чистую медь. Пуф — и нет замедлителей. Следовательно, корабли построены существами, дышащими не водородом. — Он улыбнулся: — У вас слишком высокое образование. Вы забыли школьный курс химии.

Торранс щелкнул пальцами и пробормотал ругательство.

— Путем исключения я пришел к этим зверькам в шлемах, — сказал Ван Рийн. — Но они не могли построить корабль. Да, они

могли держать некоторые инструменты, например этот ключ, спрятанный на дне отверстия, но и только. Такие медлительные и маленькие, как они могли прожить достаточно долго, чтобы построить космический корабль? К тому же, у маленьких животных не может быть большого мозга. Не бывает у них и хороших глаз. А между тем у этих существ в шлемах хорошие глаза, не хуже наших. Они похожи на человеческие.

Я вспомнил, что в их каютах есть большие и маленькие койки. Может быть, это постели для двух разновидностей спящих? И я подумал: не является ли череп человека чем-то вроде черепахи с ее броней? А сам человек, может быть, паразит. Ведь он питается за счет других. Во всяком случае, я таких людей знаю. Возьмите, например, Джуана Харлемана из Венерианской компании чая и кофе. Но не меня. Вот так я узнал то, что требовалось доказать,— самодовольно закончил Ван Рийн.

Охрипнув от такой длинной речи, он схватился за бутылку. Торранс посидел еще немного, но так как торговец не склонен был продолжать разговор, он встал и вышел. У входа он встретил Джерри. В платье с глубоким декольте и длинным разрезом, сверкающем, как лакированное, она была необыкновенно хороша. Торранс запнулся. Но она посмотрела сквозь него, как будто его вовсе не было.

— Шуба из морского котика,— сонно пробормотал Ван Рийн.— Марсианские огненные жемчуга. Квартира в Звездном городке.

Джерри прижалась к нему и провела рукой по его волосам.

— Вам удобно, Ники, дорогой? — проворковала она.— Я могу для вас что-нибудь сделать?

Ван Рийн подмигнул капитану.

— Вас ждут в рулевой рубке,— сказал он.— Вы не так стары, толсты и одиноки, как я, у вас есть семья.

— Гм... да,— пролепетал Торранс,— вы правы.

Он закрыл за собой дверь и направился в рулевую рубку.

КНИГА ВТОРАЯ

ТЕРРИТОРИЯ

Стало избитой истиной, что структура общества определяется его технологией. Правда, совершенно различные культуры могут использовать одинаковые инструменты, но инструменты определяют возможности: без космических кораблей не может быть межзвездной торговли. Раса, привязанная к одной планете, обладающая высокими познаниями в технике, торговле и военном искусстве, неизбежно склоняется к коллективизму под тем или иным именем. Свободному предпринимательству нужны широкие просторы.

Автоматизация сделала производство дешевым, а стоимость энергии неожиданно упала с изобретением протоновых конверторов. Управление гравитацией и овладение гиперпространством открыли Галактику для эксплуатации и создали нечто вроде предохранительного клапана: любой гражданин, считающий, что правительство слишком угнетает его, мог эмигрировать куда угодно. Это обстоятельство усиливало либеральные планы, что, в свою очередь, уменьшало угнетение в других мирах.

Межзвездные расстояния огромны, а каждая звездная раса имела свое представление о культуре, поэтому всеобщего союза не было. Не было и больших войн — они могли принести гибель обеим сторонам. Никаких братских отношений между расами не устанавливалось, но в целом равновесие было стабильным. И по-прежнему велика была потребность в товарах: колонии нуждались в предметах роскоши из метрополий, а метрополии — в колониальных товарах. Были предложения и у старых миров.

В таких условиях быстро развивался звездный капитализм. Он был вынужден образовывать союзы и делить сферы влияния. Могучие компании объединялись, чтобы уничтожить конкурентов, повысить цены и производить лучшие товары. Правительства были ограничены своими планетными системами, они не могли контролировать звездных торговцев и отказывались от этого.

Эгоизм — могущественная сила.

Правительства, официально провозгласившие альтруизм, были разделены, и в этих условиях Политехническая Лига стала суперправительством от Канопуса до Полярной Звезды, включив-

шим в себя множество рас. Это общество горизонтальной структуры стирало политические и культурные границы и проводило свою политику, заключая собственные договоры, строя базы, ведя войны, большие и малые, и способствуя распространению всеобщей цивилизации и установлению окончательного мира больше, чем все дипломаты Галактики.

Но оно имело свои трудности — прибыль.

Джойс Девиссон проснулась, как будто ее что-то ударило.

Свист повторился, достаточно сильный, чтобы через каменную кладку, металл и изоляцию проникнуть в ее барабанные перепонки. Она села в темноте, пытаясь сообразить, что происходит.

В последний раз она слышала такой дикий крик в Чебенде, тогда это означало, что два отряда дерутся друг с другом. Но потом ее спасли, посадили на флиттер, где ее окружили вооруженные люди; проводником был седой Старейший. То, что она видела и слышала потом, доносили до нее телекамеры, наблюдавшие за сверкающими ледяными полями внизу. Разукрашенные тигровыми полосами войны, убивавшие и умиравшие, были для нее лишь фигурками на экране. Она жалела их, но в то же время они были не вполне реальными: она больше никогда не увидит их, эти атомы, исчезающие потому, что исчезал их мир.

Но теперь этот свист был рядом.

Этого не может быть!!!

Прозвучал взрыв. Она слышала, как мелкие осколки падали на крышу, ее кровать зашаталась. Внезапно свист стал слышнее, громче стали и сопровождающие его удары барабана, звяканье металла и грохот разбиваемых предметов. Атакующие, по-видимому, взорвали дверь машинной секции и ворвались внутрь. Но где они взяли порох?

Где же, как не в городе Кусулонго?

Значит, Старейшие решили, что людей лучше истребить. Страх смерти волной накатил на Джойс, а когда волна отхлынула, остались обида и боль, как будто Джойс была ребенком, которого ударили ни за что. Почему они так поступили с ней, ведь она пришла помочь им?

Топот ног раздавался рядом с той частью купола, где были созданы земные условия. Туземцы восстали и явились с оружием в руках. Она слышала свирепые вопли. Затем дальше, в машинной секции, началась схватка. Звенели мечи, томагавки крошили кости, гневно заговорил пистолет, который она дала Уулобу. Но ее огряд долго не продержится. Другого клана поблизости не было, а сами Старейшие никогда не участвовали

в сражениях. В оазисе были сотни мужчин Шанга, а в миссии находились едва ли две дюжины верных т'келанцев.

Хотя дверь машинной секции была пробита, проникнуть внутрь миссии все же было нелегко: она была прочно укреплена, как того требовали местные условия. Но как только стену разрушат...

Джойс вскочила на ноги, и коснувшись выключателя — вспыхнул свет. Узкая загроможденная комната, так хорошо знакомая ей, показалась чужой в белом свете. «Это потому, что мне страшно, — сообразила она. — Я проснулась в ожившем ночном кошмаре». Нервы и мускулы действовали помимо ее воли. Она натянула теплое платье и тяжелый верхний костюм. Надевая перчатки, подсоединила их провода к электрической обогревательной сети, встроенной в костюм. Теперь специальные сапоги, резервуар с восстановителем воздуха, аккумулятор, пистолет и патроны. На ее плечи лег шлем, но лицевая пластинка его оставалась пока поднятой. Проверка воздушных замков, обогревательной системы — условия снаружи на т'Кела смертельны. Температура в эту летнюю ночь в средних широтах — около шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию. Азотная составляющая атмосферы действует на легкие, как наркотик, а аммиак сжимает их. В воздухе нет водяных паров, которые может ощутить человек, воздух иссушает легкие. Любого из этих обстоятельств достаточно для того, чтобы постепенно убить человека. Поддержанный кислородной составляющей воздуха, он продержится несколько минут, а потом потеряет сознание.

К тому же тут были Шанга, убивающие людей и их помощников, и у них был порох, которым можно взорвать стены.

Джойс вздрогнула: «Остальные!» Интеркома не было: две дюжины людей в куполе не нуждались в нем. Она постучала в дверь соседней комнаты. Никто не ответил.

— Откройте, вы, идиот! — закричала она, стараясь перекричать голоса снаружи. — Выходите, мы можем уйти только этим путем.

Через дверь ей ответил хриплый бас:

— Как я могу открыть? Вы же сами закрылись, черт побери!

«Конечно, конечно», — сообразила она. Испуг и нарастающий шум схватки мешали ей думать. Она закрыла дверь со своей стороны. Раньше во время ее пребывания в миссии в этом не было нужды. Но потом явился Николас Ван Рийн, поселился рядом с ней, и ей едва хватало дня, чтобы отбиваться от его медвежьих авансов... Она отодвинула заселку.

Вкатился торговец. Подобно большинству эсперансиан, Джойс была высокой, но она доставала ему лишь до подбородка. Его плечи перекрыли дверной проем, а огромный живот был виден

даже в этом громоздком костюме. Обвешанный всевозможными приспособлениями, он выглядел еще чудовищнее, чем накануне, когда направлялся к куполу в кружевах и оборках. Большой крючковатый нос торчал из открытого шлема, приносясь к запаху крови в воздухе.

— Ха! — крикнул он. Жирные черные локоны, заботливо завитые, раскачивались из стороны в сторону, смазанные чем-то усы и борода торчали, как рога. — Что за чертовщина, ад бы ее побрал, суматоха? Я считал, что этим туземцам можно доверять.

— Это другие... — поперхнулась Джойс. — Идемте, нужно присоединиться к остальным.

Ван Рийн резко кивнул, так что его несколько подбородков задрожали, и позволил ей вести себя. Личные каюты человеческой секции миссии выходили в общий коридор. В каждой каюте дверь открывалась в коридор и две соседние каюты. Каюта Джойс находилась в конце последнего ряда, она граничила с машинным отделением. Незамужняя, любящая уединение, она сама выбрала эту каюту. Кают-компания находилась в противоположном конце купола. Выйдя из своей каюты, Джойс увидела, что двери остальных кают распахнуты. Закрытыми остались лишь незанятые помещения, специально построенные для таких гостей, как Ван Рийн и члены его команды.

Итак, все уже в кают-компании. Джойс побежала. Тяжелые шаги Ван Рийна за ней создавали нечто вроде землетрясения. Гравитация на т'Кела была примерно такой же, как на Земле и Эсперансе.

«Единственное совпадающее условие», — с отчаянием подумала Джойс. На мгновение перед ней мелькнули картины Эсперансы, вращающейся вокруг звезды, называемой Мир: поля пшеницы, отдаленные синие горы, красно-золотой флаг независимого мира, взвивающийся к облачному небу. Ей вспомнилась гордая мечта, которая создала их общину.

За ее спиной послышался грохот. Пол под ногами задрожал. Она упала. Грохот повторился, потом еще раз. Третий взрыв был самым сильным; от сокрушительного удара все вокруг содрогнулось. Цепляясь за пол, она перевернулась. Голова в шлеме болталась из стороны в сторону. Вкус крови смешался с привкусом дыма. Она взглянула вдоль коридора, пытаясь разогнать пелену, застилающую ее глаза. Стена в конце коридора рядом с ее комнатой была расколота. В полутьме двигались какие-то фигуры.

— Они взорвали стену, — тупо сказала она.

— Закройте шлем! — взревел Ван Рийн. Он уже опустил лицевую пластину. Усилитель донес до нее его голос, но какое-то оцепенение охватило ее мозг и мешало ей двигаться.

— Они взорвали стену, — повторила она. Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой.

В проломе появился туземец. Он мог выдержать земной воздух и температуру некоторое время, если задержит дыхание, а т'келанский воздух под действием высокого давления уже врывался в пролом. Приземистая обнаженная фигура, держащая в руках лук, застыла в напряжении. Большие миндалевидные глаза сверкали в свете ярких земных светильников.

Эсперансианский техник выбежал из-за поворота коридора.

— Джойс! — воскликнул он. — Фримен Ван Рийн! Где...

В эту минуту загудел лук. Заостренная стрела прорвала костюм техника. Через мгновение воздух был полон стрел, копий, летящих из темноты. Джойс и Ван Рийн не поднимались. Техник повернулся и убежал. Старенький бластер Ван Рийна разом прыгнул ему в руку, он выстрелил, и огненный луч перерезал щель. Тени за ней исчезли, но оттуда продолжали доноситься крики и звон.

В ноздри Джойс ударил запах аммиака.

— Сифилис и чума! — взревел Ван Рийн. — Может, вам нравится дышать этой вонью? — он встал на колени и тщательно закрыл лицевую пластину ее шлема. Его маленькие, черные, глубоко посаженные глаза внимательно оглядели ее. — Ну, ну, подбодритесь. Вы хорошенькая девушка с такой ладной фигуркой, только не надо так коротко стричь волосы. Но не будем терять времени.

Он потянул ее за плечо, поставил на ноги и повернул в сторону кают-компаний, в то же время направляя бластер к пробойне.

— Уф, уф, — бормотал он. — Это не дело для бедного толстого старика, которому уж лучше сидеть в своей уютной конторе на Земле с сигарой и стаканом джина. Тем более, что эти проклятые крикуны, которым он собирался помочь, хотят убить его. Да, они собираются выколоть ему глаза. Но служащие всех торговых баз так глупы, что приходится бедному Николасу Ван Рийну отправляться за сотни световых лет от дома искать новые возможности для торговли. Иначе конкуренты, как бешеные волки, на клочки разорвут его компанию «Пряности и напитки» и заставят на старости лет заниматься проституцией... Ох, ох.

Джойс затрясла головой, когда он поставил ее на ноги. Сознание вернулось к ней, ноги больше не дрожали. Дверь

кают-компания была перед ней. Она нажала кнопку, но дверь не открывалась.

— Закрыто,— сказала она.

Ван Рийн так заколотил в дверь, что та задрожала.

— Откройте! — ревел он.— Гром и кости! Что это за шутки?

Из-за поворота коридора выскочил туземец. Ван Рийн резко повернулся, но Джейс вовремя отвела его бластер.

— Нет, это Уулобу.

Т'келанец, по-видимому, истратил все патроны, так как в руке его был зажат томагавк. Три других туземца бежали за ним с поднятыми мечами и топорами. Их юбки были украшены гербом с кругом и квадратом — это был герб клана Шанга.

— Возьмите их!

Бластер Ван Рийна выплюнул пламя. Один из туземцев упал, остальные повернулись, собираясь бежать. Уулобу крикнул и метнул свой томагавк. Обсидиановое лезвие ударило Шанга, и тот упал, обливаясь кровью. Уулобу потянул за веревку, которой топор был привязан к его запястью, схватил оружие и вновь метнул его.

Ван Рийн опять повернулся к двери.

— Вы, искушенные термитами трусы, впустите нас!

Пока он ругался, Джейс сообразила, что могло произойти. Она начала стучать по его спине так же сильно, как он сам стучал в дверь, пока он не остановился и не обернулся.

— Они не оставили бы нас,— сказала она,— но они, должно быть, решили, что мы убиты. Когда Карлос видел нас там, в коридоре, мы лежали на полу, а вокруг было столько стрел и копий... Их нет в кают-компании. Они закрыли дверь, чтобы удержать туземцев, и другим путем ушли к космическим кораблям.

— Ах, да, да, возможно! Но что нам тогда делать? Прожечь дыру в двери, чтобы последовать за ними?

Уулобу заговорил на гортанном наречии района Кусулонго:

— Все наши убиты, небесная женщина. Сражение кончилось. Шум, который вы слышали,— это Шанга грабят миссию. Если она найдут нас, они забросают нас стрелами. Два пистолета не остановят их, но я думаю, что мы можем пробраться между железом, которое движется, и обогнуть купол.

— Что он бормочет? — спросил Ван Рийн.

Джейс перевела.

— Думаю, он прав,— добавила она.— Наша единственная возможность — уйти через машинную секцию. И лучше поторопиться.

— Да. Пусть он идет впереди. Вы будете прикрывать отступление.

Они двинулись обратно. Иней побелел стены и сделал пол скользким. Брешь в машинную секцию зияла, как огромная темная пасть. Вдали Джойс слышала звон, треск и возбужденные крики. «Почему?» — с болью спрашивала она и не находила ответа.

Уулобу, лучше видевший в темноте, нежели люди, первым вступил в брешь и двинулся среди темных контуров механизмов. Здесь стояли средства передвижения: четыре наземные машины и множество флиттеров. Вдобавок длинное помещение было занято специальным оборудованием, которое использовали эсперансиане для спасения планеты. Сейчас большая часть оборудования была разбита вдребезги.

Перед ними возник прямоугольник тусклого света — выход наружу. Джойс двинулась туда. Ногой она задела какой-то упавший инструмент, и тот зазвенел. Мгновенно показалась дюжина теней. Они проскользнули внутрь и растаяли во тьме, прежде чем Ван Рийн начал стрелять. Уулобу взвесил на руке томагавк и достал нож.

— Теперь нам придется пробиваться с боем, — без сожаления сказал он.

— В атаку! — Ван Рийн побежал вперед, но несколько туземцев сомкнулись вокруг него. Металл и полированный камень блестели в темноте. Бластер землянина сверкнул огнем. Один из туземцев крикнул и упал. Другой схватил Ван Рийна за руку и попытался вырвать оружие. Ван Рийн старался освободиться. Туземец повис у него на руке, хотя торговец мотал его из стороны в сторону.

Уулобу ввязался в драку, нанося удары с хищной радостью. Джойс тоже не могла оставаться безучастной. Она вытащила свой пистолет. Зубы и копыта туземцев сверкали в полутьме. Пролетело короткое копые, едва не угодив ей в грудь. Но даже и теперь ей было трудно нажать на курок. Звук выстрела отдался в ее черепе. Затем на какое-то мгновение всюду воцарилось толкающееся, царапающееся и кричащее безумие. Вновь и вновь Джойс слышала голос Уулобу — военные кличи клана Авонго. Голос Ван Рийна звучал, как труба:

— Святой Диомас да поможет нам! Падайте, паршивые собаки!

И вдруг все кончилось: огнестрельное оружие сделало свое дело. Джойс лежала на полу, тяжело дыша, и слышала, как убегает последний Шанга. Где-то стонал раненый воин, пока Уулобу не перерезал ему глотку.

— Вставайте, — сказал Ван Рийн. — Некогда отдыхать!

Улобу помог ей встать. Он был слишком мал ростом, чтобы она могла опереться на него, но тут ей протянул руку Ван Рийн. Они вышли в ночь.

Никакого ограждения не было — только купол и т'Кела. Наверху сверкали незнакомые созвездия. Взошла большая Луна. Она была почти полная и бросала тусклый медный свет на равнину. На запад и на юг простиралась ровная степь, покрытая редкими кустиками, похожими на земную полынь, с низкими жилистыми серебристыми листьями. Прямо на север черной стеной возвышалась гора Кусулонго, четко вырисовывающаяся на фоне Млечного Пути. Город, скрытый ее вершиной, выдавал себя только очертаниями башен, похожих на зубы. Несколькими километрами восточнее бежала священная река Мангивола. Джойс могла различить красивые отблески на поверхности жидкого аммиака. Деревья оазиса, в котором расположились лагерь Шанга, образовывали темное пятно. Холмы, уходящие к северу от Кусулонго, блестели ледяными вершинами.

— Быстрее, быстрее! — прорычал Ван Рийн нетерпеливо. — Если остальные думают, что мы мертвы, они могут улететь без нас.

Они поспешно, изнемогая от усталости, обогнули купол. Два сужающихся к концам цилиндра блестели в свете Луны — это были большие грузовые корабли миссии. Рядом с ними стояла роскошная яхта, на которой прилетел с Земли Ван Рийн с помощниками. Несколько мертвых Шанга лежали поблизости. Ночной ветер шевелил их мех. Видимо, убежавшим пришлось сражаться. Трапы были убраны, люки задраены. Когда они приблизились к кораблям, рев двигателей усилился.

— Эй! — заорал Ван Рийн. — Вы, тупоумные твари, подождите меня!

Яхта взлетела первой, унесясь в небо, подобно молнии. Воздушная волна отбросила Ван Рийна. Затем поднялись грузовые корабли. Ван Рийн с грохотом упал, перевернулся, прокатился несколько метров и остался лежать неподвижно.

Джойс поспешила к нему.

— Что с вами? — с тревогой спросила она. Ван Рийн был отвратительным неотесанным стариком, но она пришла в ужас от того, что может остаться одна.

— О-о-о! — простонал он. — Святой Диомас, я подарил тебе новый цветной витраж в домашней часовне. Теперь, я думаю, лучше было бы разбить его.

Джойс взглянула вверх. Космические корабли, сверкнув, как звезды, исчезли.

— Они не заметили нас, — сказала она.

— А я и не понял, — фыркнул Ван Рийн.

К ним присоединился Уулубу.

— Шанга слышали шум,— предупредил он.— Они придут сюда посмотреть и найдут нас. Нам нужно бежать.

Ван Рийн не нуждался в переводе. Осторожно ощупав себя, словно боялся потерять что-нибудь, он встал и двинулся назад к куполу.

— Возьмем флиттер, нет? — спросил он.

— У наземных машин гораздо больший запас,— ответила Джойс.— Нам нужно продержаться, пока кто-нибудь не вернется.

— И все это время эти искусанные паразитами туземцы будут на нас охотиться,— пробормотал Ван Рийн.— Прекрасная перспектива.

— Мы пойдем на запад и найдем мое племя,— предложил Уулубу.— Я не знаю, где сейчас Авонго, но другие кланы орды Рокулело должны находиться между Узкой Землей и Бесплодными Землями.

Они вошли в машинную секцию. Джойс споткнулась о чье-то тело и вздрогнула. «Неужели я действительно кого-нибудь убила?»

Наземные машины были длинными и прямоугольными. С восемью колесами, причем задние — на гусеницах. Аккумуляторы заряжены, их энергии должно хватить на многие тысячи километров по горным дорогам. Внутри были регенераторы воздуха и запасы продовольствия для двух человек на шесть месяцев, шесть коек, кухня и туалет, карты и навигационное оборудование, приемопередатчик. Здесь все было предусмотрено для путешествия по планете такого типа.

Ван Рийн протиснулся в незапертую дверь и устроился на сиденье водителя. Джойс села рядом с ним. Уулубу тоже вошел, но он так боялся, что у него дрожали даже усы. Только Старейшим на т'Кела нравилось ездить на таких машинах. Однако все было продумано: в полевых экспедициях, когда внутри устанавливались земные условия, проводники и охранники ехали на крыше машины, разговаривая с членами экипажа по интеркому. Так было пройдено много километров, сделано много открытий. Люди хотели спасти этот мир. ...А теперь!

Ван Рийн огромной ручищей осторожно касался приборов управления.

— В моей компании я использовал специалистов,— сказал он.— Я не похож на этих проходимцев, прошедших весь мир. Но иногда нам приходится... гм, заимствовать кое-что у конкурентов, поэтому я знаю, как... а!

Машина ожила, и Ван Рийн поспешил привести в действие воздушную подушку, чтобы не пользоваться шумными колесами.

Но их уже обнаружили.

Четыре Шанга выбежали из другой двери купола. «Там их не менее сотни», — подумала Джойс. Ван Рийн оскалил зубы.

— Вы любите веселые игры? — спросил он у девушки и нажал выключатель фар.

Луч света поймал воина и ослепил его. Тот стоял неподвижно, четко вырисовываясь на темном фоне. Это был типичный т'келанец этой местности. Расы на этой планете различались в зависимости от мест обитания, но не более, чем на Земле.

Воин был приземистым: не более ста пятидесяти сантиметров, но его тело могло удерживать всю жидкость, которую могла предоставить эта сухая планета. Ноги и руки, почти такие же, как у человека, имели по четыре пальца, оканчивающихся толстыми синими ногтями. Все тело покрывала ярко-оранжевая шерсть с черными полосами и белым треугольником на груди. Голова была круглой, с заостренными ушами и желтыми кошачьими глазами, двумя мясистыми щупальцами на лбу, единственной ноздрей, пересекавшей широкий нос, и безгубым ртом, полным острых белых зубов. Воин держал в руке меч — заостренный рог игоидианга с деревянной ручкой — и круглый щит, раскрашенный в цвета орды Ягола, к которой принадлежал род Шанга.

— Бип, бип, — сказал Ван Рийн и направил машину вперед.

Воин едва успел отскочить в сторону, остальные попытались напасть. Джойс мельком увидела одного с костяным свистком во рту. Ягола никогда не отдавали военных приказов, но были склонны к музыке. Несколько копий ударило в борт машины, но через мгновение она была уже далеко, несясь со скоростью ста километров в час и волоча за собой хвост пыли, как комета.

— Куда теперь? — спросил Ван Рийн. — К тому городу в горах? Вы говорили, что там живут местные шишки.

— Старейшие? Нет! — воскликнула Джойс. — В этом, видимо, виноваты они.

— Ха! Почему?

— Не знаю, не знаю. Они были так надежны. Но теперь... Они организовали все это, кроме них, никто не мог. У нас никогда не было врагов ни в одном клане. Как только мы изучили их биохимию, мы синтезировали им медикаменты и... и помогали им, — Джойс вдруг заметила, что почти кричит. Она сжала ладонями шлем и постаралась взять себя в руки.

— Ну, ну, все в порядке, — Ван Рийн потрепал ее по плечу. — Вы храбрая девушка. И хорошенькая. Успокойтесь и будьте веселей.

Т'Кела совершает оборот вокруг своей оси за тридцать часов и несколько минут. Угол наклона оси — несколько градусов.

Когда машина остановилась в ста километрах от купола, была ночь, и беглецы решили разбить лагерь. Удобу вытащил спальный мешок, внутри машины установили земные условия. Земляне сняли костюмы и растянулись на койках. Даже храп Ван Рийна не мог разбудить Джойс.

Поднял ее рассвет. Красное солнце, поднимающееся на востоке, было похоже на угасающий уголь. Его видимый диаметр составлял половину диаметра Солнца, видимого с Земли, или Мира с Эсперансы, свет его был тусклым, густые тени лежали в каждой щели и углублении, и горизонт терялся во тьме. Небо было чистым, но к югу клубились облака пыльных бурь. Вокруг расстилалась голая степь, лишенная даже редкой растительности, и лишь на севере виднелись сверкающие поля. Пролетел хищник, питающийся падалью.

Джойс села, ощущая ломоту во всем теле. Воспоминание о случившемся вызвало пустоту в груди. Она хотела бы снова забраться под одеяло, заснуть и спать, до тех пор, пока не придет спасение... если оно когда-нибудь придет. Она заставила себя встать, умыться, надеть брюки и блузку. Освежившись, она почувствовала голод. Джойс вернулась в главное помещение и начала готовить завтрак.

Запах кофе разбудил Ван Рийна.

— А-а-а-х-х! — согревшись в теплом белье, он не хотел двигаться, но протянул руку и схватил чашку. — Хорошая девочка, — он подозрительно прищурился. — Он без бренди? После всех забот мне нужно бренди.

— Здесь нет напитков, — выпалила она.

— Что? — некоторое время торговец мог только смотреть на нее. Челюсть его отвисла, усы задрожали. — Нет ничего выпить? Почему?! Это же сверхнаглость! Кто отвечает за это? Клянусь дьяволом, я позабочусь, чтобы его выкинули из Лиги с волчьим билетом!

— У нас есть кофе, чай, молоко и фруктовые соки, — сказала Джойс. — Воду будем получать из льда снаружи, химические фильтры удалят из него аммиак и примеси. И никто не смеет брать с собой в экспедицию алкогольные напитки, фримен Ван Рийн.

— Смеет, если он цивилизован! Посмотрю-ка я запасы продовольствия, — он принялся рыться в ближайшем багажном отсеке. — Сухое мясо, сухие овощи, сухое... Смерть и разрушение! — завопил он. — Ни одной банки икры? Вы хотите погубить меня?

— Скажите спасибо, что вы до сих пор живы.

— Но не в таких условиях... Ага, кое у кого нашлись мозги, чтобы положить сюда сигареты,— Ван Рийн разорвал несколько сигарет, набил табаком трубку, которую извлек из-за пазухи, и зажег ее. Джойс вдохнула дым и вернулась на кухню, гремя посудой больше, чем было необходимо.

Сидя у откидного стола возле широкого окна, Ван Рийн проталкивал в глотку овсяную кашу и смотрел на невзрачный пейзаж снаружи.

— Уф, что за ужасное место! Похоже на ад с погашенными печами. Как давно вы здесь?

— Около года. Работала биотехником,— она решила угождать ему.— Конечно, эсперанская миссия работает уже несколько лет.

— Да, я знаю. Хотя и не очень хорошо представляю эту работу. Я здесь всего несколько дней, как вы помните. А любая планета так велика и сложна, что понять ее за короткий срок невозможно. К тому же у меня было немало своей работы.

— Я очень удивлялась, когда вы прилетели. Вы занимаетесь напитками и пряностями, верно? Но здесь нет ничего, что понравилось бы человеку. Мы можем усвоить протейны и некоторые другие биохимические компоненты — они для нас не опасны, но в них не хватает необходимых для нас веществ, например некоторых аминокислот, и они отвратительны на вкус.

— Моя компания торгует и не с людьми,— объяснил Ван Рийн.— Сравнительно недавно один ваш работник раскрыл доклад об экспедиции, обнаружившей эту планету пятнадцать лет назад. Галактика так велика, что никто не может уследить за всем, что в ней происходит. Мы часто отстаем от событий. Так вот, в этом докладе упоминалось вино, которое производят туземцы.

— Да, кунгу. Большинство кланов этого полушария делает его. Они выращивают ягоды и другое растение, дающее волокно для нити. Они вовсе не земледельцы — раса хищников и кочевников, исключая Старейших. Но они засевают немного земли и спустя некоторое время возвращаются, чтобы собрать урожай.

Ну вот, как вы знаете, первые исследователи этой планеты были с Троры. Трора похожа на т'Кела, хотя и не так отвратительна. Троряне решили, что кунгу — деликатес. Они даже захватили с собой семена, но обнаружили, что это растение не приживается нигде, кроме своей планеты.

«Ага,— подумал Николас Ван Рийн,— можно завязать неплохую торговлю с Тророй».

— Так как на Земле не нашлось подходящего человека, которому можно доверять, пришлось мне отправиться самому. О.

как горько быть таким одиноким! — проговорил Ван Рийн с пафосом. Его волосатая рука протянулась над столом и легла на руку Джойс.

— Возвращается Уулобу! — воскликнула она, и, высвобождаясь, вскочила на ноги. «Как раз вовремя», — подумала она.

Т'келанец вприпрыжку бежал по равнине, с плеча свисало убитое им небольшое животное. Он был одет не так, как Шанга — на нем было ожерелье из окаменевших раковин и свободная тканая юбка с гербом клана Авонго орды Рокулело. Кожаную сумку на поясе наполняла жидкость.

— Он разыскал источник аммиака, — громко сказала Джойс, так как Ван Рийн встал из-за стола и собирался обогнуть его, чтобы подойти к ней. — Вы знаете, для этого они используют шупальца на лбу, чувствительные даже к минимальному количеству паров аммиака. Этот мир слишком сух. Очень много замерзшей воды. Конечно, везде на этой планете вы найдете лед. Часто он тянется на сотни квадратных километров. Понимаете, максимальная температура здесь — сорок градусов мороза. Но лед не нужен для здешней жизни, наоборот, именно он убивает этот мир.

Ван Рийн хмыкнул и повернулся к окну. Уулобу добежал до машины и сказал в интерком:

— Небесная женщина, я обнаружил следы охотников, ведущие на запад, к Лубамбару. Это могут быть только Рокулело. Думаю, мы легко отыщем их. Я раздобыл мяса и утолил жажду.

Уулобу начал собирать хворост для костра.

— Что он сказал? — спросил Ван Рийн. Она перевела. — Какая нам польза заключать союз с варварами? Нам нужно лишь дожидаться освобождения.

— Если оно придет, — возразила Джойс. — Когда об этом станет известно на Эсперансе, сюда пришлют экспедицию, чтобы на месте выяснить причину происшествия. Но они же не знают, что мы живы и могут не торопиться.

— Мои люди поторопятся, — заверил ее Ван Рийн. — Я кое-что значу в Политехнической Лиге, черт побери! Как только на Земле получат известие, оттуда вылетит военный корабль с полным вооружением. Не более месяца.

— О, прекрасно, — сказала Джойс. Она успокоилась и снова села.

Ван Рийн продолжал, размышляя:

— Конечно, они не могут обыскать всю планету. Они знают, что я в районе этого проклятого Кусулонго, и сидят здесь. Я думаю, эти престарелые, Старцы, или как вы их называете, достаточно разбираются в космических делах, чтобы ввести в

зablуждение экипаж какой-нибудь правдоподобной историей, если мы не сможем сами связаться с ними. Поэтому мы должны остаться здесь, в пределах досягаемости радио. А это расстояние на планете красного карлика невелико, здесь особые характеристики ионосферы. Но мы не можем и приближаться к врагам, иначе они будут все время охотиться на нас. Они могут устраивать ловушки, бросать бомбы или еще что-нибудь. Так или иначе, но они сумеют прикончить нас даже внутри машины. Следовательно, мы должны быть готовы отразить нападение здесь, недалеко от Кусулонго. Вы правы, мы должны найти друзей ваших людей.

— Но вы не можете заставить их воевать с людьми их расы,— запротестовала девушка.

Ван Рийн подкрутил усы:

— Это еще почему?

— Не знаю... мне кажется... если даже вам это удастся, это будет безнравственно.

— Гм... — он некоторое время разглядывал ее.— Вы, эсперансиане, идеалисты, я слышал. Ваши предки высадились на планете, чтобы создать идеалистическую коммуну, и вы продолжаете их дело, несмотря на грубую реальность, да? Ваша миссия помощи этой планете не рассчитана на прибыль. Это ваше стремление приносить добро...

— Это наша межзвездная политика,— согласилась Джойс с чувством гордости за свою культуру.— Помогая другим расам, мы получаем взамен их доброе отношение и постепенно убеждаем их смотреть на мир по-нашему. Если у Эсперансы будет много друзей, мы станем сильны, не подвластны чужому влиянию и нам будет не нужна армия.

— Из того, что я видел здесь, можно сделать вывод, что вряд ли вы найдете своих последователей на т'Кела.

— Да... вы правы... они настоящие хищники. Но и человек начинал как хищный примат, верно? Т'келанцы в этой местности развили несколько тысячелетий назад земледельческую культуру. Выращивали злаки и корм для мясных животных. Город Кусулонго — остаток этой культуры. Ледяной век уничтожил ее повсюду, оставив дикость и варварство. Но если им создать нужные условия, я уверена, автохтоны восстановят ее. У них никогда не было наций в нашем смысле: они не очень общедоступны. Но они могут установить у себя порядок с помощью заимствованной машинной технологии.

— Из того, что вы мне рассказали, ясно, что эти сидящие на четвереньках змеи, пожалуй, не хотят этого.

Джойс помолчала, пытаясь представить змей, сидящих на четвереньках, потом кивнула.

— Вероятно, но я не могу понять, почему. Старейшие всегда были нам так полезны.

— Наверное, у них есть причина. Что ж, попробуем ее выяснить.

— Ну... может быть... но как?

Ван Рийн погладил ее по голове.

— Оставьте философию мне, девочка,— самоуверенно сказал он.— Вам нужно только готовить пищу и оставаться хорошенькой.

Уулобу разжег костер и бросил в него глаза своей добычи. Его молитва звучала мрачно и была слышна внутри машины. Ван Рийн шелкнул языком.

— Не очень перспективное положение,— сказал он.— Вы цивилизуете их, если сможете. Но я предпочел бы, чтобы их копы, брошенные в машину, не имели наконечников из закаленной стали.— Он вновь разжег трубку и сел рядом с Джойс.— Я хотел бы разобраться в ситуации. Объясните. Кое-что я слышал, но не вредно повторить,— он потрепал ее по колену.— К тому же, пока вы будете говорить, я буду наслаждаться зрелищем ваших губок.

Джойс встала, принесла другую чашку кофе и села поодаль. Она заставила себя говорить спокойно.

— Что ж, начну с того, что это не очень обычная планета. Не физически, здесь нет отклонений от звезды-карлика типа М, на расстоянии от звезды в половину астрономической единицы и с массой планеты, на сорок процентов превышающей земную.

— Так много? Вероятно, низкая плотность и мало металлов?

— Да, звезда очень старая. Она имела мало тяжелых атомов, когда образовывались планеты. Собственное тяготение т'Келы — четыре целых и четыре десятых. Здесь есть, конечно, некоторое количество меди и железа... Я уверена, вы знаете, что на таких планетах и жизнь развивается медленнее. Их солнце излучает так мало ультрафиолета, даже в период вспышек, что первичным органическим веществам не хватает энергии для быстрых соединений. Тем не менее жизнь неизменно возникает в океане жидкого аммиака.

— Да. И обычно развивается путем фотосинтеза, использующего аммиак и двуокись углерода для образования углеводорода и азота, которым дышат здесь живые существа.— Ван Рийн постучал по своему крутому лбу.— Кое-что сохранилось в этой старой башке. Но почему эволюция идет здесь не так, как на Троре?

— Этого никто не может сказать с уверенностью. Возможно, какие-то катализаторы. В любом случае, даже при таких низких температурах, как здесь, вся вода не замерзает, что-то сохраняется в океанах, входя составной частью в молекулы гидроокисла аммония. Клетки растений на т'Кела и на Троре имеют аналог хлорофилла, который выполняет такую же работу — связывает газообразную двуокись углерода и разлагает воду на углеводород и свободный водород. Животные совершают процесс, противоположный земному. Но вода, которую они выдыхают, не высвобождается: она остается в их тканях, удерживаемая специальными молекулами. Когда организм погибает и разлагается, то вода возвращается к растениям. Во всех остальных мирах такого типа вода действует как азотные органические вещества на планетах нашего типа.

— Но свободный кислород, выделяемый растениями, разлагает аммиак.

— Да, это очень медленный процесс, главным образом потому, что твердый аммиак плотнее жидкого. Он опускается на дно озер и океанов, которые защищают его от кислорода воздуха. Конечно, всегда есть постепенная конвекция. Путем ряда последовательных реакций аммиак и кислород дают азот и воду. Вода замерзает, моря сокращаются, в воздухе становится все меньше кислорода, пустыни растут. Так могло быть и на Троре. Но там установилось равновесие. Возникли бактерии, закрепляющие азот, они и прекратили высыхание много миллионов лет назад. Так мне когда-то объясняли.

Троре повезло. Она несколько больше т'Келы. Плотнее атмосфера, поэтому сохраняется больше тепла. Парниковый эффект на таких планетах зависит от двуокиси углерода и аммиака. Несколько тысяч лет назад т'Кела прошла критическую точку. Было потеряно такое количество аммиака, что парниковый эффект сразу перестал действовать. Когда температура упала, все больше и больше аммиака замерзло и опускалось на дно, где он хорошо защищен от таяния. Это катастрофически внезапно изменило климат, температура упала так низко, что теперь и двуокись углерода сжижается или даже замерзает, по крайней мере, в холодное время года. В атмосфере по-прежнему содержится какое-то количество паров, но их очень мало. Парниковый эффект выражен очень слабо.

Растительная жизнь сильно пострадала, и вы можете себе это представить. Растения здесь не могут обходиться без строительных материалов тканей — двуокиси углерода и аммиака, а вслед за растительной замирает и животная жизнь. Очень быстро пространства, равные земным континентам, превратились в пустыни.

Я говорила вам, что была уничтожена туземная сельскохозяйственная культура. Хуже всего, что, как мы узнали из геологических исследований, погибли бактерии, фиксирующие азот. Полностью. Они не выдержали зимних температур, так что нет больше силы, поддерживающей равновесие окисления аммиака. С каждым годом пустыни т'Келы растут, а год здесь составляет шестнадцатую часть стандартного. Эволюция очень старалась приспособить жизнь к изменениям, но они произошли слишком быстро. Мы считаем, что все высшие существа, в том числе и туземцы, обречены на гибель. Через десять тысяч лет здесь вообще не будет жизни.

Хотя Джойс давно все это знала, собственный рассказ потряс ее. Наконец Ван Рийн мягко спросил:

— Но у вас была программа спасения?

— О... о, да! Мы начали. Мы завершили все исследования и были уже готовы вызвать инженеров. Принципиальное решение заключается в том, чтобы восстановить фиксирующие азот бактерии. В наших лабораториях выведен чрезвычайно продуктивный штамм. Но, чтобы он выжил, нужно изменить экологию, а значит, серьезно изменить химический состав почвы. Мы хотели растопить лед и электризовать воду. Кислород должен был высвобождаться прямо в атмосферу. Некоторое его количество пойдет на сгорание местного углеводорода. Т'Кела богата нефтью. Сгорание высвободит двуокись углерода, что усилит парниковый эффект. К химической энергии добавилась бы энергия атомных станций, которые мы собирались построить. Они должны были осуществлять электролиз воды.

— Большая работа,— сказал Ван Рийн.

— Огромная. Самый большой замысел, какой когда-либо стоял перед Эсперансой. Но план был разработан, и снаряжение готово. Мы знали, что сумеем осуществить его.

— Если туземцы не попробуют провести эксперимент над инженерами как над обеденным блюдом.

— Да,— Джойс низко склонила светловолосую голову.— Это делает наш план невыполнимым. Нам нужно, чтобы были согласны все. Они должны объединиться, работать с нами на всей планете. А город Кусулонго распространяет свое влияние на четверть планеты! Что нам делать? Я думала, они наши друзья...

— Может, нам удастся собрать воинов и кое-что разузнать, пока они не узнают о нас,— предложил Ван Рийн.

Хотя местность была неровной, машина быстро продвигалась вперед. Примерно час спустя Ууллубу что-то крикнул, и через верхнее смотровое окно они увидели, что он высунулся из-за ветрозащитного козырька и на что-то показывает. Посмотрев в

ту сторону, они заметили облако пыли в северной части горизонта, более широкое и длинное, чем на юге.

— Перегоняют животных,— объяснил Уулобу.— Правь туда, небесный народ.

Джойс перевела, и Ван Рийн повернул машину.

— Мне казалось, что они только охотники,— сказал он.— Там стадо?

— Люди орды экологически находятся посередине между монгольскими пастухами древности и американскими охотниками на бизонов,— объяснила она.— Они полностью приручили изиру и бабибало. Они сделали это еще до ледникового периода, но теперь земля не может прокормить такое количество питающихся зеленых животных. Орды следят за передвижением животных, отбирают слабых особей и защищают их от хищников.

— А что такое эти орды?

— Это трудно понять. Ни один человек не может объяснить это до конца. Не потому, что т'келанская психология непостижима. Но она все же не человеческая, а наша миссия была так занята сбором планетологических данных, что у нас не нашлось времени на более тщательное психологическое исследование. Слова «прайд», «клан» и «орда» — это лишь грубый перевод т'келанских терминов и не очень точный, я уверена. Точно так же, как т'Кела на языке Кусулонго означает просто «эта земля». Чисто произвольное название для всей планеты.

— О'кей, не нужно забивать мой старый бедный мозг ненужными и очевидными сведениями. Главное я понял. Но послушайте, фриледи Девиссон... можно мне называть вас Джойс? — добавил Ван Рийн лстыиво.— Мы с вами в одной лодке, выплываем или утонем вместе, хотя тут для этого нет воды, поэтому давайте будем друзьями, а? — он потянулся к ней.— Называйте меня Ники.

Она отодвинулась.

— Я могу запретить вам называть меня так, как вам будет угодно, фримен Ван Рийн,— сказала она самым холодным тоном.

— О-ох! Такая молодая и такая неприветливая! Одиному старику придется в одиночестве переживать свое горе,— Ван Рийн вздохнул.— Кстати, почему здесь нет ни одного ящика пива? Всего один ящик, и я хоть на час или два смог бы залить пожар в своем желудке. Разве это так много, спрашиваю я вас?

— Здесь нет пива,— она сжала губы.

Дальше они двигались молча. Вскоре они настигли стадо изиру, горбатых и остроносых, чем-то похожих на земных коров. Джойс по своим предыдущим наблюдениям оценила их число в несколько

тысяч. При такой редкой растительности они должны были ежедневно преодолевать огромные расстояния.

Группа туземцев издали заметила машину и поскакала к ней. Они ехали на басаи, которые выглядели, как большие приземистые антилопы с мордой тапира и единственным длинным рогом. Туземцы были одеты так же, как Уулобу, но вместо ожерелья из раковин у них были медальоны из кожи. Ван Рийн остановил машину. Туземцы подскакали поближе; оружие они держали наготове, луки их были натянутыми, короткие копья подняты. Уулобу прыгнул сверху и приблизился к ним, вытянув руки вперед:

— Счастья в охоте, силы, здоровья и потомства, — традиционно приветствовал он их. — Я сын Толы Уулобу, Авонго, Рокулело, теперь сопровождаю небесный народ.

— Вижу, — холодно ответил старший — седой воин. Младший воин улыбнулся и особенным образом взмахнул луком. Уулобу схватился за томагавк. Старший воин сделал примирительный жест, и Уулобу слегка расслабился.

Ван Рийн внимательно следил за этой сценой.

— Что они говорят? — спросил он. — И что значат эти глупости с оружием?

— Лучник сделал оскорбительное предложение Уулобу, — с несчастным видом объяснила Джойс. — Он предложил убрать оружие до конца переговоров и церемонии. Это говорит о том, что Уулобу считают не очень достойным уважения.

— Ах, так. Очень грубые люди. Нигде не гарантирован мир, кроме как в своей орде. Но почему они так пренебрежительно относятся к Уулобу? Разве, работая с вами, он не заслужил уважения?

— Боюсь, что нет. Я спрашивала его об этом однажды. Это единственный т'келанец, которого я могу спрашивать о таких вещах.

— Да? Как это случилось?

— Из всех туземцев, что были в миссии, он самый преданный нам. Видите ли, мы спасли его от ужасной смерти. Мы как раз приготовили лекарство от местной разновидности столбняка, когда он заболел. Поэтому он очень благодарен нам. Есть и экономические причины. Все наши помощники по тем или иным причинам бедны. Засуха убила всю дичь на их территории, или же их изгнали с их земли, или что-то подобное, — Джойс покусала губу. — Они... они поклялись верности... по своим традициям... вы знаете, как они храбро сражались за нас. Но это было делом их чести. Уулобу — единственный т'келанец, испытывающий к нам что-то вроде привязанности.

— Черт побери, но у вас головы макрели! Следовало прежде всего исследовать их психологию. Эта глупая планетография могла подождать. Протухшие, провонявшие макрельи головы... — Ван Рийн начал что-то ворчать. Потом замолчал и потребовал переводить дальше.

— Старшего зовут Ньяронга, он глава их прайда,— продолжала Джойс.— Остальные, конечно же, его сыновья. Они принадлежат к клану Гангу и той же орде, что и Уулобу,— Авонго. Формальности завершены, и они приглашают нас в их лагерь. Они по-своему достаточно гостеприимны, на свой манер... и после того, как проявлены честные намерения.

Всадники отъехали. Уулобу вернулся.

— Им надо спешить,— сказал он по интеркому.— Солнце вспыхнет сегодня, а укрытие еще далеко. Нам лучше следовать за ними на некотором расстоянии, чтобы не испугать животных, небесная женщина.

Он взобрался на машину. Джойс перевела его слова Ван Рийну, и тот двинул машину вперед.

— Вы должны многое рассказать мне,— решил торговец.— Но начнем с того, почему туземцы так пренебрежительно относятся к тем, кто работал в вашей миссии.

— Ну, что ж... Уулобу говорил, что у всех, кто приходит к нам, нет земли. Они не удержали охотничьих территорий своих предков. Поэтому они резко пали в глазах окружающих, их перестали уважать. Далее он очень смущенно признался, что престиж наших работников очень страдает из-за того, что мы не позволяем им участвовать в схватках. Поэтому распространяется слух, что они трусы.

— Воинственная культура, а?

— Н-нет... Здесь парадокс. У них нет войн и даже кровной мести в нашем понимании. Стычки захватывают мало участников, но происходят постоянно. Я полагаю, это зависит от их политической организации. А может, нет? Мы наблюдали то же самое в отдаленных частях т'Келы, в племенах, организованных по другому принципу, чем орды.

— Объясняя это, не будете ли вы так добры приготовить мне маленький сандвич?

Джойс подавила раздражение и направилась к кухонному столу.

— Как я уже говорила, мы не производили тщательных ксенологических исследований, даже местных. Но мы знаем, что основная общественная единица на всей планете одна и та же. Эту первичную организацию мы называем прайдом. Состав прайда определяется соотношением полов: на одного мужчину

приходятся три женщины. Вместе живут старший мужчина, его жены и их дети до зрелого возраста. Все мужчины, а также женщины, не имеющие детей, участвуют в охоте, но только мужчины сражаются с другими т'келанцами. Маленькие дети помогают в работе по лагерю. То же делает и вдова отца главы прайда, если она есть. В такой прайд входит около двадцати туземцев. Больше людей не могут прокормиться на территории, которую можно обойти пешком. Эта планета слишком пустынна.

— Да, я вижу. Т'Келанский прайд соответствует земной семье. Это универсальная единица, верно? Думаю, что большие единицы организованы по-другому, не так, как на Земле.

— Да, у наиболее отсталых дикарей нет объединений крупнее прайда, но общество Кусулонго — так мы называем этих туземцев, организованных в орды — самое передовое в культурном отношении и имеет более сложную социальную структуру. Десять или двадцать прайдов образуют то, что мы называем кланом, — все эти туземцы происходят от одного общего предка и контролируют большую территорию, по которой они бродят вслед за дикими стадами. Клан, в свою очередь, объединяется в орды, каждая из которых ежегодно собирается в каком-нибудь оазисе. Там они совещаются, торгуют, заключают браки — юноши получают жен и образуют новые прайды — и там же они разрешают свои споры судом и схватками. Среди кланов часто происходят стычки, как из-за вопросов чести, так и из-за чисто бытовых вопросов, например из-за источников аммиака. Браки всегда заключаются внутри орды. У каждой орды свои обычаи, боги и т. д.

— Между ордами не бывает войн?

— Нет, если не считать ужасных стычек, которые происходят при переселении народов. Обычно, хотя между отдаленными представителями разных орд часто бывают схватки, между ордами нет организованных войн. Я думаю, у них просто нет лишних средств, чтобы содержать армию во время войны.

— Ум-м, полагаю, что причина где-то глубже. Когда люди хотят воевать, они мало заботятся о том, есть ли у них средства. Сомневаюсь, что в этом отношении т'келанцы отличаются от землян. Возможно, здесь и лежит ключ от всей проблемы. Только нужно узнать, как им пользоваться.

— Ну, — сказала Джойс. — Старейшие тоже стараются предотвратить войны. Они кроме всего прочего разбирают большинство споров между ордами.

— Ах, да, эти парни на горе. Расскажите мне о них.

Джойс приготовила сандвич и протянула его Ван Рйну. Тот с шумом принялся жевать. Она села и стала смотреть в окно:

кустарники, булыжники, облако пыли в тускло-красном свете, темная масса стада, бредущего впереди, всадники, поскакавшие назад, чтобы разнять дерущихся животных. Далеко впереди был виден Лубамбару — ледяной хребет, вершины которого сверкали на фоне тусклого неба. Сквозь гул мотора до Джойс доносились крики животных. Машина качалась и подпрыгивала, и Джойс ощущала на себе все неровности почвы.

— Старейшие — это остатки прошлой цивилизации, — сказала она. — Они уцепились за свой город и сохранили знания, которые забыли все остальные. Их образ мыслей заметно отличается от образа мыслей т'келанцев. Я думаю, все было так: на протяжении нескольких тысячелетий те, кому не нравился город, уходили к кочевникам, а отдельные кочевники, которые считали город средоточием мудрости, селились в нем. Это привело к определенной генетической селекции. Старейшие отличаются по своей психологии: они более скрытны... и умны, как я думаю.

— На что они живут? — спросил Ван Рийн с набитым ртом.

— Они выполняют различные специальные обязанности и производят товары, за которые им платят. Они писцы, врачи, искусные металлурги, ткачи, изготовители пороха. Правда, порох они используют для фейерверков, хотя у них есть несколько пушек. Считается, что они владеют волшебством, главным образом потому, что могут предсказывать солнечные вспышки.

— И до вчерашнего дня они были настроены дружески?

— По-своему, конечно. Они должны были долго готовить нападение на нас — подкупить Шанга и снабдить их порохом, чтобы те взорвали наш купол. Но я все же не могу понять, почему. Я убеждена: они поверили нам, когда мы объяснили им, что хотим спасти их расу.

— Да, несомненно. Но, возможно, сначала они не видели всех последствий, — Ван Рийн кончил жевать, рыгнул, поковырял в зубах ногтем и замолчал, задумавшись о чем-то. Джойс старалась подавить тоску по дому.

Через несколько минут Ван Рийн ударил по контрольной панели так, что она зазвенела.

— Черт возьми! — взревел он. — Подходит!

— Что? — от неожиданности Джойс вздрогнула.

— Но я все еще не вижу, как это использовать, — сказал он.

— О чем это вы?

— Помолчите, фриледы.

Он вернулся к своим мыслям. Медленно проходили часы.

К вечеру на горизонте вырос лес, покрывавший склоны Лубамбару; здесь аммиачная река изгибалась, и волны ее слегка увлажняли почву. Деревья были низкими и изогнутыми, с

усеянными колючками синими стволами и густыми кронами из маленьких зеленовато-серых листьев. Высокие кусты собирались в обширные заросли между деревьями. Всадники заставили своих изиру войти в лес, оставили на опушке часовых и двинулись к северу небольшой группой в пятнадцать туземцев, сопровождавших стадо. Женщины несли на руках мохнатых детей. Женщины были ниже мужчин, черты их лиц были мягче. Несмотря на шерстяной покров и постоянную температуру тела, т'келанцы не были млекопитающими: матери отгрыгивали пищу для детей, еще не имеющих зубов.

Ньяронга вел группу. На его боку висел меч, в одной руке он держал копье, в другой — щит, его большие желтые глаза внимательно осматривали местность. Младшие сыновья прикрывали группу с боков, держа стрелы на тетивах луков. Ван Рийн направил машину вслед за туземцами.

— Они ожидают неприятностей? — спросил он у Джойс.

Девушка оторвалась от своих тяжелых мыслей.

— Они всегда ожидают неприятностей, — тон ее был мрачным. — Я ведь говорила вам, что это очень раздражительная и склонная к ссорам раса — войн нет, но есть множество кровавых схваток. Очевидно, сегодня эти предосторожности — лишь дань традиции: они собираются разбить лагерь вместе с другими прайдами своего клана. Такое большое стадо должны охранять все Гангу.

— Вы же говорили, что они охотники, а не пастухи.

— Большую часть времени так оно и есть. Но, видите ли, когда солнце вспыхивает, их изиру и бабибало начинают паниковать, многие из них получают ожоги, причем такие сильные, что погибают. Это происходит потому, что они не выработали в своем организме защиту от ультрафиолетовых лучей, пока атмосфера не начала изменяться. Клань не могут допустить таких потерь. В сезоне вспышек они держатся вблизи стад и загоняют их на территории, где есть тень, или специальные убежища, где густой лес или что-нибудь подобное может предотвратить ланяку.

Ван Рийн презрительно показал на опускающийся к горизонту красный диск.

— Вы хотите сказать, что эта угасающая зола может своей радиацией повредить хотя бы бабочке?

— Нет, если это земная бабочка. Но вы знаете, что такое карлики типа М? Они часто вспыхивают и могут увеличивать свою яркость в несколько сотен раз. В наши дни содержание кислорода в атмосфере упало так низко, что озоновый слой не может задержать ультрафиолетовое излучение. Кроме того, на

планетах, подобных этой, с корой, бедной металлами, существует слабое магнитное поле. К этому добавляется фон космического излучения, так как некоторые заряженные частицы, вылетающие из солнца в момент вспышки, проходят через магнитное поле. Вас или меня это не беспокоит, человек привык выносить большие дозы радиации, чем те, что здесь считаются нормой.

— Понятно. Может, сыграло роль то обстоятельство, что здесь нет радиоактивных минералов. На Троре вспышки не беспокоят аборигенов. Наоборот, в эти дни они устраивают праздники. Но вы правильно сказали: Троре повезло куда больше, чем т'Келе. Джойс содрогнулась.

— Как суров космос! Мы на Эсперансе верим: нужно объединиться и бороться со Вселенной, всем вместе.

— Прекрасная философия, жаль только, что не все для нее созданы. Вы очень хорошая девочка, вам кто-нибудь говорил это?

Ван Рийн положил руку на ее плечо. Она почувствовала, что не может сопротивляться: слишком мрачна была надвигающаяся снаружи солнечная буря.

Через час они достигли лагеря. Горбатые кожаные шалаши были воздвигнуты на ровном участке у аммиачного ручья. У входа горели костры, огонь в которых поддерживали подростки. Женщины сушили у костров, мужчины разлеглись рядом, придерживая рукоятки своего оружия. Появление машины встревожило всех, но никто не подал виду; мужчины прогуливались рядом, стараясь казаться равнодушными.

«Или они на самом деле равнодушны к прибывшим? — размышляла Джойс. Она смотрела на толпу: несколько сотен нечеловеческих глаз, лиц, взъерошенная шерсть, сверкающие наконечники копий. Но ни один звук не доносился снаружи. — Они поступают одинаково. Везде, в любом клане, в любой орде, с которыми мы встречались: сначала заинтересованность нашим внешним видом, нашими машинами, потом равнодушная вежливость, как будто им все равно — несем мы добро или зло. Они благодарили нас, но не очень горячо, за то, что мы делали для них, часто настаивали, чтобы мы взяли плату, но никогда не приглашали нас на свои обряды или праздники, а дети иногда бросали в нас камни».

Ньяронга выкрикнул команду. Его прайд начал разбивать соборный лагерь. Постепенно все зрители отошли.

Ван Рийн посмотрел на солнце.

— Они уверены, что сегодня будут вспышки?

— О, да. Если Старейшие сказали, так оно и будет. Это нетрудно предсказать, если у вас есть закопченное стекло или маленький телескоп, чтобы можно было наблюдать за поверхно-

стью звезды. Свет ее так тускл, что легко можно заметить пятна и свечения — совсем не так, как у звезд типа G, а признаки вспышки у звезды очень характерны. Любой примитивный астроном может с точностью до дня предсказать вспышку карлика типа M. Гелиографические сигналы разносят весть о ней от Кусулонго в орды.

— Я считаю, что эти старые чудаки унаследовали свои эмпирические знания от более ранних времен. Точно так же, как вавилоняне знали о движении планет... Черт возьми, кажется, начинается!

Солнце склонилось к западному хребту, его разбухший диск стоял над вершинами...

Тонкий ярко-красный завиток медленно выполз с одной его стороны. Басаи закричали. Среди туземцев пронесся гомон. Мужчины хватали животных за уздечки, останавливая их. Женщины тащили котлы и детей в шалаши.

Вспышка разрасталась и становилась ярче. Свет разливался по затемненным холмам, по всей равнине. Небо начало бледнеть, а ветер усилился и зашумел листвой по краю лагеря.

Т'келанцы загоняли своих испуганных животных под длинный навес из шкур, укрепленных на столбах. Одно животное понесло, но воин разматал свое лассо, бросил его и свалил животное под навес. Вспышка все разрасталась и становилась ярче. Для человека она не была настолько яркой, чтобы защищать глаза. Джойс видела повсюду паутину раскинувшихся лучей. Брызги излучения росли, умирали и появлялись вновь. Хотя она и видела эту картину раньше, но поймала себя на том, что сжимает руку Ван Рийна. Ван Рийн затянулся и выпустил густое облако дыма. Уулобу спустился с машины. Джойс слышала, как он спросил Ньяронгу:

— Я могу помочь вам перед лицом гневного бога?

— Нет,— ответил патриарх.— Отправляйся в шалаш к женщинам.

Зубы Уулобу сверкнули. Шерсть на спине поднялась, он схватился за томагавк.

— Не надо! — крикнула Джойс в интерком.— Мы гости!

Несколько мгновений два т'келанца смотрели в глаза друг другу. Копье Ньяронги было нацелено в горло Уулобу. Затем Уулобу отступил.

— Мы гости,— сказал он приглушенным голосом.— В другой раз, Ньяронга, мы поговорим с тобой.

— С тобой, безземельным? — вождь сдержался.— Ладно, между нами мир, и сейчас не время его нарушать. Но мы, Гангу,

сами займемся о своих стадах и пастбищах. Никакая помощь нам не нужна.

Все еще возбужденный, Улобу вошел в ближайший шалаш. Вскоре последнего басаи загнали в убежище и крепко завязали входной клапан, чтобы оставить животных в темноте.

Вспышка все разрасталась. Она превратилась в неровное полотно света вокруг всего диска. Становясь ярче, принимая ярко-оранжевую окраску, она продолжала расти. Ветер усиливался.

Главы прайдов медленно прошли к центру лагеря и образовали круг; неженатые воины образовали больший. Ньяронга поднял рог и затрубил в него. Вверх взвились копы, все быстрее, по мере того, как усиливалась радиация. Вдруг Ньяронга затрубил еще раз, и тучи стрел взметнулись к солнцу.

— Что они делают? — спросил Ван Рийн. — Изгоняют дьявола?

— Нет, — ответила Джойс. — Они не верят, что это возможно. Они бросают ему вызов. Они всегда предлагают ему спуститься и вступить в борьбу. И это не дьявол, а бог.

Ван Рийн кивнул.

— Да, это подходит, — сказал он как будто сам себе. — Когда бог отказывается выполнять свои обязанности, его не пытаются подкупить, нет, ему угрожают. Да, все сходится.

Мужчины закончили танец и с торжественным видом направились к своим шалашам. Дверные клапаны затянулись.

Лагерь опустел.

— Ха! — Ван Рийн вскочил на ноги. — Мой костюм!

— Что? — Джойс удивленно смотрела на него.

— Я хочу выйти. Не стойте с прилипшим языком. Давайте мой костюм.

Джойс заставила себя повиноваться. К тому времени, когда громадная фигура была облачена в костюм, солнце уже стояло над самым хребтом; сила излучения утроилась. Теперь вспышка была подобна второй звезде, не круглой, а продолговатой и белой, как язык пламени. Длинные тени ползли по равнине, каждая приобрела неестественный бронзовый цвет. Ветер поднимал пыль и сухие листья, задувая костры, играя полотнищами навесов.

— Когда я дам знак, — сказал Ван Рийн, — вы включите интерком на полную мощность, чтобы они могли нас слышать. Скажите этим так называемым мужчинам, чтобы они выглянули и посмотрели на меня, если у них не задрожат поджилки, — он посмотрел на нее. — И не будьте слишком вежливы, понятно?

Прежде чем она успела ответить, он был уже у входного люка. Через минуту он выбрался из машины, оказался в центре лагеря и махнул рукой. Джойс облизала губы.

«Что собирается делать этот идиот? Месяц назад он и не слышал об этой планете. Он не пробыл на ней и недели. Практически всю информацию он получил от меня за последние десять — пятнадцать часов. И он думает, что знает, как нужно вести себя? Если после этого его толстое брюхо не будет набито железными наконечниками стрел и копий, то, значит, нет справедливости во Вселенной. Неужели он считает, что я хочу погибнуть вместе с ним?»

Черная громадная фигура на фоне пылающего неба снова махнула рукой. Джойс включила интерком и сказала в микрофон:

— Смотрите, люди Гангу, у кого хватает храбрости! Смотрите издали на мужчину, который бросает вызов гневному богу!

Ее голос глухо разнесся по лагерю. Ван Рийн кивнул. Она прищурилась, чтобы видеть, что он делает. Щуриться приходилось из-за контрастности, а не из-за яркости света. Излучение все еще составляло несколько процентов от того, что получала Земля. Но вспышки с температурой в миллион градусов и выше излучали в той части спектра, к которой она была чувствительна. Она подумала, что ультрафиолета мало даже для того, чтобы покраснела кожа у земного ребенка, но достаточно, чтобы нанести смертельные ожоги этим несчастным скитальцам Гадеса.

Ван Рийн извлек свой бластер. С нарочитой неторопливостью он несколько раз выстрелил в звезду. Вспышки бластера казались слабыми на фоне разгоревшейся звезды. Что теперь?..

— Нет! — крикнула Джойс.

Ван Рийн открыл лицевую пластинку своего шлема. Он давал представление, показывая всем резкие черты лица, выступавшие из шлема при ярком свете. Он гротескно танцевал, подняв свой большой нос к небу.

Но...

Торговец сделал непередаваемый жест, вновь закрыл шлем, выстрелил дважды и замер с поднятыми руками, пока солнце заходило за горизонт. Вспышка задержалась ненадолго после захода солнца, освещая листву деревьев. Ван Рийн в сумерках направился обратно к машине. Джойс впустила его. Он снял шлем, отдуваясь и ругаясь на дюжине языков. Иней начал застывать на его костюме.

— Ох! — простонал он. — И нет даже стаканчика виски, чтобы согреть мои старые и слабые кости.

— Вы могли умереть, — прошептала Джойс.

— О, нет, нет! Николас Ван Рийн умрет не так. Я думаю, что в возрасте ста пятидесяти лет меня застрелит ревнивый муж. Холод не слишком велик, а на несколько минут я могу задержать

дыхание. Но впустить этот аммиак — ужас и налоги! — он побрел в ванную и с фырканьем начал умываться.

Исчезли последние лучи вспышки. Небо стало розовым, и на нем были видны лишь самые яркие звезды. Тяжелые частицы излучения солнца должны достичь планеты лишь через час. Вновь загорелись костры и во тьму полетели снопы искр.

Ван Рийн вышел из ванной.

— Отлично, я готов, — сказал он. — Теперь надевайте свой костюм и идите со мной. Мы должны поговорить с ними.

Дорогу в круг, образованный темной линией шалашей, Джойс была вынуждена прокладывать среди женщин и юношей. Их кольцо смыкалось за ней, она видела отражение огней в их глазах и знала, что она окружена. Но громоздкая фигура Ван Рийна и топот ног Уулубу внушали ей спокойствие.

«Непрочное спокойствие», — подумала она, глядя на мужчин, ожидавших их у аммиачного источника. Они собрались, как только увидели выходящих из машины людей. Джойс видела их сплошной черной массой, как и ночь за ними. Костры с обеих сторон, превращавшие для т'келанцев ночь в день, слабо освещали лишь передний ряд. Время от времени пламя, раздуваемое ветром, вырывалось вверх, летели искры, и вдаль уносились клубы дыма. Иногда она видела обсидиановые заостренные наконечники копий, меч из рога или железный кинжал. Лес шелестел за лагерем. Она слышала испуганные крики изиру, блуждавших вокруг во тьме. Во рту у нее пересохло.

Отцы прайдов стояли впереди. Многие из них были совсем молоды; туземцы редко доживают до старости. Ньяронга казался самым старым из них. Он стоял в копье в руке, полуоткрытые зубы сверкали, щупальца дрожали. Его юбка развевалась по ветру.

Ван Рийн остановился перед ним. Джойс заставила себя подойти и встретить взгляд Ньяронги. Уулубу присел на корточки у ее ног. Гомон, казалось, предвещавший бурю, пронесся среди воинов. Ван Рийн невозмутимо ждал, пока наконец Ньяронга не нарушит молчание.

— Почему ты бросил вызов солнцу? Ведь до сих пор ни один небесный человек этого не делал.

Джойс торопливо перевела. Ван Рийн отдувался в своем костюме.

— Скажите ему, — начал он, — что я пришел сюда совсем недавно. Скажите ему, что вы не считаете нужным бросать вызов солнцу, но я не согласен с вами.

— Чего вы добиваетесь? Малейшая ошибка может погубить нас.

— Верно. Но бездействие тем более погубит нас. Не так? — он похлопал ее по руке. — Черт бы побрал эти перчатки — без них было бы значительно приятнее. Во всяком случае, вы должны мне верить, Джойс. Николас Ван Рийн не стал бы старым и толстым, побывав на сотне планет, если бы не умел находить выход из положения. Верно? Поэтому переводите им то, что я говорю, и говорите резко. Понятно?

Она сглотнула.

— Да. Не знаю, почему, но я выполняю ваши распоряжения. Если... — она преодолела страх и повернулась к ожидающим туземцам. — Этот небесный мужчина не из нашего отряда. Он моей расы, но из народа, гораздо могущественнее, чем мой. Он велел мне сказать, что мы, небесный народ, не соизволяем бросить вызов солнцу, а вот он соизволил.

— Вы никогда не соизволяете? — прервал ее кто-то. — Что это значит?

Джойс начала импровизировать:

— Яркость солнца не опасна нашим людям, мы часто говорим об этом. Неужели никто из вас этого не слышал?

Некоторое время все молчали, потом изукрашенный рубцами одноглазый патриарх неохотно сказал:

— Я слышал это в прошлом году, когда ты или кто-то из ваших лечили детей моего прайда.

— Теперь вы видите, что это правда, — заметила Джойс.

Ван Рийн потянул ее за рукав:

— Эй, что происходит? Разговаривать должен я, или вы своими глупостями все испортите.

Она заставила себя не рассердиться и пересказала весь разговор. Он удивил ее, ответив:

— Прошу прощения, девочка. Вы все проделали прекрасно. Теперь я должен произнести речь, вы будете переводить каждое предложение, как только я его закончу, а?

Он наклонился вперед и, размахивая указательным пальцем перед носом Ньяронги, резко сказал:

— Ты спрашиваешь, почему я вышел под пылающее солнце? Чтобы показать вам, что я не боюсь огня. Я плюнул на ваше солнце, и оно зашипело. Мое солнце может съесть ваше за завтраком и попросить добавки, черт возьми! Этот ваш маленький уголек дает слишком мало света, его не хватит даже на то, чтобы испугать ребенка нашего народа.

Т'келанцы заговорили и придвинулись ближе, потрясая оружием. Ньяронга возмущенно ответил:

— Да, мы часто замечали, что вы, небесный народ, почти слепые.

— Тебе приходилось стоять в свете фар наших машин? Ты слеп, верно? Ты не выдержишься и минуты на Земле. Хлоп — и ты уже облако дыма.

В ответ Ньяронга сплюнул:

— А вы должны закрываться от нашего воздуха.

— Ты видел, моя голова была открыта! А вот осмелишься ли ты глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет?

Гневный ропот пронесся по толпе воинов. Ван Рийн сделал презрительный жест.

— Видите? Вы слабее нас.

Молодой высокий глава прайда выступил вперед. Его усы дрожали.

— Я посмею.

— Отлично. Я дам тебе понюхать.— Ван Рийн повернулся к Джойс.— Помогите мне управиться с этим проклятым аппаратом для восстановления воздуха. Я не хочу, чтобы в мой шлем еще раз проник этот аммиак.

— Но... — она растерянно повиновалась и отвинтила выпускной клапан аппарата, висевшего на спине Ван Рийна.

— Направьте ему в лицо,— приказал Ван Рийн.

Воин стоял неподвижно. Джойс подумала, какую боль ему предстоит испытать. Она не могла поднять шланг.

— Шевелитесь! — заорал Ван Рийн. Она подчинилась. Земной воздух рванулся из шланга. Воин крикнул и зашатался. Он тер нос и слезившиеся глаза. Еще мгновение он держался, потом упал на руки окружающих. Джойс закрыла клапан, а Ван Рийн сказал:

— Я так и знал. Слишком много кислорода, а особенно много водяных паров. Трорианцы не выдерживают нашего воздуха, и я решил, что эти парни тоже его не выдержат. Скажите им, что скоро он придет в себя.

Джойс передала его заверения. Ньяронга ответил:

— Я слышал об этом. Зачем вы показали парню, что дышите ядом?

— Чтобы показать вам, что мы не менее сильны, чем вы,— ответил Ван Рийн через Джойс.— Мы даже еще сильнее: мы можем загнать вас в ваши конуры, как вы басаи, если захотим.

Его слова вызвали бурю, взметнулось оружие. Ньяронга поднял руки, призывая к тишине. Все замолчали, слышались лишь отдельные возгласы да вздохи женщин, следивших за происходящим из темноты. Старый вождь гордо произнес:

— Я знаю, что вы владеете оружием, которого нет в нашем мире. Значит, вы обладаете знаниями, которых нам не хватает,

и никто никогда не отрицал этого. Но это не значит, что вы сильнее. Т'келанец тоже сильнее бабибало только лишь потому, что у него есть лук, который может убивать издалека. Мы — народ охотников, а вы нет, несмотря на ваше оружие.

— Скажи ему, — приказал Ван Рийн, — что я голыми руками справлюсь с самым сильным их бойцом. Но так как я должен носить этот костюм, который защитит меня от укусов, он может использовать оружие...

— Он убьет вас! — запротестовала Джойс.

Ван Рийн хитро посмотрел на нее.

— В таком случае я умру за прекраснейшую даму этой планеты, — голос его дрогнул. — Может, тогда вы пожалеете, что не были добры с бедным стариком.

— Я не могу...

— Вы должны, черт возьми! — он схватил ее за руку так сильно, что она скривилась от боли. — Я знаю, что делаю.

Она передала вызов. Ван Рийн швырнул свой бластер к ногам Ньяронги.

— Если я проиграю, победитель возьмет это, — сказал он.

Это подействовало. Дюжина молодых воинов с криками выступила вперед. Ньяронга проревел что-то, восстанавливая порядок. Он осмотрел всех по очереди и указал на одного из них.

— Это мой сын Кусалу. Он будет защищать честь прайда и клана.

Т'келанец был ниже Ван Рийна, но почти так же могуч. Мускулы перекатывались под его шерстью. Он двинулся вперед, сверкая зубами, держа в одной руке томагавк, в другой — кинжал. Остальные туземцы расступились, образовав широкий круг. Уулобу отвел Джойс в сторону, его рука дрожала.

— Я могу сразиться с ним сам, — прошептал он.

Кусалу кружил, а Ван Рийн поворачивался, как огромная планета. Руки его, как у обезьяны, свисали с покатых плеч. Огонь костров высвечивал через лицевую пластину шлема резкие черты его лица.

— Мяу, — поддразнил он.

Кусалу выругался и с ужасной силой метнул томагавк. Левая рука Ван Рийна взлетела с невообразимой скоростью. Он поймал оружие в воздухе и потянул его к себе. Шнур, привязанный к томагавку, натянулся. Кусалу был вынужден приблизиться. Ван Рийн бросился в атаку. Кусалу увернулся и отпрыгнул, сверкнуло лезвие его кинжала. Ван Рийн перехватил его руку правой рукой, левой же вновь потянул за шнур. Кусалу упал на одно колено. Ван Рийн завернул его руку за спину. Все т'келанцы вскрикнули.

Кусалу разрубил шнур. Сплюнув, он выругался и начал новую атаку. Ван Рийн хитро ударил ему ногой в живот и отдернул ногу, прежде чем тот успел поймать ее. Кусалу согнулся. Ван Рийн приемом карате ударил его по шее. Кусалу зашатался, но удержался на ногах. Ван Рийн вновь увернулся от кинжала и отступил. Кусалу мгновение стоял, выжидая, затем бросился вперед. Схватка завершалась. Ван Рийн перебросил Кусалу через плечо, и тот с грохотом упал. Ван Рийн ждал; у Кусалу все еще был кинжал. Наконец он встал и придвинулся ближе. Из его ноздрей шла кровь.

— О, моя дорогая! — пропел Ван Рийн. Кусалу приготовился его ударить, но Ван Рийн вновь перехватил его руку, вывернул ее и нажал. Кусалу закричал. Ван Рийн нажал сильнее и приказал:

— Проси пощады.

— Он скорее умрет! — взвизгнула Джойс.

— Отлично, тогда придется принять меры.

Ван Рийн вырвал нож и отбросил его в сторону. Удар рукой в живот — и т'келанец зашатался. Торговец продолжал безжалостно наносить удары, пока Кусалу не упал. Ван Рийн отошел в сторону.

Джойс с ужасом смотрела на него.

— Все в порядке, — успокоил он ее. — Я же побил его не сильно.

Ньяронга помог сыну встать. Двое воинов увели его. Среди т'келанцев послышались причитания. Ничего подобного Джойс прежде не слышала. Ван Рийн и Ньяронга остановились друг против друга. Вождь очень медленно заговорил:

— Ты доказал свою правоту, небесный мужчина. Для безземельного ты дерешься очень хорошо. И ты хорошо поступил, что не убил его.

Джойс, всхлипывая, переводила. Ван Рийн ответил:

— Скажите, что я не убил этого юношу потому, что в этом не было необходимости. Скажите также, что я владею огромной территорией у себя, — он указал вверх, где на ветреном туманном небе горели звезды. — Скажите ему, что мои охотничьи территории там, черт возьми!

Вysłушав его, Ньяронга чуть ли не жалобно спросил:

— Но чего он хочет на нашей земле, какова его добыча?

— Мы пришли помочь... — Джойс остановилась и передала вопрос Ван Рийну.

— Ха! — сказал Ван Рийн злорадно. — Сейчас мы поговорим об индюках, — он присел на корточки у костра. Отцы прайдов

присоединились к нему, их сыновья подошли ближе, чтобы было слышно. Улобу радостно прошептал Джойс:

— Они принимают нас, как друзья.

— Я пришел не для того, чтобы грабить вас,— спокойно заговорил Ван Рийн.— Нет, я хочу заняться делами, выгодными для обеих сторон. Несомненно, племена торгуют друг с другом. Они же не могут сами производить все необходимое.

— О, да, конечно,— Джойс села рядом с ним,— их отношения с городом построены на принципе «услуга за услугу», я вам уже говорила это.

— В таком случае они поймут меня. Скажите им, что эти Старики на горе завидуют нам. Что они натравили Шанга на наш лагерь. Говорите правду, ничего не приукрашивая.

— Что? Но я думала... считала, разве вы не хотите, чтобы они считали нас могущественными? Мы должны признаться, что спасаемся бегством?

— Ну, скажем, мы совершаем... как это говорится в военных сводках... совершаем запланированный переход на заранее подготовленные позиции.

Джойс повиновалась. Щупальца поднялись на головах туземцев, зрачки сузились, руки подняли оружие. Ньяронга с сомнением спросил:

— Вы хотите найти у нас убежище?

— Нет,— ответил Ван Рийн.— Скажите им, что мы пришли предупредить их, потому что, если их уничтожат, мы не сможем заключить выгодную сделку. И еще: Шанга захватили в куполе наше оружие и движутся со своими дружественными кланами на территорию Рокулело.

Джойс подумала, что ослышалась.

— Но мы не... мы не... у нас не было другого оружия, кроме личного. А все личное оружие мы унесли с собой.

— Они что, знают об этом, эти туземцы?

— Ну... разве они поверят вам?

— Моя хорошенькая блондиночка с выпуклостями везде, где полагается, даю вам свое, Николаса Ван Рийна, слово, что они поверят...

Запинаясь, она выговорила эту ложь. Реакция была ужасной: лагерь взорвался. Все бегали и потрясали копьями, воя, как волки. Один Ньяронга сидел неподвижно, но и у него шерсть встала дыбом.

— Это правда? — спросил он.

— А зачем иначе Шанга нападать на нас с помощью Старейших? — вопросом на вопрос ответил Ван Рийн.

— Вы очень хорошо знаете, зачем,— возразила Джойс.— Старейшие могли подкупить их, сыграв на суеверии и, возможно, пообещав им, что сделают им ножи из нашего металла.

— Да, несомненно, но вы передадите старику именно то, что я сказал. Скажите им, что Шанга напали на нас ради наших бластеров и пистолетов и, что Старикашки для этого снабдили их порохом. Объясните: это означает, что Седобородые на стороне орды Шанга... как ее называют?

— Ягола.

— Да. Скажите им, что все вами увиденное, свидетельствует о том, что Шанга во главе всех кланов орды движутся на запад и собираются прогнать Рокулело с их территорий.

Ньяронга и все остальные, сохранившие спокойствие, пока Джойс говорила, не нуждались в разъяснениях. Как она рассказывала Ван Рийну, война не была в обычае у т'келанцев. Но они были знакомы со стычками при переселении племен на новые охотничьи территории. А на умирающей планете такое случалось часто. Когда территория становилась совершенно безжизненной, ее обитатели вынуждены были куда-нибудь переселяться или умереть с голоду.

Но Ягола не умирали с голоду на своей территории. Ван Рийн обвинил их в том, что они решили захватить как можно больше земель и при помощи украденного оружия завоевать господство.

— Я не думал, что они такие чудовища,— сказал Ньяронга.

— Это правда! — по-английски запротестовала Джойс.— Нельзя на них клеветать так ужасно, это...

— Ну, ну, все дело в пропаганде,— ответил Ван Рийн.— Предложите Ньяронге совместно вернуться к Кусулонге, собрать подкрепление и проверить, так ли это.

— Вы хотите, чтобы они вцепились друг другу в глотку! Я не буду в этом участвовать. Скорее умру...

— Послушайте, моя сладкая, пока еще все живы. Может, никто и не будет убит. Я объясню позже. Но сейчас... мы должны ковать железо, пока горячо. Они чрезвычайно возбуждены, не давайте же им остыть, пока они не решат выступить.— Ван Рийн приложил руку к сердцу.— Вы думаете, что старый, страдающий одышкой, любящий комфорт, трусливый Николас Ван Рийн хочет развязать войну? Неверно. Удобное кресло, стакан джина, венесуэльская сигара, тихая музыка из проигрывателя на борту его яхты, когда он путешествует в окружении танцующих девушек — вот все, чего он хочет. Разве это так много? Поэтому будьте умницей и помогите мне.

В замешательстве она пошла у него на поводу.

В ту же ночь во все кланы Рокулело послали гонцов. Выступили во тьме, пока не встало солнце. Двинулись только мужчины, женщины и дети остались в лагере. Все закутались в просторные накидки и бурнусы, басаи покрыли одеялами, чтобы избежать ужасной чахотки, которая охватывала т'келанцев в такие периоды.

Большинство заряженных частиц падало на дневную сторону планеты, но магнитное поле было достаточным, чтобы перенести часть их на противоположное полушарие. Несмотря на это, отряд шел довольно быстро. Выглядывая в окно машины, Джойс видела тусклое свечение двух лун, бесформенные тени, иногда сверкало оружие. Сквозь гул машины она слышала, как воины окликали друг друга, доносилось глухое топание неподкованных копыт.

— Видите ли,— начал свою лекцию Ван Рийн,— я в этом мире недавно, но я был во многих других мирах, и о еще большем количестве миров читал отчеты. Мое занятие требует этого. Всегда можно найти параллели. У меня было достаточно данных, чтобы понять их мышление. Вы же, эсперансиане, не обладаете таким опытом. Как и большинство колоний, вы изолированы от основных галактических путей, и вам трудно разбираться в отношениях между племенами. Это видно из того, что вы оставили психологические исследования напоследок. Никогда не делайте так, Джойс. Всегда сначала узнайте, с кем имеете дело. Эта Вселенная слишком жестока.

— Вы, кажется, знаете, о чем говорите, Ник,— согласилась она. Ван Рийн просиял и поднес к губам ее руку. Она пробормотала что-то о необходимости подогреть кофе и сбежала. Вернувшись от кухонного стола и сев рядом с ним на сиденье, она попросила:

— Что ж, расскажите об их мышлении. Как работает их мозг?

— Вы были уверены, что они подобны воинственным племенам прошлого,— начал он.— На первый взгляд, это так и есть. Они разумны, обладают языком, понимают вас и могут с вами разговаривать. Вам кажется, что они смогут вас легко понять. Но вы забыли, что сознание есть всего лишь небольшая часть личности. Сознание помогает нам получить то, чего мы желаем. Но наши мотивы, наши желания: пища, одежда, убежище, удовольствия, пол — все это идет из глубины. Нет даже логичной причины, чтобы оставаться живыми. Но инстинкт говорит, чтобы мы жили, и мы живем. А возник инстинкт в результате длительной эволюции. Мы были животными, и очень долго, пока не научились думать... — Ван Рийн набожно поднял глаза вверх,— и получили души. Вы сначала должны были проследить эволюцию их расы, чтобы понять их.

Люди, как мне говорили специалисты, начали свою эволюцию, когда лесов в Африке много тысяч лет назад стало меньше. Древесные обезьяны превратились хищников. Они начали ходить прямо на двух конечностях, у них появились руки. Когтей и зубов у них не было, и им пришлось изобрести оружие. Так появились мы, Хомо Сапиенс, с нашими хищными инстинктами. Но они у нас довольно поверхностны. Мы по-прежнему всеядны и можем прожить, если это понадобится, и на брюссельской капусте. Наши предки мирно поедали орехи задолго до того, как стали охотниками. Это, безусловно, влияет на нас и сейчас.

Т'келанцы же всегда были хищниками. Очевидно, не очень сильными: у них нет больших когтей, а их зубы даже слабее, чем у людей. Поэтому они тоже приобрели в ходе эволюции руки и научились изготавливать оружие, а это привело к появлению разума. Однако у них не было предков-вегетарианцев, как у нас. И их инстинкт убийства гораздо сильнее, чем у нас, к тому же они не общественные существа. Хищники не могут быть ими. Если в какой-нибудь местности появится много хищников, то добыча исчезнет, черт возьми. Кофе готов?

— Наверное.— Джойс принесла кофе. Ван Рийн выпил его, не обращая внимания на то, что он был таким горячим, что любому другому человеку сжег бы небо.

— Я начинаю понимать,— сказала она с растущим возбуждением.— Поэтому они и не образуют абсолютных наций и не воюют между собой. Большие организации для них всегда искусственны и не обязательны. Борются и умереть за орду для них все равно, что человеку умереть за... свой карточный клуб.

— Гм, я не раз видел убийства за карточными столиками. Но да, вы поняли мою основную мысль. Прайд совершенно естествен здесь, как для человека семья. Клан с его кровными узами — одна ступенька удаления. Он возбуждает т'келанцев в такой же степени, вероятно, как человека понятие «страна». Но орды? Нет. Это лишь вопрос удобства и организации.

Конечно, клан или прайд — это не леденцы. Люди тоже устраивают семейные скандалы и гражданские войны. У т'келанцев более сильные инстинкты борьбы, чем у нас. Здесь много схваток и борьбы, но никто не воспринимает их слишком серьезно. Вы говорили мне, что у них нет кровной мести. А это значит, что мужчина, который не сражается и не убивает, кажется им неестественным и ненормальным.

— Поэтому они... не воодушевились нашими планами? Планами эсперансианской миссии?

— Отчасти. Дело не в том, что от вас ожидали опасности. Никто не беспокоился, вы никого не оскорбляли и были даже

полезны. Но ваше поведение им было совершенно непонятно. Они считали, что в вас есть что-то ненормальное, и испытывали легкое презрение. Я же доказал, что так же силен, как и они, если не сильнее. Это удовлетворило их инстинкты, которые именно поэтому уснули. Тем самым я заставил их отнестись ко мне с уважением и выслушать меня.

Ван Рийн поставил пустую чашку и взял трубку.

— Другое дело, которое вы упустили из виду, — территории, — продолжил он. — Животные на Земле инстинктивно защищают свой участок. Люди тоже, но у хищников этот инстинкт гораздо сильнее, ибо они не могут прожить на ягодах и кореньях. Их жизнь зависит от добычи; изгнанные с территории они погибают. Вы видели, что туземцы, которые не смогли удержать свою территорию, шли к вам, а не искали других земель. Потом вы отправились с проповедью, что вам не нужна ничья земля. Ха! Они восприняли это как ложь — может, именно в этом причина нападения Шанга — или как проявление ненормальной слабости.

— Но разве они не поняли? — спросила Джойс. — Неужели они считали, что мы, внешне столь непохожие на них, будем действовать так же, как они?

— Я думаю, что цивилизованные т'келанцы, вероятно, поняли бы это. Однако вы имели дело с настоящими варварами.

— За исключением Старейших. Я уверена, что они поняли...

— Может быть, и так. Вполне возможно. Но вы стали для них смертельной угрозой. Разве вы не видите? Они были летописцами, врачами, высококвалифицированными ремесленниками, специалистами по солнцу в течение многих веков. Вы пришли и стали делать то же самое, только гораздо лучше. Чего же вы от них ждали? Что они будут целовать вам ноги? Или другие части вашего тела? Вы забыли, что они хищники, а они начали борьбу.

— Но мы никогда не собирались заменять их.

— Вспомните, — сказал Ван Рийн, тыча в нее трубкой, — разум есть лишь слуга инстинкта. Старикашки здесь слабее всех. Они могут удержаться лишь в одном месте, за стенами; они не охотятся, им не нужны тысячи квадратных километров. Но это не значит, что у них нет инстинкта защиты территории. Ха! Работа — вот их территория, и вы хотите выжить их с нее!

Джойс сидела, ошеломленная, глядя в ночь. Прошло немало времени, прежде чем она смогла возразить:

— Но мы объяснили им, и я уверена, что они поняли, мы объяснили, что планета без нашей помощи погибнет.

— Да, да. Но прирожденный боец боится смерти меньше, чем другие существа. К тому же смерть ожидала планету через много

тысячелетий. Это слишком долгий срок, чтобы он мог испугать их. Ваша же собственная угроза была для них совершенно реальной.

А ваша болтовня о взаимопомощи планет для них равно ничего не значила; думаю все же, что они вас просто не поняли. Хищники никогда не объединяются, разве что в самом юном возрасте, у них нет соответствующего инстинкта. Орды ни в коей мере не нации. Альтруизм — вне их умственного горизонта. Он только заставил их относиться к вам с подозрением. Старейшие в чем-то, возможно, поняли ваши мотивы, но ни в коей мере их не разделили. Вы не можете организовать этих туземцев; скорее вы можете построить карусель на кольцах Сатурна.

— А вы организовали их на войну! — в гневе воскликнула она.

— Нет. Я только дал им общую цель. Они поверили в то, что я им сказал об оружии в куполе. С их образом мыслей это казалось самым простым, самым правдоподобным. Конечно, у нас было оружие, у всех оно есть. Конечно, мы использовали бы его при возможности; все бы так поступили. Следовательно, у нас такой возможности не было, так как Шанга захватили купол слишком быстро. Результат этого рассуждения — Яагола составили заговор против Рокулело, и это тоже вполне соответствует их образу мыслей.

— Но что вы хотите сейчас заставить их делать? — она больше не могла удержать слез. — Штурмовать горы? Они ничего не могут сделать без Старейших.

— Могут, если Старейших заменят люди.

— Но... но... нет, мы не можем... не должны...

— Может, и не придется. Посмотрим. Ну, ну, не расстраивайтесь. Папа Ники вытрет вам глаза.

Она положила голову ему на руку и разрыдалась.

Гора Кусулонго, как чудовище, вырастала над равниной: утес громоздился на утес, между ними — осыпи, покрытые ледниками, и так вплоть до пиков, четко вырисовывавшихся на солнечном диске. Джойс никогда раньше так сильно не ощущала холод и мрак этого мира.

Она ехала по тропе, ведущей в город, на однорогом животном, которого укрыли одеялом, чтобы предохранить его от тепла человеческого тела; оно ощущалось даже сквозь костюм. Ветер, свистевший между скалами, бил ее, как кулаками, и яростно трепал знамя, которое нес на конце копыта ехавший впереди Уулобу. Оглядываясь назад, она видела уходившую вниз тропу, и на ней Ньяронгу с полдюжиной других вождей, которым

разрешили ехать с отрядом. Плащи их развевались по ветру, копыта поднимались и опускались в такт прыжкам животных, цвет их шерсти невозможно было различить в сумерках, но ей казалось, что она видит их жестокие лица. Бесконечно далеко внизу, у подножья горы, расположилась войско — пятьсот вооруженных и разгневавшихся Рокулело.

Джойс вздрогнула и направила своего басаи к соседнему, который вздыхал и кричал под тяжестью Ван Рийна.

— Наконец-то у нас есть компания, — крикнула она, понимая нелепость этого замечания, но ей хотелось что-то сказать, чтобы перекричать ветер. — Слава богу, вспышка закончилась быстро.

— Да, мы успели вовремя, — ответил Ван Рийн.

— Всего лишь три дня от Лубамбару до Кусулонго — гораздо быстрее, чем я думала. К тому же мы собрали много союзников.

Она печально оглянулась назад. Всю дорогу Ван Рийн развлекал ее и преуспел в этом больше, чем она ожидала.

Но вот они прибыли. Шанга отступили в горы, преследуемые Рокулело. Атакующие остановились, боясь встретиться с артиллерией Старейших. Условились о переговорах, но Джойс не представляла другого конца, кроме кровопролития. Старейшие могут отпустить их группу назад, как и обещали, могут и не отпустить, но в любом случае ей казалось, что еще до рассвета множество воинов погибнет. «Да, — вынуждена была она признаться себе, — я боюсь возвращаться на Эсперансу. Что меня ждет там? Десять лет исправительного заключения за развязывание войны!.. Или я убегу с Ником и не увижу дома никогда, никогда... Но заставить этих веселых молодых охотников умирать?!» Она натянула поводья, почти бессознательно пытаясь свернуть с тропы в пропасть, к пустоте. Ван Рийн поймал ее за плечо.

— Спокойно, — проворчал он. — Нам нужно перехитрить тех, наверху. Это будет чертовски трудно, гораздо труднее, чем с этими варварами.

— А у нас получится? — спросила она. — Они могут отразить любое нападение. У них большие запасы. Я уверена, они выдержат больше и дольше, чем мы...

— Если мы закроем их на месяц, этого будет достаточно. Потом придет корабль Лиги.

— Но они тоже могут послать за помощью. Использовать гелиографы, — она указала на одну из решетчатых башен наверху. Ее зеркало тускло мерцало в красном освещении. Только т'келанец мог различить другие зеркала, разбросанные в разных направлениях по равнине и холмам. — Или между нашими

линиями может проскочить гонец — линии так ужасно тонки, что через них может проскочить вся орда Яагола.

— Может, да, а может, и нет. Посмотрим. А теперь не пишите и дайте мне подумать.

Они ехали в полной тишине, прерываемой только свистом ветра. Через час подъехали к стене, построенной поперек тропы. Непроходимые скалы из детрита возвышались с обеих сторон. Вход охраняли два примитивных орудия, возле которых стояли четыре солдата с зажженными фитилями. Стражники в кожаных шлемах и нагрудниках, вооруженные луками и пиками, дежурили на стенах. Железо поблескивало в сумерках.

Уулобу, которому уважение, завоеванное среди кланов, придавало уверенности в себе, проехал вперед.

— Дайте проход могущественному небесному народу, который снизошел до беседы с вашими патриархами, — потребовал он.

— Пф! — фыркнул командир охраны. — У небесных людей всегда была храбрость выпотрошенного ягулу?

— У них всегда было мужество разгневанного маковоло, — ответил Уулобу. Он провел пальцами по лезвию своего кинжала. — Если тебе нужны доказательства, подумай, кто осмелился бы запретить Старейших в их горах?

Воин возбужденно вскрикнул, но быстро взял себя в руки и громко сказал:

— Вы можете пройти и будете в безопасности, пока не нарушен мир между нами.

— Не вздумайте тут трепаться, — резко сказал Ваң Рийн. — Мы пройдем, возьмем эти пугала и пошлем их туда, куда они заслуживают.

Джойс не перебивала его. «У Ника так много хороших качеств, вот только если бы он мог избавиться от вульгарности! Но у него, у бедняги, была тяжелая жизнь. Никто не протянул ему руку дружбы...»

Ван Рийн проехал по тропе между пушками, которая вела на широкую террасу перед городской стеной. Из бойниц смотрели дула пушек. Два взвода солдат вели себя на удивление дисциплинированно, проявляя выдержку, неизвестную в ордах. Джойс заметила три фигуры у входа, одетые в просторные белые балахоны; шерсть их поседела от возраста. Они высокомерно смотрели на прибывших.

Она поколебалась.

— Я... Это главные писцы, — начала она.

— Никаких разговоров с секретарями и служащими, — отрезал Ван Рийн. — Будем говорить только с боссами.

Джойс облизнула губы и сказала:

— Глава небесного народа требует немедленных переговоров.

— Он их получил,— ответил один из Старейших без всякого выражения.— Но вы должны оставить здесь свое оружие.

Ньяронга оскалил зубы.

— Ничего не поделаешь,— напомнила ему Джойс.— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что, по закону отцов, никто, кроме Старейших и воинов, рожденных в городе, не может пройти через эти ворота с оружием.— Ее кобура, так же, как и кобура Ван Рийна, была пустой.

Она видела, как тяжело Рокулело расстаться с оружием, и вспомнила, что говорил Ван Рийн об инстинктах. «Разоружение для т'келанцев — символическая кастрация». Но ни один мускул на их лицах не дрогнул, когда они побросали оружие и, спешившись, с напряженными спинами прошли в ворота вслед за Ван Рийном. Однако она успела заметить, как сверкали у них глаза, словно у пойманных зверей.

Город Кусулонго поднимался каменными прямоугольными террасами, черными и громоздкими, над сторожевыми башнями. Улицы были узки и перепутаны, полны ветра и грома кузнечных молотов. Обитатели города сторонились варваров и подбирали свои одежды, как бы боясь к ним прикоснуться. Три сопровождающих члена совета не произносили ни слова. Молчание становилось все напряженнее по мере того, как они углублялись в город. Джойс с трудом удерживалась, чтобы не закричать.

В центре города возвышался прямоугольник в двадцать метров высотой, без окон, с единственной дверью и вентиляционными отверстиями. Стражники у входа со свистом обнажили мечи и взмахнули ими в знак приветствия, когда члены совета входили в здание. Джойс услышала за собой приглушенный возглас. Рокулело следовали за людьми, и она подумала, что от них будет мало толку. Освещенная факелами пещера в конце коридора поразила охотников с равнины.

На семиугольном помосте сидели шесть одетых в белое стариков. Стена за ними была покрыта мозаикой, яркой даже в полутьме, с изображением вспыхивающего солнца. Дыхание Ньяронги вырывалось сквозь стиснутые зубы. «Он вспомнил о могучей власти Старейших. Правда,— подумала Джойс,— он должен вспомнить и то, что люди не слабее. Но представления многих поколений не так легко поколебать».

Их проводники тоже сели. Вновь прибывшие остались стоять. Молчание становилось все напряженнее. Джойс несколько раз сглотнула и сказала:

— Я говорю от имени Николаса Ван Рийна, патриарха небесного народа, который объединился с кланом Рокулело. Мы пришли требовать правосудия.

— Правосудие здесь, — ответил высокий худой туземец в центре помоста. — Я, Акуло, сын Блуба, глава Совета, говорю от лица города Кусулонго. Почему вы подняли против нас копье?

— Ха! — хмыкнул Ван Рийн, когда ему перевели вопрос. — Спросите этого старого гипопотама, почему они первыми начали эту заваруху.

— Вы лицемерите, — автоматически перевела Джойс, обращаясь к торговцу.

— Я говорю то, что думаю, переводите. Я очень хорошо знаю, почему они это сделали, но послушаем, как он будет выкручиваться.

Джойс перевела вопрос. Ноздри Акуло раздулись, он пробормотал:

— Странно. Старейшие никогда не вмешивались в ссоры на равнине. Когда вы напали на Шанга, мы дали им убежище, но таков старый обычай. Мы с радостью слушаем ваш спор и вынесем решение, но в борьбе участвовать не будем.

Джойс опередила Ван Рийна, с возмущением выпалив:

— Они взорвали наши стены! Кто, кроме вас, мог снабдить их порохом?

— Ах, да, — Акуло дернул себя за усы. — Я понял тебя, небесная женщина: все совершенно естественно. С позволения Совета мы задолго до вашего прибытия сюда продавали порох для волшебства и праздников. Мы не спрашивали, зачем он; его-то и могли использовать против вас.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Ван Рийн.

Джойс объяснила. Тут выступил Няронга. Требовалось немало смелости, чтобы возразить Старейшим.

— Несомненно, отцы клана Шанга поддержат эту сказку? Ложь — скромная плата за оружие, подобное небесному.

— О каком оружии ты говоришь? — прервал его глава совета.

— Об оружии небесного народа, которое захватили Шанга, чтобы обратить его против моей орды! — выкрикнул Няронга. Его рот скривился. — Это тоже не касается бескорыстных Старейших?

— Но... нет! — Акуло наклонился вперед, голос его не был таким же ровным, как раньше. — Правда, что город Кусулонго не организовывал нападение на лагерь небесного народа. Но небесный народ слаб — это законная добыча. К тому же из-за них вспыхнула смута между кланами, они нарушили законы отцов...

— Законы, благодаря которым разжирел город Кусулонго! — прервала его Джойс.

Акуло кмуро глянул на нее, но продолжал обращаться к Ньяронге:

— Напав на небесный народ, Шанга получили большой запас металла; у них будет много хороших ножей. Но этого недостаточно, чтобы они могли вторгнуться в новые земли, когда их не подгоняет отчаяние, страх или голод. Мы здесь, в горах, думали об этом, и не хотим, чтобы это случилось. Старейшие всегда стараются сохранить существующее равновесие. Небольшое количество металла, попавшее в руки Шанга, не нарушит его. У небесного народа никто не видел другого оружия, кроме того, что они носили с собой. Они и забрали его, когда бежали. У них не было в куполе никакого арсенала. Ваш страх ни на чем не основан, Рокулело.

Джойс переводила его речь Ван Рийну почти дословно. Он кивнул.

— Отлично. А теперь скажите им, что я велел.

«Я зашла слишком далеко, чтобы отступить», — с отчаянием подумала она.

— Но у нас было резервное оружие! — выпалила она. Много оружия, сотни пистолетов, и полные ящики. Мы не успели его использовать, так как нападение было слишком внезапным.

Воцарилась тишина. Члены Совета с ужасом уставились на нее. Пламя факелов подпрыгнуло, и тени забегали по стенам. Вожди Рокулело следили за происходящим с суровым удовольствием, к ним начала возвращаться уверенность в себе.

Наконец Акуло заговорил, заикаясь:

— Но вы говорили... однажды я сам спрашивал... что у вас лишь несколько...

— Естественно, — ответила Джойс. — Мы хотели сохранить это в тайне.

— Шанга ничего не говорили нам об этом.

— А чего вы от них ждали? — Джойс подождала немного, чтобы все ее поняли, и продолжала: — Вы и не найдете их тайник, даже если обшарите весь оазис. Они не ответили нам огнем сейчас, значит, оружие далеко отсюда. Вероятно, они спрятали его в земле Ягола, чтобы использовать позже.

— Мы проверим это, — сказал другой Старейший. — Стража! — появился часовой. — Приведи представителя наших гостей.

Пока они ждали, Джойс объяснила Ван Рийну, что происходит.

— Пока все хорошо, — шепнул он. — Но сейчас начнется шекотливое дело, а это гораздо менее весело, чем шекотать вас.

— Вы невозможны! — вспыхнула она.

— Нет, всего лишь невероятно... А вот и они.

Высокий т'келанец в одежде Шанга вошел в комнату. Он скрестил руки на груди и взглянул на Рокулело.

— Это Масоту, сын Батузи,— представил его Акуло. Он наклонился вперед, напряженный, как и его коллеги.— Небесный народ говорит, что вы захватили в их лагере много ужасного оружия. Это правда?

Масоту вытаращил на него глаза:

— Конечно, нет! Там не было ничего, кроме пустого пистолета, который я показал тебе, когда ты спустился вниз на рассвете.

— Значит, Старейшие на самом деле заключили союз с Шанга! — выкрикнул т'келанец из отряда Ван Рийна.

Акуло, немного сбитый толку, собрался с силами и резко сказал:

— Ладно. В конце концов зачем нам это отрицать? Город Кусулонго заботится о счастье всего мира, это и наше счастье. А эти лукавые чужеземцы разрушили старые обычаи. Разве они не склонили вас напасть на другую орду? Что они делают в наших землях? Чего они еще хотят? Да, Совет предложил Шанга уничтожить их лагерь и изгнать их из нашей земли.

Хотя биение сердца, казалось, заглушало ее слова, Джойс передала все Ван Рийну, и тот процедил сквозь зубы:

— Итак, они признали это. Наготове у них и история, призванная обмануть землян, чтобы они никогда не возвращались на эту планету. Они не собираются отпускать нас живыми, иначе никто не поверит их сказке.— Но он не сказал ей ни слова для туземцев.

Акуло повернулся к Масоту.

— Итак, ты утверждаешь, что небесный народ лжет, и вы не нашли никакого оружия?

— Да,— Шанга бросил взгляд на Ньяронгу.— Ваш народ беспокоится, что мы направим это оружие против ваших пастбищ. Вам нечего бояться. Идите с миром и дайте нам покончить с чужеземцами.

— Мы никого не боимся,— поправил его Ньяронга. Тем не менее в его взгляде появилось сомнение.

Старейшие нетерпеливо зашевелились на помосте.

— Достаточно,— сказал Акуло.— Мы все видим, какое смятение приносит небесный народ. Вызвать стражу! Пусть их убьют. Да будет мир между Шанга и Рокулело. Все разойдется по домам, и дело завершится.

Джойс закончила перевод одновременно с окончанием речи Акуло.

— Ботулизм и бюрократы! — взорвался Ван Рийн. — Не так быстро, — он засунул руку под резервуар на спине и извлек оттуда бластер. — Всем оставаться на местах!

Ни один т'келанец не шевельнулся, только шепот пробежал между ними. Ван Рийн прижался спиной к стене и наблюдал за дверью.

— Теперь мы поговорим более дружелюбно.

— Вы нарушили закон! — крикнул Акуло.

— Но и вы нарушили его, подговорив Шанга напасть на нас, — ответила Джойс. Она почувствовала облегчение. Не то чтобы бластер решил все проблемы. С ним, конечно, можно защищаться, но...

— Спокойно! — пробасил Ван Рийн. Эхо отразилось от каменных стен, вбежали несколько часовых. Увидев бластер, они застыли на месте.

— Входите, присоединяйтесь к остальным, — пригласил Ван Рийн. — Здесь хватит энергии на всех.

— Ну вот, сейчас как раз время проверить, — сказал он Джойс, — на что годятся наши мозги. Скажите им, что Николас Ван Рийн произнесет речь. Потом дайте мне знак, чтобы я начинал.

Она перевела сказанное им. Воины слегка расслабились. Акуло, Ньронга и Масоту кивнули одновременно.

— Послушаем, — сказал Старейший. — Сразиться насмерть мы всегда успеем.

— Хорошо, — гигантская фигура Ван Рийна сделала шаг вперед. Он ораторским жестом повел вокруг стволом бластера. — Во-первых, вы должны знать, что я организовал весь этот прием для того, чтобы можно было поговорить. Если бы я пришел один, вы забросали бы меня камнями, и ничего хорошего ни для вас, ни для меня из этого бы не вышло. Значит, мне надо было прийти сюда в сопровождении воинов. Пусть Ньронга подтвердит, что, если понадобится, я могу сражаться, как разгневанный кредитор. Но, может быть, в этом нет нужды, а?

Джойс предложение за предложением перевела его речь и подождала, пока отец прайда Гангу подтвердит, что люди — сильные бойцы. Ван Рийн воспользовался общим изумлением, чтобы начать словесную атаку.

— Теперь обдумайте положение. Допустим, Шанга лгут, и на самом деле они овладели оружием. Тогда они приобретут такую силу, что даже город будет зависеть от них и перестанет быть первым среди равных, как это было раньше. Нет? Чтобы предотвратить это, нужно согласие между Старейшими, Рокулело и нами, людьми, которые могут использовать еще более мощное

оружие и остановить Яагола, когда придет наш спасательный корабль.

— Но у нас нет такой добычи,— настаивал Масоту.

— Это ты так говоришь,— ответила Джойс. Она начала понимать замысел Ван Рийна.— Старейшие и Рокулело, рискнете ли вы верить ему на слово?

Старейшие явно были в нерешительности. Ван Рийн продолжал:

— Теперь предположим, что я лгу и никакого оружия в куполе не было. Тогда Старейшие и Шанга должны действовать вместе. Людям с корабля, который прилетит с моей территории, а моя территория — все небо, полное звезд, они должны будут как-то объяснить, почему купол разрушен. Все, кроме меня и этой хорошенькой куколки, спаслись благополучно, поэтому люди все равно знают, что Шанга напали на нас. Мой народ разгневан, что упущена прибыль, ради которой мы трудились много лет. Они обвинят Старейших в том, что те использовали Шанга для нападения, и, возможно, разнесут на кусочки всю гору. Но, может быть, Шанга поклянутся, что Старейшие здесь ни при чем, и оправдают их? Верно? Тогда многие года Шанга и с ними вся Яагола будут связаны с городом Кусулонго. И они, конечно, будут защищать Старейших не бескорыстно... Как вы думаете, Рокулело, как к вам тогда отнесутся Старейшие? Насколько они будут беспристрастны? Ведь Шанга смогут шантажировать их. Вам необходимы будут люди, чтобы поддерживать равновесие.

Улобу шелкнул зубами и крикнул:

— Это правда!

Но Джойс следила за Ньяронгой. Вождь медлил, обменивался взглядами с вождями остальных прайдов. А потом сказал:

— Да, так может быть. Никто не хочет быть обманутым, и надо смотреть в будущее. Могут настать плохие времена для Яагола, тогда они двинутся на другие земли... и единственной ошибки в предсказании Старейшими вспышки солнца будет достаточно, чтобы ослабить нас и подготовить Яагола к вторжению.

Вновь наступила тишина. Джойс слышала треск факелов и гул ветра за дверью. Акуло, не двигаясь, смотрел на ствол бластера. Наконец он сказал:

— Ты очень умело сеешь раздоры, чужестранец. Ты надеешься, что мы отпустим такого опасного человека, а также этих отцов прайдов, ставших твоими союзниками, живыми?

— Да,— с помощью Джойс ответил Ван Рийн убежденно.— Потому что я не сею раздоры, а лишь доказываю, что вы не можете верить друг другу и нуждаетесь в людях, чтобы поддерживать равновесие и порядок. Ибо, видите ли, когда люди,

заинтересованные в мире, с их мощным оружием будут здесь, Яагола с их несколькими пистолетами ничего не смогут сделать. Или, если они говорят правду и не имеют оружия, все равно у вас нет причин объединяться с ними, если люди вернутся с миром и не будут требовать мести за разрушенный купол. В любом случае с приходом людей восстанавливается равновесие между городом и ордами. Что и требовалось доказать.

— Но почему небесный народ хочет закрепиться здесь? — спросил Акуло. — Вы собираетесь выполнять функции города Кусулонго? Нет, сначала вам придется истребить нас всех до одного здесь, в горах!

— В этом нет необходимости, — сказал Ван Рийн. — Мы получаем прибыль другим путем. Я расспрашивал эту леди по дороге сюда, и она мне много объяснила. А теперь я хочу рассказать вам... Гм, Джойс, теперь ваша очередь. Я не знаю, как все это им объяснить, они ведь не знают биохимии.

Она открыла рот:

— Вы хотите сказать... Ник, неужели вы нашли выход?

— Да, да, — он потер руки. — Мне требуется поразмыслить. Итак, моя компания берет на себя операцию на т'Келе. Вы, эсперансиане, естественно, сначала поможете нам, а потом можете тратить свой деньги на какой-нибудь другой планете, пригодной для посева... а Николас Ван Рийн будет извлекать деньги отсюда.

— Но как же это?

— Смотрите, мне нужно вино — кунгу. К тому же, мне кажется, здесь можно организовать неплохую торговлю шерстью. И кланы отовсюду будут доставлять мне эти товары. Я буду продавать им аммиак и нитраты с планет, где есть азот, в обмен на их товары. Им это нужно, чтобы улучшить почву, чтобы размножить бактерии, фиксирующие азот. Вы покажете им, как это делается. Для этого понадобится много аммиака и нитратов. Конечно, у них образуются излишки, на которые они могут покупать различные приспособления, особенно оружие. Никто, обладая охотничьим инстинктом, не устоит перед возможностью купить оружие; для этого они согласятся и на то, чтобы временно стать фермерами. По мере того как мои фабрики будут продавать им инструменты, машины, вещества, они станут все более и более цивилизованными, как вы этого и хотели. И вот на всем этом Солнечная компания «Пряности и напитки» хорошо прогреет руки.

— Но мы пришли сюда не для того, чтобы эксплуатировать их!

Ван Рийн хихикнул, подкрутил усы, щелкнул по лбу пластине шлема, сделал гримасу и сказал:

— Может, вы, эсперансиане, не хотите этого, зато я собираюсь их эксплуатировать. И это они поймут, эти кланы, разве вы не видите? Благотворительность им чужда, зато выгода им понятна очень хорошо, и они еще будут радоваться, что надули нас в ценах на вино. Исчезнут и неприязнь, и подозрительность к людям, поскольку люди пришли сюда добывать деньги. Понятно?

Она ошеломленно кивнула. Они на Эсперансе никогда не рассуждали подобным образом. Община всегда смотрела высокомерно на Политехническую Лигу. Но они вовсе не были фанатиками, и если это единственная возможность выполнить замысел, то...

— Погодите!.. Старейшие, — заметила она. — Как вы их расположите к себе? Все, что вы предлагаете, разрушит их политику.

— О, я подумал и об этом. Нам понадобится множество туземных агентов и чиновников, проверенных парней, которые будут вести записи, распространять нашу торговлю на новые территории и так далее. Для этого потребуется много новых Старейших... тьфу, глупое название. Что касается остальных, мы можем даже поддержать влияние и престиж города. Вспомните, что здесь придется разрабатывать нефтяные залежи, строить электролизные фабрики. Фабрики будут поставлять водород, а сжигание нефти даст электричество. Построив фабрики, я научу Старейших управлять ими, а затем продам им фабрики на условиях одновременной выплаты. Все это вполне должно их устроить... — он задумчиво уставился в темноту. — Гм, как вы думаете, стоит с них брать двадцать процентов или остановиться на пятнадцати?

Джойс несколько раз вздохнула и начала подыскивать фразы на языке города Кусулонго.

Перед заходом солнца они спустились с горы. Сзади слышались приветливые возгласы, впереди дружелюбно мерцали огни лагеря. Местность казалась более приветливой, чем раньше. Была какая-то красота в этих ночных равнинах, где бродят свободные кочевники. Те несколько недель, которые придется ждать корабль, обещают быть совсем неплохими. Напротив, они могут стать слишком веселыми.

— Другое преимущество, — говорил Ван Рийн, — работы, приносящей прибыль, состоит в том, что она обычно длится долго. А чтобы спасти планету, нужно много времени. Вы считаете, что ваше правительство осуществит ваш замысел. Ба! Правительства — это подонки. Любое изменение идеологии, настроения — и

пуг! Кончится ваш проект. А когда замешана прибыль, положение становится стабильным. Политики приходят и уходят, алчность остается всегда.

— О нет, этого не может быть! — возразила она.

— Что ж, у нас будет достаточно времени в машине, чтобы обсудить это и многое другое, — сказал Ван Рийн. — Я думаю, можно будет попробовать получать из кунгу алкоголь. Мы смешаем его с фруктовыми джусами и будем пить вино, достойное человека, черт побери!

— Я... я не могу... Ники, ведь мы останемся вдвоем...

— Вы еще слишком молоды. И поэтому вы хотите сказать, что бедный старик не сможет показать вам, что такое его молодость? — Ван Рийн бросил на нее хитрый взгляд. — О'кей. Посмотрим.

Джойс вспыхнув, отвернулась. «Придется быть начеку до прибытия корабля, — подумала она. — Конечно, если мне захочется немного расслабиться... в конце концов, он действительно очень интересная личность...»

КНИГА ТРЕТЬЯ

РАЗГАДКА

Величественный Арго рассекает море,
Неся завоеванный приз.
Другой Орфей вновь поет, и
Любит, и плачет, и умирает.
Новый Улисс вновь покидает
Калипсо ради родных берегов.

Шелли

Некогда жил король, возгордившийся перед земными торговцами и своим народом. Теперь уже неважно, что он делал. Это было давно и на другой планете, и, кроме того, девушка была уже мертва. Гарри Стенвик и я подвесили короля за штаны на его высочайшем минарете на виду у всего народа, и Политехническая Лига прославилась на этой земле. Затем мы совершили набег на склад компании «Пряности и напитки» и поклялись в вечном братстве.

Находятся такие, кто заявляет, что Николасу Ван Рийну сердце заменяет криогенный компьютер, который обслуживают техники. Может быть, и так. Но он никогда не забывает хороших работников. Во всяком случае, я не вижу другой причины того, что он пригласил меня на обед. Кроме того, должен был прийти и Гарри, а у нас вряд ли была другая возможность увидеться.

Флиттер высадил меня на вершине Крылатого Креста, где находится, как утверждал Ван Рийн, его скромный маленький домик. Облака летней пыли скрывали небольшие здания, протянувшиеся до горизонта. На западе восходила Венера, и мегаполис Чикаго зажег свои бесчисленные огни. Я находился очень высоко, и до моих ушей доносился лишь отдаленный шум машин. Мимо кустов роз и жасмина я прошел к двери. Когда дверной робот

проверил меня и открыл дверь, я увидел за нею Гарри. Мы обнялись и поразили бога множеством нарушений третьей заповеди.

Некоторое время мы разглядывали друг друга.

— Ты не очень изменился, — солгал он. — Такой же хилый и неприятный, как и раньше. Метан в атмосфере вполне удовлетворяет тебя?

— Там, где я был последнее время, — аммиак, — поправил я его. — Длительные переходы без ночевки, случайные пули и бесконечная торговля по мелочам. Ты выглядишь отвратительно — лоснящийся и самодовольный. Как Сигряд?

Как и большинство мужчин, Гарри в конце концов начал семейную жизнь, которая у него сложилась вполне удачно. Он построил дом на скалах над Хардангер-Фиордом и растил там мастифов и сыновей. Что касается меня, то... но это не относится к делу.

— Хорошо. Она шлет тебе нежнейший привет, и с ним коробку домашнего печенья. В следующий раз ты должен добиться длительного отпуска и навестить нас.

— А парни?

— Тоже ничего, — легкий норвежский акцент немного резал ухо. — У Пера были неприятности, но все кончилось благополучно. Он тоже здесь сегодня.

— Что ж, очень хорошо. — Когда я его последний раз видел и спрашивал о старшем сыне, тот был учеником на борту одного из кораблей Ван Рийна, где-то близ созвездия Геркулеса. Но с тех пор прошло много лет. А если вам посчастливилось остаться в живых, то вы сможете довольно быстро сделать карьеру в Лиге. — Думаю, у него уже звание мастера.

— Да, совсем недавно. Плюс искусственное бедро и интересные рассказы. Идем же, присоединимся к ним.

«Гм, — подумал я, — значит, старый Ник вновь экономит на домашних харчах: у него достаточно собственных анекдотов, и незачем собирать чужие, если они не нужны ему для какой-то цели. Его добрые дела в конечном итоге обязательно приносят ему выгоду».

Мы прошли через фойе и несколько комнат длиной в световой год и оказались в дальнем конце гостиной. Здесь, у экрана, занимавшего всю стену, сидели трое мужчин. Экран был прозрачным, и на нем были видны небо и город. Только один из сидящих встал. Он сидел немного в стороне, в его фигуре чувствовалась напряженность отдыхающего тигра. Он был мне незнаком, смуглый, худощавый, на поясе бластер, немало, видимо, послуживший его владельцу.

Николас Ван Рийн глубже погрузился в кресло, поднял пивную кружку и проревел:

— Ха! Добро пожаловать, капитан. Выпейте с нами немного перед обедом,— после этого он потянул себя за бородку и пробормотал: — Габриэль так много говорил сегодня, что я устал, пробираясь через его английский. Думаю, я заслужил маленькую выпивку.

Я поклонился ему, отдавая должное торговому королю, повернулся и протянул руку Перу Стенвику.

— Прошу прощения за то, что не встаю,— сказал он. Лицо его было бледным и изможденным: здоровье еще вернется к нему, но молодость уже никогда.— Меня слегка покалечили.

— Я слышал. Не волнуйся, все наладится. Мне страшно подумать, сколько раз мне заменяли что-нибудь в организме, но пока важнейшие части еще целы.

— О, да, я уже почти здоров. Спасибо Мануэлю. Да, Мануэль Филипп Гомес из Нью-Мехико. Мой помощник.

Я представился, соблюдая все формальности, столь важные для этих бедных, но высокомерных колонистов из дальней окраины Галактики в области Арктура. Он ответил мне столь же вежливо и тут же повернулся, чтобы удостовериться, что повязка на ноге Пера цела. Он не садился и не брал свой стакан кларета, пока мы с Гарри не уселись. Слуга — живой мужчина, а не робот, в этом Ван Рийн был расточителен — принес наши заказы: аквавит для Гарри и мартини для меня. Пер вертел в руках стакан с вермутом.

— Долго ли будешь дома? — спросил я Гарри после обмена любезностями.

— Сколько понадобится,— быстро ответил он.

— Не очень, я думаю,— с наименьшей быстротой добавил Ван Рийн.— Ни одного мгновения больше, чем потребует природа. Он молод и силен, поэтому нечего бездельничать.

— Прошу прощения, сеньор,— сказал Мануэль мягко и равнодушно, но в то же время в его голосе был слышен звон сталкивающихся звезд.— Я не хотел бы противоречить своим начальникам... Но это мой долг — знать, в каком состоянии мой капитан, а доктора глупы. Я надеюсь, сеньор не откажет ему в небольших каникулах накануне рождества.

Ван Рийн поднял руки.

— Все считают меня апокалипсическим зверем,— простонал он,— а я всего лишь одинокий старик в море горестей, пытающийся удержаться на поверхности. Я нашел многообещающего парня, я наблюдал за ним с тех пор, как он ходил в мокрых штанах, так как знаю его семью. Я дал ему блестящее образование, надеясь, что потом он поможет мне, а теперь он хочет запереться в своем домашнем ящике, а тем временем несколько моих новых планет станут добычей волков.

— Да поможет бог этим волкам,— улыбнулся Пер.— Не беспокойтесь, сэр. Я буду готов, как только вы потребуете.

— Эй, эй, я ничего не требую. Я слишком стар и толст. Вам кажется, что сейчас у вас неприятности, но подождите, когда состаритесь и станете бедным старым хрипуном вроде меня. Тогда вам не будут доступны никакие удовольствия. Абдал! Абдал, ты, существо с ногами из студня, неси выпивку! Ты хочешь, чтобы мы высохли от жажды? Как это только мой стакан опустел?!

— Неужели ты хотел бы вновь увидеть Каин? — спросил Гарри, взглянув на Ван Рийна.

— Конечно! — Ответил Пер.— Он ждет настоящего человека. Целый мир, отец! Разве ты не помнишь?

Гарри взглянул на экран и кивнул. Я поторопился нарушить молчание.

— Где ты был на этой планете, Пер?

— Везде,— сказал Пер.— Эта планета совсем не исследована. Даже сотая часть ее территории не нанесена на карту.

— Как? Даже с орбиты?

Выражение лица Мануэля сказало мне, что он думает о картах с орбиты.

— Но сначала нас больше всего привлекали меха и травы,— продолжал Пер. Не говоря ни слова, Мануэль извлек из кармана маленькую коробочку, открыл ее и протянул мне. В ней лежало несколько синевато-зеленых листьев. Я попробовал. Удивительный вкус был у этого растения, непередаваемый вкус. Он будил во мне глубочайшие воспоминания, затрагивая самые отдаленные участки мозга.

— Химический состав мы не сумели установить, поэтому не синтезировали,— сказал Ван Рийн, закуривая сигару.— Ба! Мои химики ничего не делают целыми днями, только забавляются в лаборатории с алкоголем. А что касается шкур, то Лупеску из компании «Пелтри» согласен покупать их у меня. Этот тип с этикой параноидальной ласки повсюду разослал своих шпионов и за последний месяц истратил пятнадцать тысяч на то, чтобы узнать, где эта планета.

— Откуда вы знаете, сколько он истратил? — спросил Гарри.

Ван Рийн постарался принять самодовольный и в то же время чуть скромный вид.

Пер с беспокойством проговорил:

— Я никогда не упоминал координаты. Это в созвездии Пегаса. Карликовая звезда типа G-9, светимость — половина солнечной. Восемь планет, одна из них с условиями, подобными земным. Открыл ее Брандер. Он же решил, что планета интересная, и сел на ней, чтобы узнать больше. У него было немного времени, поэтому он только освоил язык туземцев той местности, где высадился, и провел некоторые исследования по биотехнике и

планетологии. Но он же привез сведения о мехах и травах, поэтому меня направили туда организовать постоянный торговый пункт.

— Его первый рейс в качестве капитана, — вставил Гарри, хотя это было известно всем.

— Неприятности с туземцами? — спросил я.

— Неприятности — не то слово, — ответил Ван Рийн. — А то слово не предназначено для нежных ушей, — он нырнул в пивную кружку и быстро вынырнул, отфыркиваясь. — После всего, что я сделал для них, святые ввергают меня в такую разорительную историю.

— Но нам казалось, что все наладится, — сказал Пер.

— Ах, вам так казалось? — Ван Рийн ткнул в него волосатым пальцем. — Но мы хотим быть более уверенными, парень, иначе нам придется терять дорогостоящие корабли.

— А также настоящих людей, — прошептал Мануэль так тихо, что его с трудом можно было расслышать.

— Я читал доклады людей Брандера, — сказал Ван Рийн. — А также ваши. Мне кажется, я понял, в чем дело. Когда побываешь на стольких планетах, молодой капитан, всегда находишь аналоги для новых явлений. Однако я не уверен, я думаю иногда, что бог позволяет себе невинные шутки с нами, бедными смертными. Поэтому я не выскажу собственного заключения, пока не услышу от вас, как все это было. Доклады, даже по видеозэкрану, как-то нереальны. Слушая вас, я снова переживу все события, все схватки, все, что недоступно теперь бедному старику.

«И это говорит человек, без посторонней помощи захвативший Борту, Диомед и т'Келу».

— Что ж, — Пер покраснел и принялся вертеть в руках стакан. — Я могу рассказать немного. Вы все видели так много, что я... один пустяковый эпизод...

Гарри указал на его перевязанную ногу:

— Ничего себе пустяк!

Пер сжал губы:

— Прошу прощения, ты прав. Там погибли люди.

Я поинтересовался:

— Какого типа эта планета? «Земные условия» — это шутка. Так говорят чиновники в земных офисах, если только на планете можно дышать без скафандра.

— И если выдержишь местную гравитацию в течение получаса, — добавил Ван Рийн.

— Что ж, Каин не очень плох в низких широтах, — начал Пер. Лицо его расслабилось, руки быстро жестикулировали, совсем как у его матери. — Он размером с Землю, средний радиус орбиты несколько больше одной астрономической единицы. Атмосфера плотнее на пятнадцать процентов, что усиливает парнико-

вый эффект. Период обращения двадцать часов, спутников нет. Угол наклона тридцать два градуса, что совершенно перепутывает времена года. Мы высадились на сорок пятом градусе северной широты среди холмов, было лето. Ближайший пруд по утрам замерзал, на склонах лежал снег, но в целом не так уж плохо для планеты типа G.

— Это имя планете дал Брандер? — спросил я.

— Да. Не знаю, почему. Но имя подходит, слишком подходит...

Вновь наступила тишина. Мануэль взял пустой стакан своего капитана, вышел и через минуту вернулся с полным. Пер торопливо отпил.

— Всегда бывают неприятности, — успокоил его Ван Рийн. — Вы привыкнете.

— Но начало было таким хорошим! — возразил Пер. — Даже язык и наблюдения, казалось, сами влетали в голову. В самом деле, весь экипаж очень легко выучил язык, — он повернулся ко мне. — Нас было двадцать человек на «Королеве Марии». Это прекрасный корабль, построенный скорее для скорости, чем для вместимости. Нам и не нужно было больше, ведь мы собирались были только основать первый торговый пост и распространить идею постоянной торговли среди автохтонов. У нас был обычный набор товаров: материалы, инструменты, оружие, предметы быта, то есть: ножницы, точильные камни и тому подобное. Но украшений было немного, так как ксенологи Брандера не смогли понять, что любят туземцы. Каждый каинит, по-видимому, одевается и наряжается, как ему хочется. По крайней мере, в земле Улаш, которая была единственной территорией, изученной более или менее основательно.

— Вот именно — более или менее, — пробормотал Гарри. — Так всегда бывает.

— Земледельческая культура? — спросил я.

— Прimitивная цивилизация, — ответил Пер. — Маленькие участки, очищенные от леса и обрабатываемые лугалами. В Улаш есть зачатки металлургии: обрабатывают медь, золото, серебро. Но все это на уровне земного неолита. Сами милдиваны — только охотники. Они привлекают себе в помощь некоторых лугалов. Питаются в основном дичью. Сельское хозяйство в лучшем случае является вспомогательным источником продуктов.

— Как они выглядят, эти туземцы?

— У меня есть фото, — Пер достал из кармана карточку. — Это старый Шивару. Наш первый знакомый. Вероятно, он был не очень доволен тем, что его снимают, но его никто не спрашивал. За ним вы можете видеть лугала.

Я с растущим интересом изучал фотографию. Шивару был снят на фоне мрачного холма, на котором среди разбросанных

булыжников росла бледно-зеленая трава. Справа была видна долина, поросшая густым лесом. Небо было бледным, оранжевый солнечный свет искажал цвета.

Шивару стоял очень прямо и напряженно смотрел в объектив. Он был около двух метров ростом, его тело, покрытое до кончика элегантного хвоста рыжевато-коричневой шерстью, напоминало тело длинноногого человека с широкой грудью. Голова меньше походила на человеческую: черный гребень, зеленые глаза с длинными узкими зрачками, круглые подвижные уши, плоский нос, очень похожий на кошачий, толстогубый рот с торчащими по углам клыками и челюсть, сужающаяся книзу в форме буквы V. На нем было надето что-то вроде львиной шкуры и ожерелье из необработанных драгоценных камней. В левой руке он сжимал боевой топор с обсидиановым лезвием, за поясом торчал стальной нож, полученный от землян.

— Они скорее всего млекопитающие, — продолжал Пер, — хотя есть отличия в анатомии и химизме, как и следовало ожидать. Сложная система экзо- и эндотермических реакций в крови регулирует температуру тела.

— Выделение пота редко встречается на холодных планетах земного типа, — заметил Ван Рийн. — Если долго приглядываться к чему-либо, то обязательно найдешь его аналог. Эволюция образует параллельные линии.

— А также отклоняющиеся линии, — добавил я. — Брандер анатомировал их тела?

— Ни одного милдивана, — ответил Пер. — Но они присылали ему столько тел мертвых лугалов, сколько он просил, а лугалы относятся к тому же виду, несомненно. — Он вздрогнул. — Надеюсь, они не убивали лугалов специально для землян.

Я перевел взгляд на существо, скрывающееся за Шивару. Это был другой каинит — приземистый, коротконогий, с коричневой шерстью. Лоб и подбородок развиты слабо, лицо почти без носа. Это существо было голым, если не считать тяжелого тука, колчана со стрелами, лука и двух копий, торчащих из-за мускулистых плеч. Кожа существа была натерта тяжестями, которые ему приходилось перетаскивать.

— Это лугал?

— Да. Видите ли, на этой планете два вида, и чем дальше идет эволюция, тем больше они отходят друг от друга. Все равно, как если бы австралопитеки дожили до наших дней. Милдиваны превратили лугалов в рабов, по крайней мере, в Улаше, а, если судить по нашим разведочным полетам, и по всему Каину.

— Не очень-то хорошо они обращаются с этими бедными дьяволами, а? — сказал Гарри. — Я не стал бы доверять рабу с оружием.

— Но лугалам можно доверять абсолютно, — возразил Пер. — Как собакам. Они выполняют тяжелую монотонную работу. Милдиваны, и мужчины, и женщины — колдуны, художники, охотники и тому подобное. Вся культура основана на милдиванах, — он отпил из стакана и нахмурился. — Хотя я не вполне уверен, что в этом случае уместно слово «культура».

— Как это так? — брови высоко взлетели над маленькими черными глазками Ван Рийна.

— Ну... у этих милдиванов нет ничего похожего на нацию, племя или любой другой вид общества. Семейные группы распадаются, как только самец становится слишком старым, чтобы удержать семью. Молодые самцы отделяются, к ним присоединяется несколько молодых самок. Их лугалы уходят вместе с ними, как собаки. Насколько я мог понять, такие семьи лишь случайно общаются друг с другом. Изредка меновая торговля, иногда временные объединения для охоты на особо крупного зверя, случайные стычки между индивидуумами — и это все.

— Но этого не может быть, — заметил я. — Разумные расы нуждаются в большем. В передаче традиций, например. И вообще, что-то должно стимулировать развитие мозга. Разум не может развиваться только как биологическая функция.

— Меня это тоже смущает, — согласился Пер. — Я много разговаривал с Шивару и другими кайнитами, время от времени посещавшими наш лагерь. Мы очень старались понять друг друга. Они были не менее любопытны и тоже старались добиться успеха в торговле. Но что это за работа! Целая планета — два или три миллиарда лет особой эволюции — и у них есть только упрощенный язык Улаш, скромный словарь которого составили люди Брандера. Мы не могли особенно углубляться в тонкости. Особенно, когда речь заходила о странностях их образа жизни.

К концу, однако, я начал кое-что понимать. Получалось, что, несмотря на свой придурковатый вид, лугалы далеко не глупы. Вполне возможно, что они не менее умны, чем их хозяева, но по-своему; во всяком случае, между ними не очень большая разница. И в любом из этих патриархальных селений, в пещере или под навесом в лесу, всегда больше лугалов, чем милдиванов. Каждый член семьи, даже ребенок, имеет по несколько рабов. У милдиванов нет кланов или племен, но нечто подобное есть у лугалов.

Лугалов посылают с поручениями в другие семейства милдиванов: с товарами для обмена, с известиями и так далее; они возвращаются назад с новостями. Милдиваны, имеющие некоторое представление о генетике, выращивают лугалов сознательно. Лугалов, если нет для них работы, часто выпускают на свободу,

совсем как мы разрешаем побегать собакам. У лугалов есть свои знахари и колдуны.

Не надо думать, что с ними обращаются жестоко. Это так кажется с нашей точки зрения, но Каин — жестокая планета, и даже жизнь милдиванов не так уж легка. Разумный лугал ценится высоко: его назначают старшим среди других лугалов, он учит маленьких детей милдиванов ремеслам, а иногда хозяин даже спрашивает у него совета, как поступить в той или иной ситуации. Некоторые семьи разрешают таким лугалам есть и спать в своих жилищах, как мне говорили. И вспомните, что лугал исключительно предан своему хозяину. То, как обращаются с другими лугалами, для него ничего не значит. Он с радостью помогает выбраковывать слабых, наказывает ленивых, и все такое.

Ну вот, я как будто ответил на ваш вопрос. У милдиванов есть общественная жизнь, есть более крупные, чем семьи, объединения, но не прямые, а косвенные, через лугалов. Милдиваны — создатели и новаторы, лугалы — хранители традиции, они осуществляют связь между поколениями. Я могу утверждать, что такие отношения между ними существуют так долго, что биологическая эволюция сделала эти два вида неразрывно связанными.

— Ты говоришь о них так спокойно и дружелюбно, — сказал Гарри, — как будто забыл, как они поступили с тобой...

— Но сначала они были хорошими. — По голосу Пера я понял, как тяжело он переживает случившееся. — Гордыми, как сатана, черствыми, но не жестокими. Честными и щедрыми. Приходя в лагерь, они всегда приносили подарки и не требовали платы. Два или три раза предлагали нам помощь лугалов в работе. В этом не было необходимости, да и с нашими машинами это невозможно, но они этого не понимали. Когда же поняли, то очень поразились (так, во всяком случае, я думаю). Трудно быть уверенным, ибо для них было невероятным, что кто-то может быть могущественней и сильнее их. Каждое существо считает себя высшим созданием во всем мире. Но они признавали нас равными. Я не старался объяснить им, откуда мы на самом деле. «Из другой страны». Для практических целей такое утверждение вполне подходит.

Шивару особенно интересовался нами. Он был уже немолод, большинство его детей отделилось. В своем роде он считался богатым, передовым — занимался скотоводством, и оно (конечно, наряду с охотой) кормило его, к его советам всегда внимательно прислушивались остальные. Однажды я взял его с собой на флиттер, он был возбужден и счастлив, как ребенок, и в следующий раз привел трех своих жен, чтобы они тоже порадовались. Время от времени мы вместе охотились. Боже, посмотрели бы вы, как он гнался за этим огромным рогатым

животным, вскакивал ему на спину и валил одним ударом топора! Затем его лугалы свежевали добычу и тащили ее в лагерь. И поверьте мне, мясо было чертовски вкусным. В биохимии каинитов не хватает некоторых наших витаминов, но в целом человек вполне может есть их пищу.

Мы с ним очень много разговаривали. Может, это будет для вас странным, фримены, но я никогда раньше не проводил столько часов с другим существом. Мы старались пополнять словарь, стремились понять друг друга, и оба были так увлечены этим, что забывали даже о еде, пока Мануэль или Черкез — главный лугал и сухой и старый каинит, напоминавший мне добродушных старых гномов из детских сказок, — не приходили за нами. Иногда я ловил себя на том, что люблю его красотой. Каиниты хорошо сложены и грациозны, как кошки. И смертельно опасны, когда им это надо. Это мы тоже узнали со временем.

У нас было любимое место возле скалы на холме за лагерьем. Скала была теплой и казалась еще более теплой, когда я смотрел на бледное сморщенное солнце и на свое дыхание, белым облачком вырисовывающееся на фоне жемчужного неба. Высоко над нами кружил хищник в поисках добычи, потом вдруг метнулся в сторону — в разреженном воздухе я отчетливо слышал свист ветра в его крыльях — и скрылся за вершинами деревьев внизу, в долине. Листья деревьев имела миллионы оттенков, как будто стояла бесконечная осень.

Шивару сидел на корточках, обвив хвостом колени, рядом с ним на земле лежал топор. Черкез и один или два лугала держались на приличном расстоянии. Лугалы всегда смотрят на милдиванов не отрываясь. Иногда к нам присоединялся Мануэль, когда не был занят на строительстве. Помните, Мануэль? Вы не всегда могли быть с нами.

— Да, капитан, — сказал Мануэль.

— Ну, вот, — продолжал Пер, — Шивару говорил глубоким голосом, строя планы на будущее. Никаких вопросов о торговом договоре — у них не было никаких организаций, с которыми мы могли бы заключить договор — но он предвидел, как его люди принесут то, что мы хотим, в обмен на то, что мы им предлагаем. И он был достаточно умен, чтобы понять, как повлияет на их дальнейшую жизнь постоянный торговый договор и пост, общее место всех встреч. Начнется интенсивное общение, зародится идея более тесного объединения. Он видел это впереди, выходя за рамки тех узких понятий, к которым привык. Например, он считал, что множество милдиванов, работая вместе, смогут наиболее полно использовать нерест на реке Мукунья. Можно будет построить больше новых каноэ и отправиться на поиски новых охотничьих угодий. Ну, и тому подобное.

Потом уши его, выражая внимание, начинали двигаться, усы дрожали, он наклонялся вперед и расспрашивал о людях. Из какой страны мы пришли, какая там дичь? Как мы женимся и воспитываем детей? О, вопросы фонтаном били из него! Постепенно его словарный запас увеличивался, и вопросы становились все более отвлеченными. Мы начали изучать основы психологии, каждого, и были совершенно поглощены этим занятием.

Я не очень удивился, узнав, что у них нет религии. Вообще, он с трудом понял мой вопрос об этом. У них практикуется колдовство, но они рассматривают его как разновидность технологии. Они не знают анимизма, у них нет аналогов антропоморфизма. Милдиваны очень хорошо знают, что они выше любого растения или животного. Мне кажется также, хотя я в этом не очень уверен, у них есть смутная идея перевоплощения. Но эти вопросы не очень их волнуют, так же, как и проблема происхождения. Мир есть то, что существует. Мир — это такой феномен, в котором нужно либо господствовать, либо быть побежденным.

Шивару спрашивал меня, почему я задаю вопросы о таких очевидных вещах, — Пер покачал головой. Взгляд его скользнул по пояске на ноге. — Вероятно, в этом была моя первая ошибка.

— Нет, капитан, — мягко возразил Мануэль. — Откуда вы могли знать, что у них нет души?

— Нет ли? — пробормотал Пер.

— Оставим это теологам, — сказал Ван Рийн. — Мы платим им за то, чтобы они решали эти вопросы. Продолжай, мальчик.

Я видел, как Пер старается взбодриться.

— Я попытался объяснить идею бога, — продолжил он свой рассказ. — Уверен, что мне это удалось. Шивару выглядел удивленным... и обеспокоенным. Вскоре после этого он ушел. Упоминал ли я, что милдиваны используют барабаны для связи на большие расстояния? Всю ночь я слышал грохот барабанов из долины, а далеко на холмах — ответный рокот. Целую неделю нас никто не посещал. Но Мануэль, бродивший по окрестностям, видел множество следов. За нами все время наблюдали.

Сначала я почувствовал облегчение, когда вновь пришел Шивару. Вместе с ним было несколько других туземцев: Ферегхир, Тулитур — не менее значительные, чем он. Они направились прямо ко мне. Я знал, что они приближаются, так как их заметили наши автоматы, рубившие лес. Мы использовали в строительстве много местных материалов, в том числе и бревна. Срубали деревья силовым лучом, грузили на гравитележки и везли на строительство. Воздух был полон гула и грохота, звона и треска, а ветер пронизывал, как луч лазера. В пыли я с трудом

различал наш корабль и жилые навесы около него. Лучи солнца едва пробивались на площадку.

Они подошли ко мне, эти трое высоких охотников в сопровождении дюжины вооруженных лугалов. Шивару поманил меня.

— Идем,— сказал он.— Тут не место для милдивана.

Я посмотрел ему в глаза, они были непроницаемы, словно он воздвиг стену между собой и мной. Правду сказать, у меня по коже пробежал озноб. Я был безоружен, мы все были безоружны, за исключением Мануэля,— вы знаете новомексиканцев — но я боялся, что сделаю хуже, если пойду за оружием. Я на языке Улаша приказал Тому Буллису занять мое место и попросил Мануэля пойти со мной. Если автохтоны вбили себе в голову, что мы хотим причинить им вред, будет гораздо хуже, если я при них заговорю по-английски — на языке, которого они не понимают.

Мы шли молча, пока не оказались вдали от пыли и шума, на нашем старом месте у скалы. Она сегодня не казалась теплой.

— Я приветствую вас,— сказал я милдиванам,— и прошу есть и спать с нами.

Это местная формула вежливости для гостей. Но я не получил обычного ответа.

Тулитур взмахнул копьем, которое он держал, и спросил — не грубо, понимаете, а с каким-то неприятным оттенком в голосе:

— Зачем вы пришли в Улаш?

— Зачем? Но ты знаешь. Торговать.

— Нет, подожди, Тулитур,— прервал его Шивару.— Ты не то спрашиваешь,— он повернулся ко мне.— Кто вас послал? — спросил он. Тут я должен вас спросить, фримены, понимаете ли вы, что такое черный голос?

Я не собирался уваливать от ответа. Мы что-то сделали неправильно, но я не понимал, что же именно. Ложь или увертки могли помочь мне, но могли и ухудшить дело. Я видел, как солнце блестит на лезвиях топоров, и радовался, что со мной Мануэль. Шум лагеря доносился сюда слабо: либо мы далеко отошли, либо усилился ветер. Я заставил себя смотреть прямо на него.

— Ты знаешь, что мы здесь ради таких же людей, но оставшихся дома,— начал я. Мускулы под его шерстью напряглись, к тому же... я не очень хорошо понимаю выражение лиц туземцев. Но Ферехир оскалил зубы, как будто встретил врага. Тулитур держал копье наготове. В докладах Брандера сообщалось, что милдиваны никогда не ведут себя так в присутствии друзей. Шивару, однако, понять было трудно. Готов поклясться, что он сожалел. О чем?

— Вас послал бог? — спросил он.

Тут мне все стало ясно. Я засмеялся, хотя в самом деле мне было не весело, и в голове у меня звенело. Я понял семантическую трудность. В Улаше используют несколько разновидностей повелительного наклонения. Приказ отца сыну отличается от приказа другому милдивану, побежденному в схватке, и оба они отличаются от распоряжений, отдаваемых лугалу, и так далее; такого наши психолингвисты не могут даже представить.

Шивару хотел знать, являюсь ли я рабом бога. Сейчас, конечно, было не время рассказывать ему историю религии, к тому же я не очень силен в этом. Я только сказал: нет, мы не рабы бога. Бог — это символ, в чье существование верят некоторые из нас, но далеко не все. И он определенно не давал мне никаких приказов. Это удивило их. Дыхание со свистом вырывалось сквозь клык Шивару, гребень на его голове поднялся, хвост хлестал по ногам.

— Тогда кто же послал вас? — почти закричал он. Я мог бы перевести этот вопрос так: «Кто же ваш хозяин?»

Я услышал щелчок, это Мануэль раскрывал кобуру. За спиной милдиванов лугалы приготовили топоры и копья. Можно представить, как тщательно я выбирал слова для ответа.

— Мы свободны, — сказал я, — как часть общества, — или, может быть, слово, которое я употребил, означало «содружество»? — В нашей стране никто не является лугалом. Вы видели, как на нас работают машины. Нам вообще не нужны лугалы.

— Ах-х-х! — вскрикнул Ферехир, взмахнув копьем.

Мануэль взвел курок.

— Я считаю, что вам лучше уйти, — сказал он туземцам, — прежде чем начнется схватка. Мы не хотим никого убивать.

Брандер демонстрировал туземцам действие нашего оружия, мы тоже. Никто из туземцев не двигался, как нам показалось, целую вечность. Волосы на лугалах встали дыбом. Они были готовы броситься на нас и умереть по слову своих хозяев. Но это слово не прозвучало. Три милдивана обменялись взглядами. Шивару сказал безжизненным голосом:

— Мы должны обсудить это.

Они повернулись и пошли по высокой шуршащей траве, лугалы следовали за ними.

Барабаны гремели дни и ночи.

Мы между собой долго обсуждали события. В чем дело? Милдиваны были примитивны и необразованны, но по стандартным меркам здравого смысла далеко не глупы. Шивару не был удивлен, что мы отличаемся по виду от жителей Каина. Например, то, что мы живем обществом, а не отдельными семьями, было для него лишь странностью, и скорее интриговало, а не шокировало его. И, как я уже говорил вам, хотя обширные

объединения не были приняты у милдиванов, время от времени они все же объединялись. В таком случае, что же им в нас не понравилось?

Игорь Юценков, офицер «Королевы Марии», высказал правдоподобное объяснение:

— Если они нас считают рабами, значит, наш хозяин должен быть еще могущественнее. Может, они думают, что мы готовим базу для вторжения?

— Но я ясно сказал им, что мы не рабы.

— Не сомневаюсь, но поверили ли они вам?

Можете себе представить, как я ворочался в своем навесе. Должны ли мы начать все заново в другом районе, то есть уйти отсюда? Но тогда пропадет все, чего мы добились. Изучить новый язык было совсем не трудно. Но перемещение ничего не дало бы нам: полеты на флиттере показали, что повсюду на Каине один и тот же образ жизни, как на Земле в палеолит. Если мы каким-то образом нарушили не просто местное табу, а нечто фундаментальное... Я не знал этого. Сомневаюсь, что Мануэль проводил больше двух часов за ночь в своей постели. Он был слишком занят укреплением системы нашей обороны, тренировкой людей, проверкой постов и бдительности.

Но следующая наша встреча внешне была совершенно мирной. На рассвете меня поднял часовой, сообщивший, что появилась группа туземцев. Ночью поднялся туман, затянув влажной серой дымкой все вокруг так, что трудно было что-либо различить и в трех шагах. Выйдя, я услышал треск останавливающегося поблизости трактора — единственный отчетливый звук в этой ватной тишине. Тулитур и другой милдиван стояли в окружении пятидесяти лугалов. Их шерсть была влажной, а оружие блестело от инея.

— Они двигались ночью, капитан, — сказал Мануэль, — чтобы быть менее заметными. Несомненно, за пределами видимости ждут другие.

Он послал со мной взвод охраны.

Я в соответствии с ритуалом приветствовал их, как будто ничего не случилось. И вновь не получил никакого ответа. Тулитур только сказал:

— Мы пришли для торговли. За ваши товары мы дадим вам меха и травы, которые вам так нравятся.

Это было удивительно, тем более, что наш торговый пост был построен только наполовину. Но я не мог отказаться от того, что, возможно, было знаком примирения.

— Хорошо, — сказал я — Идемте поедим и поговорим.

«Хороший ход, — решил я. — Совместная еда накладывает некоторые обязательства, как на Земле, так и в Улаше».

Тулитур и его товарищ Вокзахан, теперь я вспомнил его имя, не поблагодарили, но вошли в корабль и сели за стол в кают-компани. Я решил, что так будет более впечатляюще, чем под навесом, к тому же не так холодно. Я приказал принести бекон и яйца — пищу, которую, как я знал, любили каиниты. Они сразу же перешли к делу.

— Сколько вы хотите продать нам?

— Это зависит от того, что вы хотите купить и что у вас есть в обмен, — ответил я, соревнуясь с ними в любезности.

— Мы не принесли ничего с собой, — сказал Вокзахан, — потому что не знали, согласитесь ли вы торговать.

— Почему мы не согласимся? — ответил я. — Ведь мы для этого и пришли. Между нами нет споров, не так ли?

Ни один зеленый глаз не мигнул.

— Нет, — сказал Тулитур, — споров нет. Мы хотим купить пистолеты.

— Такое оружие мы не можем продать, — я вынужден был сразу покончить с этим и не хитрить. — Однако мы можем вам предложить ножи и множество других полезных инструментов.

Они помрачнели немного, но спорить не стали. Наоборот, тут же принялись обсуждать условия обмена. Они хотели купить как можно больше и не снижали цены. Но они хотели получить все в кредит, сказав, что наши товары им нужны немедленно, а чтобы собрать товары на обмен, понадобится время.

Это ставило меня в неприятное положение. С одной стороны, милдиваны всегда были честными и, насколько я могу судить, всегда говорили правду. К тому же я не хотел отказывать им. С другой стороны... Но вы все понимаете не хуже меня. Я льщу себе, но я дал им дипломатичный ответ. Мы несколько не сомневаемся в их добрых намерениях, сказал я. Мы всегда знали, что милдиваны — хорошие парни. Но всегда может произойти нечто неожиданное, и мы потеряем огромную сумму.

Тулитур хлопнул по столу и фыркнул:

— Следовало ожидать таких опасений. Хорошо, мы оставим лугалов, пока не будет собрана плата. Они стоят очень дорого. Но вы отвезете товары туда, куда мы укажем.

Я решил, что на таких условиях они могут получить половину запрашиваемых товаров, — Пер замолчал и прикусил губу. Гарри наклонился и взял его руку. Ван Рийн проворчал:

— Да, черт побери, никто не может предвидеть всего, но всегда следует ожидать худшего. Ты поступил правильно, мальчик. Абдал, еще выпивки, или ты считаешь, что мы на Марсе?

Пер вздохнул.

— Мы погрузили товары на гравитележку, — продолжал он. — Мануэль сопровождал ее на вооруженном флиттере, но ничего не

случилось. Примерно в пятидесяти километрах от лагеря милдиваны попросили наших людей остановиться на берегу реки. Здесь стояли каноэ, возле них были другие милдиваны. Было ясно, что дальше они намеревались перевозить товары самостоятельно, и Мануэль спросил, есть ли у меня какие-либо возражения.

— Нет,— ответил я.— Какая разница? Они хотят сохранить в тайне место назначения, они нам больше не доверяют.

За Мануэлем на экране я видел смотревшего на нас Вокзахана. Наши коммуникаторы и раньше очаровывали посетителей лагеря. Но на этот раз мне показалось, что на лице его промелькнула усмешка.

Я был занят размещением и обеспечением лугалов. При них всегда находились один или два охранника. Не то чтобы я ожидал неприятностей. Я слышал, как хозяева сказали им: «Оставайтесь здесь и делайте все, что прикажут земляне, пока мы не вернемся». Тем не менее меня беспокоило, что в лагере находится целая свора этих домашних собак милдиванов.

Они сидели по-звериному. Когда ночью загремели барабаны, они беспокойно задвигались по павильону, который мы им отвели, и заговорили на языке, о котором в записях Брандера не было никаких сведений. Но на следующее утро они были вполне кроткими. Один из них даже спросил, не могут ли они помочь нам в работе. Я чуть не засмеялся, представив себе лугала среди приборов пятисотсильного трактора. Затем сказал ему, что мы благодарим, но их помощь не нужна; они должны только ждать.

Несколько раз в течение следующих трех дней я пытался поговорить с ними, но из этого ничего не вышло. Они отвечали мне, однако ответы их были пустыми.

— Где вы живете? — спрашивал я.

— Там, в лесу,— отвечал лугал, глядя на пальцы ног.

— Какую работу вы выполняете дома?

— То, что велит мой милдиван.

Я отступил.

Тем не менее они не были глупы. У них были какие-то игры, и они в них играли, используя глиняные фигурки, назначения которых я так и не понял. На рассвете строились в ряд и пели странную печальную песню с импровизациями, которая время от времени заставляла меня ощущать дрожь. Большую часть времени они спали или сидели, уставившись в пустоту, но время от времени собирались в кружок, обхватив руками друг друга за плечи, и о чем-то шептались.

Ну... я рассказываю слишком долго. На нас напали перед рассветом на четвертый день.

Потом я узнал, что на нас напали около ста милдиванов и одно небо знает, сколько лугалов. Они сошлись отовсюду на этой ужасной территории, называемой Улаш, созданные барабанами.

Их разведчики обнаружили наши пикеты, и пока град стрел обрушивался на эти места, большая часть отряда ворвалась внутрь. Однако не могу рассказать вам слишком многого. Я был ранен... — лицо его исказилось. — Что за проклятие! И в первом же самостоятельном полете!

— Продолжай, — сказал Гарри. — Ты не рассказывал нам эти подробности.

— Их немного, — Пер вздрогнул. — Первые же крики разбудили меня. Я сунул ноги в сапоги, набросил куртку, шаря руками в поисках оружия. В это время в полный голос зазвучали сирены. Даже сквозь их вой я услышал у своего навеса выстрелы бластеров.

Я выскочил наружу, и мне показалось, что я попал в черный кипящий котел. Сверкали выстрелы бластеров, гудели сирены, кричали туземцы. Холод охватил меня. Свет звезд отражался инеем, покрывавшим холмы. Я на мгновение удивился, как здесь много звезд и какие они яркие.

Затем Юшенков включил прожекторы на башне «Марии» — и над нашими головами вспыхнуло солнце, слишком яркое даже для нас. Каким же оно должно было показаться каинитам? Синяя-белая невероятность, я думаю. Они кишели среди наших навесов и машин, высокие охотники в шкурах, приземистые коричневые гномы с топорами, копьями, дубинками, луками, и кинжалами в руках. Я видел только одного человека, распростертого на земле: пальцы его сжимали пистолет, а голова — разможенный уjas.

Я поднес ко рту командный микрофон — на всякий случай я всегда ношу его у пояса — и принялся отдавать приказы, пробираясь к кораблю. Мы обладали мощным оружием, но нас было всего двадцать, нет, уже девятнадцать или даже меньше, против всего Улаша.

Наш лагерь был оснащен надежной системой обороны. Два человека спали в корабле, остальные — под навесами вокруг него. С полдюжины человек уже пробрались на корабль, остальные еще пытались сделать это. Мы должны были выручить их, да побыстрее. Иначе будет слишком поздно.

Я видел, как наши парни показались из своих укрытий у посадочных стабилизаторов. Даже теперь я помню, как бежал Зурковский, не застегнув свою парку, и она болталась вокруг его голых ног. Он никогда не спал в пижаме. Вы заметили, что в самые напряженные минуты обращаешь внимание на такие подробности?

Каиниты начали разбегаться, ослепленные и напуганные прожекторами. Они не ожидали этого, не ожидали и сирен, вой которых ужасен даже для привычных ушей. Несколько каинитов были ранены или убиты.

У меня было ощущение, что меня несет ревущий, воющий, звенящий поток. Затем на меня напали сзади. Я упал под ноги нападающих и попал в тяжелые лапы лугала. Он лежал на моей груди и старался сжать мое горло руками и зубами. Черт возьми! Это создание было очень сильным — миллиметр за миллиметром он сжимал мое горло. Вдруг появился другой лугал. Он подобрал дубинку убитого каинита и, не глядя, ударил меня. Он, конечно, не целился и попал по моей ноге. После этого я не чувствовал ничего, кроме боли и ярости, а затем наступила тьма.

Конечно же, лугалы-заложники освободились. Я должен был ожидать этого. Даже без особого приказа они не могли оставаться в стороне, когда сражались их хозяева. Но, несомненно, они получили приказ. Тулитур и Вокзахан провели нас. И это я тоже должен был предвидеть. Они получили бесплатно большую партию товаров и к тому же разместили подкрепление для атакующих в нашем лагере.

Но все равно их план не удался. Они не представляли нашей реальной силы. Да и как они могли ее представить? Мануэль собственноручно двумя выстрелами убил двух напавших на меня лугалов. Наши парни создали кольцо огня, и враги разбежались.

Но они нанесли нам много вреда. Я пришел в себя в лазарете «Королевы Марии». Мануэль сидел рядом со мной.

— Как дела? — спросил я.

— Вы должны отдохнуть, сеньор, — ответил он. — Но пусть бог простит меня, я приказал доктору начинить вас стимуляторами... Нам нужно ваше решение. И немедленно. Несколько человек ранены. Двое мертвы. Трое исчезли. Враги отступили, я думаю, с пленниками.

Он положил меня на носилки и вынес из корабля. Я не испытывал боли, но голова кружилась. Вы знаете, как чувствуешь себя, когда по горло набит наркотиками? Мануэль сказал мне, что кость левой ноги скрепили, но сейчас дело было не в этом... Гувер и Мираното погибли, Вуллис, Ченг и Зурковский исчезли.

Лагерь под оранжевым солнцем казался неестественно спокойным. Мои люди расчистили его, пока я был без сознания. Трупы врагов лежали в ряд. Двадцать три милдивана — это число будет преследовать меня до конца жизни — и не знаю сколько лугалов. Вероятно, не меньше сотни. Меня пронесли мимо. Я всматривался в их окровавленные лица, но никого не узнал.

Наших пленников разместили в главном котловане фундамента. Около ста лугалов, но только два милдивана. Большинство раненых они унесли с собой. С таким количеством конструкций и машин, стоявших кругом, это нетрудно было сделать. Мануэль объяснил мне, что остановил нападение парализующим лучом. Он оказался наилучшим оружием. Нельзя заставить лугала не сражаться за своего хозяина даже под угрозой смерти.

В углу ямы, глядя на вооруженных людей, стояли два милдивана. Один был не знаком мне. У него был ужасный ожог от бластера, и наши медики дали ему болеутоляющее. Но другого, неведимого, я узнал. Это был Кочихир, старший сын Шивару, приходивший к нам раз или два с отцом.

Мы какое-то время смотрели друг на друга. Наконец я спросил: — Почему? Почему вы сделали это?

Каждое слово белым облачком вылетало изо рта, а ветер уносил его.

— Потому что они предатели, убийцы и воры по натуре, — сказал Юшенков на языке Улаш. Группа Брандера позаботилась собрать все слова, относящиеся к понятиям чести и бесчестия.

Юшенков плюнул на Кочихира.

— Мы должны охотиться на них, как на диких зверей, — сказал он. Гувер был его двоюродным братом.

— Нет, — возразил я на языке Улаш, потому что среди лугалов пронесся ропот, свидетельствующий о том, что они готовы на любые, самые безумные поступки. — Не говорите так...

Юшенков замолчал, и вновь среди этих волосатых существ послышался гул, как рокот океанского прибоя.

— Но, Кочихир, — сказал я, — твой отец был моим хорошим другом. Во всяком случае, я в это верил. Чем мы обидели его и ваших людей?

Он поднял гребень на голове, обернул хвост вокруг лодыжек и фыркнул:

— Вы должны уйти. Иначе мы будем уничтожать вас в лесах, обрушим на вас холмы, прогоним через лагерь рогатых зверей, отравим источники и сожжем всю траву под вашими ногами. Уходите, и не смейте возвращаться.

Я готов был взорваться, в голове у меня пульсировала боль — меня охватила лихорадка. Я ответил:

— Мы не уйдем, пока не вернут наших людей. В лагере есть барабаны, которые твой отец подарил мне до своей измены. Вызови своих людей, Кочихир, и скажи им, чтобы вернули наших друзей. После этого, возможно, мы сможем вести переговоры, не раньше.

Он смотрел на меня, не отвечая.

Я поманил Мануэля.

— Нет смысла продолжать разговор. Нужно организовать прочную оборону. Второй раз нас не захватят врасплох. И пошлите на поиски флиттер: их отряд не мог далеко уйти.

Вы лучше можете рассказать, как со мной спорили, Мануэль. Вы сказали, что посылать флиттер — это напрасно тратить энергию, которая теперь нам так необходима. Верно?

Мануэль выглядел смущенным.

— Я не хотел противоречить своему капитану,— проговорил он.— Но я на самом деле считал, что разведка с воздуха ничего не обнаружит на этих сотнях гектаров лесов, холмов и ущелий. Они могли разделиться, эти дьяволы. Но даже если они шли вместе, инфракрасный детектор вряд ли обнаружил бы их сквозь покров лесов. Но мне не нравится возражать своему капитану.

— О, вы и не противоречили,— ответил Пер, и уголок его рта поднялся.— После этого я чуть не сошел с ума. Бушевал и кричал на вас, да? Велел, чтобы вы выполнили приказ и подняли в воздух все флиттеры. Вы отсалютовали и пошли, но я остановил вас: вы не должны были вылетать лично. Вы слишком ценны для корабля. Я хотел послать человека с опытом жизни в лесу, который смог бы найти следы даже сверху. Но мой мозг все глубже и глубже погружался в какой-то водоворот.

— Посмотрим, как заставить этого обросшего шерстью ублюдка сотрудничать с нами,— сказал я.

— Меня слегка обидело, что капитан так вел себя со мной,— признался Мануэль.— И хотя время от времени на различных планетах, когда бывает необходимость... но это не к месту.

— Я хотел хоть как-то ослабить моральный дух пленников,— продолжал Пер.— Теперь-то я понимаю, что это все равно — помогли бы нам пленники связью со своими или нет. Каинитам неведомо наше чувство групповой солидарности. Если Кочихир и его приятели попали в наши руки — тем хуже для них. Но Шивару и другие достаточно знакомы с нашей психологией, чтобы понять, что значат для нас их пленники.

Я посмотрел вниз на Кочихира. Его зубы сверкнули. Он не издал ни звука, не сделал ни одного движения, хотя даже он, не понимая по-английски, должен был сообразить, что происходит. Я говорил, как пьяный, тщательно подбирая слова.

— Кочихир,— обратился я к нему.— Я приказал охотиться на флиттерах за вашими людьми и отобрать наших друзей. Сможет ли милдиван противостоять летающей машине? Сможет ли он бороться, если наши бластеры сожгут его сверху? Сможет ли он укрыться от глаз, которые видят от горизонта до горизонта? Ваши люди дорого заплатят нам, если не вернут пленных. Бери барабан, Кочихир, и скажи им это. Если ты этого не сделаешь, то и тебе это обойдется дорого. Я приказал своим людям сделать все, чтобы сломить вашу волю.

О, это была отвратительная речь. Но Гувер и Мирамото были моими друзьями. Вуллис, Ченг и Зурковский тоже были моими друзьями, и я не знал, живы ли они. А я был на грани обморока. Я на самом деле потерял сознание при возвращении на корабль. Я слышал, как док бормотал что-то о том, как он может лечить пациента, если тот начинен наркотиками, которые могут свалить даже верблюда... но слова доносились откуда-то издали, все

вертелось вокруг меня, пока мне не показалось, что я превратился в электрон, пойманный в осциллограф. Тьма стала зеленой, и... потом мне сказали, что я сорок часов находился без сознания. Дальше будет рассказывать Мануэль.

Пер уже охрип. Он откинулся в кресле, и я увидел, что он побледнел. Одной рукой он поправил повязку, расплескивая другой вермут. Гарри с беспомощным гневом, готовый испепелить Ван Рийна, смотрел на сына. Торговец сказал:

— Ну, ну, после такого происшествия я заставил его рассказывать, да? Но скоро обед, и нет лучшего лекарства, чем натуральный бифштекс, а как только он сможет ходить, я приглашу его в мой дом в Джакарте для хорошей оргии.

— О огонь ада! — вспылil Пер. — Зачем вы стараетесь, чтобы я чувствовал себя хорошо? Я испорчу вам весь праздник.

— Ну, сынок, — постарался я его успокоить, — ты был в хорошем настроении полчаса или час назад, и через полчаса оно снова вернется к тебе. Вновь переживать такие минуты — самое тяжелое наказание из всех, наложенных Иеговой. Я тоже испытал это. Послушай, Пер, если бы фримен Ван Рийн считал, что миссия провалилась из-за твоей ошибки, ты не выпивал бы здесь сегодня. Ты продавал бы мясо людоедам.

Ответом мне был намек на улыбку.

— Ну, дон Мануэль, — сказал Ван Рийн, — теперь мы слушаем вас.

— Вы льстите мне, сеньор, но я не дон, — ответил тот вежливо и не совсем покорно. — Мой отец был охотником в Сьерра-лос-Васкес, а я отправился в космос вместе с наемниками Роджерса и стал там сержантом, а потом перешел на службу к вам. — Он поколебался. — Я не могу много добавить о случившемся на Каине.

— Не говорите глупостей, — буркнул Ван Рийн, приканчивая третий или четвертый литр пива со времени моего прихода и знаком показывая, чтобы принесли еще. Мой стакан тоже наполнили, и звезды и город снаружи стали слегка покачиваться. Я достал трубку, чтобы немного протрезветь.

— Я читал официальные доклады вашей экспедиции, — продолжал Ван Рийн. — Они сухи. Мне нужны детали; те мелкие подробности, которые никогда не попадают в отчеты, как те, что привел Пер. И я должен совершенно ясно представить себе планету, и тогда этот старый котелок, возможно, найдет разгадку. Ибо в моей жизни было множество планет, где я, даже я, Николас Ван Рийн, падал мордой в грязь! Эволюция создает параллели, а также наклонные линии, как кто-то сказал сегодня

вечером. Какая линия параллельна эволюции на Каине? Говорите, Мануэль. Смелее. Шутите, пойте песни, стойте на голове, если хотите, но рассказывайте.

— Как пожелаете, сеньор,— начал тот ровным голосом.— Когда моего капитана унесли, я стоял в раздумьи, пока Игорь Ющенко не спросил:

— Ну, так кто же поведет флиттер?

— Никто,— отрезал я.

— Но мы получили приказ.

— Капитан ранен и потрясен. Нам даже не следовало поднимать его,— ответил я и спросил у стоящих рядом людей: — Разве я не прав?

После некоторого колебания они согласились.

Я наклонился над краем ямы и спросил Кочихира, будет ли он передавать с помощью барабана наши условия.

— Нет,— ответил он,— нет, что бы вы со мной ни сделали.

— Я ничего не собираюсь делать. Сейчас вам принесут еду.

Остаток дня я бродил по сугробам, лежащим на склонах холмов. Да, это была окоченевшая земля, то устремляющаяся вниз долинами, то поднимающаяся холмами и кончавшаяся на горизонте зубцами гор. Я думал о доме и об одной девушке, по имени Долорес, которую я когда-то знал, очень давно.

Люди не работали; они собирались группами, но говорили мало, и к вечеру их дыхание стало оседать на их парках инеем. Я беседовал с ними по очереди и отбирал тех, кто мне был нужен для выполнения задания. Они были хорошими людьми, но мало кто из них имел охотничий опыт. Сам я не мог долго выслеживать каинитов, так как они пересекли широкую полосу скального грунта, на котором совершенно не были видны их следы. Но Хамиб ибн-Рашид и Жак Нголо в свое время были охотниками. Мы приготовили все необходимое. Потом я отправился на корабль взглянуть на капитана — он лежал тихо.

Я почти ничего не ел и мало спал. Когда я вернулся к яме, уже наступила темнота. Четверо людей, оставленных для охраны, темными тенями вырисовывались на фоне звездолета.

— Вы свободны,— сказал я им, извлекая из кобуры бластер... Их шаги замерли вдалеке.

Темные фигуры на дне ямы шевелились и бормотали. Послышался голос:

— А, ты пришел. Будешь меня пытаться.

У этих каинитов глаза видят во тьме не хуже кошачьих. Я и раньше думал, что они посмеиваются, глядя, как мы слепнем после захода солнца.

— Нет,— ответил я.— Я только караулю вас.

— Ты один? — фыркнул он.

— С этим,— я показал бластер.

Он замолчал. Становилось все холоднее. Я думаю, каиниты не особенно ощущали мороз. Звезды медленно двигались над головой, и я постепенно начал сомневаться в успехе моего плана. Слышался шепот пленников, но в остальном мир застыл в холодном безмолвии.

Все произошло с дьявольской быстротой. Лугалы все время безостановочно двигались. И вдруг они бросились на меня. Один вставал другому на плечи, и так они добрались до края ямы. Они шли на смерть, так они считали, но я промахнулся. Лугал, бросившийся на меня, изумился, что остался жив. Если бы я не промахнулся, на меня набросились бы другие.

Два лугала оказались на мне, я пытался оторвать их руки от своего горла. Тяжелые кулаки били меня по голове и по животу. Ладонь заткнула мне рот, не давая кричать. Тем временем пленники выбирались из ямы и убегали.

Наконец, я высвободил одну ногу и ударил лугала. Он покатился, крик боли застыл в его горле. Я обернулся и ударил другого по горлу ладонью. Когда он обмяк и свалился, я вскочил на ноги и закричал. Мгновенно взревела сирена и вспыхнул прожектор. Люди бежали от корабля и навесов.

— Назад! — закричал я. — Не бегите во тьму!

Много лугалов не успели скрыться, они отступили к задней стене ямы, когда прибежали вооруженные люди. Своими телами они закрыли раненого милдивана от наших пистолетов. Но мы стреляли, и безуспешно, лишь вслед бежавшим. Охранники выстроились вокруг котлована. Я шарил по земле в поисках бластера: его не было. Кто-то забрал его, если не Кочихир, то кто-то из лугалов, который все равно отдаст его Кочихиру. Жан Нголо подошел ко мне.

— Плохо, — вздохнул он, узнав в чем дело.

— Дьявольски не повезло, — согласился я с ним. — Но мы должны догнать их.

Я встал и стянул свою парку. Под ней был шлем и специальный космический костюм, который и защитил меня в борьбе. Я сбросил его, так как теперь он будет лишь мешать мне, и присоединился к другим. С нами пошел и Хамиб ибн-Рашид. Он принес мои припасы и запасной бластер. Я взял их, и мы втроем начали преследование.

Благодаря милосердию Господа нам не привелось раньше испытать очки для ночного видения. Они делали мир ясным, но каким-то уж нереальным, как во сне. Компасом нам служил инфракрасный следоискатель Нголо; игла прибора, дрожа, указывала направление, куда удалились каиниты. Мы вскоре увидели их, когда они пересекали безлесную часть холма, прячась за булыжниками. Мы припали к земле, чтобы они не заметили нас на фоне неба.

Мы задыхались от бега к тому времени, когда достигли края леса. Но мы продолжали идти под прикрытием деревьев, чтобы не выпустить кайнитов за пределы действия приборов. Следоискатель и так начал мерцать, поскольку деревья закрывали от нас тепло тел кайнитов. Я осторожно двигался среди кустарников, раздвигая ветки.

Через час мы углубились в долину. Повсюду стояли высокие деревья. Неба не было видно, и мне пришлось до предела увеличить напряжение в своих ночных очках. Картина начала проясняться. Кайниты двигались обычной походкой, уверенные в том, что им удалось скрыться, но даже без специальных предосторожностей они не оставляли следов. Поскольку они не ожидали погони, мы подошли ближе, и надобность в инфракрасном приборе отпала.

Наконец, мы вышли на луг, примятая трава которого указывала, что тут они проходили совсем недавно. И здесь они сделали то, чего я опасался больше всего: отряд разбился на три группы, и каждая группа двинулась своим путем.

— Которую выберем? — спросил Нголо.

— Нас трое, значит, мы должны следовать за каждой, — ответил я.

— Бисмилла! — выговорил ибн-Рашид. — С бластером или без него, я бы не хотел встретиться с ними в одиночку. Но чему быть — того не миновать.

Мы какое-то время обсуждали дальнейшие действия, а когда разделились, восток уже начал сереть. Очевидно, лугалы двинулись к домам своих хозяев, а рабы Кочихира сопровождали его. А именно Кочихир был нам нужен. Я предполагал, что самая большая группа — его, так как, вероятно, в нападении на меня в первую очередь участвовали лугалы, принадлежавшие ему. Этот след я выбрал для себя. Хамиб и Нголо тоже хотели идти по этому следу, но я, используя свою власть, отстоял эту честь, чтобы народ Нью Мехико никогда не мог сказать, что Мануэлю Гомесу недостает храбрости.

Теперь нас отделяло от беглецов такое расстояние, что мы вполне могли пользоваться радиопередатчиками для переговоров друг с другом и с людьми в лагере. В последующие часы эти переговоры очень ободряли меня. Это было медленное и трудное выслеживание охотников в их собственном мире. И я не уверен, что мне удалось бы это, если бы отряд состоял из милдиванов и лугалов, выращенных для охоты. Но, к счастью, в нападении участвовали и лугалы с полей и шахт, домашняя прислуга, а они были менее осторожны.

Позже, утром, меня вызвал Нголо.

— Мой отряд подошел к пещере и навесу около нее, — сообщил он. — Я сижу на дереве и вижу, как их встречают женщины и

дети милдиванов. Они движутся к навесу. Думаю, что это жилище их хозяина, и они не пойдут дальше. Надо ли мне вернуться на луг и идти по другому следу?

— Нет,— сказал я.— Он будет слишком холоден к этому времени. Отступайте на место, где вас не увидят, и вызывайте флиттер.

Через несколько часов сердце подпрыгнуло у меня в груди, ибо я увидел дерево с явными следами выстрела из бластера. Кочихир практиковался. Я вызвал Хамиба и спросил, где он.

— На берегу реки,— отозвался он.— Они здесь переправились. Думаю, как перебраться на другой берег.

— Дальше не ходите,— приказал я.— Мой след правильный. Быстрее возвращайтесь в лагерь.

— Что? — удивился он.— Разве я не присоединюсь к вам?

— Нет,— ответил я.— Я уже очень близко. Возможно, так близко, что они увидят флиттер и насторожатся.

Думаю, это был единственный разумный выход.

Несколько раз я останавливался, чтобы поесть и отдохнуть. Стимуляторы помогали мне выдержать столь длинный путь, что поразились бы даже презиравшие людей каиниты. К вечеру след стал таким свежим, что я замедлил ход и пошел со змеиной осторожностью.

Около полуночи мой инфракрасный детектор отметил источник излучения, слишком мощный для человеческих тел. Я прошептал эту новость по рации и приказал прекратить связь, чтобы нас не услышали. Затем я двинулся вперед.

Наконец я оказался на краю большой поляны. Здесь горел костер, отбрасывая пляшущие тени на стены большого прямоугольного строения без окон, скрытого деревьями. Два милдивана склонились над своими копьями. Из отверстия на крыше пробивался свет. Я осторожно достал свой парализующий пистолет. Два выстрела — и стражи упали. Я перебежал открытое пространство, укрылся в тени здания и стал ждать.

Ничего не было слышно. Только кожаный занавес мешал мне увидеть, что находится внутри помещения. Я осторожно ото-двинул его и заглянул в образовавшуюся щель.

Густой дым ел глаза, но я смог рассмотреть, что внутри здания была одна длинная комната, увешанная прекрасными мехами. Около десятка милдиванов, в основном мужчины, сидели на корточках кружком около огня, который горел в яме и освещал их свирепые плоские лица. В углу сгрудились несколько лугалов. Среди них я узнал старого Черкеза, и обрадовался, что тот уцелел в битве. Лугалов из отряда Кочихира, по-видимому, отправили в бараки. Сам Кочихир рассказывал отцу, Шивару, о своем бегстве.

И хоть минута была совсем не подходящей для радости, я дал обет поставить множество свечек перед святыми, ибо все

случилось так, как я и предполагал. Кочихир не пошел домой, а явился в заранее условленное место встречи. Зурковский, Ченг и Вуллис были здесь же. Они сидели в дальнем конце комнаты, кашляя от дыма, прикрытые шкурами, которые спасали их от холода.

Кочихир закончил свой рассказ и взглянул на отца, ожидая одобрения. Хвост Шивару двигался взад и вперед.

— Странно, что они так позаботились о тебе.

— Они подобны слепым детенышам,— фыркнул Кочихир.

— Не уверен,— пробормотал Шивару.— Их сила велика. И... и мы знаем, что они совершали в прошлом,— голос его внезапно стал резким.— Или нет? Повтори, Кочихир, как их хозяин отдал приказ, а они поступили по-другому.

— Но это ничего не значит,— сказал другой милдиван, седой и покрытый шрамами.— Сейчас мы должны решить, какую пользу извлечь из этих пленных. Ты считаешь, что их можно обменять на наших лугалов и Гумуша — Кочихир говорил, что они остались у них. Но я спрашиваю — зачем им это? Лучше выставить тела пленных там, где земляне смогут их найти. Это послужит для них предупреждением.

— Правильно,— кивнул Вокзахан, который сидел среди собравшихся.— Тулитур утверждает, что они слепы и глупы.

— Сначала надо попробовать обмен,— настаивал Шивару.— Если не удастся... — его клыки сверкнули в свете огня.

— Убьем одного для примера, а потом поговорим,— гневно рыкнул Кочихир.— Они угрожали мне тем же.

Гул пробежал между ними, как между зверьми в зоопарке. Я с ужасом подумал, что они могут поступить и так. Мой капитан говорил нам, что ни один милдиван не имеет власти над другими. Как бы ни хотел этого Шивару, он не сможет помешать другим сделать так, как они считают нужным.

Я должен был принять решение немедленно. Бластер не мог перебить их так быстро, чтобы они не успели схватить оружие, лежащее под руками. К тому же луч мог убить наших людей. Парализующий пистолет лучше, но и он не сможет уложить их раньше, чем я окажусь под ударами топоров. Оставаясь на месте, я мог запереть их в здании, так как оно имело один выход, но люди по-прежнему останутся в их руках.

То, что я сделал, несомненно, глупость, но я — не мой капитан. Я проскользнул в лес и вызвал лагерь.

— Вылетайте, как можно скорее,— сказал я, оставив передатчик для пеленга. Затем я обошел полянку и нашел дерево, нависающее над сооружением. Я взобрался на него и подполз к дымовому отверстию. Очки защищали мне глаза, но дышать мне приходилось этим едким дымом. Время тянулось страшно медлен-

но, но наконец я услышал гром. Наши флиттеры падали с неба, подобно ястребам.

Милдиваны закричали. Двое или трое из них побежали к дверям, чтобы посмотреть, что происходит, и я уложил их парализующим пистолетом. Один из них успел крикнуть:

— Здесь земляне!

Я вновь заглянул в дымовое отверстие, внутри царила суматоха. Кочихир пронзительно крикнул и извлек бластер. Я выстрелил, но промахнулся. Оправдать меня может лишь то, что между нами было слишком много тел.

Я взял пистолет в зубы, ухватился за край дыры, прыгнул вниз, и коснувшись пола, вскочил на ноги. Через попытался ухватить меня за горло. Ударом ноги я отбросил его в угол.

Кочихира не было видно в толпе туземцев. Я прокладывал путь к пленникам. Со свистом опустил топор Шивару. Благодаря милости божьей я уклонился от удара, повернулся и усыпил его, потом проскользнул между двумя туземцами. Третий прыгнул мне на спину. Я ударил его по голове, и он упал. Отбросив в сторону какого-то лутала, я увидел Кочихира: он приближался к пленникам. Они пытались убежать от него, слишком ошеломленные, чтобы защищаться. На лице Кочихира была написана ненависть.

Он увидел меня краем глаза и резко обернулся. Рывкнул бластер, в полутьме сверкнул луч. Он опалил мне парку, но я упал на одно колено и спустил курок. Кочихир рухнул. Я наклонился, подобрал бластер и встал рядом с нашими людьми.

Вокзахан бросил в меня свой топор, но я сжег его в воздухе. Потом вновь поднял парализующий пистолет. Через одну-две минуты все было кончено. Граната обрушила переднюю стену здания. Канниты попадали под лучами множества парализующих пистолетов. Мы не стали ждать, пока они придут в себя, и вернулись в лагерь.

В комнате наступила тишина, Мануэль спросил, может ли он закурить, вежливо отклонил предложенную Ван Рийном сигару, и взял коричневую сигарету из своего портсигара. Это был любопытный и необычный ящик, отделанный серебром на планете, которую я не смог определить.

— Уф! — выдохнул Ван Рийн. — Но ведь это не все. Вы писали, что они еще раз посетили лагерь.

Пер кивнул:

— Да, сэр. Мы уже почти закончили приготовления к отлету, когда появился Шивару в сопровождении других милдиванов и их лугалов. Они медленно шли по лагерю, не глядя по сторонам. Гребни на головах напряжены, хвосты вытянуты. Я думаю, они не удивились бы, если бы мы начали стрелять. Я приказал держать

их под прицелом и вышел из-под навеса, чтобы приветствовать их со всеми традиционными условностями.

Шивару очень серьезно ответил. Он говорил, с трудом подбирая слова. Он не извинялся — в языке Улаш нет таких слов. Он поманил Черкеза.

— Вы хорошо обращались с нашими пленными,— сказал он.

— Ха! Что еще мы должны были с ними делать, съесть их, что ли? — ответил я.

Черкез передал мне кожаный мешок.

— Я принес подарок,— медленно проговорил Шивару и достал из мешка голову Тулитура.— Мы вернем вам все товары, которые сумеем собрать,— пообещал он,— а если дадите нам время, мы за все заплатим двойную цену.

Ужасно, что после таких потоков крови я не счел этот дар отвратительным. Я только сказал, что мы не любим таких подарков.

— Но мы обязаны восстановить свою честь в ваших глазах,— настаивал он.

Я пригласил их поест, но они отказались. Шивару потопился объяснить, что они не считают себя вправе пользоваться нашим гостеприимством, пока не уплачен их долг. Я ответил им, что мы улетаем; хотя это было видно по состоянию нашего лагеря, они испугались. Поэтому я сказал им, что, возможно, я или другие люди еще вернутся, но прежде нам нужно отвезти домой наших раненых. Это тоже было ошибкой. Упоминание об их вине так расстроило их, что они только бормотали что-то непонятное в ответ, когда я спросил, почему они сделали это. Я решил больше не поднимать этого вопроса — ситуация и так была достаточно щекотливой, и они ушли с явным облегчением.

Мы еще некоторое время не улетали, пытаюсь выяснить, почему же все так случилось. Ведь все равно придется посылать людей на Каин. Всю дорогу домой мы спорили. Где мы ошиблись? И почему позже все опять стало налаживаться? Мы до сих пор не знаем этого.

Глаза Ван Рийна сверкнули:

— И каковы же ваши предположения?

— О,— Пер развел руками.— Ющенко высказал такую мысль: туземцы решили, что мы подготавливаем сражение. Когда же мы показали, что не жестоки — не мучаем пленников, используем парализующие пистолеты, а не смертоносное оружие — они поняли, что ошиблись.

На лице Мануэля не дрогнула ни одна мышца, но нос Ван Рийна, подобно носу боевого корабля, повернулся в его сторону.

— Вы думаете иначе, а? Давайте, выкладывайте.

— Мой долг не позволяет мне противоречить моему капитану.

— Почему же вы не выполнили тогда приказ на Каине? Значит, у вас было свое мнение, черт побери! Говорите.

— Если сеньор настаивает. Но я не ученый, у меня нет книжных знаний. Я просто подумал, что понимаю... понимаю милдиванов. Они немногим отличаются от тех, с кем я воевал, будучи наемником.

— Как это?

— Всю свою жизнь они проводят рядом со смертью. Храбрость и умение сражаться — вот что больше всего им нужно, чтобы выжить, и вот что они ценят больше всего. Они видели, как мы используем свое оружие, машины, действующие на расстоянии, как мы слепнем ночью, как большинство из нас беспомощны в лесу. И они решили, что мы трусливы. Поэтому они презирали нас. Они не считались с нами, думая, что мы лишены храбрости; никогда не поймем их. Мы лишь законная добыча, сначала для хитрости, потом для оружия,— Мануэль расправил плечи, голос его загремел так, что я подпрыгнул на стуле.— Когда же они увидели, как может быть ужасен человек, когда поняли, насколько они слабее нас, мы в их глазах из преследуемых превратились в королей.

Ван Рийн затянулся.

— Были ли еще какие-нибудь мнения? — спросил он.

— Нет, сэр,— ответил Пер.— Это две основные точки зрения.

Ван Рийн загоготал:

— Ну, что ж, располагайтесь поудобнее, фримены. Не вертите, как ангелы на конце иглы. Отдыхайте и пейте. Оба вы не правы.

— Прошу прощения,— прервал его Гарри.— Но осмелюсь напомнить, что вы там не были.

— Нет, во плоти я там не был,— торговец шлепнул себя по пузу.— Здесь слишком много плоти. Но сегодня вечером я побывал на Каине, вернее, побывал этот старый мозг. Он, конечно, проржавел и пропитался алкоголем, но хранит в себе столько информации о Вселенной, сколько, может, не стоит вся Вселенная. Теперь я вижу параллели: Ксанаду, Дунбар, Тамета. Разрушенные земли... о, точной аналогии не существует. Однако я представляю себе всю картину и понимаю, что случилось. Аналогии и не нужны. Вы мне дали столько ключей, что я смог бы решить проблему при помощи одной только логики.

Ван Рийн помолчал. Он столь явно ждал, что мы начнем его уговаривать, что мы с Гарри принялись за свои напитки, а потом снова наполнили стаканы. Ван Рийн побагровел, потом тяжело задышал, но все же решил проявить свой характер в другой раз и засмеялся.

— Ладно, вы выиграли, — сказал он. — Расскажу вам коротко и быстро, потому что скоро обед, если только кухня не провалится ко всем чертям. Ключ проблемы — лугалы. Вы называете их рабами, и в этом вся ваша ошибка. Они не рабы — они домашние животные.

Пер выпрямился.

— Не может быть! — воскликнул он. — Сэр, я хочу сказать, что у них есть язык и...

— Да, да. Я готов даже предположить, что у них в голове алгебра. И все же они прирученные животные. Что такое раб? Человек, который вынужден волей или неволей выполнять то, что ему прикажет другой человек. Верно? Гарри сказал, что он не стал бы доверять рабу с оружием, и я с ним согласен, ибо человеческая история полна восстаниями рабов, бегством рабов, убийствами жестоких хозяев и тому подобными глупостями. Но ведь и вы, Гарри, доверяете своим дорогостоящим псам с их зубами? Когда ваш ребенок мал и мочится в пеленки, вы оставляете его одного в комнате с собакой, чтобы она охраняла его. Здесь большая разница. Раб может повиноваться, а может и не повиноваться, но домашнее животное не может не повиноваться. Его гены запрещают ему поступать иначе.

Вы сами упоминали, что милдиваны так долго и сознательно выращивали их, изменяя наследственность, что изменилась природа лугалов. Так и должно быть. Иначе лугалы были бы не животными, а рабами, и им бы так не доверяли. Вы предположили также, что милдиваны могли иногда притворяться, но не развили свою мысль до конца. Ибо все, что вы рассказали о милдиванах, доказывает, что они по своей натуре дикие животные.

Дикие, значит, подобные тиграм или буйволам, у них нет генов послушания, кроме генов повиновения своим родителям, когда они молоды. Они долгое время содержали лугалов для выполнения грязной работы — задолго до того, как стали разумными. Готов спорить, что они содержали их, как муравьи тлей. Вспомните, вы не видели ни одного лугала, не зависящего от своего хозяина. Ни одного гена общности и стадности у милдиванов, ни одного гена свободной воли у лугалов. Так и должно получиться.

Это разрушает твою теорию опасности вторжения, Пер. Без всякого представления об армии или племени они не могли представить себе вторжения. И дикое животное не становится смирным, когда его побьют, Мануэль Гомес. Это по поводу вашей теории. Человек с комплексом превосходства может лизать вам сапоги, если вы докажете, что вы лучше его, но у хищника нет даже представления о гордости.

Так что же произошло?

Люди высадились на планете. У милдиванов не было никакого опыта общения с чужими расами. Они, естественно, решили, что вы рассуждаете так же, как и они.

Но когда они ближе познакомились с людьми, что же они увидели? Люди получают приказы. Как это может быть? Ни один милдиван не потерпит приказа, даже если над ним стоять с топором. Ха! Значит, эти чужеземцы — лугалы особого рода. Очень скоро, готов поклясться, Шивару решил, что на корабле все лугалы, кроме юного Стенвика, ибо в конечном итоге все приказы исходили от него. Некоторые другие, например Мануэль, — старшие лугалы, но и только. Покорные животные!

И тогда Пер упомянул о божестве...

Ван Рийн перекрестился с раздражающим смирением.

— Я не богохульствую, — сказал он, — но все знают, что наше представление о божестве — это отражение нас самих. Даже теперь мы согласны, что он господь всего; мы признаем, что выполняем его волю, и в то же время молчаливо надеемся, что он не воспринимает слишком серьезно такие человеческие слабости, как гнев, гордыня, зависть, обжорство, похоть и все остальное, что только и делает нашу жизнь привлекательной.

Пер сказал о божестве. Он признал его господином; но это значит, что Пер — тоже лугал, животное. Ни один милдиван не допустит, чтоб у него был даже мистический господин. Вспомните, у них нет религии, хотя у лугалов она, по-видимому, есть.

Поразмыслив над услышанным, Шивару вернулся к другим, чтобы еще расспросить их. И что же? Он всегда знал, что всякий повинующийся есть лугал. И вот Пер говорит, что он не лучше остальных. А выпустили демона из бутылки слова Пера о том, что ни он, ни другой член экипажа не имеют дома хозяина.

Ну, ну, спокойней, малыш. Ты ведь не мог знать. Знание дается недешево, бедные милдиваны теперь это тоже поняли. Можете себе представить, как они были встревожены: даже собаки иногда срываются с цепи. И, несомненно, на Каине некоторые лугалы тоже набрасывались на своих хозяев и причиняли немало бед, прежде чем были убиты. Милдиваны видели ваше могущество и знали, какими опасными вы можете быть... Вероятно, ваша порода лугалов сошла с ума и перебила своих хозяев. Иначе как же может существовать лугал без хозяина?

Итак, что бы вы стали делать, друзья, если бы вы жили на самом краю глухой деревни, а по соседству располагалась бы стая бешеных собак, убивающих людей.

Ван Рийн проглотил кружку пива. Некоторое время мы размышляли.

— Это кажется несколько надуманным, — заметил Гарри.

— Нет, — щеки Пера горели от возбуждения. — Все сходится. Фримен Ван Рийн выразил словами то, что я всегда чувствовал,

узнав как следует Шивару. Его... его прямодушие. Такое впечатление, что он не может видеть некоторые вещи, понять определенные идеи, хотя его мыслительные способности развиты не хуже моих. Да!

— Ну, вот, и двое из них решили захватить вас врасплох, — продолжил Ван Рийн, — и попытаться надуть, прежде чем напасть на вас: они не были уверены, что все получится. С их точки зрения вы были животными, чьи предки уничтожили целую расу людей; поэтому встревоженные милдиваны решили смести вас с лица земли. Им это не удалось, но они надеялись использовать пленников, чтобы выгнать вас с планеты. Но на этот раз их опередил Мануэль.

— Но почему они изменили свое мнение о нас? — спросил Пер.

— Ха, здесь вам повезло. Ты отдал совершенно ясный и важный приказ, но твои люди не подчинились тебе. Лугалы могут сойти с ума, могут убить своего хозяина, но их природа не позволяет им не выполнить приказ. Если они не делают этого, то они настолько безумны, что не могут совершать последовательных действий. Между тем Мануэль действовал, и действовал успешно. Его стратегия сработала безупречно; к тому же ваши люди убивали не больше, чем это было необходимо, а сошедшие с ума лугалы так бы не поступили. Следовательно, вы не могли быть домашними животными, здоровыми или больными. А поэтому — вы дикие животные.

Мозг каннита — узкий мозг, как вы сами говорили; он не может представить третьего рога на голове быка. Поскольку вы доказали, что вы не лугалы, следовательно, вы милдиваны. Доказательство противоположного — то, что вы получали приказы или знания от бога — могло быть просто недоразумением.

Поняв это, Шивару решил, что поступил с вами нечестно. В глубине души он чувствовал себя ответственным за это. Вы сами говорили, что у милдиванов есть понятие о честности по отношению к другим милдиванам. К тому же он не хотел упустить возможность выгодной торговли с вами. Он убедил друзей, и они попытались исправить сделанное.

Ван Рийн в восторге потер руки:

— О-хо-хо! Какими отличными партнерами они будут для нас!

Мы некоторое время обсуждали эту возможность, пока дворецкий не объявил об обеде. Мануэль помог Перу встать.

— Мы проинструктируем всех, кто отправится на Каин, — сказал Пер. — Мы должны доказать, что мы не дикие животные, а люди.

— Но, капитан, — возразил Мануэль, высоко подняв голову, — мы же действительно дикие животные.

Ван Рийн остановился и некоторое время смотрел на нас. Потом он яростно покачал головой и, как медведь, побрел к прозрачной стене.

— Нет,— проворчал он.— Только некоторые из нас. Мы здесь, в этой комнате, действительно таковы,— пояснил Ван Рийн.— Мы поступаем так, потому что хотим или считаем это правильным. Никаких других причин, верно? Если нас превратить в рабов, будет не очень мудро давать нам оружие в руки.

Но как много в истории Земли было рабов, обремененных полным доверием своих хозяев! Были даже армии рабов, вспомните янычар! А сколько людей и сегодня в душе домашние животные? Они хотят, чтобы кто-нибудь другой сказал им, что нужно делать, и чтобы кто-нибудь другой позаботился о них и защитил их от других и от самих себя. Почему все подлинно свободные человеческие общества оказываются такими недолговечными? Не потому ли, что люди, подобные диким животным, рождаются так удручающе редко?

Он взглянул на город, который сверкал и мерцал бесконечными огнями под звездным небом, теряясь за горизонтом.

— Вы думаете, они действительно свободны? — воскликнул он и презрительно махнул рукой.

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

I

В покер не очень удобно играть втроем, поэтому экипаж разведывательно-транспортного корабля «Сквозь хаос» запрограммировал для игры компьютер. Расчет производился расписками. Приспособленный к среднему уровню игроков, компьютер на протяжении полета устанавливал равновесие в игре между членами экипажа, тем самым предупреждая возможные ссоры.

— Две карты,— сказал механический голос.

Дэвид Фалькейн сдал их, положив на экран сканера, приспособленного у конца стола в кают-компании. Рука, выдвинувшись из ящика, сгребла карты и унесла их внутрь. Внизу, в бронированном помещении в глубине корабля, мыслящие ячейки компьютера принялись оценивать новые варианты.

— Одну,— сказала Чи Лан.

— Благодарю вас, мне не надо,— пробормотал Адзель.

Фалькейн сдал себе три и зажал их в руке. Его дела улучшились: две тройки той же масти, что и его короли. У Адзеля, видимо, хорошие карты, так как он ничего не меняет, а Чи, вероятно, пытается собрать флеш одной масти: первый круг торговли, открытый компьютером, не внушал особого энтузиазма. Но Бестолочь — так экипаж прозвал компьютер — сам по себе...

Стальная рука добавила голубую фишку к груде лежащих на столе.

— Черт возьми! — воскликнула Чи. Ее хвост вытянулся вдвое против обычной длины, шелковистая белая шерсть встала дыбом на всем ее маленьком теле, она швырнула карты на стол с такой силой, что он зазвенел.— Чума на тебя! Ненавижу твои криогенные кишки!

Адзель невозмутимо удвоил ставку. Фалькейн вздохнул и сложил свои карты. Чи уже успокоилась, села на свой стул и начала по-кошачьи умываться. Фалькейн потянулся за сигаретой.

Бестолочь вновь повысил ставку. Драконья морда Адзеля не способна была менять выражение, за исключением резиновых губ, но его огромное тело, распростертое поперек всей каюты, напряглось. Он принялся изучать свои карты. Его размышления прервал тревожный звонок. Часть компьютера, всегда бывшая наверху, заметила что-то необычное.

— Я посмотрю,— сказал Фалькейн. Он встал и быстро пошел вниз по коридору, высокий, мускулистый молодой человек, светловолосый, синеглазый, со вздернутым носом и широкими скулами. Даже здесь, бог знает в каком количестве световых лет от ближайшего человека, он был одет в костюм, который оказался бы вполне уместным на каком-нибудь великосветском приеме. Он говорил себе, что обязан поддерживать традиции — младший сын барона — владельца богатого дома на Гермесе, в данный момент полномочный представитель Политехнической Лиги и все такое прочее, но дело было просто в том, что он еще не избавился от определенного тщеславия.

В штурманской рубке он взглянул на приборы. На экранах не было ничего необычного. Какого дьявола забеспокоились приборы наблюдения? Значительная доля мощности компьютера была занята игрой, поэтому сам корабль ничего не мог сказать ему. Может, лучше?.. Он сунул сигарету в рот и увеличил изображение.

На запад простиралось глубокое пурпурное небо, солнце навечно застыло в позднем полудне. Это был карлик класса K-0, примерно в одну десятую светимости Солнца — цвета догорающих углей. Однако на расстоянии в треть астрономической единицы видимый диаметр его почти в три раза превосходил солнечный, и оно давало почти столько же радиации. Сквозь тусклый свет в тонком разряженном воздухе были видны несколько других звезд. Спика на расстоянии в три парсека блистала, как бриллиант. Кроме звезд, на небе не было ничего, только стая крылатых животных с кожистыми крыльями, а над северным горизонтом — облако пыльной бури.

«Сквозь хаос» стоял на склоне холма, откуда открывался широкий вид на Чекору. Дно прежнего моря было окрашено в яркие цвета и усеяно низкими суккулентными растениями. Тут и там Фалькейн видел группы строений из ярко раскрашенных плетеных стеблей. Каждая группа была окружена каменной стеной для защиты жилищ и сельскохозяйственных факторий. Было начало весны, растения приобрели ярко-зеленый и золотистый цвет. Роши длинных стеблей, похожих на бамбук, самое близкое подобие земных растений, порожденное этим миром, раскачивались на ветру.

Склон холма был скалистым, выветренным, лишь несколько кустов росло между булыжниками. На вершине холма неясно вырисовывался крепостной вал Хайджакта. У подножия холма возвышалась сторожевая башня, соединенная с городской стеной туннелем. Рядом извивалась тянущаяся с востока грязная дорога. Фалькейн не видел ни одного туземца.

Нет, погоди. В трех или четырех километрах от корабля на дороге появилось облако пыли, и оно быстро приближалось. Фалькейн отрегулировал сканер. Перед ним, как на ладони, возникла вся картина.

С полдюжины икрананкийцев подгоняли своих зандаров. Большие, с коричневой шерстью, с толстым хвостом, двуногие животные взлетали по дуге. Коснувшись земли, они напрягали мускулы ног и прыгали вновь. Всадники потрясали копьями и саблями. Их клювы были широко раскрыты. Вероятно они что-то кричали. Ветер унес пылевую завесу, и Фалькейн увидел того, кого они преследовали. Он едва не проглотил сигарету.

— Нет,— услышал он собственный голос.— Этого не может быть. Готов поклясться, что этого не может быть.

Оцепенение прошло. Он повернулся и побежал на корму. При тяготении всего в шестьдесят процентов земного он двигался, как испуганная комета. Фалькейн ворвался в кают-компанию, с трудом затормозил и крикнул:

— Тревога!

Чи Лан перегнулась через стол и переключила компьютер на рабочую мощность. Адзель бросил последнюю ставку, положил карты и выпрямился.

— Что случилось? — с ледяным спокойствием, обычным для нее в момент тревоги, спросила Чи.

— Женщина,— выговорил Фалькейн.— За ней гонятся.

— Кто?

— Не я, черт возьми! Слушайте. Банда туземцев-всадников гонится за женщиной. Ее зандар кажется уставшим. Они схватят ее раньше, чем она доберется сюда, и бог знает что с ней сделают.

Пока Фалькейн говорил, Адзель украдкой взглянул на карты Бестолочи: полный дом! Он философски вздохнул, смешал карты и, вставая, сказал:

— Попробуем переубедить их. Чи, оставайся здесь.

Цинтианка кивнула и засемила на капитанский мостик. Адзель пошел за Фалькейном к нижнему люку. Его раздвоенные копыта стучали по палубе. У выхода человек застегнул оружейный пояс и сунул в карман плаща приемопередатчик, который успел захватить с собой. Они вышли.

Чтобы избежать задержки, они позволили себе уравнивать давление — снаружи оно было в три четверти земного на уровне моря, да и хотелось бы больше тепла и влаги. Сухой и холодный ветер ударил по слизистым оболочкам Фалькейна, понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза адаптировались. Адзель подхватил его двумя огромными роговыми руками и усадил к себе на спину, как раз за кентавровидным торсом. Все тело воденита, от головы до хвоста, было покрыто роговыми пластинами. В случае необходимости пластины сдвигались, образуя прекрасную защиту. Он ровным галопом поскакал по склону холма. Его мускусный запах охватил Фалькейна.

— Можно предположить, что появился еще один корабль, — сказал Адзель. Бас его был так ровен, словно он играл в карты. — Несчастный случай?

— Может быть, — ответил Фалькейн. — Хотя она очень странно одета. Возможно, сбежала от варваров. Нам намекали на войну в горах Супкадерта.

Он с трудом различал высочайшие пики этого хребта, протянувшегося вдоль восточного горизонта. Слева от него высились рыжевато-коричневые скалы, бывшие когда-то континентальным шельфом. Справа лежали зеленые поля Чекоры. За ними возвышался холм, на склоне которого их корабль сверкал, как острие копья. Но весь этот вид был давно знаком и смертельно надоед. Фалькейн уже соскучился по активным действиям — никакой опасности нет. Завидев Адзеля, эти бандиты тут же разбегутся по домам, к маме и папе.

Он чувствовал, как работают мышцы Адзеля: воздух гудел в ушах, гремел стук копыт. И вот Фалькейн уже ясно видел впереди девушку и ее преследователей. Резкие нечеловеческие голоса долетали до него. Девушка махнула рукой и пришпорила своего зандара в последнем усилии.

Икрананкийцы что-то кричали друг другу. Фалькейн уловил несколько слов на катандаранском языке. Один из них остановил своего зандара и отцепил висящий у седла самострел. Это было слабое оружие. Руки туземца вдвое слабее рук человека. Но стрелы, которые метал самострел, были заострены и летели далеко при уменьшенном тяготении. Туземец выстрелил. Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от распушенных по спине темно-рыжих волос девушки. Туземец, доставая другую стрелу, выкрикнул приказ. Еще два всадника отцепили свои самострелы.

— Дьяволы с Плутона! — крикнул Фалькейн. — Они хотят убить ее!

Склон холма был скалистым, выветренным, лишь несколько кустов росло между булыжниками. На вершине холма неясно вырисовывался крепостной вал Хайджакта. У подножия холма возвышалась сторожевая башня, соединенная с городской стеной туннелем. Рядом извивалась тянущаяся с востока грязная дорога. Фалькейн не видел ни одного туземца.

Нет, погоди. В трех или четырех километрах от корабля на дороге появилось облако пыли, и оно быстро приближалось. Фалькейн отрегулировал сканер. Перед ним, как на ладони, возникла вся картина.

С полдюжины икрананкийцев подгоняли своих зандаров. Большие, с коричневой шерстью, с толстым хвостом, двуногие животные взлетали по дуге. Коснувшись земли, они напрягали мускулы ног и прыгали вновь. Всадники потрясали копытами и саблями. Их клювы были широко раскрыты. Вероятно они что-то кричали. Ветер унес пылевую завесу, и Фалькейн увидел того, кого они преследовали. Он едва не проглотил сигарету.

— Нет,— услышал он собственный голос.— Этого не может быть. Готов поклясться, что этого не может быть.

Оцепенение прошло. Он повернулся и побежал на корму. При тяготении всего в шестьдесят процентов земного он двигался, как испуганная комета. Фалькейн ворвался в кают-компанию, с трудом затормозил и крикнул:

— Тревога!

Чи Лан перегнулась через стол и переключила компьютер на рабочую мощность. Адзель бросил последнюю ставку, положил карты и выпрямился.

— Что случилось? — с ледяным спокойствием, обычным для нее в момент тревоги, спросила Чи.

— Женщина,— выговорил Фалькейн.— За ней гонятся.

— Кто?

— Не я, черт возьми! Слушайте. Банда туземцев-всадников гонится за женщиной. Ее зандар кажется уставшим. Они схватят ее раньше, чем она доберется сюда, и бог знает что с ней сделают.

Пока Фалькейн говорил, Адзель украдкой взглянул на карты Бестолочи: полный дом! Он философски вздохнул, смешал карты и, вставая, сказал:

— Попробуем переубедить их. Чи, оставайся здесь.

Цинтианка кивнула и засемила на капитанский мостик. Адзель пошел за Фалькейном к нижнему люку. Его раздвоенные копыта стучали по палубе. У выхода человек застегнул оружейный пояс и сунул в карман плаща приемопередатчик, который успел захватить с собой. Они вышли.

Чтобы избежать задержки, они позволили себе уравнивать давление — снаружи оно было в три четверти земного на уровне моря, да и хотелось бы больше тепла и влаги. Сухой и холодный ветер ударил по слизистым оболочкам Фалькейна, понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза адаптировались. Адзель подхватил его двумя огромными роговыми руками и усадил к себе на спину, как раз за кентавровидным торсом. Все тело воденита, от головы до хвоста, было покрыто роговыми пластинами. В случае необходимости пластины сдвигались, образуя прекрасную защиту. Он ровным галопом поскакал по склону холма. Его мускусный запах охватил Фалькейна.

— Можно предположить, что появился еще один корабль, — сказал Адзель. Бас его был так ровен, словно он играл в карты. — Несчастный случай?

— Может быть, — ответил Фалькейн. — Хотя она очень странно одета. Возможно, сбежала от варваров. Нам намекали на войну в горах Супкадерта.

Он с трудом различал высочайшие пики этого хребта, протянувшегося вдоль восточного горизонта. Слева от него высились рыжевато-коричневые скалы, бывшие когда-то континентальным шельфом. Справа лежали зеленые поля Чекоры. За ними возвышался холм, на склоне которого их корабль сверкал, как острие копья. Но весь этот вид был давно знаком и смертельно надоед. Фалькейн уже соскучился по активным действиям — никакой опасности нет. Завидев Адзеля, эти бандиты тут же разбегутся по домам, к маме и папе.

Он чувствовал, как работают мышцы Адзеля: воздух гудел в ушах, гремел стук копыт. И вот Фалькейн уже ясно видел впереди девушку и ее преследователей. Резкие нечеловеческие голоса долетали до него. Девушка махнула рукой и пришипорила голоса зандара в последнем усилии.

Икрананкийцы что-то кричали друг другу. Фалькейн уловил несколько слов на катандаранском языке. Один из них остановил своего зандара и отцепил висящий у седла самострел. Это было слабое оружие. Руки туземца вдвое слабее рук человека. Но стрелы, которые метал самострел, были заострены и летели далеко при уменьшенном тяготении. Туземец выстрелил. Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от распущенных по спине темно-рыжих волос девушки. Туземец, доставая другую стрелу, выкрикнул приказ. Еще два всадника отцепили свои самострелы.

— Дьяволы с Плутона! — крикнул Фалькейн. — Они хотят убить ее!

Нервы Фалькейна были напряжены. Он сосредоточенно смотрел сквозь красноватую пыль, испытывая тревогу, словно стоял лицом к лицу с ближайшим туземцем.

Тот был около ста пятидесяти сантиметров ростом. Он напоминал бочкообразного, с осиной талией человека с невероятно длинными, тонкими конечностями. Все его тело покрывала коричневая шерсть. Он был теплокровным и всеядным, и его самка воспроизводила потомство живорождением, но, несмотря на все это, туземцы не были млекопитающими. Шея была тонкой, а голова, окруженная кольцом перьев, круглой, с бледными глазами, ослиными ушами и воробьиным клювом цвета янтаря. Ступни были обнажены, так что туземец тремя длинными пальцами ног мог держать стремя. На нем были брюки, оканчивающиеся чем-то вроде гамаш, кожаный нагрудник с металлическими наплечниками. На груди красовался зигзагообразный герб, с широкого пояса свисали кинжал и сабля. В левой руке пальцами с острыми ногтями он держал самострел, а правой рукой натягивал тетиву.

Фалькейн выхватил свой бластер и выстрелил вверх. Это было предупреждение. Луч, вырвавшийся из бластера, на мгновение ослепил туземца, помешав ему прицелиться. Девушка радостно вскрикнула.

Всадники за ее спиной рассеялись. Все они были одеты одинаково и вооружены. Семейный знак на груди каждого не был знаком Фалькейну. Их предводитель выкрикнул команду. Туземцы вновь собрались в группу и начали атаку. Стрела просвистела рядом с Фалькейном. Другая сломалась о защитные пластины Адзеля.

— Но... но... они решили убить и нас,— пробормотал воденит.

— Вперед! — крикнул Фалькейн. Он родился и вырос на аристократической планете, все еще нуждающейся в солдатах. «Вот когда пригодились тренировки, которыми нас донимали в юности»,— подумал он. Сузив луч бластера с целью получить наибольшую дальность, он свалил одного из зандаров.

Адзель поскакал вперед. Его массивное тело развило скорость в сто пятьдесят километров в час. Ветер вынудил Фалькейна прикрыть глаза. Вскоре Адзель был уже среди икрананкийцев. Первого всадника вместе с животным он сбил с ходу. За ним полетели еще двое. Хвостом он сбил четвертого. Остальные двое ударили по полю. Адзель затормозил и повернул обратно. Противники в панике бежали, пострадавшие, казалось, были неспособны двигаться.

— Ох,— сказал Адзель,— надеюсь, я не причинил им серьезного вреда.

Фалькейн пожал плечами — раса гигантов может позволить себе быть мягкосердечнее людей.

— Вернемся на корабль,— предложил он.

Девушка остановилась на дороге. Когда они приблизились к ней, она свистнула. На вкус Фалькейна она была излишне мускулистой. Но что за фигура! Высокая, плотная, длинноногая, с прямой спиной... а ее одежда оставляла открытой большую часть тела и состояла из сапог, достигающих икр, меховой юбочки, фуфайки, напоминающей блузку-безрукавку, и короткого голубого плаща. Вооружение у нее было таким же, как у туземцев: с седла свисал щит, а над рыжими волосами возвышался плоский шлем. Кожа у нее была очень белой. Черты лица отличались эллинской строгостью, смягченной большими серыми глазами и слегка широковатым ртом.

— Кто ты? — спросил Фалькейн. — И откуда ты, красавица?

Она, тяжело дыша, грациозным движением смахнула пот со лба. Адзель продолжал двигаться вдоль дороги. Девушка прищипорила своего зандара. Тот побрел рядом, слишком истощенный, чтобы испугаться своего необыкновенного соседа.

— Вы... вы... на самом деле из-за края мира? — спросила она. Ее английский отличался странным акцентом, которого он не встречал раньше.

— Да,— Фалькейн указал на корабль.

Она посмотрела в направлении его вытянутой руки.

— Хороший алгат,— слово было местным и означало нечто вроде «магия», «волшебство».

Обнаруживая незаурядное хладнокровие, она отыскивала взглядом своих врагов. Те восстановили боевой порядок, но не возобновили преследования. Один из них на целом и невредимом зандаре поскакал к дальнему склону холма, остальные медленно последовали за ним.

Девушка дотронулась до руки Фалькейна, как бы желая убедиться в его реальности.

— До нас доходили только слухи,— тихо сказала она.— Мы слышали, что странный земец прибыл на летающей колеснице, и император запретил приближаться к нему. Мы не знали никаких подробностей. Вы на самом деле из-за края мира? Может быть, с Земли?

— Я уже сказал «да»,— ответил он.— Но о чем ты говоришь? Кто такой «земец»?

— Человек. Разве ты не знаешь? Нас называют земцами в Катандаране,— она осмотрела его и как будто надела на себя какую-то маску. С медлительностью и осторожностью, причины

которых он не понял, она продолжила: — Наши предки пришли оттуда, с Земли, около четырехсот лет назад.

— Четыреста лет? — подбородок Фалькейна коснулся кадыка. — Но тогда еще не представлялся возможным полет в гиперпространстве...

— Очевидно, она имеет в виду икрананкийские годы, — сказал Адзель, которого было трудно удивить. — Позвольте подумать, с периодом обращения в семьдесят два стандартных дня... да, это составляет около семидесяти пяти земных лет.

— Но... я говорю... какого дьявола?

— Они летели в другое место, чтобы там стать... как же это называется? Их захватили грабители и высадили здесь... все пятьсот человек.

Фалькейн попытался привести свои мысли в порядок. Он смутно слышал слова Адзеля.

— А, да, несомненно, эскадра с Пиратских Солнц, улетевшая так далеко от своей базы в поисках хорошей добычи — большого корабля. Их не интересовал выкуп, но они поступили милосердно, найдя обитаемую планету и высадив на ней пленников, вместо того чтобы убить их, — он потрепал ее по плечу. — Не беспокойтесь, маленькая самка. Политехническая Лига давно уже доказала жителям Пиратских Солнц рискованность следования по такому пути.

Фалькейн решил, что должен успокоить девушку.

— Да! — согласился он. — Какая это будет сенсация! Как только мы сообщим на Землю, оттуда вышлют за вами корабль!

Она следила за ним с каким-то странно печальным выражением лица.

— Ты на самом деле земец... я хочу сказать, землянин?

— На самом деле я — гражданин Великого Герцогства Гермеса, а мои товарищи по экипажу с других планет. Но мы действуем от имени Земли. Меня зовут Дэвид Фалькейн.

— Стефа Карпс, лейтенант домашних войск... — она замолчала. — Сейчас дело не в этом.

— Почему эти туземцы гнались за тобой?

Она слегка улыбнулась:

— Я думаю, не все сразу. Нам так много нужно рассказать друг другу, правда?

Но тут выдержка оставила ее. Глаза девушки распахнулись шире, засверкала улыбка в пятьдесят мегаватт, она захлопала в ладоши и закричала:

— О какое чудо! Человек с Земли — мой спаситель!

«Что ж, — подумал Фалькейн, задетый за живое, — подождем». Он прекратил расспросы и просто смотрел на девушку, безмолвно

восхищаясь ее внешностью. В конце концов, он уже несколько недель не видел ни одного человека.

У корабля они привязали зандара к стабилизатору. Фалькейн подвел Стефу к трапу у люка. Чи Лан, подпрыгивая, встретила их.

— Что за чудесная кошечка! — воскликнула девушка.

Чи взорвалась. В некоторых отношениях она была подобна Белджагору.

— Если вы попытаете потрогать или погладить меня, девушка, то вряд ли сохраните свои пальчики в целости. — Она набросилась на товарищей: — Что, девять раз по девяти дьяволов, происходит?

— Разве ты не следила за схваткой? — поинтересовался Фалькейн. Под взглядом Стефы он решил держаться мужественно. — Думаю, мы хорошо поработали, гоня этих бандитов.

— Каких бандитов? — выпалила Чи. — Я отсюда видела, что они направились прямо в город. Если вы спросите меня, — если только у вас, безмозглых чурбанов, хватит рассудка спросить меня, я скажу: вы прогнали взвод солдат императора, с которым мы должны заключить договор.

2

Они двинулись в кают-компанию. Идти в город было опасно, там их могли обстрелять. Пусть придет Гудженджи и потребует объяснений. Тогда они сами потребуют, чтобы им многое объяснили.

Фалькейн налил себе и Стефе шотландского виски. Адзель взяла четырехлитровое ведро кофе; буддистская религия не запрещала ему пить вино, но ни один корабль, тем более с таким особым поручением, не смог бы вместить достаточного количества напитков для него. Чи Лан, на которую алкоголь не действовал, закурила слабую наркотическую сигарету в мундштуке из слоновой кости. Все они нуждались в разрядке.

Девушка, прищурившись, — она не привыкла к земному освещению — поднесла стакан к губам и выпила.

— Фф-у-у, — выдохнула она.

Фалькейн похлопал ее по спине. Ругательства, которые она выкрикивала в промежутках между кашлем и всхлипыванием, заставили его покраснеть.

— Наверное, вы утратили большую часть технических знаний за три поколения, — сказал Адзель. — У пятисот человек, включая детей, не может сохраниться достаточно знаний, чтобы под-

держивать современный уровень науки, а на корабле колонистов вряд ли была библиотека с микрозаписями.

Стефа посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Я всегда думала, что Великий Грантер — отъявленный лжец, — сказала она. — Но вот теперь вижу, что он мог в детстве видеть такое существо. Откуда вы?

Адзель действительно представлял собой внушительное зрелище. Включая хвост, его четырехлапое тело имело добрых четыре с половиной метра в длину, и руки, грудь и плечи были соответствующих размеров. Спину, бока и живот защищали костяные пластины; крокодилья голова сидела на метровой шее, уши были костяными, а глаза закрывались костяными же щитками. Но глаза эти были карими, большими и мудрыми, а сильно выдающийся назад череп вмещал двойной мозг.

— С Затлака, — ответил он. — На моем языке это значит Земля. Люди называют мою планету Воден. Ее так называли еще тогда, когда люди давали планетам земные названия. В наши дни планеты называют наиболее подходящим словом на туземном языке. Например, эту планету называли Икрананка.

— Вы хороши в схватке? — спросила Стефа. Она ухватила за рукоять кинжала.

Адзель заморгал.

— Пожалуйста, не надо. Мы очень миролюбивы. Мы так велики и хорошо защищены лишь потому, что Воден порождает гигантских зверей. Понимаете? У нас солнце типа Ф-5, в секторе Регула. Оно испускает столько энергии, что, несмотря на поверхностную гравитацию, в два с половиной раза превосходящую земную, природа наделена способностью создавать массивные тела и...

— Заткни свой фонтан, ты, болтающий варвар, — оборвала его Чи Лан. — У нас есть более важные дела.

Адзель едва не утратил спокойствия.

— Друг мой, — прорычал он, — очень невежливо чернить другие расы. Хорошо, что мой народ — простые охотники, и мы никогда не сражаемся друг с другом. А когда я учился планетологии на Земле, то заработал немало денег, исполняя роль Фафира в Сан-Францисской опере.

— ...а также выступая на парадах во время празднования китайского Нового года, — добавила Чи ядовито.

Фалькейн ударил кулаком по столу.

— Прекратите, вы, оба! — крикнул он.

— Но откуда в самом деле эта... гм... человек? — спросила Стефа.

— Со второй планеты Эридана-4,— ответил Фалькейн.— Ее назвали Цинтией в честь жена капитана.

— Я слышала, что на самом деле она не была его женой,— пробормотала Чи.

Фалькейн вновь покраснел и украдкой взглянул на Стефу. Но та не смутилась, а, принимая во внимание ее ругательства...

— Они достигли александрийского уровня технологии на одном континенте к тому времени,— сказал он,— и открыли научный метод познания. Но у них не было городов. Население постоянно курсировало, занимаясь торговыми операциями. Поэтому они очень хорошо ужились с Лигой...

Он понял, что и сам начал излишне много болтать, и замолчал.

Чи изящной шестипалой лапой смахнула пепел сигареты. Выпрямившись, она едва достигла девяноста сантиметров. Обычно она сидела на своих мускулистых длинных ногах и хорошо развитых передних конечностях. Голова у нее была непропорционально велика, кругла, с тупой черноносой мордочкой, аккуратными маленькими ушками и кошачьими усами. Если не считать темной полоски вокруг огромных, сверкающих золотом глаз, она вся была покрыта белой ангорской шерстью. Ее тонкий голос стал резким.

— Давайте начнем с выяснения вашего положения, фриледы Карпс. Нет, простите, лейтенант Карпс, не так ли? Я думаю, что ваши предки были высажены именно в этом районе.

— Да,— кивнула Стефа. Она теперь подбирала слова с возобновившейся осторожностью.— Вскоре они столкнулись с туземцами. Иногда столкновения оканчивались войной, иногда — нет, у людей больше силы и выносливости, чем у икрананкийцев. А здесь всегда идут войны. Лучше и легче быть солдатом, чем потеть на полях и шахтах, верно? С тех пор все земцы вступают в войска. Те, кто не может воевать, становятся квартирмейстерами и тому подобное.

Фалькейн увидел шрам на ее руке. «Бедное дитя,— подумал он с жалостью.— Это какая-то ошибка. Она должна была бы танцевать и флиртовать на Земле, со мной, например... Девушка — слишком мягкое и слабое создание, чтобы...»

Глаза Стефы сверкнули.

— Я слышала, как старики рассказывали о войнах за краем мира,— оживленно сказала она.— Мы унаследовали это!

— Что?

— Я хорошо сражаюсь, видели бы вы меня в битве при Джанохе. Ха! Они напали на нашу линию. Один заңдар наткнулся на мою пику. Я проткнула его! — Стефа вскочила на ноги,

выхватила саблю и взмахнула ею в воздухе.— Одним ударом я снесла голову всаднику. Он упал. Я повернулась и разрубила его соседа пополам, с глотки до кишок. Спешившийся всадник напал на меня слева. Я ударила его щитом прямо в клюв. Потом...

— Пожалуйста, перестаньте! — простонал Адзель и закрыл уши руками.

— Мы должны обсудить положение,— торопливо добавил Фалькейн.

Девушка протянула стакан, прося его наполнить. Она опять заговорила осторожно:

— Земцы поддерживали первого Джахаджи, когда рухнула старая империя. Они помогли ему сесть на Катандаранского Зверя, восстановили империю и расширили ее границы. С тех пор они служат в личной гвардии каждого императора и являются стержнем его войск. Позже некоторые из них были завоевателями Рангакоры в Субхардате, на востоке, на краю Сумерек. Это наиболее важное стратегическое место — отсюда можно стеречь дорогу, проходящую через горы. Вода, сбегаящая с гор, делает эту область богатейшей в Чекоре.

— К дьяволу вашу грязную геополитику! — прервала ее Чи.— Почему вас преследовали солдаты императора?

— Гм... я не уверена,— Стефа в наступившем молчании отпила из стакана.— Может быть, вы лучше вначале расскажете о себе? Возможно, тогда мы поймем, почему Джахаджи III держит вас здесь, а не в Катандаране. Или вы знаете это?

Адзель покачал своей громадной головой.

— Нет, мы не знаем,— ответил он.— В сущности, мы и не подозревали, что с нами запрещено встречаться. Правда, кое-какие подозрения были: казалось несколько странным, что нас до сих пор не пригласили в столицу и что так мало туземцев приходит взглянуть на наш корабль. Когда мы совершали облет на флиттере, то заметили вокруг на некотором расстоянии укрепления. Затем Гудженджи заявил, что нам нельзя летать. Он сказал, что это зрелище вызывает слишком большую панику. Не хотелось бы обвинять его, но причина запрета кажется мне незначительной.

— Согласно приказу императора, вы отгорожены от всех,— сказала Стефа.— В Хайджаку запрещен доступ всем иногородним, и никто не смеет покинуть этот район. Это вредит торговле, но... — Фалькейн уже собирался спросить, почему девушка нарушила запрет, когда она сказала:— Ответьте мне, как вы оказались здесь? Почему вы вообще прилетели на Икрананку?

— Она лжет,— прошептала Чи на принятом в Лиге латинском языке.

— Знаю,— ответил ей Фалькейн тоже по-латински.— Но можно ли обвинять ее? Мы, незнакомые пришельцы, а последний контакт, который ее народ имел с галактической цивилизацией, был с пиратами. Мы должны быть добрыми и постараться доказать ей, что действительно хотим добра.

Чи взмахнула руками.

— О космос,— простонала она.— Будьте вы прокляты с вашими стадными инстинктами!

Фалькейн повернулся к ней спиной.

— Простите нас,— сказал он по-английски Стефе.— Мы обсуждали... хм... личные проблемы.

Стефа улыбнулась, взяла его руку и наклонилась так, что он ощутил ее дыхание.— Я понимаю, Дэвид... Прекрасное имя — Дэвид. И вы из-за края мира! Я страшно хочу услышать что-нибудь от вас!

— Ну,— начал, заикаясь, Фалькейн.— Мы — торговые разведчики. Ищем новые рынки,— он надеялся, что его ухмылка выглядит не глупой, а скромной.— Я...

И, не выдавая основных тайн, он пустился в объяснения.

...Николас Ван Рийн встал из-за стола и побрел к прозрачной стене своего офиса. С огромной высоты он одним взглядом мог охватить путаницу городских башен, зеленых парков и скверов. Некоторое время он стоял, пыхтя сигарой, потом, не оборачиваясь, сказал:

— Да, черт побери, кажется, в вашем проекте есть хорошее зерно, что обещает неплохую прибыль. И вы как раз тот человек, который может осуществить это дело. Я за вами слежу с того момента, когда впервые о вас услышал,— из-за той истории на Айвенго. Вы тогда были, простите за выражение, молокососом. Теперь вы получили удостоверение мастера Лиги и можете неплохо поработать для Солнечная компания «Пряности и напитки». А я, одинокий и толстый старик, нуждаюсь в хороших работниках. Если вы привезете домой хорошую яичницу с беконом, я прослежу, чтобы вы стали богатым.

— Да, сэр,— пробормотал Фалькейн.

— Вы пришли поговорить о том, что любите открывать новые места, где есть возможность покупать новые товары и продавать туземцам наши, пока еще они не слишком слышаны о рыночных ценах. Отлично! Только я считаю, что вы способны на большее, мой мальчик. Я об этом думал долгими ночами, когда, ворочаясь с боку на бок, не мог заснуть из-за беспокойных мыслей.

Фалькейн воздержался от замечания, что всем известна светловолосая и изящная причина ночной бессонницы торгового принца.

— Что вы хотите сказать, сэр? — спросил он.

Ван Рийн потянул себя за эспаньолку и принялся внимательно разглядывать Фалькейна своими маленькими глазками, близко посаженными к крючковатому носу.

— Скажу вам по секрету, — проговорил он, наконец. — Вы не выдадите мою тайну, а? У меня так мало друзей; если вы разобете мое старое сердце, я собственноручно сломаю вам шею. Понятно? Хорошо, хорошо. Мне нравятся парни, которые так хорошо все понимают. Когда Лига отыскивает новую планету, все устремляются туда и начинают перерезать друг другу глотки. Вы считаете, что сможете в этом участвовать. Но нет, вы слишком молоды, слишком чувствительны. К тому же вы не являетесь известным космическим капитаном, и по вашим следам еще не идут шпионы. Поэтому... для Солнечной компании «Пряности и напитки» вы отправитесь открывать наши собственные планеты! — он подошел и ткнул большим пальцем Фалькейна в ребро. Молодой человек вздрогнул. — Как вам это нравится, а?

— Но... но... ведь это...

Ван Рийн извлек бутылку из холодильника, наполнил стаканы и объявил:

— Галактика — даже тот крошечный участок спирального рукава, который мы эксплуатируем, — невероятно огромна. В поисках объектов для возможной колонизации космические путешественники пропустили буквально миллионы планет, показавшихся им неинтересными. Многие из них даже не занесены в каталоги. Если не возникнут особые обстоятельства, они останутся неизвестными еще в течение тысячелетий. Но, по законам статистики, мы можем предсказать, что тысячи из них потенциально ценны для нас как рынки сбыта и как источники новых экзотических товаров. Вместо эксплуатации открытых планет почему бы не поискать новые... и сохранить свое открытие в тайне так долго, как это будет возможно?

Будет избран сектор, в котором межзвездные сообщения еще слабы, например, сектор Спики. Будет основана База — оттуда в сотнях направлений отправятся маленькие автоматические разведчики. Обнаружив планету, они со стандартной орбиты произведут наблюдения поверхности и, если найдут что-то обнадеживающее, сообщат на Базу. Тогда отправятся экипажи торговцев-разведчиков, чтобы взглянуть на ту или иную планету вблизи. Они соберут соответствующую информацию, приземлятся

на планету, заключат торговый договор и известят об этом Ван Рийна.

— Трех членов экипажа, я думаю, будет достаточно,— продолжил он.— Чем их меньше, тем больше комиссионные. Вы — мастер Лиги, умеющий сопоставлять уровни материальной культуры и находить нужное решение, планетолог и ксенолог. А они будут негуманоидами, обладающими различными способностями; к тому же в таких экипажах меньше почвы для взаимных стычек. Я понимаю, лучше лететь вдвоем с хорошенькой девушкой, но когда вы вернетесь... ха-ха! — вы свое наверстаете. Или даже раньше. Я приглашаю вас на мою следующую маленькую оргию, мой мальчик, если вы беретесь за эту работу.

— ...Так вы установили, что здесь есть цивилизация, использующая металл,— кивнула Стефа.— Конечно, не вы, а ваши роботы — ох, я никогда не верила Великому Грантеру, когда он толковал о роботах! — так вот, ваши роботы не видели нас, немногих земцев. Но почему они сообщили вам, что этой планетой стоит заняться?

— Любая землеподобная планета представляет значительный интерес,— ответил Фалькейн.

— Что? Эта планета подобна Земле? Великий Грантер...

— Любая планета, где человек может жить без специального снаряжения, называется землеподобной. Они совсем не одинаковы во всем: по физическим условиям, биохимии, экологии... но не в этом дело. Икрананка имеет множество отличий от Земли: масса — 0,394 земной, плотность — 0,815, диаметр — 0,783. И хотя солнце слабое, зато орбита проходит ближе к нему. Разумеется, приливное действие привело к тому, что одно полушарие постоянно обращено к солнцу. Но медленное вращение вокруг оси означает слабое магнитное поле, откуда сравнительно слабое взаимодействие с заряженными частицами, которых звезда типа красного карлика производит немного. Поэтому планета сохраняет относительно плотную атмосферу. К сожалению, большая часть воды в этом случае переходит на холодную сторону. Но на это требуется время, за которое успевает развиться и адаптироваться жизнь, основанная на протеинах и водных растворах.

— Но что вам здесь нужно?

— Многое. Роботы принесли изображения и образцы: пару новых опьяняющих напитков, несколько антибиотиков и потенциальные пряности, несколько видов драгоценных металлов и, несомненно, еще многое... К тому же это хорошо развитая

цивилизация, способная собирать подобные товары для нас в обмен на вещи, которые она вполне способна оценить.

Чи облизнула губы:

— А какие комиссионные!

Стефа вздохнула:

— Я хотела бы, чтобы вы говорили только по-английски. Но я верю вам. Почему вы приземлились в Хайджакте? Вы должны были знать, что самый большой город — Катандаран.

— На первых порах пришельцам из космоса приходится очень сложно, и не стоит с самого начала лезть в гущу толпы, — ответил Фалькейн. — Мы решили сначала в этом глухом месте изучить местный язык, обычаи и окружающую обстановку. Процесс обучения с применением современных электронных новинок пошел быстрее. А император, прознав о нас, прислал в качестве специального инструктора Гудженджи. Мы недавно решили направиться в столицу, но, услышав об этом, наш учитель начал находить множество причин для отлагательства. Так продолжается уже три или четыре недели.

— Сомневаюсь, чтобы мы на деле узнали многое, — пробормотала Чи.

— Что такое неделя? — спросила Стефа.

— Послушайте, женщина, вы вовлекли нас в неприятности, которые могут стоить рынка.

— Что за глупости! — нетерпеливо воскликнула девушка. — Завоюйте их!

— Крайне аморальное занятие, — нахмурился Адзель. — К тому же не соответствует нашей политике: это экономически невыгодно.

— В конце концов, дойдем мы до сути, вы, болтуны? — разозлилась Чи. — Почему солдаты преследовали вас, Фриледы?

Раздался телефонный звонок, компьютер из громкоговорителя сообщил:

— Со стороны города приближается отряд.

3

Фалькейн решил, что лучше быть вежливым и встретить императорского посланника-инструктора у люка. Он выразительно пододвинул бластер вперед, ближе к руке.

Стоя в ожидании, он смотрел на стены на вершине холма. Они были сложены из камня без применения штукатурки: вода

здесь была слишком дорогой, чтобы использовать ее при кладке. Зубчатая стена с башнями по углам окружала несколько десятков деревянных зданий. Хайджакта была главным образом торговым центром для местных фермеров и проходящих мимо караванов. Здесь стоял сравнительно небольшой гарнизон. Северные плоскогорья давно были очищены от варваров, населяющих пустыни, как объяснил Гудженджи, поэтому Фалькейн предположил, что войска содержатся преимущественно на случай восстания. То, что он уже знал об икрананкской истории, внушало тревогу. «Это добавочное затруднение для нас,— думал он беспокоило.— Старый Ник не станет вкладывать деньги в это предприятие, пока тут не будет достаточно устойчивой социальной структуры, способной сохранять и поддерживать условия торговли. А Катандаранская империя кажется единственно подходящей для этой роли на всей планете. Не будет торгового поста на Икрананке — не будет комиссионных для меня. Что за веселую, беззаботную жизнь ведем мы, разведчики!» Его взгляд скользнул по дороге и сфокусировался на приближающемся отряде. В нем было несколько дюжин солдат в кожаных нагрудниках, вооруженных до зубов, — между прочим, зубов-то у них как раз и не было, — самострелами и большими неуклюжими алебардами. Костюмы украшало причудливое изображение фратрии Тирут — к ней относились все воины гарнизона. Во главе отряда гордо гарцевал Гудженджи. Он был сравнительно высок для икрананкийца, тош, его синевато-черная шерсть поседела, очки в золотой оправе забавно восседали на его клюве. Алый плащ ниспадал к ногам, на плаще был крест — знак императорской фратрии Деодакх. С украшенного кисточками пояса свисал длинный кинжал. Фалькейн до сих пор не видел ни одного взрослого туземца без оружия.

Фалькейн опустил руки и склонил одно колено: таково было местное приветствие.

— Благороднейшему Гудженджи и его родственникам — привет! — нараспев произнес он ритуальную фразу. Он никогда не был способен правильно произносить звуки местного языка — его речевой аппарат не был приспособлен к ним, а грамматика соответствовала фонетике. Но сейчас он говорил сравнительно гладко.

Гудженджи не воспользовался формулой «Мир между нашими родами», он сказал просто «Поговорим», что означало серьезный повод для разговора, но надежду обойтись без кровопролития. И он жестом отогнал злых духов, чего никогда не делал раньше.

— Прошу оказать честь моему дому,— пригласил Фалькейн. В местном языке не было слова «корабль», а слово «повозка» показалось ему неподходящим.

Гудженджи оставил сопровождающих у люка и неуклюже взобрался по трапу.

— Я хотел бы более подходящее освещение, — попросил он. Так как он видел волны света, короче желтых, хотя его видимый спектр включал и инфракрасные лучи, освещение было слишком тусклым для него. Глаза икрананкийца с горизонтально расположенными зрачками не способны адаптироваться во тьме, что вряд ли необходимо на постоянно обращенном к Солнцу полушарии.

Фалькейн повел его в кают-компанию. Всю дорогу Гудженджи ворчал: это место слишком жаркое, здесь плохо пахнет, а воздух сырой, и не может ли Фалькейн дышать в сторону. Икрананкийцы не выдыхают водяные пары — то, что производит их метаболизм, поступает обратно в кровеносную систему. Наконец он остановился у входа в кают-компанию, напрягся и поправил очки.

— Значит, вы на самом деле дали ей убежище! — прохрипел он. Стефа схватилась за саблю.

— Нет, нет, — возмутился Адзель, кладя ей на руку свои неодолимо сильные пальцы. — Разве хорошо так делать?

— Садитесь, благороднейший, — сказал Фалькейн. — Хотите выпить?

Гудженджи принял приглашение выпить шотландского виски с явным оживлением. В этом отношении икрананкийцы похожи на людей.

— Я считал, что вы пришли, как друзья, — заявил он. — Надеюсь, это происшествие получит удовлетворительное разьяснение.

— Конечно, — сказал Фалькейн более сердечно, чем на самом деле чувствовал. — Мы увидели, что эту женщину моей расы преследуют незнакомцы, которые, как мы считали, были разбойниками. Естественно, мы предположили, что она с моей планеты.

Чи выпустила кольцо дыма и добавила шелковым голосом:

— Тем более что вы, благороднейший, никогда не упоминали, что на этой планете существуют поселения людей.

— Ак-крр, — прокашлялся Гудженджи. — Мне нужно было так много объяснить вам...

— Но вы, несомненно, понимали, что это нас заинтересовало бы, — настаивала Чи.

— ...для вашей собственной пользы...

— ...благороднейший, мы огорчены и обижены...

— ...это всего лишь особая фратрия солдат...

— Очень важная для империи, с которой мы хотели торговать, основываясь на взаимном доверии.

— ...она нарушила приказ императора...

— Какой приказ? Мы что, изолированы? О благороднейший, это второе прискорбнейшее открытие. Мы начинаем сомневаться, можно ли вообще вам верить. Возможно, наше присутствие нежелательно? Мы можем и улететь, вы знаете. Мы никому не хотим навязываться и навязывать наши товары.

— Нет, нет! — Гудженджи уже убедился в достоинствах предлагаемых образцов товаров, начиная с синтетических тканей и кончая химическим огнестрельным оружием. Каждый раз, думая об оружии, он тяжело дышал. — Это просто...

— Если быть откровенными, — сказала Чи, — наше отсутствие не может быть долгим. Мы расскажем дома об этих земцах, и наши люди позаботятся об отправке их на планету с более подходящим климатом. Нашим владыкам на Земле не понравится, что Катандаран хранил в тайне информацию об этих бедных земцах. Быть может, с ними плохо обращаются? Боюсь, что это произведет на Земле плохое впечатление.

Фалькейн слишком сосредоточился на попытке сдерживать смех, чтобы вволю насладиться зрелищем поражения Гудженджи. Он и не думал серьезно о возвращении земцев: это подняло бы стоимость экспедиции до Андромеды. Придется хранить неожиданное открытие в тайне.

Может быть?.. Нет. Он взглянул на Стефу, сидящую на краю стула, гордо выпрямившись. Свет играл в серых глазах и в рыжих волосах, подчеркивал округлость ее тела. Он не предавал девушку своим молчанием: это было бы бесполезно. Как только торговцы начнут прибывать сюда, они все равно узнают обо всем, и какой-нибудь разговорчивый ублюдок обязательно проболтается.

Гудженджи дрожащей рукой поправил очки, извлек какой-то листок и уставился в него.

— Я должен известить императора, — сказал он. — В самом деле должен. Но... в сложившихся условиях... возможно, мы сможем прийти к взаимопониманию.

— Надеюсь на это, — заявил Адзель.

— Дело в том, — объяснил Гудженджи, — что незадолго до вашего прибытия... ак-кпр... возникла неприятная ситуация. Император завоевал Субхардат, — в катандаранском языке не было неискренних слов типа «умиротворение». — Ключ ко всему району — город Рангакора. Он сильно укреплен, его трудно захватить, поэтому император привлек свои первоклассные войска — земцев — для помощи при штурме под общим командованием... Б... Б...

— Боберта Торна,— коротко сказала Стефа, выделяя губные согласные.

— Они действовали успешно...

— Вам следует благодарить ее,— сказала Чи.

Гудженджи выглядел смущенным и явно нуждался в дополнительной выпивке.

— Они действовали успешно,— заставил он себя продолжать.— Но потом — х-фф... Тон решил, что здесь может быть основа его собственного королевства. Он и его люди... хм... они отбросили наши войска и заняли город. С тех пор они там и находятся. Мы... хм... с тех пор мы не сумели их... хм... удалить. В то же время земцы, оставшиеся в столице, начали волноваться. И тут появились вы, принадлежащие к той же расе, а может, и к той же фратрии! Стоит ли удивляться, что император действовал... хм... если можно так сказать, с осторожностью?

— Так вот оно что! — изумленно сказал на это Фалькейн.

Стефа некоторое время сидела в молчании, лишь нарушаемом шумом воздуха, гонимого вентилятором, нетерпеливым постукиванием о стол мундштука Чи и астматическим дыханием Гудженджи. Она хмурилась, глядя вниз и обхватив рукой подбородок. Наконец, она приняла решение, выпрямилась и сказала:

— Да, правда, это обидело земцев в Катандаране. Они поняли, что находятся под подозрением. Если подозрения императора будут слишком велики, он может постараться даже уничтожить нас. Не думаю, чтобы это было мудро с его стороны — кто может рассчитывать выйти живым из этой схватки? — но мы не хотим разрывать империю на части. В то же время мы не должны забывать и о себе. Так, до нас дошли слухи о пришельцах. Теперь вы знаете, что доступ сюда был закрыт, но хайджактцы разнесли новость еще до того, как был наложен запрет. Да еще и сейчас какой-нибудь крестьянин время от времени проскальзывает между постами. Мы в Железном Доме решили узнать, что означают эти слухи. Иначе мы были бы подобны слепым на горной дороге. Я решила добраться до этого места. Это была моя собственная идея, клянусь вам. Никто не знает об этом. Но патруль обнаружил меня.

Гудженджи не ухватился за очевидную возможность произнести речь о верности и подчинении приказам. Или в этом не было смысла? Много раз на протяжении этих недель Фалькейн видел, что икрананкийцы испытывают верность лишь к своим фратриям, а все остальное является для них лишь вопросом выгоды.

Но погоди!

Возбужденный, он вскочил на ноги. Гудженджи схватился было за меч, но Фалькейн начал бегать взад и вперед по каюте. Наконец он сказал:

— Эй, все это может обернуться хорошей возможностью для нас. Ваш император напрасно подозревал нас. Мы торговцы. Ведь в наших интересах сохранение прочного государства, с которым мы могли бы иметь дело. Оружие нашего корабля может разрушить любую стену: мы возьмем штурмом для императора Рангакуру.

— Нет! — воскликнула Стефа. Она вскочила на ноги, в ее руке сверкнула сабля. — Ты грязный, мерзкий...

Фалькейн помолчал, ожидая, когда она затихнет в объятиях Адзеля, потом спросил:

— Но что здесь неправильного? Разве вы не на стороне императора?

— Прежде чем позволить вам убить тысячу земцев, — ответила она сквозь зубы, — я... — и она пустилась в долгое, насыщенное анатомическими подробностями описание того, что сделает с Дэвидом Фалькейном.

— О, вы не поняли, — пытался он возразить. — Я никого не собирался убивать. Всего лишь обрушить одну-две стены и напугать весь гарнизон.

— Тогда об этом позаботятся солдаты императора Джахаджи, — мрачно сказала она.

— Хм... мы защитим их. Заключим соглашение.

— Послушайте, — вмешался Гудженджи, — только император имеет право...

Фалькейн объяснил ему, куда император может сунуть свои права, но сказал он это по латыни. На катандаранском же он заявил:

— Амнистия земцам является условием нашей помощи. С гарантией и охранным свидетельством. Не думаю, что это слишком высокая плата, но решать будет император. Мы полетим к нему и обсудим это дело.

— Нет, подождите! — воскликнул Гудженджи. — Вы не можете...

— А как вы собираетесь нас задержать, вы засоня? — насмешливо спросила Чи.

Гудженджи пустился в спор. Император будет недоволен нарушением его приказа. В Катандаране нет подходящего места для посадки корабля. Население неспокойно, и прилет корабля может вызвать волнения. И так далее, и тому подобное.

— Лучше пойдем на компромисс, — прошептал Адзель. — Высокомерие порождает сопротивление.

После долгих колебаний Гудженджи согласился, что в сложившейся ситуации можно допустить полет, но не на корабле, а на флиттере. Он сравнительно невелик и может незаметно приземлиться в королевском саду. А посылка гонца в Катандаран действительно займет очень много времени.

— К тому же корабль останется здесь,— добавила Чи.— Он может вмешаться, если у нас будут неприятности.

— У нас будут неприятности? — спросил Адзель.

— Не думаете ли вы, что я соглашусь находиться в этой пыльной атмосфере? К тому же я ничем не смогу помочь. Я здесь буду спокойно изучать записи, слушать музыку, пока вы там будете обделывать свои дела.

— Если ты будешь слушать то, что называется цинтианской музыкой, я, несомненно, полечу.

— Мы отвезем вас домой,— предложил Фалькейн Стефе.

Она вскочила было, но потом села с застывшим лицом.

— У вас не будет неприятностей?

— Н-н-нет,— сказала она по-английски (Гудженджи не знал этого языка).— Мои товарищи по казарме скроют мое отсутствие, даже если не поймут его причин. Это нетрудно сделать: глупые икрананкийцы считают, что невозможно отличить одного земца от другого. Но мы должны... Я хочу сказать, что не должна была покидать город. Я не могу появиться открыто, а если полечу с вами, меня заметят,— она немного подумала.— Вы быстро приземлитесь прямо перед входом в Железный Дом, и я вбегу в него. Если вас спросят о причинах посадки, вы ответите, что ошиблись местом.

— Почему вы не хотите, чтобы вас заметили?

— Мне это не нравится,— она приблизилась к Фалькейну и схватила его за руку.— Пожалуйста, Дэвид. Вы были для меня таким хорошим другом.

— Но...

Она прослезилась:

— Я надеялась, что мы подружимся еще больше.

— Ну ладно, черт побери!

Подготовка закончилась быстро: Фалькейн надел теплые брюки, куртку, сапоги, белый плащ и украшенную драгоценными камнями шляпу, лихо надвинув ее на брови. С его пояса свисали бластер — парализующее оружие — и сканер. В нагрудный карман он сунул приемопередатчик: ионосфера планеты позволяла осуществлять связь между кораблем и Катандараном. Он захватил с собой чемодан с запасным оборудованием, одеждой и подарками для императора. Адзель взял лишь коммуникатор, повесив его на шею.

— Мы будем регулярно вызывать тебя, Чи,— сказал Фалькейн.— Если в течение восьми часов с момента отлета от нас не будет известий, выводи гравитежку и лети к нам на помощь.

— Не понимаю, чего вы беспокоитесь,— пробормотала Чи.— Эта проклятая женщина испортила все наше дело.

— Секретный агент? Нет, не думаю. Но даже если узнают конкуренты, старый Ник успеет немало выкачать с этой планеты, из этой империи. К тому же мы не можем допустить кровопролития.

— А почему бы и нет? — она фыркнула.— Ну ладно. В ваше отсутствие я продолжу беседы с Гудженджи. Чем больше информации мы получим, тем лучше.

Императорский посланник уже удалился в город со своим эскортом. Но на парапетах Хайджакты примостились туземцы, собравшиеся посмотреть на взлет.

— Ох,— Стефа охнула при взлете и схватила Фалькейна за руку. Он удержался от соблазна проделать несколько акробатических фигур в воздухе и направился прямо на северо-запад в Катандаран. С орбиты были сделаны отличные карты, а Гудженджи указал ориентиры, которые встретятся в пути.

Под ними километр за километром пронеслась Чекора. Они летели над бесконечными красно-зелеными полями, низкими кустарниками, иногда попадался караван грузовых четвероногих карикотов под охраной воинов на зандарах.

— Это мехкеджи,— заметила Стефа.— Их фратрия занимается перевозкой товаров в этих местах.

Адзель, разделяющий их своим массивным телом, чему Фалькейн вовсе не радовался, спросил:

— Разве торговля — семейное дело?

— Да,— ответила Стефа.— Тот, кто рождается во фратрии мехкеджи, становится караванщиком. Все деодакхи были охотниками до того, как захватили Катандаран. Теперь они чиновники. Тируты и другие, например мы — земцы,— солдаты. Рахинджисы — писцы, и так далее.

— Но, допустим, кто-нибудь не способен заниматься семейным делом?

— О, в каждой фратрии есть множество и других занятий. Главное занятие наиболее почетно. Но кто-то заботится и о фермах, если фратрия владеет ими, и так далее. Вы ведь не стали бы передавать дело чужакам, верно? К тому же молодежь, еще не посвященная в секреты фратрии, может покинуть ее и примкнуть к другой, если та другая фратрия согласна. Это одна из причин того, почему мы, земцы, держимся так обособленно. Мы не можем вступать в браки с икрананкийцами,— Стефа

хихикнула и сделал неприличный жест, — так что вынуждены оставаться со своими. С другой стороны, по той же самой причине, мы вполне можем доверять своей молодежи — ей некуда идти, поэтому мы рано приобщаем их к делам взрослых.

— Вероятно, многие фратрии очень древние?

— Да, королевства приходят и уходят, ни одно из них не продержалось дольше нескольких поколений, но кровное родство держится долго.

Ее слова укрепили Фалькейна в его выводах. Они подтвердили прочно укоренившуюся приверженность к своему клану, что беспокоило Фалькейна. Если эта приверженность уже стала инстинктивной, в таком мире трудно будет вести торговлю. Но вот если ее нарушить, если икрананкийцы способны испытывать верность к чему-то большему, чем кучка семейств...

На горизонте показался Катандаран. Город более чем на двести километров отстоял от Хайджакты, которая, в свою очередь, находилась на полпути к Рангакоре. Империя простиралась далеко на восток и на юг по плодородной Чекоре. С северо-запада извивалась река Джанджех — серебряная нить, окруженная поясом растительности, которая светилась на фоне темных восточных холмов и коричнево-красных пастбищ. Там, где река огибала бывший континентальный шельф и вливалась в широкое заболоченное озеро Урши, был построен Катандаран. Это был производивший определенное впечатление город с полмиллионным населением. В нем одна за другой прошло множество цивилизаций, как в Риме и Константинополе, Пекине и Мехико. Каждая добавляла свою долю стен, башен и зданий, и теперь крепостная стена окружала путаницу всевозможных строений, сложенных преимущественно из камня. Древними были эти камни, древними были улицы, извивающиеся между серыми прямоугольниками мрачных фасадов. Только в дальнем конце города, расположенном на возвышенности, стояли строения, не иссеченные в течение тысячелетий песком пустыни, — мраморные, покрытые медными куполами, украшенные абстрактной мозаикой здания — резиденция новых правителей. И этот район, подобно районам, облюбованным прежними властителями, был обнесен стеной, защищающей господ от черни.

При помощи сканера Стефа познакомила Фалькейна с местностью, находящейся в огромном удалении от флиттера. Фалькейн перешел на режим снижения, засвистел ветер. В самый последний момент он включил антигравитацию, и флиттер мгновенно замер над самой землей.

— До встречи, Дэвид... мы обязательно с тобой встретимся, — Стефа прижалась к нему губами. Кровь ударила ему в лицо, он

вдохнул странный тревожный запах ее волос. Девушка стремительно выскочила из люка.

Земцы размещались в огромном здании поблизости от дворца. Оно выходило на вымощенную булыжниками площадь, так же, как и построенные вокруг дворца дома богатеев. Здание имело единственный вход. Но какие-то воспоминания о Земле навевало созерцание заостренной железной крыши, остроконечных коньков, украшенных головами чудовищ, даже железной двери. Несколько икрананкийцев глуповато усталились на флиттер. Часовые у входа в казарму, огромного роста бородачи в кольчугах из цепей, в позолоченных и украшенных плюмажами шлемах, в плащах, развеваемых ветром, после недолгого оцепенения схватились за оружие и закричали. Стефа подбежала к ним.

Фалькейн взлетел. Он успел увидеть, как Стефа скрылась в здании.

— Летим к императору,— сказал он.— Надеюсь, там сначала спрашивают, а потом стреляют.

4

В помещении для гостей зазвенел колокольчик.

— Войдите,— сказал Фалькейн.

Слуга в облегающей ливрее отодвинул толстый занавес, служивший входной дверью в этой бедной деревом стране. Он поклонился и объявил, что император желает видеть посланцев «Политехнолиги». Его манеры были вежливыми, но лишены раболепности, и он не использовал никаких особых титулов для правителя, как, например, «его Величество» или «его Могущество». Система наследственности семейных занятий не способствовала образованию кастовой иерархии. Поддерживаемый своей фратрией, привратник был так же горд и независим, как солдат или писец.

— Мой товарищ отсутствует,— сказал Фалькейн,— но я могу действовать и один.

«Как действовать,— думал он про себя.— Мы уже с неделю как заглушили моторы флиттера. Может, один из курьеров, что спешат взад и вперед, несет приказ сжечь нас живьем? Но надо идти. Я буду действовать, буду действовать, буду действовать».

Он отправился переодеваться по случаю приема у императора. Комнаты, предоставленные ему, были просторны, но с низкими

потолками, и на туземный манер роскошны. К сожалению, он не разделял эстетических воззрений туземцев. Ему нравились украшающие стены великолепные меха, особенно когда он думал, сколько бы они могли стоять на Земле. Но фресками он не мог любоваться, и не только из-за неискусности местных художников: половина цветов ему казалась сплошной чернотой. Голый пол был всегда холоден. И он не мог удобно устроиться на диване или в кровати, предназначенных для икрананкийцев.

С балкона третьего этажа открывался вид на дворцовый парк. Он был похож на старояпонский сад: скалы, низкие угнетенные растения, необыкновенные фонтаны, журчащие внутри стеклянных колонн, чтобы избежать испарения. За окружающими парк стенами были видны лишь крыши ближайших зданий. На западе сквозь пыльную завесу утомленно светило оранжево-малиновое солнце. «Еще одна буря,— подумал Фалькейн,— новая беда для скотоводов».

Неделя в императорском дворце могла быть интересной, если бы империя была человеческой, и к тому же декадентской, упадочной. Катандаран не был ни тем, ни другим. В отчаянии Дэвид пытался совершенствоваться в туземном языке, читая то, что было объявлено величайшим эпосом в мире. В нем было больше повторов и многословия, чем в библии. Он включил передатчик.

— Алло, Адзель,— сказал он по-латыни.— Как дела?

— Мы находимся у входа в нечто, похожее на таверну,— послышался голос воденита.— Как свидетельствует надпись, это дворец утонченных наслаждений и крепкой выпивки.

— О боже! А я остался дома. Послушай, меня вызывает большое красное колесо. Вероятно, для новых вопросов и отсрочек решения, но никогда нельзя знать заранее. Поэтому держи радио включенным, но молчи, ясно? Насколько можно судить, икрананкийцы не знают об этом средстве связи. Для нас это козырь про запас. Если только им не рассказали земцы... Но нет, это кажется невероятным. Их предки, высаженные лишь с небольшим количеством инструментов, столкнувшись с необычной культурой, быстро забыли отечественное искусство и потеряли технические навыки. Зачем собирать пистолеты или делать что-то еще, если вы и так вдвое сильнее туземцев? За исключением нескольких бытовых мелочей, люди не внесли ничего нового, и их знания стерлись из памяти.

— Хорошо,— сказал Адзель.— Я уверяю капитана Патрика, что это безвредная магия. Мне все равно как-то придется успокоить его. Удачи!

Фалькейн вернулся в гостиную и последовал за слугой вниз по длинным коридорам и извивающимся аппаратам. Вокруг кипела деловая жизнь: слышны были топот ног, голоса, шелест одежды и бумаг. Проходили икрананкийцы — чиновники, торговцы, лакеи в ливреях, крестьяне в юбочках, скотоводы в шляпах и сапогах, посетители издалека, даже купец из далеких, теплых, солнечных стран в сверкающем драгоценностями плаще. Гул деловитой озабоченности наполнял императорский дворец. Кухонные запахи напомнили Фалькейну, что он голоден. Что и говорить, местная кухня восхитительна и понравится Ван Рийну. Если только...

У входа в тронный зал стояли на страже четыре земца, одетые и вооруженные так же, как и часовые у Железного Дома. Они не делали на караул: здесь не были приняты подобные почести, а люди слишком презирали туземцев, чтобы вводить их. Кроме земцев поблизости находилось около дюжины тирутских лучников. Фалькейн подозревал, что их добавили в связи с событиями в Рангагоре. Нельзя было винить Джахаджи в том, что он больше не доверял своим гвардейцам.

И все же в его осторожности и недоверии было что-то параноическое. Вместо того чтобы с радостью принять предложение Фалькейна о возвращении захваченного города, он целую неделю лишь пристрастно расспрашивал его. Поскольку император ничего не терял, согласившись на это предложение, его нерешительность, по-видимому, объяснялась крайней формой ксенофобии. Но в чем причина этого и как поступать дальше?

Проводник Фалькейна отбросил занавес, и Дэвид вошел в зал.

Джахаджи III ждал его на Звере — химере из позолоченной бронзы, которую он оседлал. Фалькейн остановился на требуемой дистанции в семь шагов (он подозревал, что эта дистанция давала возможность земцам, находившимся в тронном зале, вмешаться, если он попытается сделать смертоносный выпад) и поклонился.

— Где твой товарищ? — резко спросил император. Он был средних лет, шерсть его сохранила красно-черный цвет, а начинающий выпячиваться животик скрывался под алой мантией. Одной рукой он сжимал украшенный драгоценными камнями скипетр, который, по существу, являлся копьём.

— Гвардейский офицер предложил нам совершить прогулку по вашему городу, благороднейший, — ответил Фалькейн. — Не желая, чтобы мы отсутствовали оба...

— Какой офицер? — Джахаджи наклонился вперед.

Ближайший земец — женщина, которой вполне бы подошла роль валькирии, не будь она изуродована шрамами, седовласа и грязна, как старая растрескавшаяся лохань, — положила руку на

меч. Остальные присутствующие: писцы, советники, колдуны, младшие сыновья, изучающие науку управления,— все придвинулись ближе. Их глаза сверкали в полумраке.

— Его зовут Хаф Патрик, благороднейший.

— Ак-кrr... Они скоро вернутся?

— Не знаю, благороднейший. Разве есть что-то спешное?

— Нет. Наверное, нет.— Джахаджи повернулся к туземному офицеру:— Пусть их размышт и вернут.— Писцу: — Издать указ о том, что всем земцам запрещены контакты с представителями «Политехнолиги».

— Благороднейший! — другой земец, не бывший на страже в тронном зале (между полированными малахитовыми колоннами по всей длине зала стояли свободные от дежурства земцы), выступил на середину. Это был бородастый старик с белыми волосами, спускающимися до плеч, но держался он очень прямо. Фалькейн видел его и на предыдущих аудиенциях — Гарри Смит, глава фратрии и ее представитель при императоре.— Я протестую!

В зале стало очень тихо. Тени от свечей в серебряных канделябрах таинственно колыхались, огни отражались на мраморе, мехах, богатых темных тканях. Из курильниц тянулся дымок благовоний. Арфисты в дальнем конце зала прекратили играть. Стоящие перед ними роскошно украшенные часы, казалось, затикали громче.

Джахаджи окаменел на троне. Драгоценные глаза Зверя сверкали так же зло, как и его собственные.

— Что ты сказал? — выдохнул он.

Стоя перед ним по-солдатски прямо, Смит решительно заговорил:

— Благороднейший, мы, земцы из твоей гвардии, так же негодуем по поводу неповиновения Боберта Торна. Он больше не один из нас (при этих словах женщина из гвардии бросила на старика более свирепый взгляд, чем того требовала ситуация). Позволь нам только двинуться на Рангакору, и мы докажем тебе, что фратрия земцев всегда рядом с фратрией деодакхов, и теперь не меньше, чем в годы правления Джахаджи I. Но ты не веришь нам. Ты держишь нас без дела, ты следишь за каждым нашим шагом, ты позволяешь другим фратриям выполнять обязанности при дворе, которые мы выполняли с момента основания дворца. Мы перенесли это терпеливо, понимая, что ты не можешь знать, насколько в нас силен голос крови. Тем не менее мы недовольны. Люди в Железном Доме ворчат. Если ты открыто оскорбишь их, я не отвечаю за последствия.

На мгновение их взгляды скрестились. А затем Джахаджи взглянул на своего главного мага.

— Что скажешь ты, Гагаджир? — сердито спросил он.

Выступивший вперед икрананкиец в одежде со знаком магической власти не стал говорить об очевидном — что в помещении находятся не менее пятидесяти вооруженных земцев, которые немедленно ствелят на грубость, проявленную по отношению к их вождю. Наоборот, он хрипло сказал:

— Это дело не стоит твоего внимания, о, благороднейший. Всего лишь несколько гвардейцев встречались с твоими выдающимися гостями. Какая разница, что они думают об этом?

— Я говорю в твоих собственных интересах, — коротко добавил Гарри Смит.

Фалькейн решил, что видит выход.

— Если будут продолжаться отговорки, то положение станет серьезнее, не так ли? — сказал он. — Прими мое предложение, и мы возьмем Рангакору. Откажи — и мы отправимся домой. Каково будет решение?

— Кр-ррек! — император уступил. — Отменяю свой приказ, — обратился он к Фалькейну. — Я не могу принять решение с закрытыми глазами, мы очень мало знаем о вас. Даже с самыми добрыми намерениями вы можете навлечь на нас злых духов. Из-за этого я и вызвал тебя сюда. Объясни свои обряды Гагаджиру, чтобы он смог оценить их.

«Ох, нет», — простонал про себя Фалькейн.

Тем не менее он нашел собеседование интересным. Его раньше удивляло, казалось бы, абсолютное отсутствие религии у туземцев, но Фалькейн не решался спросить об этом у Гудженджи. Он не мог расспрашивать и Гагаджира, пункт за пунктом проявлять невежество было так же опасно, как и сохранять его, — но некоторую информацию он все же собрал косвенным путем. Утверждая, не всегда искренне, что он не все понял, Фалькейн осторожно наводил мага на интересующие его темы.

Лишь слабоумный или поверхностный турист способен на основе знакомства с культурой одной-единственной общественной формации делать выводы о всей планете. Но всегда можно утверждать, что наиболее развитая культура имеет и наиболее сложную теологическую структуру. Однако теология Катандарана было удивительно незрелой; Фалькейн не был уверен, можно ли назвать эту концептуальную путаницу религией. Здесь не было никаких богов — только обычный ход событий, ожидаемая последовательность вещей, происходящих с того момента, как первичный огонь соединился с первичным льдом и образовал Вселенную. Но было множество персонифицированных демонов, или духов, как угодно, которые старались восстановить хаос. Главная их цель состояла в том, чтобы нести разрушение. Их

можно было удержать в определенных рамках лишь при помощи магии, включающей сотни абсолютно повседневных обрядов и табу, которые исполняли Гагаджир и его коллеги.

Но и маги вовсе не обязательно были добрыми. Никогда не могло быть полной уверенности, что их не подкупили и что они не обращают свою волшебную власть на пользу Разрушению.

Мифология представлялась в такой же степени параноидальной, как и весь образ мыслей икрананкийцев. И Фалькейн начал отчаиваться в возможности заключить торговый договор.

— Да, несомненно, — парировал он возражения собеседника, — мы в Политехнической Лиге — могущественные волшебники. Мы глубоко проникли в сущность законов, которые правят миром. Я был бы рад научить вас наиболее могущественному обряду, который мы называем покером. А для отвращения несчастий мы можем продавать вам талисманы по неслыханно низким ценам. Мы, например, продадим вам волшебную траву — четырехлепестковый клевер.

Гагаджиро, однако, потребовал подробностей. Магия Фалькейна могла оказаться менее эффективной, чем он утверждал.

— Разрушение искусно соблазняет людей и ведет их к гибели. Может быть, это даже черная магия; благороднейший должен понять, что нельзя исключать и такую возможность.

Не будучи Мартином Шустером, способным изменить целую религию, внеся в нее элементы Кабалы, Фалькейн нуждался в какой-то уловке.

— Я подготовлю общий очерк, благороднейший, который мы можем изучать вместе. — «Боже, помоги мне! — воскликнул он про себя, — или, скорее, Чи Лан. Не Адзель — новообращенный буддист вряд ли способен на что-нибудь, кроме успокоительных междометий, я больше рассчитываю на Чи: я видел, как она прекрасно гадает на картах. Я вызову ее, и мы что-нибудь придумаем...» — Если вы сделаете аналогичный очерк ваших собственных верований, — проговорил он вслух, — это будет очень ценно.

Гагаджир широко раскрыл глаза, Джахаджи поднялся в золотых стремянах, потряс копьём и крикнул:

— Ты хочешь проникнуть в наши секреты?

— Нет, нет! — Фалькейн широко расставил руки. — Не нужно ничего, что составляет тайну колдунов фратрий. Только то, что знают все, кроме чужеземцев вроде меня.

Гагаджир успокоился.

— Это можно сделать, — сказал он. — Хотя потребуется время.

— Сколько же?

Гагаджир пожал плечами, вряд ли кто-нибудь мог знать точное время. Хотя механические часы были известны уже в течение нескольких столетий, а земцы внесли в них некоторые усовершенствования, катаандаранцы использовали их лишь для уравнивания периода работы. Рожденные в мире без ночей и времен года, туземцы с трудом представляли себе периоды более короткие, чем их семидесятидвухдневный год. Еще хуже обстояло дело в тех местах, где приземлился «Сквозь хаос». Икрананкийцы работали, пока в этом была необходимость или пока они не уставали. Несомненно, такое отношение к работе способствовало хорошему пищеварению, но Фалькейну оно не нравилось.

— Я могу идти, благороднейший? — спросил он.

Джахаджир разрешил, и Фалькейн удалился, испытывая сильное желание плюнуть благороднейшему в глаза.

— Принесите мне обед, — приказал он слуге, провожавшему его на обратном пути, — материал для письма и хорошую порцию выпивки.

— Какого сорта выпивку?

— Самую крепкую, конечно. Брысь! — и Фалькейн задернул занавес, служивший дверью.

Кто-то схватил его за горло.

— Ах! — отчаянно пинаясь, Фалькейн пытался одновременно вытащить оружие.

Его нога ударила по голенищу сапога нападавшего. Но свободной рукой грабитель схватил его за запястье. Фалькейн был силен, но он не смог выхватить оружие, так как еще один земец перехватил другую его руку. Фалькейн пытался сделать вдох. Перед ним появился третий человек. Он отодвинул скрывающий лицо щит — и на Фалькейна взглянули большие серые глаза Стефы Карпс. Правой рукой она поднесла к носу Фалькейна влажную тряпку. Человек, сжимавший горло, разжал руку. Рефлекторно Фалькейн набрал полные легкие воздуха; острый запах ударил в нос, и Фалькейн провалился в небытие.

5

«Старый город — не самое безопасное место в мире», — говорил Хаф Патрик. Помимо того что он служил прибежищем фратрий, которые специализировались на убийствах, воровстве, вооруженном грабеже плюс менее антиобщественных занятиях типа азартных игр и проституции, он был излюбленным обиталищем

деклассированных элементов, сохранившихся после завоевания власти деодакхами. Земцы ходили здесь группами. Однако Адзель один мог сойти за целую группу.

— Но я не хочу ввязываться в конфликт,— сказал воденит.

— В это трудно поверить,— улыбнулся Патрик — молодой человек высокого роста в мундире, камзоле — брюках, сапогах, плаще, с мечом и кинжалом. Его коротко стриженные каштановые волосы окружали лицо с резкими чертами, на котором борода росла чуть ли не от романского носа. Беседа с ним была интересной, и Адзель, чье любопытство было пропорционально размерам его тела, не отказался от предложенной прогулки.

Они вышли из ворот дворца и пошли по Новому городу. На воденита бросали пристальные взгляды, но его появление не стало сенсацией. Повсюду распространилась новость о гостях императора. А образованный класс имел некоторое представление об астрономии.

— Не вы ли, люди, научили их? — спросил Адзель, когда Патрик упомянул об этом обстоятельстве.

— Немного,— ответил земец.— Они и без нас знали о планетах, вращающихся вокруг солнца, и даже о том, что звезды — это солнца.

— Откуда они могли знать? При постоянном дне...

— Думаю, от рангакоранцев. Жители этого города обладают большими познаниями. Он расположен ближе к зоне Сумерек, а их исследователи могли проникнуть во тьму и там наблюдать звезды.

Адзель кивнул. Атмосферная циркуляция помогала сохранить относительно высокую температуру на дальнем полушарии. Даже у антиподов подсолнечных земель температура вряд ли опускалась ниже минус пятидесяти градусов. По той же самой причине, а также потому, что планета эта меньше Земли, а угловой диаметр Солнца значительно больше, здесь менее резок переход от одной климатической зоны к другой, нежели на Земле.

Туземцы, проникавшие в Замерзшие земли, мало что могли увидеть из-за вечной ночи. Но когда они соорудили склады топлива, у них появился материал для освещения. Вероятно, в эти места их влекла не жажда познания, а выгода, получаемая от добычи полезных ископаемых; научная любознательность пришла потом.

— В сущности,— пробормотал Патрик,— Рангакора — намного лучше, чем этот город. Более удобный и более... хм... цивилизованный. Иногда я думаю, что нашим предкам лучше было бы встретиться с рангакорцами, чем присоединиться к банде варваров, захвативших рухнувшую империю.

Он сжал зубы и оглянулся по сторонам, дабы убедиться, что их никто не подслушивает.

За внутренней стеной начиналась низина. Древние строения — серые обветренные прямоугольники — теснились друг к другу, двери домов были расписаны символами давно погибших цивилизаций. В районе рынка туземки-лавочницы расхваливали товары, изготовленные их мужьями: пищу, напитки, одежду, шкуры, ремесленные изделия. В мастерских за лавками звенело железо, вертелись гончарные круги и жужжали ткацкие станки. Но внутренность мастерских была недоступна взору прохожих, чтобы демон или злой колдун не могли навлечь беду.

Движение было оживленным. С хриплыми криками всадники прокладывали себе путь по узким, занесенным песком улицам. Влекомые карикутами повозки, с плодами благодатной Чекоры проезжали мимо полуголых носильщиков с грузами на бритых спинах и уступали дорогу расхаживающим с важным видом мехкеджи-караванщикам. Плоскую телегу охраняло несколько вооруженных тирутов: она была нагружена склеенными стеблями — материалом более ценным, чем бронза. Неуклюже, так как приходилось идти, а не прыгать, пробирались зандары со своими всадниками-лачнакопами, прибывшими на рынок за покупками. Жители пустынь угрожающе размахивали копьями и враждебно смотрели вокруг из-под своих вуалей. Было очень шумно: резкие голоса икрананкийцев, звон, скрежет, скрип, топот ног. Пыль и дым смешивались с сотнями странных запахов.

Никто не пытался преградить Адзелью дорогу. Наоборот, некоторые поспешно взбирались на стены. Сотни клювастых физиономий испуганно смотрели на него со всех плоских крыш. Патрик высоко нес древко со знаменем деодакхов, и, конечно, до него доносились отдельные оскорбительные выкрики. Но в целом катандаранцы казались сравнительно спокойными.

— А что за странные знаки делает этот, в коричневом плаще, вон в том переулке? — спросил Адзель.

— Это колдун. Отводит наше проклятие от соседей. Или надеется на это, — слова Патрика трудно было расслышать в общем гуле.

— Но я никого не проклинал!

— Он этого не знает. Они всегда считают, что все новое связано с черной магией.

«Это отношение, очевидно, преобладает и в высшем обществе, — подумал Адзель. — Отсюда проистекает и нежелание Джахаджи вступить в союз с посланниками Лиги. Вернувшись, я должен буду обсудить это с Дэвидом».

Патрик долго показывал своему спутнику наиболее интересные объекты: статую пятитысячелетней давности, дворец прежней династии, теперь превращенный в склад, строение со входом в виде раскрытого клюва. Адзель заинтересовался импозантными зданиями нескольких фратрий, где жили их руководители и куда члены фратрий собирались на совет. Хотя они и поддерживали новое правительство, но не переносили свои штаб-квартиры в Новый город. Да и зачем? Империи, языки и цивилизации, приливы и отливы — все эфемерно — только фратрии сохраняются.

— Дом Каменного топора, — указал Патрик. — Принадлежит деттаджирам. Их глава все еще владеет этим топором. Он с кремниевой головкой. Никто не знает, когда он был сделан, но, очевидно, задолго по появления металлургии, — Патрик зевнул. — Вам еще не скучно? Идемте туда, где мы найдем настоящую жизнь. В Старый город.

— Но меня не будут там избегать? — спросил Адзель. Он надеялся, что не будут. Его обижало, когда матери при виде его хватали детей и убегали — такие привлекательные пушистые детеныши, было бы приятно подержать одного из них на руках.

— Нет, — сказал Патрик, — там не так боятся черной магии, многие из них сами маги.

Они двинулись вниз, мимо рухнувших стен. Дома становились все ниже и ниже, они тесно прижимались друг к другу, балконы нависали над узкими улочками, так что была видна лишь узкая полоска пурпурного неба. Живя в лучшие времена, когда почва не была такой сухой, строители вымостили улочки булыжником. Копыта Адзеля громко стучали о камни. Это был тихий квартал: закутанные в плащи туземцы быстро проходили мимо с какими-то тайными поручениями, а где-то плакала невидимая арфа. Бредя по дороге, спускавшейся к бывшему морскому дну, Адзель то и дело оглядывался на красноватые скалы над городом. Оказавшись у останков пристани среди зарослей тростника, где блестело озеро Урши, Патрик остановился.

— Как вы насчет выпивки?

— Что ж, мне нравится ваше вино... — внезапно Адзель замолчал. Приемопередатчик на его шее ожил, оттуда донесся голос Фалькейна.

— Что за демон? — Патрик подпрыгнул. Его меч выскочил из ножен. Пара икрананкийцев, сидящих на корточках у входа, выронила чашки и исчезла внутри дома.

Адзель успокаивающе помахал рукой и закончил свой разговор с Фалькейном по-латыни.

— Не тревожьтесь,— сказал он.— Это наша собственная магия, вполне безопасная. Это... заклинание против злых духов, прежде чем войти в незнакомый дом.

— Наверное, это полезно,— Патрик расслабился.— Особенно здесь.

— Но зачем вы идете, если здесь может быть опасно?

— Выпивка, игра, может, и схватки. Кишки провоняли в казарме... Идем.

— Я... я, наверное, лучше вернусь во дворец.

— Что? Когда веселье только еще начинается? — Патрик потянул Адзеля за лапу. С таким же успехом он мог пытаться стронуть гору.

— В другой раз, может быть... Магия посоветовала мне...

Патрик соорудил обиженное выражение.

— Вы мне больше не друг, если не выпьете со мной.

— Простите меня,— Адзель капитулировал.— После того как вы были так добры ко мне, я не хочу быть невежливым.

К тому же он хотел пить, а Фалькейн не говорил, что надо торопиться.

Патрик вошел, отодвинув полустгнивший кожаный занавес. К ним с хриплыми зазывными приглашениями скользнула проститутка, но, увидев, кто это, отступила. Патрик засмеялся.

— К сожалению, эти девицы бесполезны для нас,— заметил он.— Но у нас достаточно своих в Железном Доме.

Когда вошел воденит, в тесной прокуренной комнате стало тихо. За плетеными столиками, где сидели постоянные посетители, сверкнули ножи. Факелы, торчащие из подсвечников, бросали неверный колеблющийся свет — тусклый и красный для Адзеля, яркий для туземцев — на непрочную одежду, на птичьи лица, на немигающие глаза. Патрик опустил свой флаг и поднял руки.

— Мир между нашими родами,— сказал он.— Вы знаете меня, я Хаф из гвардии, я много раз бывал здесь. А это гость императора. Он большой, но вежливый и не влечет за собой никаких демонов. Пусть будут прокляты все демоны.

Пьяный в углу рассмеялся. Это немного разрядило атмосферу; посетители вернулись к своим напиткам, хотя искоса бросали взгляды на вновь прибывших, а их разговор теперь, несомненно, вертелся вокруг драконоподобного чужака. Патрик отыскал стул без спинки, а Адзель уселся рядом с ним прямо на грязный пол. Владелец набрался храбрости и спросил, что им угодно. И когда Патрик указал на Адзеля и сказал: «Напой его!», — икрананкиец поднял голову, подсчитал возможную прибыль и радостно потер руки.

Бренди, джин, арак, или как вам будет угодно назвать жидкость, перегнанную из неземных фруктов, была не слабее концентрированной серной кислоты, но имела отличный сухой вкус. Адзель для пробы отпил около литра.

— Я не жаден, — сказал он.

— Не стесняйтесь. Ради меня, — Патрик вытащил толстый кошелек. — Нам хорошо платят, не могу за это поругать сидящего на Звере.

— Меня интересует еще кое-что. Конечно, не все земцы живут в Железном Доме?

— Нет, там служат, получают жалованье, женятся. Кроме того, там штаб-квартира фратрии. Но семейные живут в своих домах по всему Новому городу, отправляются на наши ранчо или куда захотят. Обычно, выйдя замуж, женщины откладывают в сторону оружие. Мужчины ежегодно участвуют в учениях и, конечно, в случае войны объединяют свои силы.

— Но как тогда войска Боберта Торна осмелились на перезорот? Их семьи дома станут врагами императора.

— Не совсем. Если он тронет кого-нибудь из оставшихся, мы все поднимемся, от Гарри Смита до самого маленького барабанщика, и насадим его голову на копье. К тому же много жен и детей ушло с ними. Это обычное дело, если предстоит долгая осада или война. Женщины отлично охраняют лагерь, они хорошо справляются со слабосильными икрананкийцами, они наши квартирьеры, наши... — Патрик не скоро закончил перечисление их функций. — На Земле в таких примитивных условиях это вряд ли было возможно. Но здесь местные микробы не заражают людей. До появления профилактических медицинских средств эпидемии косили армии сильнее, чем битвы.

— Сочувствую вашему положению, — сказал Адзель. — Нелегко, когда вы так тесно связаны, быть в конфликте со своими родственниками.

— Кто говорит, что мы в конфликте? — остановил его Патрик. — Этот дражайший Смит? Увы, фратрии во времена его молодости не были так сильны. В те годы он никогда не решился бы выступить такого, как Торн. — Патрик осушил стакан и приказал наполнить его вновь. — Но гвардия Железного Дома в достаточной мере повинует своим офицерам, чтобы остаться нейтральной.

Желая сменить тему разговора, Адзель спросил, видел ли Патрик Стефу Карпс после ее возвращения.

— Еще бы! — с энтузиазмом воскликнул Патрик. — Что за девушка!

— Приятная, хотя и импульсивная личность,— согласился Адзель.

— Я говорю не о личности, хотя она сильна и крепка, как мужчина. За Стефу!

Стаканы звякнули. Видя, что дракон так общителен, посетители еще больше осмелели. Вскоре один из почитателей Патрика, полупьяный икрананкиец, подошел к их столу и сказал:

— Привет!

— Сиддовн! — обрадовался земец.— Выпей с нами!

— Я должен вернуться,— сказал Адзель.

— Не глупите. И не оскорбляйте моего доброго приятеля — он мечтает познакомиться с вами.

Адзель пожал плечами и выпил еще. К ним присоединились еще несколько посетителей. Вначале они пели, потом обсуждали ситуацию в Рангагоре — не очень горячо, ибо никто в Старом городе не беспокоился за судьбу императора. Потом трое или четверо подрались — это окончательно растопило лед — и все начали произносить тосты. Пили за свои фратрии, за проституток, снующих между ними, за помин души доброго короля Аграна, за реку Джанджех, которая поддерживает жизнь в Катандаране, за озеро Урши, которое приняло в свои глубины столько бесчувственных тел, за Хафа Патрика, так как он платил за выпивку, и, наконец, они потеряли счет застольным воздаяниям. Выпивка была дешевой, а кошелек Патрика толст. Веселье кончилось только тогда, когда большинство собутельников уснуло прямо на полу.

— Я... должен... идти... домой,— сказал Адзель. Ноги его стали более гибкими, чем хотелось бы, хвост казался слишком тяжелым, а непроизвольное покачивание из стороны в сторону мешало думать. Взмахами хвоста он переломал большую часть мебели. Но владелец не возражал: он тоже лежал пьяным.

— Да... да... согласен,— Патрик попытался выпрямиться.— Долг зовет...

— И очень неприятным голосом,— сказал Адзель.— Друг мой, вы... ик!.. заблуждаетесь. Не нужно впадать в ошибку и отождествлять ставлять нирвану с аннигиляцией... — Он не был фанатиком, но чувствовал, что этот отличный парень, бредущий рядом, должен быть посвящен в таинства буддизма. Поэтому всю дорогу назад он разлагался. Патрик пел песни. Туземцы шарахались от них.

— Итак... — тянул Адзель,— воплощение вовсе не обязательно связано с кармой...

— Погодите,— Патрик остановился. Адзель согнул шею, чтобы посмотреть на него. Они были вблизи ворот Нового города.

— Но поч... чему?

— Я вспомнил о срочном деле,— земец с неожиданной быстротой протрезвел. На самом ли деле онпил столько же, сколько остальные? Адзель этого не заметил.— Идите сами.

— Но я... только... добрался до самого интересного места.

— Позже, позже.

Ветер неся по пустым улицам, вздымая песок. Никого не было видно.

«Странно»,— подумал Адзель. Горожане и раньше избегали его, но не настолько. Еще было не время для сна, в этот час обычно все бодрствовали.

— Что ж... спасибо за... уф!.. ивтур... интер... интересную беседу...

Адзель протянул лапу. Патрик торопливо и смущенно пожал ее и удалился. Какое чуждое место! Мысли Адзеля обрели сентиментальную направленность и обратились к Водену, к дорогим широким равнинам под бриллиантовым ярким солнцем, где копыта несли его километр за километром... а после охоты костер, друзья и самки. И все это так далеко от него. Его семья сблизилась с фактором Лиги, они хотели, чтобы он получил современное образование. И он получил его и теперь так изменился, что никогда уже не почувствует себя как дома среди охотников. Вкус к сексуальным отношениям он не утратил: его стимулировал запах самок в период течки. Но сладостное чувство обладания, чистота и невинность ушли навсегда. Он вытер глаза и побрел дальше, покачиваясь из стороны в сторону.

— Он идет!

Адзель остановился. Перед стеной, окружающей Новый город, была широкая площадь. Она кишела солдатами. Он не мог оценить, сколько их, ибо они начинали двоиться, стоило только взглянуть пристально. Но их было много, и все — туземцы. Ворота были закрыты, и перед ними стояло несколько катапульти.

Группа всадников поскакала вперед.

— Остановись! — крикнул их предводитель. Острие его копья казалось кровавым в красном свете солнца.

— Я уже остановился,— резонно заметил Адзель.

Имперские зандары были хорошо вымуштрованы, хотя этого и нелегко было добиться. Они двинулись, окружая его.

— Благороднейший,— несколько нервно обратился к нему командир кавалеристов,— давайте поговорим. Готовится заговор против императора... ак-крр... желательно... ваше присутствие.

Адзель положил ладонь на живот — ритуальный жест вежливости — и поклонился. Его шея продолжала двигаться, пока

нос не уперся в землю. Это расстроило его, но он решил сохранять внешнюю невозмутимость.

— К-конечно... Все, что могу... идем.

— Кхм... пустая формальность, благороднейший... император желает, чтобы вы... гм... надели эти знаки достоинства.

— Что? — Адзель попятился, мысли его путались.

— Стойте! — крикнул офицер. — Стойте на месте, или мы будем стрелять!

Экипажи катапульта принялись настраивать свои орудия. Каждая из этих машин могла бросить камень весом с Адзеля.

— Н-но... что могло случиться?

— Все, что угодно. Демоны способны на все. Ваш товарищ исчез, и с ним много земцев. Узнав об этом, император заподозрил предательство и приказал окружить Железный Дом. Те, кто находится внутри, отказываются сдаваться. Они стреляют в наших солдат.

Офицер провел когтеобразными пальцами по своему кольцу из перьев. Ветер раздувал его плащ, зандар под ним подпрыгивал. Самострелы были нацелены, копыя направлены, солдаты замкнули кольцо вокруг воденита.

— Что? — черт бы побрал эту выпивку. И никаких антитоксинов под рукой. Адзель нажал кнопку приемопередатчика: — Дэвид! Где ты? Что случилось?

Ответом было молчание.

— Дэвид! Отзовись! На помощь!

— Стойте на месте, — сказал офицер. — Вначале свяжем запястья. Если вы невиновны, вам нечего бояться.

Адзель установил волну корабля:

— Чи? Ты здесь?

— Конечно, я здесь, — послышался язвительный голос. — Где же мне еще быть?

Адзель подавил вспышку раздражения. От этого в голове его слегка прояснилось. Он попытался объяснить положение.

— Я ухожу, — сказал он миролюбиво. — Ты прилетишь на корабле. Мы вместе поищем Дэвида.

— Немедленно, — ответила Чи.

Группа магов делала яростные движения.

— Да, конечно... ик!.. я иду к императору.

По радио послышалось бормотание — Чи говорила с кем-то. Он протянул руку и раскрыл рот. Это должно было изображать улыбку, но лишь обнаружило ряд устрашающих зубов.

Офицер подтолкнул несшего цепи офицера своим копьём.

— А ну, вперед, — сказал он, — выполняй приказ.

— Сам иди, — ответил тот.

— Что я слышу? Ты не выполняешь приказ?

— Да,— пехотинец отступил. Всадники расступились, пропуская своего товарища.

— О, идемте,— сказал Адзель. Он хотел встретиться с Джахаджи и как можно скорее добраться до сути дела. Воденит двинулся вперед. Кавалеристы рассыпались по сторонам. Офицер снова приказал ему остановиться и послал другого солдата с цепями.

— Но я хочу только помочь! — взревел Адзель. Он схватил солдата и, отобрав цепи, снова поставил его на ноги. Тот в страхе упал и свернулся в комок. Адзель уселся на хвост и задумался. Что-то не получалось.

— Как вы хотите укрепить это? — обидчиво спросил он. Чем решительнее он старался распутать клубок недоразумений, тем больше он запутывался. Императорская армия, как зачарованная, смотрела на него.

Из приемопередатчика вдруг раздался крик:

— Адзель! Уходи! Меня схватили!

Послышались звуки драки, резкий удар, и наступило молчание.

На какое-то мгновение Адзелю показалось, что он играет в покер на корабле: у него тройка, вместе с тройкой на столе это образует флеш-рояль — он должен повышать ставку. Пары алкоголя рассеивались, и он понял, в каком положении оказался.

Лига учила своих космонавтов действовать быстро. Адзель, продолжая позванивать цепями, молниеносно обвел взглядом площадь и оценил обстановку. Прижок — вон в том направлении — и, если повезет, он прорвется. Но он не должен причинить вред этим бедным заблудшим душам, если этого можно избежать.

Воденит собрался с силами и прыгнул.

На его пути оказался кавалерист. Он поднял его вместе с зандаром и бросил на отряд копьеносцев. Их линия рассыпалась, Адзель бросился в образовавшуюся щель. Вокруг послышались крики, посыпался град стрел. Мимо ушей просвистел снаряд из катапульты. Офицер с копьем напал сбоку, Адзель не увидел его вовремя. Конец копья ударил по приемопередатчику, висящему на шее воденита, и сломал его. Адзель мчался дальше, наращивая скорость; зандары со всадниками отстали от него.

Перед ним возникла сплошная стена высотой в четыре этажа. На полной скорости Адзель налетел на нее. Инерцией его метнуло вверх. Он ухватился за край и подтянулся. Грубая каменная поверхность давала возможность не сорваться. Рядом ударил снаряд из катапульты и осыпал его дождем каменных осколков.

Адзель взобрался на крышу, перепрыгнул на следующую и спрыгнул в переулок, поскакав по направлению к Старому городу.

Конечно, никакой помощи он там не ждал. Просто в лабиринте улиц его будет труднее выследить. Он направился к озеру Урши. Им не на чем преследовать пловца, нет ничего, кроме нескольких плотов, — он от них легко уйдет. А переправившись на тот берег, он двинется через Чекору. Ни одно слово не долетит до Хайджакта раньше него — но черт бы побрал разбитый передатчик.

Что ж, им верно послужит передатчик Чи, после того как он выручит ее из неприятности, в которую она попала. Они поднимут корабль, вернут себе флиттер из дворца и начнут разыскивать Дэвида. Если Дэвид еще жив. И если они сами останутся живы.

6

Возможно, в этом было что-то от кагандаранской теории о том, что сверхъестественные существа постоянно стремятся ко злу. Если бы Чи Лан была на борту корабля в тот момент, когда ее вызвал Адзель... Но она сама, бескомпромиссный рационалист, пошла навстречу неудаче.

Большую часть времени она проводила с Гудженджи. Оба они желали узнать как можно больше о цивилизациях друг друга. Она внесла первую идею — которая пришлась ему не совсем по вкусу, — о регулярных и обусловленных встречах. С этой целью она подарила ему часы. После этого гремели барабаны и вздымались флаги при встрече почетного гостя с определенной, доступной предсказанию, регулярностью, и она знала, когда отправляться на вершину холма для очередной встречи.

Компьютер, которому она велела напоминать о встрече, сделал это.

— Ты должен быть вежливее, — пробормотала она, откладывая книгу. Чи уверяла товарищей по экипажу, что цинтианские книги, наполняющие ее каюту, были философскими трактатами (на самом деле это были сентиментальные любовные романы), но она по-прежнему радовалась возможности беспрепятственно почитать.

— Меня не запрограммировали быть вежливым, — ответил механический голос.

— Напомнишь мне об этом. Хотя нет, не нужно. Кого интересует мнение машины?

— Никого,— ответил Бестолочь, всерьез воспринимающий даже риторические вопросы.

Чи вскочила с койки и подготовилась: передатчик и записывающий аппарат в руку, маленький женский пистолет у пояса — вот и все, что ей требовалось.

— Возвратные приказы, как обычно,— сказала она и вышла из люка.

Бестолочь спокойно бормотал про себя. Возвратные приказы — значит, хотя в его память и был включен катандаранский язык, он должен был повиноваться только командам голосов — по радио или кодам — членов экипажа. Чи вывела наружу громкоговоритель на случай, если понадобится спросить, что наблюдают приборы корабля.

Люк закрылся за ней, и она спустилась по трапу. Один вход непосредственно под стабилизаторами оставался постоянно открытым на случай экстренного взлета. Ожидать опасности от случайных туземцев не приходилось. Если кому-то из них и удастся преодолеть благоговейный страх перед кораблем, то смельчак попадет в трюм под номером 4, сейчас пустой. Ни один икрананкиец не способен что-нибудь повредить там, открыть же вход в помещения внутри корабля может только член экипажа. Чи гордилась такой своей предусмотрительностью.

Малиновое солнце было ярче и светлее для ее глаз, чем для глаз Фалькейна и Адзеля. Тем не менее ландшафт показался ей затемненным. Она выругалась, когда невидимый порыв ветра взборошил ее шерсть, которую она расчесывала целый час. Воздух осушал ее ноздри, а ветер был холоден, как сердце Ван Рийна, и нес с Чекоры запахи, похожие на креозот.

О, вернуться бы в Ту-чин-чен-ри, в «Дом жизни под небом», вновь оказаться среди родных на вершине дерева, вдохнуть с детства знакомый аромат леса. Зачем только она покинула его?

Из-за денег, конечно. Чего только не сделаешь за приличную плату?

Чи свернула хвост и свистнула.

Часовые у ворот поднесли к клювам мечи в знак приветствия, когда маленькая фигурка прошла мимо них. Стоило ей только благополучно миновать их, как они скрестили пальцы и пробормотали заклинания. Правда, пришельцы до сих пор не приносили никаких неприятностей, наоборот, они обещали большую выгоду. Но демоны известные лжецы.

Если бы Чи видела это, она не удивилась бы и даже не обиделась. Все больше и больше убеждалась она в консер-

вативности икрананкийцев, в их подозрительном отношении ко всему новому. Это свидетельствовало о том, что они все еще находятся в донаучном периоде, несмотря на фантастически долгую историю письменности. Она еще не нашла для себя приемлемого объяснения этого явления.

Чи легко прыгала мимо плетеных хижин. У входа в одну из них сидела туземка и вкладывала пищу в рот ребенка. В этом икрананкийцы были подобны цинтианам. У тех и у других не было молочных желез, а дети, только что родившись, были способны принимать пищу (цинтиане своими губами могут сосать, но не сосут грудь). Но на этом сходство кончалось. Жена икрананкийца была молоденькой, маленькой, лишенной гребня из перьев, неряшливой и раболепной. Цинтианка, которая должна нести своего детеныша по деревьям, была больше самца и длиннее его. Наследование по материнской линии является нормой, во многих культурах распространено многожущие, а прошлое знало и самый настоящий матриархат. Чи считала, что именно поэтому ее планета и стала такой прогрессивной.

Она постучала в дверь помещения, где жил Гудженджи. Посланник сидел за столом со своим гостем, комендантом гарнизона Лалнакхом. Они играли в игру, которая заключалась в выбрасывании разноцветных палочек на стол, разделенный на квадраты. Чи взобралась на стол, едва не разрушив хрупкое сооружение из палочек.

— Что это? — спросила она.

Лалнакх нахмурился. Гудженджи, привыкший к ее бесцеремонности, сказал:

— Мы зовем это акритель, — и объяснил правила игры. Они были достаточно сложны, но в целом все зависело от того, как расположатся палочки при падении.

— Очень распространенная игра, — добавил он.

— Вы будете играть или нет? — воскликнул Лалнакх.

— Конечно-конечно, дайте подумать, — Гудженджи примостил очки и принялся изучать расположение палочек на столе. Чем меньшую конфигурацию он построит, тем больше выиграет. Но если он не сумеет достигнуть уровня, о котором заявил заранее, то проигрыш существенно увеличивается. — Думаю, мне сегодня повезет, — он кивнул на стойку монет рядом с собой. — Попробуем! — Гудженджи собрал свои палочки и принял решение.

— Не нужно гадать, — сказала Чи. — Вы можете знать результат заранее.

Лалнакх посмотрел на нее:

— Что это значит?

— Не реальный исход,— сказала Чи,— но вероятность его. Каковы шансы на выигрыш, оправдан ли риск.

— Но как, спаси нас от разрушения, это рассчитать? — спросил Гудженджи.

— Играйте, черт возьми,— возмутился Лалнакх.

Гудженджи потряс свою кучку палочек и бросил их. Он сделал ход.

— Акк-р! — прохрипел Лалнакх.— Не везет! — он швырнул последнюю монету на стол. Гудженджи подсчитал.

— Вы должны больше,— сказал он.

Лалнакх грубо выругался и принялся рыться в карманах. Он бросил Гудженджи матово-белый диск.

— Бозьмите его! Рангакорская работа. Я берег его как талисман. Но демоны сегодня сердиты на меня.

Гудженджи протер очки и прищурился. Чи тоже рассматривала диск. На медальоне был хороший рисунок: с одной стороны венки, а с другой — горный пейзаж. Но часть серебра стерлась.

— Но ведь это посеребренная бронза,— сказала Чи.

— Одно из двух видов искусства, которыми они обладают,— ответил Гудженджи.— Они помещают металл в ванну и... не знаю, что там происходит. Сильная магия. Я был там однажды в составе посольства, и они дали мне в руки две проволоочки, выходящие из какого-то ящика. Меня что-то укусило, они смеялись,— он вспомнил о своем достоинстве.— Но в любом случае, будучи магическими, такие предметы ценятся высоко. Это еще одна причина того, почему так желательно завоевание Рангакоры.

— Это мы можем для вас организовать,— подхватила Чи.— А со временем мы можем продавать вам любое количество таких посеребренных предметов.

— Ак-крр. Понимаю, благороднейшая. Но у меня нет власти принимать такое... у-кк... немедленное?... да, немедленное решение. Я всего лишь посланник императора.

— Вы можете давать рекомендации, не так ли? — настаивала Чи.— Я знаю, что посыльные все время скачут туда и обратно.

— У-кк, действительно. Продолжим наши беседы.

— Я ухожу,— сердито сказал Лалнакх.

В этот момент ожил передатчик.

— Чи, ты здесь?

Голос Адзеля... но он запинаясь и глотает слова, говоря по-английски. Неужели этот большой слюнтяй пьян? Чи надеялась, что с ним нет ни одного земца.

— Конечно,— начала она более резко, чем ей хотелось.

Лалнахх отпрыгнул в сторону, выхватывая кинжал. Гудженджи встал и начал делать магические жесты против зла. Очки соскочили с его клюва и помешали ему продолжать.

— Что это за чума? — закричал Лалнахх.

— Где мои очки? — спросил, ползая по полу, Гудженджи. — Я не могу видеть без очков. Какой демон унес их с собой?

— Защитная магия, — быстро сказала Чи на катандаранском, а из передатчика доносился гомон большой толпы. — Вам нечего бояться.

— Помогите найти очки, — просил Гудженджи. — Мне нужно найти очки.

Лалнахх выругался и протянул ему очки. Чи слушала последние слова Адзеля — шерсть ее встала дыбом. Но самообладание, как всегда в таких случаях, не покинуло ее, и мозг работал, как криогенный калькулятор.

— Да, немедленно, — сказала она и взглянула на икрананкийцев. Они напряженно и враждебно воззрились на нее.

— Я должна идти, — заявила она туземцам. — Моя магия предупредила меня о неприятностях.

— Что за неприятности? — спросил Лалнахх.

Гудженджи, более знакомый с чудесами, подвластными иноземцам, протянул указательный палец.

— Это был голос чудовища, — сказал он. — Но ведь он в столице.

— Да, — подтвердила Чи.

Прежде чем она успела сочинить более или менее правдоподобную историю, Гудженджи сказал:

— Должно быть, это устройство для разговора на расстоянии. Я давно подозревал, что вы обладаете такой способностью. Теперь, благороднейшая, не оскорбляйте меня, отрицая очевидное. Он звал вас на помощь?

Чи могла только кивнуть. Икрананкийцы придвинулись ближе и стояли, возвышаясь над ней. Она не хотела быть уличенной во лжи: это может плохо отразиться на будущих взаимоотношениях, которые и так достаточно напряжены.

— Земцы восстали, — объяснила она. — Они забаррикадировались в том, как вы его называете, Железном Доме. Адзель просил меня прибыть и помочь справиться с ними.

— Нет, вы не должны, — сказал Лалнахх, а Гудженджи добавил:

— Мне очень жаль, благороднейшая, но с тех пор, как ваш товарищ прибыл во дворец, я получаю срочные приказы, предписывающие вам оставаться на месте.

— Пыльные бури и чума! — воскликнула Чи. — Вы хотите гражданской войны? Вы ее получите, если земцев не заставят подчиниться, и быстро. — Шум из передатчика стал громче. — Подумайте. Если бы мы хотели свержения Джахаджи, разве я оставалась бы тут с вами?

Они помолчали. Лалнакх выглядел неуверенным. Гудженджи почесывал свой клюв.

— Схватка... — пробормотал он. — Отдаленная схватка.

Из приемника донесся рев. Зазвенел металл, слышались крики, тяжелые удары, от которых дрожал передатчик. Пронзительный крик икрананкийцев:

— Помогите, чудовище убьет меня!

Лалнакх взглянул на Чи. Солнечный свет, ворвавшись в сумеречную комнату, кроваво заблестел на его кинжале.

— Разве это по-дружески? — хрипло спросил он.

Чи схватила за пистолет.

— Недоразумение, — сказала она. — Говорю вам, мы ваши друзья, и я застрелю каждого, кто назовет меня лгуньей. — заглушаемый гулом железа, разносился голос Адзеля. — Слышите? Разве он сражается?

— Нет, — ответил Лалнакх. — Убегает.

Чи прыгнула со стола.

— Я должна идти, — сказала она. — Надеюсь, вы не будете пытаться остановить меня?

Гудженджи удивил ее. Она принимала его за несуразного профессора, а не за воина, но он вытащил меч и спокойно заявил:

— Я деодакх. Если я не попытаюсь вас задержать, меня выгонят из фратрии.

Чи колебалась: она не хотела убивать, этим она сведет на нет все попытки заключить торговый союз. Парализующий выстрел?

Ее внимание было отвлечено от Лалнакха. Рука офицера описала дугу, и оружие цинтианки было выбито ударом его ножа. Он навалился на нее. Она едва успела прокричать предупреждение, как уже лежала, пригвожденная к полу.

— Хак-к! — выдохнул Лалнакх. — Лежите спокойно, вы!

Он так дернул ее, что у Чи зазвенело в голове, затем сорвал передатчик и отшвырнул его в сторону.

— Ну-ну, — упрекнул Гудженджи. — Не надо сердиться, благороднейшие, не надо. Какое несчастье, — он наклонился к Чи, лежащей на руках Лалнакха, одновременно наступил на передатчик и раздавил его. — Я немедленно отправлю вестника с сообщением о случившемся. Пока он не вернется, с вами будут обращаться так почтительно, как позволяют обстоятельства.

— Погодите, — сказал Лалнакх. — Я глава гарнизона...

— Но, мой дорогой друг, это предположительно может разрушить все соглашения.

— Сомневаюсь. Эти создания — демоны, или ими владеют демоны. Но вы можете держать ее в заключении, а я позабочусь об охране. Я поставлю охрану и у их летающего дома. С катапультами. И если появится этот гигант, они получат приказ убить его.

— Что ж, — согласился Гудженджи, — это неплохая мысль.

7

Фалькейн не потерял сознания. Он воспринимал окружающее урывками, словно находился в крайней степени интоксикации. Мозг его шел по дюжине различных путей, воли не было вовсе.

Опираясь о стену, возле которой посадили его земцы, он смутно ощущал спиной ее твердость. Фалькейн чувствовал, как пол давит на подошвы его башмаков, как сух и холоден воздух, врывающийся в легкие вместе с резким запахом наркотика, как стучит сердце. Казалось, что тусклое небо в окне качается. Он безотчетно видел большого светлоголового человека, который обманул его, и другого, красноголового, тот его поддерживал. Форма его носа приобрела комически злобный вид. Он думал о том, что многие материалы с Икрананки будут иметь большое значение для фармакологии, потом вспомнил о замке отца на Гермесе и об обещании чаще писать домой, а уже через полсекунды в сознании предстал прием при дворе Ито Ямацу в Токио. Это, по закону ассоциаций, напомнило ему о нескольких знакомых молодых женщинах, что, в свою очередь, навело на мысли о...

— Помогите мне, Оуэн, — сказала Стефа Карпс. — Вскоре вернется его слуга. Или может войти кто-нибудь другой.

Она начала раздевать Фалькейна. Этот процесс мог бы смутить его, если бы он не был так одурманен, или позабавить, развеселить при других обстоятельствах. И, конечно, если бы ей не помогал светловолосый воин.

— Отлично, — Стефа ткнула пальцем в связку на полу. Рыжеволосый развернул связку, обнажив ее содержимое: грубые брюки, обшитые кожей, и походный мундир кавалериста.

Она начала одевать Фалькейна. Работа была нелегкой, хотя светловолосый и держал на весу безвольное тело.

Оцепенение постепенно проходило. Вначале Фалькейн хотел закричать, но, скорее, врожденная осторожность, чем благоприобретенная рассудительность, остановила его. Не время. Силы постепенно возвращались, комната больше не вращалась, а когда ему застегнули пряжку на поясе, что поддерживал кинжал...

Стефа ожидала этого. Он мог выхватить кинжал и всадить ей в спину, когда она наклонилась над ним: но это было бы убийством. Фалькейн осторожно повернулся к рыжеволосому. Рука скользнула по рукоятке кинжала, он выхватил его и ударил воина в грудь.

Кинжал не имел лезвия. Это был лишь обломок, достаточный, чтобы удержаться в ножнах. Земец, несомненно, получил кровоподтек, он шепотом выругался. Фалькейн, пошатываясь, попытался добраться до двери. Он уже раскрыл рот, чтобы закричать. Светловолосый схватил его за руку, а Стефа подхватила влажную тряпку. С тигриной скоростью она прыгнула вперед и впихла тряпку ему в рот. Вновь раскалываясь на куски, он напоследок увидел ее улыбку и услышал, как она бормочет:

— Хорошая попытка. Вы можете быть мужчиной.

Она наклонилась подобрать его пистолет. Свет озарил ее косы.

— Эй! — произнес светловолосый. — Оставь-ка на месте.

— Но это его оружие, — возразила Стефа.

— Мы не знаем, для какой черной магии оно служит. Оставь его, я сказал.

Рыжеволосый, потирая ушибленную грудь, согласился с ним. Стефа выглядела вызывающе, но для споров не было времени. Она вздохнула и поднялась.

— Отнеси это в его спальню — пусть думают, что он вышел, — и идем.

Мужчины потащили Фалькейна, держа его под руки. Он слишком одурел от наркотика, чтобы сопротивляться, и повиновался им чисто механически. В приемной части дворца было немного народу. На лестнице они столкнулись со слугой, возвращающимся с кувшином крепкого напитка, икрананкиец не узнал Фалькейна в новом наряде. Не узнал и никто из встретившихся им позже. Только один чиновник задал вопрос.

— Он слишком много выпил, — ответила Стефа. — Мы отведем его в казарму.

— Позор! — возмутился чиновник. Однако, видя перед собой трех вооруженных и трезвых земцев, он не стал пространно комментировать это событие.

Через некоторое время Фалькейн понял, что его ведут к выходу в северной стене, сделанному на случай необходимости

вылазки. Вид на город был закрыт рядом домов; около двадцати земцев, большинство из них мужчины в боевом облачении, нетерпеливо ждали Стефу и ее спутников. Четверо часовых-тирутов лежали связанными, с кляпами в клювах. Люди выскользнули из города.

Устье реки Джанджех лежало к западу от города. Берега ее густо заросли, снизу доносилось журчание воды. Здесь начиналась дорога, ведущая в горы. Вокруг была пустыня, обрамленная скалами, крутые склоны которых были красны от окислов железа. В этой дикой местности земцы как будто растворились.

— Двигайся,— светловолосый дернул Фалькейна за руку.— Действие наркотика кончилось.

— Уф, кажется, да,— согласился тот.

С каждым шагом к нему возвращалось нормальное состояние. Но вряд ли можно было сказать, что он чувствует себя хорошо в окружении этих убийц.

Спустя какое-то время они отыскивали глубокое и узкое ущелье. Здесь их ждали пятьдесят добрых зандаров под охраной двух икрананкийских всадников. Некоторые из животных были выючными, остальные — верховыми и запасными. Отряд вскочил на зандаров, Фалькейн осторожно сделал то же. Туземцы повернули в город.

Стефа возглавила отряд. Всадники взбирались вверх, пока не оказались на скалах, где не росло ничего, кроме нескольких кустиков. За ними отливала зеленью пояс реки Джанджех. Далеко позади остался город, а впереди до самого горизонта расстиралась плоская равнина Чекора. Они повернули на восток и поскакали галопом.

Нет! Трудно подобрать слова... Зандар прыгнул с ускорением, из-за чего Фалькейна чуть не выбросило из седла. Он испытал болезненное ощущение свободного падения, а затем седло снова пошло вверх. Фалькейн повалился в сторону. Человек справа помешал ему упасть. Зандар сделал следующий прыжок. Фалькейн откинулся назад. Он спасся лишь тем, что ухватил животное за шею.

— Эй, ты что, хочешь задушить своего зандара? — услышал он голос.

— О... чень... хо... тел... бы,— ответил Фалькейн между прыжками.

Вокруг сверкали шлемы, нагрудники, острия копий, щиты и развеваемые ветром плащи. Звенел металл, скрипела кожа, барабанили копыта. Запах пота людей и зандаров наполнял воздух. Песок поднимался облаком.

Фалькейн мельком увидел впереди Стефу — она смеялась. Он сжал губы. Вернее, он хотел это сделать, но рот был полон песка. Если ему суждено пережить эту поездку, он обязательно изучит технику езды на зандаре.

Постепенно Фалькейн начал свыкаться с ездой. Когда зандар опускается, нужно слегка приподниматься на стременах и в то же время сжимать корпус животного согнутыми ногами. Двигаясь всем телом в ритме движения зандара, вы вовлекаете в движение мышцы, о существовании которых даже не подозревали, и эти мышцы начинают работать. Физическая нагрузка вскоре прогнала всякое желание думать о том, к чему приведет вся эта эскапада.

Несколько раз они останавливались для отдыха и смены животных, а потом устроили лагерь. С выючных зандаров сгрузили скудный рацион и позволили себе выпить мизерное количество воды из фляжек. Затем расставили часовых, залезли в спальные мешки и уснули.

Фалькейн не знал, сколько времени он находился в горизонтальном положении, прежде чем его начала поднимать Стефа.

— Уйди,— пробормотал он, пытаясь снова нырнуть в спасительную тьму мешка. Она схватила его за волосы и неумолимо потянула завтракать.

Дорога теперь была легче, и тело Фалькейна меньше болело. Он начал замечать окружающее. Пустыня стала холмистой, а растительность — более щедрой. Солнце за ними опустилось ниже, тени вытянулись далеко вперед, к горам Субхардата, синеватая стена которых медленно росла на горизонте. Земцы почувствовали себя свободнее: они шутили, смеялись, иногда затягивали свои воинственные песни.

Ближе к концу «дня» их догнал одинокий всадник с несколькими запасными животными. Фалькейн взглянул на него. «Клянусь Сатаной, Хаф Патрик!». Под шумные приветствия земцев он проехал в голову колонны, к Стефе. Они все еще продолжали говорить о чем-то, когда остальные начали разбивать лагерь на вершине холма, среди ярко-рыжих кустарников. Земцы не легли спать, а разожгли костры и расположились вокруг них живописными группами. Фалькейн предоставил одному из всадников расседлать своего зандара и пустить его пастись. Сам же он уселся на землю с сердитым и обиженным выражением на лице.

Длинная тень легла на него — рядом стояла Стефа. Фалькейн вынужден был признать, что она представляла собой прекрасное зрелище: большая, с гибким мускулистым телом, с королевскими чертами лица. Более привычная к холоду, чем он, она разделась до блузы и юбки, и это несколько улучшило его настроение.

— Присоединяйтесь к нам,— пригласила она.

— Разве у меня есть выбор? — хрипло спросил он.

Их глаза встретились. Стефа застенчиво коснулась его груди.

— Мне жаль, Дэвид. Я не хотела угрожать вам, особенно после того как вы спасли меня. Вы заслуживаете лучшего обращения... не позволите ли мне объяснить?

Он последовал за ней менее охотно, чем выказал внешне, к костру, где сидел Патрик, наслаждаясь жареным мясом.

— Привет,— сказал земец. Сверкнула белозубая чарующая улыбка.— Надеюсь, вам понравилась поездка?

— Что случилось с Адзелем? — потребовал ответа Фалькейн.

— Ничего. Когда я в последний раз видел его, он брел к дворцу пьяный, как пивовар. Подумав, что лучше уйти из города до того, как начнется шум, я отправился к озеру Урши, где прятал своих животных, и двинулся вслед за вами. Задолго до встречи я увидел поднятую вами пыль,— Патрик поднял кожаную бутылку:— Хотите выпить?

— Вы думаете, я буду пить с вами, после того как..

— Дэвид,— попросила Стефа,— выслушайте нас. Не думаю, что вашего большого друга постигли серьезные неприятности. Они не посмеют причинить ему вред, пока маленькое существо владеет кораблем. Или Джахаджи поймет, что вы похищены, а не ушли по собственной воле.

— Сомневаюсь,— сказал Фалькейн.— Я догадываюсь, почему икрананкийцы видят заговор под каждой кроватью.

— Нет! Мы действуем для пользы Икрананки. Только выслушайте нас.

Стефа жестом указала на седельное одеяло, лежащее на земле. Фалькейн со стоном согнулся и опустился на него. Стефа села рядом. Патрик сдержанно рассмеялся.

— Скоро обед,— пообещал он.— Как насчет выпивки?

— О дьявол, ладно! — воскликнул Фалькейн. Термоядерная жидкость заставила его позабыть боль и притупила тревогу за Адзеля.

— Вы — люди Боберта Торна? — спросил он.

— Теперь да,— ответила Стефа.— Сначала я была одна. Видишь ли, Торн разослал шпионов-икрананкийцев. Рангакорцы, если уж они должны быть завоеваны, предпочитают, чтобы это сделали земцы, а не деодакки. Некоторые из их отрядов сражались с нами, кроме того, есть торговцы и... Не так уж трудно проникнуть в ряды осаждающих, утверждая, что ты — торговец вразнос, пришедший с плоскогорья, или нечто вроде этого.

«Никуда не годная служба безопасности,— рассуждал Фалькейн.— Как это может быть у расы, которая подозревает всех и вся? Ну что ж, подобная приверженность своей фратрии должна была вызвать ослабление связей между фратриями. А это, в свою очередь, способствует если не шпионажу, то простому просачиванию информации».

— Люди Джахаджи тоже рассказывали о вас,— продолжала Стефа.— Я считаю, что он предупредил высших офицеров, но один из них все же проболтался.

Фалькейн легко мог представить себе, как это произошло: тируты или яндарки, получившие приказ деодакха хранить тайну от своих сородичей, поступили безответственно и выдали секрет.

— Вначале,— продолжала Стефа,— к нам просачивались лишь смутные слухи. Но наши шпионы внимательно прислушивались к ним. Мы не знали, что означают эти слухи, и решили выяснить. Город и предместье были окутаны сумерками, поэтому я сумела выбраться незамеченной, раздобыла несколько зандаров и двинулась в путь. Патруль возле Хайджакты заметил меня. Запасного зандара убили стрелой. Я едва спаслась сама,— она засмеялась и потрепала Фалькейна за волосы.— Спасибо тебе, Дэвид.

— И, конечно, узнав, кто мы, и то, что мы на стороне Джахаджи, ты решила выдать себя тоже за его сторонницу,— добавил он главным образом для того, чтобы удержать ее руку у себя на голове.— Но почему ты пошла на риск возвращения с нами в Катандаран?

— А что мне оставалось делать? Вы хотели разгромить нас. Конкретного плана действий у меня не было, но я знала, что в Катандаране немало людей охотно присоединились бы к нам. К тому же я была уверена, что в Железном Доме никто не выдаст меня икрананкийцам.— Стефа весело улыбнулась:— Ох, но этот старый Гарри Смит сошел с ума: он хотел предать меня суду. Но слишком многие воспротивились этому. Он собирался удерживать меня в казарме, пока не выработает окончательного решения. Это было ошибкой. Я вступала в беседы, когда его не было поблизости. И я знала, с кем разговаривать — старые друзья, мои бывшие возлюбленные.

— Что? — спросил Фалькейн.

Патрик выглядел самодовольным.

— Мы составили план,— продолжала Стефа,— и ждали удобного случая для начала действий. Хаф нанял несколько своих собутыльников в Старом городе, чтобы они купили животных и припрятали их. У нас было много денег. Потом он познакомился с вами. Конечно, мы не могли захватить тебя в присутствии Адзеля — проще было как-то удалить его. Когда Адзель ушел с

Патриком, мы решили действовать. Один за другим наши люди находили повод выскользнуть в город. Оуэн и Росс помогли мне выбраться из казармы. Мы направились к вам на квартиру, но увя, тебя там не оказалось. Узнав, что ты на аудиенции у императора, мы запаслись терпением и стали ждать. Остальное ты знаешь.

Фалькейн повернулся и внимательно посмотрел на девушку:

— В чем же смысл этого фантастического трюка?

— Помешать вам помочь Джахаджи,— сказал Патрик.— Может, даже договориться с вами о помощи нам. В конце концов, ведь все мы люди.

— Земцы в Катандаране тоже люди.

— Но мы делаем это и для них,— возразила Стефа.— Почему мы должны быть фратрией солдат-наемников, когда можем владеть собственной страной?

— И лучшей страной, чем эта,— добавил Патрик.

— Это замысел Боберта Торна,— согласилась Стефа.— По его мнению, все земцы оставят Джахаджи и присоединятся к нам, как только узнают о том, что мы сделали. Много жизней может быть потеряно, но наше дело стоит таких жертв.

— Зачем же было обманывать меня,— с горечью спросил Фалькейн.— Разве я не говорил вам, что все вы можете вернуться на Землю?

Глаза Стефы расширились. Она прижала руку ко рту:

— Ох! Я совсем забыла об этом.

— Слишком поздно,— рассмеялся Патрик.— К тому же я не уверен, что хочу улететь. Жизнь на Земле может сильно отличаться от нашей, и отличаться к худшему.

— Хорошо,— сказал Фалькейн.— До сих пор удача сопутствовала вам. Вы подняли суматоху в столице. Вы нейтрализовали нас: пока мои друзья не отыщут меня, они не станут действовать. Вы смогли даже вбить клин между нами и Джахаджи. Но не думайте, что мы будем делать за вас вашу грязную работу.

— Я хотела бы, чтобы вы были с нами,— проворковала Стефа, глядя на него с нежностью и глядя по щеке.

— Неважно,— сказал Патрик.— Пока ваш корабль не вмещивается, мы побеждаем. А он не вмещивается, пока вы у нас.

— Друзья освободят меня, обрушат ваши проклятые стены.

— Они попытаются,— сказал Патрик.— Но найдут вас разрезанным на куски. Мы их об этом предупредим.

Говоря такое, он даже не улыбнулся для приличия.

— Было бы очень жаль,— мурлыкала Стефа.— Наша дружба только начинается, Дэвид.

— Мясо готово,— сказал Патрик.

Фалькейн взял себя в руки. Он не собирался оставаться пассивным дольше, чем это было необходимо. Однако еда, питье и красивая женщина помогли ему воспринять сложившуюся обстановку с самообладанием, которым гордился бы даже Адзель. («Адзель, старый чешуйчатый приятель, ты цел? Ты должен уцелеть. Тебе и нужно-то только попросить по радио Чи о помощи».) Беседа за едой была вполне дружеской. Патрик после нескольких рюмок становился отличным парнем, а Стефа сверкала, как сверхновая звезда. Единственное, чем Фалькейн остался недоволен, так это непродолжительностью ужина, что было обусловлено необходимостью отдохнуть перед следующим участком пути.

Его часы остались вместе с другими вещами, но, насколько он мог судить, земцы обладали хорошо развитым чувством времени. Древние временные циклы Земли все еще управляли ими. Час на сборы после подъема, шестнадцать часов на передвижение с короткими перерывами, час на устройство лагеря и отдых, шесть часов сна, разделенные на две смены караулов. Хотя в этой пустыне нечего было опасаться.

Местность становилась все более зеленой, по мере того как спускалось солнце. Вскоре они двигались по предгорьям Субхардата, усеянным растительностью, по виду напоминавшей мох. Журчали ручьи, на ветру развеивались густые заросли перьевых растений. На севере громоздились горы, окрашенные в цвета горячего золота. Горы на востоке сверкали красным светом. Фалькейн любовался снежными пиками и ледниками. Небо над головой переходило от пурпурного цвета к глубокому черному, на нем сверкало пятьдесят звезд и планет. Они находились на краю зоны Сумерек.

Пояс Сумерек объяснялся не только атмосферной диффузией, дававшей достаточно света. Икрананка имела эксцентрическую орбиту и слегка раскачивалась на своем пути вокруг солнца. Пояс Сумерек перемещался взад и вперед по этому пространству один раз за семидесятидвухдневный год. В настоящее время сумерки отступили, и солнце стояло над восточным горизонтом. Склоны отражали столько тепла и поверхность получала такой поток инфракрасного излучения, что здесь было даже теплее, чем в Катандаране. Осадки холодного сезона растаяли, и по склонам струились реки. Фалькейн понял, почему все стремились обладать Рангакорой.

Он подсчитал, что отряд находился в пути около пяти земных дней и покрыл около четырехсот километров, после того как повернул на юг по западному склону Чекоры. Перед всадниками возвышался горный хребет, и они должны были взобраться по

снежному покрову Маунт-Гандры. Фалькейн привык к седлу и пустил зандара скакать самостоятельно, весь уйдя в созерцание открывающихся видов и в воспоминания о последнем разговоре у лагерного костра. Патрик удалился с несколькими девушками, оставив Фалькейна наедине со Стефой. Точнее, не совсем наедине: уединения нет, когда вокруг люди. «Но все же,— подумал он,— план Патрика имеет и свои приятные стороны».

Они обогнули обрыв, и перед ними показался город Рангакора.

Город был построен поперек дороги на небольшом плато. Дорога за городом уходила вверх, к небу, а на противоположной стороне спускалась к бывшему морскому дну, туманно сверкающему, как болото, золотом и зеленью. Вблизи крепостной стены Рангакоры протекала река. Большая ее часть скрывалась в лесу, но как раз над Рангакорой она срывалась со скалы водопадом, покрытым радугой и облаками брызг. Фалькейн затаил дыхание.

Земцы остановились и собрались вместе. Поднялись щиты, взлетели сабли, натянулись тетивы самострелов, вздыбились копья. Фалькейн понял, что сейчас не время восхищаться пейзажем.

Вокруг города вся растительность была вытоптана. Всюду горели костры, возвышались палатки, развевались знамена. Крошечные на таком расстоянии люди Джахаджи сидели группами у стен города, из которого их выгнали.

— Попробуем прорваться,— сказал Патрик. Его слова были едва слышны из-за гула ветра и грохота водопада.— Люди Торна увидят нас и сделают вылазку.

Стефа заставила своего зандара приблизиться к Фалькейну.

— Мне не хотелось бы, чтобы вы попробовали убежать и сдаться им,— улыбнулась она.

— О дьявол! — сказал Фалькейн, который как раз собирался так и сделать.

Она привязала веревку от своего седла к узде его зандара. Другая девушка привязала веревку к его ноге.

— Боевое построение,— скомандовал Патрик.— В атаку! — Его сабля сверкнула.

Зандары рванулись вперед. В рядах императорских солдат барабаны забили тревогу. Кавалерийский отряд поскакал наперерез прорывающимся. Их копья ярко сверкали.

Столь же склонные к нарушению общепринятого порядка, как и большинство других рас, икрананкийцы нуждались в тюрьмах. В тюремном помещении с одной камерой, расположенном вблизи рыночной площади, вместо двери была вделана частая решетка из прутьев, закрытая с внутренней стороны занавесом. Если узнику хотелось больше света, он мог отдернуть занавес. В камере не было ничего, кроме соломенного матраса и нескольких глиняных чашек. Чи разбила одну из них и безуспешно попыталась перепилить решетку осколками. Это свидетельствовало о том, что ее тюремщики могли быть сумасшедшими, но не были глупы.

Звон и бряцанье оторвали ее от грустных размышлений. Чья-то рука отдернула занавес, открыв пурпурный диск солнца. Сверкнули очки Гудженджи.

— Я как раз думала о вас,— сказала Чи.

— Правда? — Голос чиновника звучал ровно.— Могу я спросить, что именно вы думали?

— О, нечто веселое, связанное с кипящим маслом и расплавленным свинцом. Что вы хотите?

— Я... ук-к-к... могу войти? — занавес отдернулся шире. За спиной посланника Чи увидела несколько вооруженных стражников, а еще дальше — горожан, спешащих за покупками. Карантин сократил торговлю до минимума.— Я хочу выяснить, достаточно ли хорошо с вами обращаются.

— Что ж, в дождь крыша не протекает.

— Но ведь к западу от Субхардаты дожди вообще неизвестны.

— Верно,— взгляд Чи коснулся сабли на боку Гудженджи. «Может, остаться с ним наедине и попытаться... Нет, он парирует атаку и позовет на помощь».— А почему мне не дают мои сигареты? Это огненные палочки. Вы видели, как я брала их в рот.

— Они в вашем доме, благороднейшая, и хотя ваш дом не протестует против охраны, он отказывается впустить нас внутрь. Я уже специально поинтересовался...

— Доставьте меня туда, и я отдам приказ.

Гудженджи покачал головой.

— Нет, к сожалению. Вы можете использовать неизвестные нам силы. Когда настоящее... ак-крр... прискорбное недоразумение разъяснится, тогда — да, благороднейшая. Я отправил курьеров в Катандаран, и вскоре должен прийти ответ.

Решив, что разрешение войти получено, он прошел в камеру. Солдаты закрыли неуклюжий висячий замок.

— Тем временем появится бедный Адзель и будет убит вашими горячими головами,— посетовала Чи.— Задерните занавес, вы, душень! Я не желаю, чтобы эти ослы глядели на меня.

Гудженджи повиновался.

— Теперь я с трудом вижу,— пожаловался он.

— Это не моя вина. Садитесь. Да, вот здесь матрас. Хотите выпить? Мне дали полный кувшин.

— Э-к-к... гм... я не должен.

— Давайте,— настаивала Чи.— Пока пьем вместе, мы, по крайней мере, не являемся смертельными врагами.— Она налила крепкий напиток в глиняную чашку.

Гудженджи выпил и позволил налить вновь.

— Я не вижу, чтобы вы сами пили,— сделал он тяжеловесную попытку пошутить.— Может, хотите напоить меня?

Чи со вздохом подумала, что не стоит и стараться. Она все более напрягалась, ее мозг усиленно работал. Потом она расслабила мышцы и сказала:

— Здесь нечем заняться, не правда ли? — Чи взяла чашку и выпила. Гудженджи не видел выражения ее мордочки.— Фу! Вы клеветеете на нас,— продолжала она.— У нас самые дружественные намерения. Однако, если мой друг будет убит, ждите отмщения.

— Кррр-ек... Он будет убит, только если придет в ярость. Против воли коменданта Лалнакха я послал гонцов, которые должны предупредить его, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, он будет достаточно разумным.

— Но что вы собираетесь с ним делать? — спросила Чи.— Он же должен что-нибудь есть,— Гудженджи моргнул, а Чи сказала: — О, выпейте еще.

— Мы, ак-крр... мы сможем приготовить помещение. Все зависит от указаний, которые я получу из столицы.

— Но если Адзель отправится сюда, он скоро прибудет. Пейте, я вам снова налью.

— Нет-нет, для такого старика, как я, уже достаточно.

— Но я не люблю пить одна.

— Но вы совсем немного выпили,— сказал Гудженджи.

— Я меньше вас.— Чи осушила свою чашку и наполнила ее снова.— Но я хочу, чтобы вы восхищались моими способностями.

Гудженджи наклонился вперед.

— Хорошо, в доказательство моего искреннего стремления к дружбе я присоединяюсь к вам.

Чи легко прочла его тайную мысль: «Пусть напьется, может, что и выболтает». Она утвердила его в правильности этой мысли, изобразив легкое икание. Он отпил еще, и Чи добавила. В продолжение следующего часа речь его становилась все более бессвязной. Но, вопреки ожиданиям Чи, он, казалось, сохранил трезвость мысли. Он все пытался убедить ее, что именно Фалькейн — организатор беспорядков в Катандаране. Когда она с гневом отвергла это обвинение, он сменил тему разговора.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом,— предложил он.— О ваших способностях, например.

— Я с... способнее вас... — сказала Чи.

— Да-да, конечно.

— Нам... м... ного.

— Да, и вы это доказали.

— И я кр... сивее...

— Ук-к... вкусы различаются, вы знаете, вкусы различаются. Но должен признаться, что вы очаро...

— Разве я... не п-прекрасна?... — усы Чи дрожали.

— Наоборот, благороднейшая. Пожалуйста, прошу вас...

— Я х-хорошо пою... Слушайте... меня.— Чи встала, держа в руке чашку, размахивая хвостом и покачиваясь. Гудженджи зажал уши.

Чинг, чинг, гули, гули, васса,
Чинг, чинг, гули, гули, бум!

— Какая чудесная мелодия. Боюсь, мне пора идти,— Гудженджи пошевелился, сидя на матрасе.

— Не х-хдите... стар... ик... дружще,— попросила Чи.— Не остав... ляйте меня одну...

— Я скоро вернусь... Я...

— Уп! — Чи покачнулась и навалилась на него. Чашкой она задела его очки, и они свалились с клюва. Чи попыталась их схватить, но свалилась вместе с чашкой. Раздался звон.

— Помогите! — закричал Гудженджи.— Мои очки!

— Простите, прос... ти... те! — Чи барахталась среди осколков.

Вбежали стражники. Чи отступила. Гудженджи замигал от внезапного яркого света.

— Что случилось, благороднейший? — спросил солдат. Его меч был обнажен.

— Нес... частный случай... — бормотала Чи.— Из... в... няюсь...

— Назад! — Меч придвинулся к ней. Второй стражник принялся собирать осколки.

— Это, несомненно, ненамеренно,— сказал Гудженджи, делая жесты против демонов.

— Я думаю, вам лучше теперь лечь спать.

— Отремонтируйте себя, позовите докторов, от... ремонтируйте свои г... глаза... вам никогда не будут нужны очки.— Чи сама удивилась своему сочувствию. Императорский советник был не беден и, несомненно, имел запасные очки. Действительно, Гудженджи сказал:

— У меня есть запасные. Отведите меня домой.

Он поклонился Чи и вышел. Она свалилась на матрас и закрыла глаза.

— Слнш... ком светло,— объявила она.— Задерните занавес.

Стражники повиновались, затем снова закрыли дверь на замок. Чи подождала несколько минут, затем встала, продолжая имитировать безмятежный храп. Жидкость тяжело болталась в животе, но на мозг алкоголь совершенно не действовал. Этанол — обычный продукт цинтианского метаболизма. И еще: пользуясь темнотой и слепотой Гудженджи, она зажала несколько осколков стекла в лапе, затем сунула их под матрас.

Чи разорвала чехол матраса на куски, чтобы обмотать лапы и защитить их от порезов, и начала работу в дальнем конце помещения.

Стекло было не очень твердым, и его края оказались недостаточно острыми, чтобы хорошо резать. Пришлось заострить концы, расслаивая стекло,— Академия Лиги давала множество практических навыков. Но через некоторое время осколки становились слишком малы, чтобы держать их в лапе.

— Ад и проклятие! — прошептала она, когда один из осколков сломался окончательно.

— Что это? — послышался голос снаружи.

— Хр-р-р... — ответила Чи.

Человек давно изошел бы потом и бросил работу, но Чи философски смотрела на усталость и возможность неудачи. К тому же ей нужно было для бегства меньшее отверстие, чем человеку. Тем не менее ей с трудом удалось закончить начатое дело, так как инструменты пришли в негодность.

Теперь изогнуть спину, напрячь мускулы передних и задних конечностей со всей силой, которую она накопила, летая с ветки на ветку в родных краях. Уф!.. Согнув прутья, Чи протиснулась между ними и оказалась перед плотной стеной. Нос ее уперся в грубую поверхность. Преодолевая боль, дрожа от холода, она атаковала стену зубами и когтями. Одно за другим волокна рвали.

«Быстрее, пока никто не заметил!»

Появилось отверстие, сквозь него были видны пустынный переулочек, часть бесконечной стены дома и красноватый солнечный свет. Чи протиснулась в отверстие и побежала.

Городские ворота могут охраняться надежно, а возможно, и нет. В любом случае, идя к ним через весь город, она будет замечена. Кто-нибудь остановит ее, и не исключено, что выстрелом из самострела.

Она проскользнула мимо тюрьмы и кинулась бежать через площадь. Туземцы пронзительно закричали. Кухарка присела среди купленных ею продуктов. Из мастерской выбежал кузнец с молотом в руке. Стражники побежали за ней. Впереди, в центре города, было небольшое строение, похожее на киоск. Чи впрыгнула в него.

Грубо высеченные ступени вели вниз, в колодец. Повеяло влажным ветерком. Вход исчез из виду, она была в туннеле, высеченном в камне и освещенном через большие интервалы лампами. Чи остановилась, чтобы потушить фитили первых двух ламп. Хотя ей приходилось ощупью добираться до следующего освещенного места, у икрананкийцев задержка будет еще значительнее. До нее доносились их крики, резкие, искаженные из-за эха. Не осмеливаясь вступать в темноту, они отправились за факелами.

К тому времени она была на дне колодца. Короткий каменный коридор привел ее в помещение с источником посредине. Женщина-туземка выпустила из рук рукоятку ворота и отпрыгнула к стене. Чи не обратила на нее внимания. Выход отсюда не охранялся, если город не находился в опасности. Чи заметила это раньше, когда Гудженджи показывал ей окрестности. Она спрыгнула со стены в кустарник и песок.

При взгляде назад Чи обнаружила суматоху на склоне Хайджакты. Увидела она и родной «Сквозь хаос», четко вырисовывающийся на фоне неба. Мгновение Чи колебалась, не попытаться ли добраться до корабля. Оказавшись на борту, она будет неуязвима. Может быть, она сумеет выкрикнуть приказ, чтобы корабль взлетел и подобрал ее?

Нет, копья и щиты звенели вокруг. Везде были расставлены катапульты. Она не сумеет приблизиться на расстояние слышимости незамеченной, не успеет произнести сигнальную фразу, прежде чем ее схватят. А Бестолочь не запрограммирован действовать без прямого приказа, несмотря ни на какие показания его детекторов.

«Ну ладно, хорошо бы отыскать Адзеля». Чи двинулась в путь. Довольно долго она брела параллельно дороге, ведущей в Хайджакту, скрываясь в густой растительности.

Воздух был полон мелкой пылью, и с каждой минутой она ощущала все большую жажду. Пытаясь отвлечься, Чи обдумывала, как бы извительнее опровергнуть статью, которую она перед отлетом с Земли прочитала в журнале «Ксенобиология». «У автора, очевидно, вместо мозгов — мясной салат, а вместо глаз — вареные яйца».

Тем не менее очень скоро ей нужно будет напиться и отдохнуть. Она двинулась по полю к зарослям тростника. Там мог находиться ручей. Дальше она шла осторожно, как тень среди теней, пока не наткнулась на ферму.

Здесь был Адзель. Он стоял, держа похожее на свинью животное, визжащее в его руках, и терпеливо говорил, обращаясь к закрытому входу:

— Но, мой дорогой друг, вы должны сообщить мне свое имя.

— Чтобы ты применил к нему свою магию? — раздался хриплый мужской голос изнутри.

— Нет, я обещаю вам. Я хочу лишь дать вам расписку. Или просто узнать, кому я потом должен буду заплатить. Мне нужна пища, но я хочу купить ее, а не украсть.

Из бойницы свистнула стрела. Адзель вздохнул.

— Ну что ж, если ты это так воспринимаешь...

Чи вышла вперед.

— Где вода? — хрипло спросила она.

Адзель вытаращил на нее глаза.

— Ты? Дорогой друг, во имя Вселенной, что случилось?

— Идиот, оставь свою вежливость. Ты не видишь, что я умираю от жажды?

Адзель попытался ошетиниться. Но так как у него не было шерсти, ему это не удалось.

— Нужно говорить вежливо. Ты была бы поражена тем, чего можно достичь вежливостью. Я бежал день и ночь...

— Ты что, обежал всю планету? — съязвила Чи.

Адзель слался и показал ей ручей. Вода была мутной и пахла болотом, но она пила с чувством, впервые теперь понимая, что испытывает Фалькейн за бокалом шампанского. Потом Чи села и привела себя в порядок.

— Обменяемся новостями,— предложила она. Пока Чи говорила, Адзель освежевал животное. У него не было даже ножа, но он в этом и не нуждался. Выслушав, воденит печально взглянул на нее и спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Вызвать корабль, конечно.

— Но как?

Тут Чи заметила, что его передатчик разбит. Они молча смотрели друг на друга.

Гудженджи приладил свои запасные очки. Они не так хорошо подходили, как старые. Окружающее он видел смутно. «Но так лучше,— подумал он.— Эта штука так огромна. И полна волшебства. В сложившихся обстоятельствах лучше не видеть ее слишком ясно».

Он сглотнул, собрал все свое мужество и сделал шаг вперед. За его спиной с испуганными лицами за ним следили солдаты, что слегка нервировало Гудженджи. «Я должен показать им, что мы, деодакхи, не знаем страха». Однако он никогда не пришел бы сюда, если бы не Лалнакх. Комендант вел себя, как пустынный варвар. Он всегда знал, что тируты несдержанны, но что бы до такой степени? Все-таки это цивилизованная фратрия. Лалнакх так бушевал и бранился по поводу бегства пленницы, что... Да, с практической точки зрения этот случай не содействует укреплению репутации Гудженджи. Но гордость за свою фратрию требовала ответить на брань спокойно и с достоинством.

— Я иду совещаться с летающим домом. Осмелится ли комендант сопровождать меня? Нет? Отлично.

«Конечно, немедленно действовать не стоит, но, вернувшись, можно будет намекнуть кое-кому, что благородный Лалнакх побоялся идти. Да, собственное моральное превосходство необходимо доказать даже с риском для жизни».

Гудженджи с трудом проглотил комок в горле.

— Благороднейший! — позвал он. Собственный голос показался ему незнакомым и довольно странным.

— Вы обращаетесь ко мне? — спросил ровный, без выражения, голос сверху.

— Ак-крр, да.

До этих непредвиденных осложнений Гудженджи показывали, что летающий дом способен говорить и думать. Но чужеземцы могли обмануть его. Может быть, внутри кто-нибудь скрывается? Если это так, то там скрывается странная личность, ничего не желающая делать.

— Ну? — сказал Гудженджи, когда молчание затянулось слишком надолго.

— Я жду продолжения,— ответил дом.

— Я хочу, благороднейший, выяснить ваши намерения.

— Мне не указывали, что нужно делать.

— Значит, вы ничего не будете делать?

— Я веду наблюдения и обрабатываю их на случай, если они понадобятся позже.

Гудженджи облегченно вздохнул. Он надеялся на что-то вроде этого. Весьма довольный, он спросил:

— Допустим, вы увидите, что один из членов вашего экипажа в опасности. Что вы будете делать?

— То, что мне приказано, в пределах моих возможностей.

— И ничего больше? Я имею в виду, крр-ек... не будете ли вы действовать по собственной инициативе?

— Нет, пока не получу словесный или кодовый приказ. Иначе слишком много возможностей для ошибки.

Еще более успокоившись, Гудженджи вдруг ощутил исследовательский пыл: у всех есть интеллектуальное любопытство. И, конечно, нужно попытаться найти практическое применение своим открытиям. Если этот прилетевший земец и два его жутких товарища будут убиты, что ж, летающий дом останется здесь. Гудженджи повернулся к ближайшему офицеру.

— Отведите всех подальше,— сказал он.— Мне нужно обсудить секретные вопросы.

Тирут подозрительно взглянул на него, но повиновался. Гудженджи снова повернулся к кораблю.

— Вы не полностью пассивны,— сказал он.— Вы разговариваете со мной.

— Я так сконструирован. Мне необходима способность к логическому мышлению.

— Акк-р, разве вы, как бы это сказать, не скучаете здесь?

— В моей конструкции не предусмотрена такая возможность. Мой мозг сохраняет постоянную активность, анализируя наблюдения. Когда свежих данных наблюдений нет, я рассматриваю логические возможности правил покера.

— Что?

— Покер — это игра, в которую играют у меня на борту.

— Понятно... ук-кк, ваша отзывчивость чрезвычайно приятна.

— Меня запрограммировали быть вежливым и гостеприимным по отношению к вашим людям. «Инструктировали» — самое близкое по значению слово, которое я могу отыскать в катандаранском словаре. Меня не инструктировали не отвечать на вопросы. Я сделал вывод, что должен отвечать.

Возбуждение охватило Гудженджи.

— Я правильно понял вас, благороднейший? Вы хотите сказать, что ответите на любой мой вопрос?

— Нет. Поскольку меня инструктировали служить интересам моего экипажа, а присутствие солдат на месте моей стоянки означает, что экипаж вступил с вами в конфликт, я не могу сообщить вам информацию, которая бы увеличила ваши силы.

Гудженджи почувствовал разочарование, поняв, что летающий дом не расскажет ему, как делать бластеры. Тем не менее, задавая умные вопросы, со временем можно кое-что узнать.

— Вы сможете давать мне советы по поводу безвредных для экипажа дел?

Дул холодный ветер, кружа песок и раскачивая кусты. Спрятанный в доме размышлял. Наконец он сказал:

— Эта проблема находится на пределе моих возможностей логического мышления. Я не вижу причины, почему бы мне не ответить на ваши вопросы. В то же время наша экспедиция имеет целью приобретение богатств. Лучшее решение, какое я могу найти, — это брать с вас плату за советы.

— Но как?

— Можете принести меха, лекарства и другие ценности и положить их у открытого люка, который вы, вероятно, видите. Какой совет вы желаете получить?

Гудженджи задумался. Он знал, что перед ним открывается редчайшая возможность. Если только он сумеет придумать... Погоди. Он вспомнил замечание Чи Лая о доме Лалнакха перед ее арестом.

— Мы играем в игру под названием акритель, — медленно сказал он. — Вы можете подсказать мне, как в нее выиграть?

— Объясните правила.

Гудженджи объяснил.

— Да, — ответил корабль, — это просто. Выигрывать все время без шулерства невозможно. Но, зная свои шансы, или вероятность различных расположений палочек в ходе игры, вы можете поступать в соответствии с этим, и в длительной игре всегда окажетесь в выигрыше, при условии, что ваши противники этой вероятности не знают. Очевидно, они не знают, поскольку вы об этом спрашиваете, и поскольку для расчета требуется владение высшей математикой. Принесите писчие принадлежности, и я продиктую вам таблицу вероятностей.

Гудженджи сдержал себя, чтобы не проявить свою радость.

— Что вы хотите за это, благороднейший?

— Позвольте мне определить объем всей информации, чтобы назначить цену. — Летающий дом задумался, затем назвал, какое количество товаров потребуется.

Гудженджи сказал, что это разорит его; летающий дом ответил, что иначе он не продаст информацию. Он не пожелал торговаться: «Несомненно, найдутся и другие, которые решат, что цена не так уж велика».

Гудженджи уступил. Ему придется занять денег, чтобы купить такую кучу вещей, но с учетом карантина, сократившего поступление товаров на рынок в городе, их цена не будет слишком высокой. Когда-нибудь он ведь покинет эту жалкую деревушку и вернется в Катандаран, а уж там игра пойдет по настоящим ставкам.

— Вы выяснили что-нибудь, благороднейший? — спросил офицер, когда Гудженджи стал собираться в город.

— Да, — ответил тот. — Очень важная информация. Я дам за нее взятку, но сделаю это из собственного кармана, в интересах империи. Ак-кпр... проследите, чтобы никто не разговаривал с летающим домом. Магия, которой он владеет, может убить.

— Конечно, благороднейший! — вздрогнул офицер.

9

Герои приключенческих книг могут испытывать крайние трудности — отсутствие психотропных средств, вынужденный отказ от сна, и вообще от удовлетворения каких бы то ни было телесных потребностей — и всегда готовы на любые подвиги. Реальный человек создан иначе. Проведя в спальном мешке двенадцать часов без сна, Фалькейн чувствовал себя усталым и больным. Он не был ранен во время этого дикого прорыва через катандаранские линии, но стрелы пролетали рядом, а Стефа зарубила вражеского всадника за мгновение до того, как он дотянулся до Фалькейна.

Люди Боберта Торна предприняли вылазку, сломили сопротивление противника и провели вновь прибывших в Рангакуру.

Фалькейн не привык находиться так близко от смерти, и его нервы все еще были напряжены. Не помогла ему обрести душевное равновесие и экскурсия со Стефой, хотя она, показывая ему дворец, была очень весела. Но он должен признать, что дворец восхитил его: в нем было больше света и воздуха, чем в любом помещении в Катандаране, и он не только поражал своей красотой, но и содержал в себе бесчисленные богатства, накопленные за прошедшие тысячелетия. Тут были даже внутренние

двери, бронзовые, украшенные рельефными изображениями, окна из относительно прозрачного материала, паровое отопление.

Они вышли из размещающегося во дворце помещения гальванопластики, составляющей королевскую монополию, и вышли на балкон. Фалькейн был поражен, насколько продвинулись местные физики: свинцово-кислотные батареи, медный провод, начальные эксперименты с чем-то, напоминающим лейденскую банку. Он понимал, что этот город больше подходит для землян, чем Катандаран.

— Здесь Торн, а с ним король! — воскликнула Стефа. Она провела Фалькейна к перилам. За ним шли два его охранника. Это были дружелюбные молодые парни, но они никогда не оставляли его одного и держали оружие постоянно наготове.

Торн опустил медную подзорную трубу и кивнул.

— Их лагерь с каждой сменой караула становится все неряшливее. Они совершенно деморализованы.

Дворец представлял собой одиноко стоящее здание в несколько этажей с большим количеством окон. Вокруг дворца не было стены, только сад, а за ним город. Подобно Катандарану, Рангакора была очень древним городом, полностью выстроенным из камня. Но дома представляли собой красочную симфонию мягких желтых, белых и красных тонов. Фасады чаще были обращены к улице, а не внутрь дворов. Заостренные, крытые черепицей крыши и гармоничные, соразмерные архитектурные детали напоминали Фалькейну земные постройки эпохи раннего Возрождения. Улицы были сравнительно широкими и многолюдными. До Фалькейна доносился слабый гул колес и топот ног. Над крышами домов вились легкие клубы дыма. По небу кое-где медленно плыли облака. Вдали виднелись серо-синие холмы и Маунт-Гандра, снежная вершина которой отблескивала золотом при постоянном солнечном закате. Справа гремел водопад, белый и зеленый, покрытый радужной завесой брызг. Бурный водяной поток пробивал себе путь вниз, в Чекору, которая отсюда казалась полной жизни.

Вскоре взгляд Фалькейна остановился на осаждающих. Их палатки и костры усеивали плато за городскими укреплениями. Паслись стада животных. В местах скопления солдат посверкивали металлические доспехи. Джахаджи послал значительные подкрепления, узнав о восстании.

— Их гораздо больше, чем вас, — сказал Фалькейн.

Боберт Торн рассмеялся. Этот коренастый седобородый человек с пылающими голубыми глазами был покрыт старыми боевыми шрамами. На поясе расшитой драгоценностями куртки висела выдававшая виды сабля.

— Не торопитесь,— сказал он.— Мы запасли продуктов больше, чем они в состоянии собрать со всей страны. Пусть посидят немного. К следующему периоду Сумерек они будут голодны, больны, займутся грабежом, и мы легко их разобьем. Они и сами знают это. А там, может, придут и другие земцы. У них осталось не так уж много выдержки.— Он повернулся к стройному краснокожему молодому икрананкийцу в костюме цвета шафрана и с позолоченным ожерельем на шее.— Король Урсала, это человек из-за края мира, о котором я вам говорил.

Монарх наклонил свою птичью голову.

— Приветствую,— сказал он на диалекте, который нетрудно было понять.— Мне давно хотелось встретиться с вами, но в более дружеской обстановке.

— Она вполне возможна,— намекнул Дэвид.

— Нет, если ваши друзья попытаются выполнить свою угрозу и подчинить нас Катандарану,— сказал Урсала. Его ровный тон смягчил резкость выражения.

Фалькейн почувствовал себя неловко.

— Ну... гм... мы ведь здесь чужеземцы, и конкретных данных о вашем мире у нас не было. И разве так уж плохо присоединиться к империи? Вам бы здесь ничего не угрожало.

Урсала взъерошил свое кольцо перьев и надменно ответил:

— Рангакора считалась древним городом, когда Катандаран был всего лишь деревушкой. Несколько поколений назад деодакхи были еще пустынными варварами. Их пути — не наши пути: мы не натравливаем фратрию на фратрию, не требуем, чтобы сын обязательно овладевал профессией отца.

— Как это? — Фалькейн был ошеломлен.

Стефа кивнула.

— Фратрии здесь — всего лишь объединение семей,— сказала она.— Они не совпадают с гильдиями.

— Я говорил вам об этом, благороднейший,— самодовольно заявил Торн.— Под защитой земцев...

— О которой мы не просили,— прервал его Урсала.

— Нет, но если бы я не решился на это, здесь сейчас восседал бы вице-король империи.

— Думаю, что вы лучше, чем грубые варвары,— вздохнул король.— Иршары слишком долго благоприствояли нам: мы забыли искусство ведения войны. Но давайте будем откровенны — ведь вы потребуете плату за свою защиту: землю, сокровища и власть.

— Конечно,— сказал Торн.

Чтобы прервать напряженное молчание, Фалькейн спросил, кто или что такое Иршары.

— Создатели и владыки Вселенной,— ответил Урсала.— Разве вы за краем мира так же суеверны, как и те, в западных землях?

— Что? — Фалькейн сжал кулаки. Дрожь возбуждения охватила его. Он разразился вопросами.

Ответы опровергали все сделанные им раньше предположения. Рангакора имела высокоразвитую стандартную политеистическую религию с богами, требующими жертвоприношений и жаждущими лести, но в целом благосклонными. Единственной могучей силой зла был тот, кто убил Зуриата Ярчайшего, но Зуриат ежегодно возвращался, после того как другие боги опускали его тело в залив.

«Но почему у других икрананкийцев такие параноидальные представления о зле? Почему западные культуры считали космос исключительно враждебным началом?»

Мозг Фалькейна напрягся, ему казалось, что сейчас он решит проблему, над которой думал все эти недели.

«На дневной стороне Икрананки нет смены времен года, нет жизненных ритмов, лишь бесконечная борьба за выживание в медленно ухудшающейся окружающей среде. Любое изменение в природе ведет к худшему — разрушение, песчаные бури, чума, ящур, высыхающие колодцы. Неудивительно, что туземцы с подозрением относятся ко всему новому. Неудивительно, что они чувствуют себя уверенно только в окружении взрослых членов своей семьи — фратрии. Неудивительно, что цивилизация была нестабильной и что так часто нападали варвары. Бедные дьяволы.

Рангакора на краю Сумерек знает дождь и снег, смену дня и ночи. Ей известны не только несколько разрозненных звезд, но и целые созвездия: после того как ученые проникли на противоположную сторону планеты, они хорошо изучили ночное небо.

Но тогда...

Нет. Маленькая и изолированная Рангакора не имеет сил для создания империи. А Ван Рийн, зная о раздорах и варварстве на этой планете, будет иметь дело только с устойчивой империей. Помощь этому городу была бы донкихотством, а Политехническая Лига не воюет с ветряными мельницами. Освобожденная Рангакора будет вновь захвачена, как только улетит космический корабль. И других посещений не будет.

Но постоянное благотворное влияние Рангакоры было бы очень полезным межзвездным торговцам. Как же найти возможный компромисс?»

Фалькейн в отчаянии взглянул на небо.

«Когда же, спаси нас от ада, появится «Сквозь хаос»? Несомненно, Чи и Адзель прежде всего бросились бы на поиски. Значит, с ними что-то случилось».

Он заметил, что Урсала уже некоторое время что-то ему говорит, и выбрался из паутины своих мыслей.

— Прошу прощения, благороднейший...

— Мы не используем почетные титулы, — заявил король. — Только враги нуждаются в умиротворении. Я просил вас рассказать о вашем доме. Это, должно быть, удивительное место, а одни Иршары знают, как мне нужно отвлечься.

— Ну, гм...

— Мне тоже интересно, — сказал Торн. — В конце концов, если мы, земцы, должны будем оставить Икрананку, это многое меняет. Нам тогда придется уйти из Рангакоры...

При этом предположении он не выглядел счастливым.

Фалькейн сглотнул.

Если людей эвакуируют на Землю, он станет героем, но Ван Рийн вышвырнет его из отряда торговцев-разведчиков. Несомненно, ему дадут другую работу: приятная безопасная должность третьего помощника на каком-нибудь заброшенном торговом посту с перспективой стать вторым помощником в пятьдесят лет и через десять лет быть выброшенным на пенсию.

— Ну, солнце наше более яркое, — сказал он. — Вы видели, как освещены наши помещения, Стефа.

— Я чуть не ослепла, — пробормотала девушка.

— Постепенно вы привыкли бы, но вначале пришлось бы соблюдать осторожность, выходя из помещения. Солнце обожжет вашу кожу.

— Чертовы условия! — вырвалось у одного из охранников Фалькейна.

Последний решил, что нужно усилить впечатление.

— Только в первое время, — успокоил он. — Потом вы приспособитесь, кожа ваша станет жесткой и темно-коричневой.

— Что? — Стефа приложила руку к щеке. Ее рот раскрылся.

— Там, должно быть, жарко, — пронизательно заметил Урсала.

— Не очень, — сказал Фалькейн. — Теплее, чем здесь, конечно, во многих местах.

— Как же вы это выносите? — удивился Торн. — Я бы изошел потом.

— Ну, в самое жаркое время вы могли бы сидеть в помещениях. Мы можем установить в помещениях какую угодно температуру.

— Значит, я должен буду сидеть и ждать, пока переменится погода? — пролаял Торн.

— Я помню,— вмешалась Стефа,— воздух у вас более влажен, чем на болоте. На Земле всегда так?

— Зависит от того, где вы находитесь,— ответил Фалькейн.— К тому же мы умеем управлять погодой.

— Все хуже и хуже,— сказал Торн.— Если я буду потеть, то тем более не хочу делать это по чьему-то капризу,— вдруг его лицо прояснилось.— Но мы можем бороться с теми, кто изменяет погоду, и убить их.

— Боже! Конечно, нет! — возразил Фалькейн.— Убийства на Земле запрещены.

Торн прислонился к перилам, разинул рот и ошарашенно спросил:

— Но что я там буду тогда делать?

— Ну... вы несколько лет учились бы... Земных лет, конечно, в пять раз более длительных, чем здесь. Изучите математику, натуралистическую философию, историю... Я думаю, это окажется несколько затруднительным. Но не беспокойтесь. Для вас подыщут работу по окончании учебы.

— Какую работу?

— М-м-м... конечно, не высокооплачиваемую. Видите ли, обращение с машинами требует навыка, а вы его не имеете. Думаю, вы сможете стать... — Фалькейн задумался в поисках туземных слов,— поварами или привратниками, или еще кем-нибудь вроде этого.

— Я, который правит городом? — Торн покачал головой и что-то пробормотал про себя.

— Но где-то же вы должны воевать,— возразила Стефа.

— Да, к сожалению,— согласился Фалькейн.

— Почему «к сожалению»? Вы странный человек,— Стефа повернулась к Торну.— Не унывайте, кэп! Мы будем солдатами. Если Великий Грантер не лгал, там много мест, где можно получить хорошую добычу.

— Солдатам не разрешается захватывать добычу,— сказал Фалькейн. Его собеседники выглядели ошеломленными.— К тому же солдатам нужен гораздо больший навык в обращении с машинами, чем можете приобрести вы в вашем возрасте.

— Шары огня... — прошептал Торн.

— Мы должны немедленно собрать совет фратрии,— встревоженно сказал один из охранников.

Торн выпрямился и взял себя в руки.

— Сейчас это было бы нелегко,— сказал он.— Когда осада будет снята, и мы встретимся со своими людьми, тогда посмотрим, что можно будет сделать. Урсала, мы с вами должны наладить взаимосвязь между нашими силами.

— Да, думаю, это нужно сделать,— неохотно согласился король. Он повернул голову к Фалькейну:— До свидания. Я верю, что позже мы сможем поговорить более продолжительно.

Торн попрощался с отсутствующим видом, он о чем-то глубоко задумался. Они ушли, Стефа облокотилась о перила. На ней была короткая куртка, волосы не были собраны. Ветерок развеивал бронзовые локоны. Хотя выражение ее лица было мрачным, Фалькейн вспомнил некоторые из реплик Стефы в разговоре и почувствовал, как участился его пульс. Он должен приукрасить свое заключение.

— Я вовсе не хотел доказать вам, что Земля якобы плохая,— сказал он.— Вам она понравится. Такая хорошенькая девушка, да еще с таким экзотическим происхождением... вы произведете сенсацию.

Она продолжала задумчиво смотреть на сторожевые башни. Презрение в ее голосе очаровало его.

— Да, вначале... Но насколько?

— Ну... моя дорогая, для меня вы всегда будете восхитительны. Она не ответила.

— Какого черта вы так задумались? — поинтересовался Фалькейн.

Она сжала губы.

— Думаю над тем, что вы сказали. Когда вы освободили меня, я сочла вас настоящим мужчиной. Но можете ли вы предпринять что-нибудь решительное, когда рядом нет вашего чудовища, а в руках... да, машины? Вы не можете ездить верхом на зандаре. Да и не научитесь никогда. Способны ли вы на что-нибудь без посторонней помощи?

— По крайней мере, на одно,— попытался он пошутить.

Она пожала плечами.

— Я не сошла с ума, Дэвид. Только разочаровалась. Правда, это моя вина, что я раньше не замечала различий между нами. Но именно эти различия и делают вас таким красивым.

«Боже»,— простонал про себя Дэвид.

— Пойду поищу Хафа,— сказала она.

Фалькейн потер подбородок, глядя ей вслед. Он укололся о пробившуюся щетину. Конечно, так и должно быть — кончилось действие последней дозы энзима, который препятствует росту волос на подбородке и щеках. Вряд ли у кого-нибудь на всей Икрананке найдется бритва. Несколько дней он будет испытывать зуд, пока не отрастет настоящая борода.

«Девушка рассуждала правильно и справедливо»,— подумал он не без горечи. Конечно, многое в этом неудачном путешествии было его виной. Если Чи Лан и Адзель попали в беду, в этом

его вина: он — капитан. Через четыре месяца, если они к тому времени не вернутся, на базе распечатают конверт с маршрутом их полета и отправят спасательную экспедицию. Она сможет выручить его, если к тому времени он будет еще жив. В данный момент он не был уверен, что хочет этого.

Внезапные крики привлекли его внимание. Он перегнулся через перила и посмотрел на городскую стену. Казалось, над его головой разразился гром.

— Адзель?

Воденит мчался по дороге галопом. Его чешуя сверкала, он ревел громче водопада. Во вражеском лагере поднялась паника. С башен Рангакоры донесся барабанный бой. Люди и икрананкийцы бежали к стенам.

— Живой демон! — крикнул кто-то за спиной Фалькейна. Он оглянулся и увидел, что два его охранника с пепельно-серыми лицами глядят на страшное видение. Можно попытаться бежать. Он скользнул к двери.

Неожиданно вернувшаяся Стефа схватила его за руку и всей тяжестью повисла на нем.

— Будьте бдительны! — крикнула она. Охранники вышли из оцепенения, выхватили сабли из ножен и увели Фалькейна. Он почувствовал слабость.

«Что случилось? — удивлялся он. — Где же корабль?»

Теперь он мог только ждать. Катандаранская кавалерия вновь сомкнулась и напала. Адзель не остановился, он прорывался вперед. Копья отскакивали от защитных пластин, всадники взлетали в воздух от его ударов, зандары в страхе разбежались. Адзеля можно было остановить лишь катапультами, но полевая артиллерия не была готова к стрельбе по инопланетным существам, тем более когда прямо на нее скачет живой демон. Артиллеристы побежали от орудий.

Ужас распространялся, как термоядерная реакция. Через несколько минут армия Джахаджи превратилась в кричащую толпу, в панике бегущую вниз по плато. Адзель некоторое время преследовал беглецов, чтобы нагнать еще большего страха. Когда последний пехотинец исчез из виду, воденит повернулся и поскакал среди хаоса опрокинутых повозок, бегающих зандаров и карикотов, брошенного оружия, пустых палаток и дымящихся костров. Он радостно размахивал хвостом.

Адзель поскакал наверх, к воротам города. Фалькейн не слышал, как он ревел, но хорошо мог представить себе его неистовый рык. Люди чувствовали, что у них подгибаются колени. Прибежал посланец, часто дыша, и сказал Фалькейну, что его вызывают. Миновав пустынные улицы, — все гражданское насе-

ление Рангакоры спряталось по домам и молилось богам — он пришел к городской стене. Прогулка по городу успокоила его. Стоя рядом с Торном, Урсалой и Стефой, Фалькейн понял, что снова обрел способность соображать. С близкого расстояния он разглядел за гигантскими плечами воденита мех Чи. О БА Ж И В Ы!. Слезы выступили у него на глазах.

— Дэвид! — взревел Адзель. — Я надеялся, что ты здесь! Почему меня не пускают?

— Я пленник, — ответил Фалькейн по-латыни.

— Нет, — воспротивился Торн. — Говорите по-английски или на катандаранском, чтобы я мог понимать, или же молчите.

Поскольку наконецники копий вокруг него казались необыкновенно острыми, Фалькейн повиновался. К общему чувству недовольства жизнью добавилось теперь и то, что все слышали о положении их корабля. Вот теперь он прочно застрял, его желудок перевернулся.

Торн нетерпеливо сказал:

— Эй, у нас может быть общая цель. Давайте выступим все вместе на Хайджаку, отберем у них эту летающую штуку, а оттуда — на Катандаран.

Голос Урсалы стал ледяным.

— Иными словами, вы будете оттуда управлять моим городом?

— Мы должны помочь нашим братьям, — сказал Торн.

— На пути сюда я перехватил курьера, — сказал Адзель. — Боюсь, что я слишком испугал его, но мы прочли депешу. Земцы, которые были в городе, но не в Железном Доме, объединились и напали с тыла. Объединенные силы земцев затем прорвали осаду Железного Дома и вырвались из города. Они двинулись к... как же это называется... к какой-то Чекорской деревне и позвали с собой всех членов фратрии. Джахаджи не осмелился напасть на них с имеющимися в его распоряжении силами. Он собирает подкрепления из различных имперских гарнизонов.

Торн потянул себя за бороду.

— Я считаю своих людей, — сказал он. — Они уйдут раньше, чем император соберет свои силы. И куда же они двинутся? Конечно же, сюда, — его лицо прояснилось. — Нам остается только сидеть и ждать, и все будет так, как я хочу.

— Кроме того, — предупредила Стефа, — мы не можем доверять Фалькейну. Как только он вернет себе свою летающую машину, он сможет делать все, что захочет, — она бросила на Дэвида враждебный взгляд. — Думаю, в таком случае он нападет на нас.

— Единственное, чего я хочу, — это убраться с этой планеты, — сказал Фалькейн. — Как можно скорее и дальше.

— А потом? Ваши вонючие торговые интересы связаны с Катандараном. Вместо вас придут другие, подобные вам. Лучше мы задержим вас, мой дружок,— она перегнулась через паралет, сложила руки рупором и закричала:— Уходите, или мы бросим вам голову вашего друга!

Чи встала между спинными пластинами Адзеля. Ее тонкий голос едва долетел до них сквозь шум водопада.

— Если вы так сделаете, мы обрушим на вас стены города!

— Нет, подождите, подождите,— попросил Урсала.— Будем разумными.

Торн обвел взглядом собравшихся на городской стене. С них стекал пот, клювы были раскрыты, перья взъерошены.

— Мы не можем сделать вылазку,— сказал он вполголоса.— Все слишком испуганы, а большинство зандаров разбежалось. Но мы можем удержать его на расстоянии, когда соберется вся фратрия. Да, тогда нас будет достаточно. Мы можем подождать.

— И сохранить мне жизнь для заключения соглашения,— быстро добавил Фалькейн.

— Конечно-конечно,— насмеялась Стефа.

Торн отдал приказ. Стоящие у катапульты засуетились и начали наматывать трос. Адзель услышал скрип и отступил.

— Держись, Дэвид! — крикнул он.— Мы тебя не оставим!

«Сказано хорошо, но пока от этого мало толку»,— мрачно подумал Фалькейн. Торн хотел не только удержать Рангакуру, но и его использовать для своей фратрии. Если земцы заразились хронической подозрительностью икрананкийцев, они никогда не отпустят его на корабль. Они, скорее, сделают его постоянным заложником на случай прилета других кораблей. А укрепившись, они постараются свергнуть гегемонию деодакхов; им это может удалиться. Фалькейну оставалось только надеяться, что спасательная экспедиция сумеет заключить договор, так что Лига откажется от Икрананки. Условие будет выполнено, он знал: нельзя торговать с враждебной цивилизацией. А когда Ван Рийн узнает, что этот потенциальный рынок потерян, он пнет Фалькейна так, что тот улетит на Луну. В какую проклятую историю он впутался!

Охранники отвели Фалькейна во дворец, который был его тюрьмой.

Адзель собрал животных, не успевших сорваться с привязи, поел и приступил к своей одинокой драконьей осаде города.

Чи Лан без труда удалось добраться незамеченной до восточной стены, скрывшись за высокими кустарниками, которые рангакорцы не успели срезать. Присев по-кошачьи на задние конечности и опершись на передние, она глядела на темный утес. По пурпурному небу плыли одиночные облака. Острые чуждые запахи растительности наполнили ее ноздри. Ветер был холодным. С противоположной стороны доносился рев водопада.

Отсюда, из тени, трудно было разглядеть подробности окружающей ее обстановки. Но она мысленно наметила маршрут. Как обычно, камни стены не были покрыты штукатуркой, а лишь плотно прижаты друг к другу. Морозы и дожди на протяжении нескольких тысячелетий выщербляли их, так что на стену довольно легко было взобраться.

Мышцы Чи напряглись. Она подпрыгнула, уцепившись когтями, подтянулась и поползла. Холодная грубая поверхность стены царапала живот. Мешали двигаться веревка, которую она разыскала в брошенном лагере, и два кинжала у пояса. Тем не менее, сохраняя присутствие духа, она карабкалась вверх. Ухватившись за верхний край стены, Чи на мгновение заколебалась. Через равные промежутки здесь стояли часовые, но...

Она подтянулась, протиснулась меж зубцами и замерла. Справа и слева виднелись ближайшие часовые: один — икра-нанкиец, другой — земец. Их плащи развевались, как знамена на вершинах башен. Но они не смотрели на Чи.

Теперь быстро вниз! Чи спрыгнула с парапета. Как и следовало ожидать от любого сколько-нибудь сведущего строителя, несколько метров пустого пространства разделяли внешнюю стену и ближайшее здание. Когда прекратилась торговля с внешним миром, здесь прекратилось и движение. Чи не боялась встретиться со случайным прохожим, но двинулась с максимальной скоростью. Поскольку гравитация была пониженной, последние метры она буквально пролетела.

Свернув в ближайший переулок, Чи остановилась отдышаться. Но ненадолго: послышались топот ног и хриплые голоса. Ухватившись за оконную раму, она вскарабкалась на крышу здания.

Отсюда открывался широкий вид. Разбухшее красное солнце освещало улицу, по которой двигалось удивительно мало туземцев. Хотя прошло несколько часов после появления Адзеля, они были все еще слишком потрясены, чтобы работать.

«Посмотрим!.. Дэвида, очевидно, держат во дворце — по всей вероятности, вон в том претенциозном здании в центре города». Она наметила дорогу, решив передвигаться по возможности по крышам, пересекая улицы в самых узких и пустынных местах, и двинулась в путь.

Осторожность требовала времени, но это была недорогая цена. Самое трудное препятствие ждало ее в конце. Четыре широкие улицы ограничивали дворец, и они были далеко не пустыни. Кроме посыльных, спешащих с поручениями, здесь были группы икрананкийцев, похожих на людей в том отношении, что они пытались извлечь пользу из близости к своим правителям. Чи провела несколько часов за трубой, наблюдая за происходящим, прежде чем появился шанс проникнуть во дворец.

По улице задребезжала тяжелая повозка, направляющаяся к королевскому дворцу, а перед ней двигался пожилой туземец в чиновничьем мундире. Чи соскользнула в пространство между соседними домами. Мимо прошлепали карикуты, тележка скрыла Чи от толпы. Скользнув под повозку, она побежала за стариком. Поблизости был сад. Если ее заметят, она спрячется в его живой изгороди и беседах. Но Чи надеялась, что в этом не будет необходимости.

За полсекунды она преодолела открытое пространство. Приподняв край долгополого платья старика, Чи нырнула под него и опустила ткань. Старик остановился.

— Что? Что? — услышала она и повернулась вместе с ним, стараясь не попасть ему под ноги. — Крр-эк? Что? Готов поклясться, что я слышал... Нет, нет... хм-м...

Он поволочил ноги дальше.

Решив, что они достаточно услужились в сад, Чи оставила свое временное укрытие и спряталась в ближайшем кусте. Сквозь листву было видно, как старик остановился, поправил одежду, почесал голову и потащился снова, что-то бормоча.

Чи обошла сад, прячась, как умеют лесные жители, когда кто-то проходил мимо. Она обогнула одну из сторон дворца. От стены ее отделяли заросли псевдобамбука; никого не было видно, кроме туземца-часового, бредущего по траве. Чи пропустила его и прыгнула. Летящий снаряд заставил его упасть на живот ничком. В мгновение она была у него на плечах, левой лапой схватила за горло, а правой вытащила кинжал.

— Только пикни, мой друг, и превратишься в холодное мясо. Но такое мясо мне не нравится. Вряд ли ты вкусен.

Ослабив хватку, она позволила ему повернуть голову, решив простить выпускаемые им булькающие звуки. Неприятно видеть

на себе демона с темной мохнатой маской, пусть даже и маленького.

— Быстрее, если хочешь жить,— приказала она.— Где пленный земец?

— Ак-кк-ук-к...

— Не ври,— Чи уколола его острием.— Ты знаешь, о ком я говорю. Высокий светловолосый безбородый человек. Говори, или умрешь!

— Он... он... — слова не шли из горла. Солдат сделал слабую попытку встать, но Чи моментально лишила его сознания. Еще будучи в Хайджакте, она хорошо изучила анатомию икрананкийцев, насколько это возможно без вскрытия. Раса довольно слабая.

Когда солдат пришел в себя, он вполне был готов на сотрудничество. Точнее, он был слишком испуган, чтобы врать. Уже в этом Чи, которая в свое время провела немало допросов, была уверена.

— Спасибо,— сказала Чи, выслушав солдата. Скомкав клочок одежды, она засунула ему кляп, связала и откатила в заросли. Когда Чи уходила, он пришел в себя.

— Я уверена, что тебя скоро найдут,— сказала она.— Вероятно, когда начнут поливать цветы.

Она скользнула прочь. Вот теперь нужно спешить, а она не могла. Попытка проникнуть незамеченной в город, залитый светом днем и ночью, отняла у нее все силы. Одно из окон дворца было открытым, но чтобы добраться до него, нужно миновать охранников и слуг, чиновников, торговцев и просителей, снующих по длинным коридорам, взбежать по лестнице в надежде, что никто не появится, прежде чем она скроется в укромном месте, и так далее, и так далее... К тому времени, когда она достигла балкона, тонкие колонны которого упирались в нужный ей карниз, ее нервы были напряжены до предела.

Чи взобралась по колоннам на крышу и пробралась к месту как раз над окном комнаты, которая служила темницей Фалькейну. По словам солдата, комната находится между вторым и третьим балконом. По стене спуститься было невозможно, но у нее остался кусок веревки достаточной длины. Она закрепила веревку за ближайшую трубу на крыше. Взглянув в сад, и удостоверившись, что ее никто не видит, она скользнула вниз.

С трудом протиснувшись между прутьями причудливой решетки из позолоченной бронзы (почему она не догадалась отыскать в катандаранском лагере пилу?), Чи пробралась к окну и постучала в стекло. Ответа не было. С замечанием, которое трудно было ожидать от такого пушистого существа, она разбила

стекло рукоятью кинжала и вползла внутрь. Осмотревшись, Чи втянула за собой веревку.

С точки зрения икрананкийцев комната была хорошо обставлена. Для человека же она была темной и холодной. Фалькейн спал, свернувшись клубком. Чи подошла к кровати, зажала ему рот — люди так невероятно эмоциональны — и потрясла его. Он проснулся.

— Фу, уф...

Чи прижала палец к губам. Глаза Фалькейна прояснились, он кивнул, и она отпустила его.

— Чи! — потрясенно выдохнул он. — За каким дьяволом?..

— Я проскользнула, ты, идиот! Ты решил, что я подкупила всю эту банду? Давай подумаем, как тебе выбраться отсюда.

Фалькейн разинул рот.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь этого?

— Откуда мне знать?

Он как бы нехотя встал, медлительность движений невольно выдавала его растерянность.

— Я тоже не знаю, — признался он.

Присутствие духа оставило Чи. Она опустилась на пол. Фалькейн наклонился и поднял ее на руки. В его глазах светилась благодарность.

— Ты хорошо постаралась, — пробормотал он.

Ее хвост свистнул в воздухе, а голосу вернулась привычная резкость.

— Не думаю... — и через мгновение: — Во что бы то ни стало нужно сбежать отсюда, тогда мы сможем где-нибудь подождать спасательную экспедицию.

Фалькейн покачал головой:

— К сожалению, нет. Как мы встретимся с ними? Они, конечно, обнаружат «Сквозь хаос», но к тому времени мы будем начинены железом. Джахаджи обвинит Торна в нашем исчезновении. Вспомни, как туземцы стоят друг за друга перед лицом чужеземцев.

Чи немного подумала:

— Я смогла бы проскользнуть в пределы досягаемости детекторов нашего корабля.

— М-м-м... — Фалькейн провел рукой по волосам. — Сама знаешь, что не сможешь сделать этого. Иначе почему ты до сих пор не попыталась? Там нет никакого укрытия, — гнев поднялся в нем. — Дьявольски не повезло, что передатчик Адзеля разбит! Если бы мы могли вызвать корабль!

Голос его дрогнул. Он пошатнулся и сел на кровать. Чи следила за ним круглыми желтыми глазами. Молчание становилось напряженным. Наконец, Фалькейн сжал кулак и сказал:

— Черт возьми! Да!

Его опьянили наркотиком, похитили, ему, в переносном смысле, надавали оплеух, а он не смог всему этому достойно противостоять. Теперь, найдя выход, он снова почувствовал себя мужчиной. Под внешним спокойствием скрывалось ликование.

— Слушай,— сказал Фалькейн.— Без меня ты легко сможешь выбраться отсюда. Но ваши с Адзелем шансы продержаться не очень велики, шансы на освобождение еще меньше. Или же давай решимся на попытку бегства прямо сейчас, рискуя, правда, сломать себе шею.

Чи не спорила. Она подумала, произвела в уме кое-какие расчеты и кивнула.

— Согласна.

Фалькейн принялся одеваться, но на секунду остановился.

— Не хочешь немного отдохнуть сначала?

— Нет, я чувствую себя вполне сносно. А ты?

Фалькейн улыбнулся. Сон освежил его, кровь быстро бежала по жилам.

— Готов драться со слонами, мой друг.

Одевшись, он подошел к двери и постучал.

— Эй! — закричал он.— На помощь! Несчастье! Быстрее! Открывайте же, вы, тупоголовые!

В скважину просунулся ключ. Дверь широко распахнулась, на пороге стоял земец большого роста. Его товарищ ждал сзади на безопасном расстоянии.

— Ну?

— Мне нужен ваш начальник,— проговорил Фалькейн, стараясь подойти к земцу поближе. Он поманил стражника.— Я вспомнил о чем-то ужасном...

— Что?

— Вот что... — Фалькейн схватил плащ стражника с обеих сторон от защелки и свел руки. Они сошлись на гортани жертвы. Одновременно Чи нырнула в дверь и прыгнула на второго земца.

Взмах мечом должен был прийтись по ноге Фалькейна, но он подпрыгнул. Солдат взвыл от боли и потерял сознание. Фалькейн позволил ему упасть и двинулся ко второму земцу. Тот уже начал хрипеть и задыхаться, но Чи не могла окончательно справиться с ним. Фалькейн ударил его по горлу ребром ладони. Охранник упал.

«Он ранен нетяжело»,— отметил Фалькейн про себя с чувством облегчения. Он втащил обоих стражников в комнату и надел

мундир одного из них. В коридоре, к несчастью, было очень много народу. Какая-то тезумка повернула к ним голову и закричала. «Что ж, нельзя требовать, чтобы все удалось». Фалькейн выхватил саблю охранника и побежал. Чи — за ним. Крики усилились.

«Вниз, вон по той лестнице!» Навстречу шел курьер. Фалькейн на бегу отшвырнул его в сторону. Внизу оказалось еще несколько туземцев. Фалькейн взмахнул саблей и крикнул:

— Кровь и кости! Ну!

Они очистили дорогу, падая друг на друга.

Вот и электротехническая мастерская. Фалькейн ворвался в нее. Из-за столов, загроможденных аппаратурой, на него уставились двое ученых и несколько помощников.

— Все вон отсюда! — приказал Фалькейн.

Когда они не выразили желания повиноваться быстро, он шлепнул главного философа королевства Рангакоры плащом своей саблей. И его сразу поняли. Он захлопнул дверь и набросил крючок.

Через массивную дверь доносился шум, который с каждой минутой становился все громче: крик голосов, топот ног, звон оружия, гром барабанов. Фалькейн осмотрелся. Через окна выбраться нельзя, но в дальнем конце комнаты оказалась вторая дверь. Он запер ее и сразу же принялся нагромождать возле нее мебель. Образовавшуюся беспорядочную кучу Фалькейн обвязал веревкой, взятой у Чи, чтобы баррикада была прочнее. Они должны прорываться только через одну дверь...

Тяжело дыша, он повернулся к Чи. Она скорчилась в середине комнаты на полу среди невероятной мешанины батарей и прочего инвентаря, наматывая спиралью проволоку и неодобрительно глядя на банку конденсатора. Чи могла лишь догадываться о емкости, сопротивлении, индукции, напряженности, силе тока этого устройства.

Обе двери дрожали от ударов кулаков и ног. Фалькейн караулил ту из них, которую не успел забаррикадировать. Он раскачивался на ногах, расслабив мускулы. За его спиной Чи вертела в руках искроразрядник. Он почувствовал слабый запах горелого.

Снаружи прозвучал голос земца:

— Освободите дорогу! Мы разобьем дверь, если вы уберетесь с дороги!

Чи и не подумала оторваться от своей работы.

Шум за дверью замер. После недолгого затишья послышался топот, и в бронзу ударил какой-то предмет. Дверь зазвенела и прогнулась. Таран ударил снова. На этот раз послышался треск, сопровождаемый проклятиями. Фалькейн усмехнулся: они исполь-

зовали балку из плетеных прутьев, но она вряд ли им поможет. Прижавшись к щели между дверью и косяком, он увидел нескольких земцев в полном военном облачении, на их лицах была ярость.

— Тю-тю,— сказал Фалькейн.

— Кузнеца сюда! — ему показалось, что он узнал голос Хафа Патрика.— Вы, там, тащите сюда кузнеца. Пусть захватит молот и зубило.

«Вот это уже другое дело, но и на это нужно время».

Фалькейн повернулся, чтобы помочь Чи.

— Как ты думаешь, сила тока в этих батареях будет достаточной? — спросил он.

— О да,— она взглянула на единственный верстак, случайно оставшийся нетронутым в пылу ажиотажного возведения баррикады. На нем она соорудила импровизированный телеграфный ключ.— Расстояние не более четырехсот километров, верно? Даже этот хлюпик Адзель проделал его в несколько стандартных дней. Меня больше беспокоит, правильна ли будет длина волны.

— Ну что ж, определи ее приблизительно, а потом используй весь прилегающий диапазон. Знаешь как? Используя разную длину проволоки.

— Конечно, знаю! Разве мы не обсудили в твоей комнате все это? Перестань болтать и займись чем-нибудь полезным.

— Я слишком сангвиничен для этого,— он неуклюже повертел в руках шипцы, не приспособленные для ладони человека, и попытался расставить батареи в ряд. А вот и лейденская банка, хотя ее следовало бы назвать рангакорской.

Дверь зазвенела и зашаталась, Фалькейн с тревогой огляделся. Прошло немногим более часа с момента появления Чи. «Черт возьми, не слишком много времени, чтобы вообразить себя Генрихом Герцем». Чи делала последние приготовления, скорчившись у неуклюжей груды аппаратуры. Наконец она коснулась ключа. Через щель разрядника пролетела искра: Чи начала передавать кодом Лиги. Невидимые, всепроникающие радиоволны полетели в пространство.

Теперь все зависело от того, сумеет ли она правильно определить частоту. Времени оставалось немного: через одну-две минуты дверь поддастся. Фалькейн занял свой сторожевой пост.

Задвижка отлетела, дверь распахнулась. Сверкая мечом, ворвался земец. Фалькейн скрестил с ним лезвие своей сабли. Зазвенела сталь. Как и следовало ожидать, земец был новичком в фехтовании. Фалькейн мог его убить за тридцать секунд, но не хотел этого. К тому же, удерживая парня у двери, он мешал ворваться остальным.

— Хочешь повеселиться? — спросил он своего неопытного противника. В нем постепенно нарастал гнев.

...Точка, точка, тире, точка... Лететь в Рангакору... Приземлиться в пятидесяти метрах от южных ворот города. Точка, тире, точка...

Земец подставил бок для удара, Фалькейн не воспользовался этим. Тот отскочил, и рядом появился второй земец. Фалькейн, удерживая первого, одновременно нанесной жестокий удар второму. Тот захрипел и упал на руки стоящих за ним. Повернувшись, Фалькейн успел отбить очередной удар и сам сделал выпад. Лезвие его сабли погрузилось в руку первого нападавшего. Он повернул клинок, чувствуя, как рвется живая плоть, и услышал звон упавшего меча противника. Не освобождая своего оружия, он развернулся и едва избежал удара третьего воина. Дэвид сделал шаг вперед и применил прием каратэ. Рывок, треск, и земец с серым лицом и сломанной рукой опустился на колени, а Фалькейн высвободил саблю. Она зазвенела, отбивая удар следующего противника.

Фалькейн судорожно поглядывал из стороны в сторону. Человек, которого он ранил, уже отполз. Кровь, струящаяся из раны, оставила необыкновенно яркую дорожку. Второй раненый без чувств лежал у стены. Фалькейн взглянул на своего очередного противника (юноша с покрытыми пушком щеками, он сам недавно был таким) и сказал:

— Если ты будешь держаться в стороне, я позволю оказать помощь раненым.

Парень выругался и двинулся на него. Фалькейн отбил удар.

— Ты, младенец, хочешь умереть? — спросил он. — Спокойно. Я не укушу тебя. Я миролюбивый человек, пока меня не трогают.

Он оторвался от противника и опустил саблю. Парень некоторое время смотрел на него, потом отступил в толпу земцев и икрананкийцев, заполнивших коридор. Фалькейн пиул раненого.

— Уходи, — сказал он.

Раненые поползли мимо него.

Вперед выступил Хаф Патрик. В его руке была сабля, но он опустил ее. Лицо его было искажено.

— Как ты можешь? — прохрипел он.

— Очень страшная магия, — сказал Фалькейн. — Я перебыю всех, если вы не оставите меня в покое.

...Точка, тире, точка, тире...

— Чего ты хочешь от нас? — спросил Патрик.

— Для начала напиться. Потом поговорим.

Фалькейн попытался облизать сухие, потрескавшиеся губы. Черт бы побрал этот воздух!

— Да, поговорим,— сабля Патрика опустилась еще ниже. Затем в мгновение ока он ударил ею по ногам Фалькейна.

Тренированное тело отреагировало раньше, чем он успел осознать опасность. Фалькейн высоко подпрыгнул — тяготение здесь было всего две трети земного. Металл свистнул под подошвами его башмаков. Дэвид опустился на пол прежде, чем противник успел убрать оружие. Тяжесть его тела вырвала саблю из рук Патрика.

— Дурак! — крикнул Дэвид. Его левый кулак устремился вперед. Патрик упал на спину, нос его превратился в кровавую рану. Фалькейн подумал про себя, что Хафу потребует пластическая операция, если фактории Ван Рийна когда-нибудь организуют соответствующую службу.

Икрананкиец метнул в него копье. Он перехватил его в воздухе и этим выиграл еще минуту.

Еще одна минута, пока Патрик встал и исчез в толпе. И еще одна — толпа молча смотрела на него. Затем он услышал трубный голос Боберта Торна:

— С дороги! Лучники! — и понял, что его конец близок.

Толпа расступилась направо и налево. С полдюжины икрананкийских лучников принялись налаживать свои самострелы. Когда перед ними появилась и Стефа, он адресовал ей самую дьявольскую улыбку из своего репертуара. Она остановилась и с изумлением посмотрела на него:

— Дэвид! Ни один человек в мире не смог бы... я даже не подозревала...

— Теперь ты знаешь.— Поскольку ее кинжал был в ножнах, он рискнул потрепать девушку по щеке.— Я умею не только обращаться с машинами. Меня научили и многому другому.

Слезы показались в ее серых глазах.

— Все равно вы должны сдаться,— умоляюще попросила она.— Что вы еще можете сделать?

— А вот что,— сказал он, бросая саблю и хватая Стефу. Она вскрикнула и попыталась вырваться, но он был сильнее.— Уходите, вы, недоноски!

Запах ее волос ударил ему в лицо. Чи невозмутимо продолжала передачу. Стефа внезапно смолкла. Он почувствовал, как она напряглась в его руках. Затем звенящим голосом с гордостью девушка произнесла:

— Нет, вперед и стреляйте!

— Этого не может быть,— пробормотал он.

— Может,— она слабо улыбнулась ему.— Или вы думаете, что земцы боятся смерти больше вас?

Лучники прицелились. Фалькейн покачал головой.

— Что ж,— сказал он и даже заставил себя рассмеяться,— когда ставки высоки, игроки блефуют. Конечно, я не использую вас в качестве щита. Я — отъявленный лжец, а для вас можно найти лучшее применение...

Он поцеловал девушку, она ответила. Ее руки легли ему на плечи и обвились вокруг шеи. Это было приятно и к тому же давало выигрыш в несколько лишних секунд...

— ДЕМОН! ДЕМОН! — кричали земцы и икрананкийцы. Громовой рев сопровождался шумом падающей штукатурки и камней. Стефа не присоединилась к паническому бегству. Но она высвободилась, в руке ее сверкнул кинжал.

— Что это? — вскрикнула девушка.

Фалькейн облегченно вздохнул. Голова его кружилась. Каким-то образом он умудрился ответить ровным голосом:

— Это наш корабль. Он приземлился, взял на борт Адзеля и теперь демонстрирует перед вами свою силу,— он взял ее за руку.— Идемте. Выйдем на такое место, чтобы он смог взять нас на борт. Я смертельно хочу сухого мартини.

11

Конференция состоялась на нейтральной территории, в независимой чекорской деревне, находящейся между катандаранской и рангакорской землями (независимость состояла в том, что деревня платила дань и тем, и другим). Заботясь соблюсти все формальности и никого не обидеть, Фалькейн предложил, чтобы председательствовал на конференции вождь этой деревни.

Церемонии были бесконечными. Взгляд Фалькейна, оторвавшись от причудливых рисунков на плетеных стенках хижины, перешел на местных туземцев, сидящих на корточках рядом со своими копьями,— своего рода почетный караул — и задержался на президиуме конференции, восседавшем за каменным столом. Он очень хотел бы оказаться в другом месте. Сдержанный шум и беготня доносились через открытую дверь. В соседнем помещении терпеливо лежал Великий Адзель. Там же братались солдаты, что сопровождали вождей многочисленных фратрий.

О самих вождях этого сказать было нельзя. Король Урсала закончил зачитывать весьма длинный список своих жалоб и требований и теперь ерзал, поскольку император Джахаджи начал излагать свои претензии. Гарри Смит, порицавший членов своей фратрии за участие в восстании, свирепо поглядывал на Боберта

Торна, тот отвечал ему тем же. Вождь деревни шуршал бумагами, несомненно, готовясь следующим произнести длинную речь.

«Что ж,— подумал Фалькейн,— это была твоя собственная идея, парень. И в свое время тебе тоже придется произнести речь».

...Когда над ними завис космический корабль, послышался голос гиганта, потребовавшего общего примирения и заключения торгового договора. Враждующие фратрии согласились. Они не знали, что у них есть выбор: Фалькейн никогда бы не стал стрелять по ним, но он не видел причин сообщать им об этом. Несомненно, Чи Лан, сидящая сейчас в кресле пилота корабля, была занята больше, чем Адзель, подавляющий своими размерами присутствующих. Но к чему эти бесконечные речи? Суть дела ясна. Джахаджи хочет владеть Рангакорой и чувствует, что больше не может доверять земцам. Большинство земцев тоже стремится владеть Рангакорой, остальные хотели бы сохранить существующее положение или получить соответствующую замену, но не видят путей к этому. Каждая противоборствующая группа подозревает, что остальные готовы ее предать. Урсала хочет, чтобы все чужеземные дьяволы убралась из его города, к тому же ему нужна гарантия независимости. Фалькейн хочет... «Ха, он сказал бы им,— Дэвид разжег трубку и сосредоточился на мыслях о Стефе, которая ждала его в деревне.— Отличная девушка для развлечения, конечно, а не как спутник жизни».

Прошел еще час.

— ...выдающийся представитель коммерческих кругов из-за края мира Дэвид Фалькейн.

Его скука исчезла. Он резко вскочил на ноги, улыбнулся и неторопливо начал.

— Благодарю вас, благороднейшие. Выслушав таких замечательных ораторов, я далек от мысли состязаться с ними. Изложу свою позицию в нескольких простых словах.— Как думал Дэвид, это вызовет всеобщую благодарность. Он продолжал:— Мы прибыли сюда с надеждой предложить вам товары — некоторые из них я вам демонстрировал — по невероятно низким ценам. И что же произошло? На нас напали с намерением убить. Я сам был захвачен в плен и подвергся унижениям. Наша собственность незаконно реквизирована. Откровенно говоря, благороднейшие, вы должны быть счастливы, что никто из нас не убит.— Он дотронулся до своего бластера.— Вспомните, мы представляем огромную силу, которая заботится о своих людях и мстит за них... «когда это выгодно»,— добавил он про себя, заметив, как перья на теле Джахаджи взъерошились от страха, а Смит добела сжал пальцы в кулаки.— Спокойнее, спокойнее. Мы настроены

вполне дружески. Кроме того, мы хотим торговать, но нельзя торговать, воюя. Это одна из причин созыва настоящей конференции. Если противоречия между нами можно устранить,— что ж, это будет выгодно Лиге. И вам тоже. Ведь вам нужны предлагаемые нами товары?

Итак,— он наклонился вперед, опершись о стол,— я считаю, что компромисс возможен. Каждый что-нибудь теряет и что-нибудь получает, а как только начнется торговля, вы станете так богаты, что сегодняшние потери покажутся вам смехотворными. Вот общее представление о соглашении, которое я предлагаю вам всем заключить. Во-первых, Рангакора получает все гарантии независимости, но в то же время отказывается от своих требований компенсации убытков...

— Благороднейший! — одновременно воскликнули, вскочив, Джахаджи и Урсала.

Фалькейн жестом потребовал тишины:

— Пусть задает вопросы король Урсала.

— Наши убытки... посеы вытоптаны, деревни разграблены... — Урсала замолчал, собираясь с мыслями, и заключил с достоинством:— Мы не агрессоры.

— Я знаю,— ответил Фалькейн,— и симпатизирую вам. Однако разве вы не готовились сражаться за свою свободу? Теперь вы ее имеете — это чего-нибудь да стоит. И не забудьте, Лига гарантирует соблюдение договора, если мы его заключим. И если в договоре будет пункт о вашей независимости, Лига гарантирует ее. Не совсем, правда, Лига: только компания «Солнечные пряности и напитки» участвует в данном деле, но это не имеет значения.— Он кивнул Джахаджи:— По моему мнению, благороднейший, вы должны бы возместить причиненный ущерб. Но я обошел этот вопрос, дабы достичь компромисса.

— Но мои границы,— возразил император.— У меня должны быть прочные границы. К тому же у меня справедливые претензии к Рангакоре. Мой великий предок, Джахаджи I...

Фалькейн приложил героические усилия, чтобы не сказать, что следует сделать с его великим предком, и ответил спокойным тоном:

— Подумайте, как следует, благороднейший. Вы угрожали жизни агентов Лиги. Вас не может обидеть, что Лига потребует определенного наказания. Уступка Рангакоре — не самое сильное наказание.— Он посмотрел на свой бластер, и Джахаджи задрожал.— Что же касается обороны ваших границ, то Лига поможет вам в этом. Не забудьте, что мы будем продавать вам огнестрельное оружие. Вы больше не будете нуждаться в земцах.

Джахаджи сел. Едва ли не буквально можно было видеть, как напряженно крутятся колесики в его голове.

Фалькейн взглянул на Торна, пытавшегося что-то сказать:

— Утрата Рангакоры — это и ваше наказание. Вы знаете, что ваши люди похитили меня.

— Но что нам делать, куда идти? — воскликнул старый Гарри Смит. — Куда нам идти?

— На Землю? — взревел Торн.

Фалькейн уже постарался доказать, насколько чуждой будет Земля для этих «потерпевших кораблекрушение». Они теперь не заинтересованы в репатриации. Он не чувствовал в этом своей вины. Они действительно будут более счастливы здесь, в мире, где родились. И если они останутся здесь, торговцы Ван Рийна сохраняют это в секрете. Через одно или два поколения — дольше сохранить тайну все равно невозможно — их дети и внуки смогут постепенно войти в Галактическую цивилизацию, как вошла в нее раса Адзеля.

— Нет, если вы не хотите, — ответил Фалькейн. — Но каким было ваше занятие здесь до этого? Солдатская служба. Кое-кто из вас содержит фермы, ранчо или городские дома. Почему бы вам не продолжать заниматься этим? Чужеземцы часто владеют собственностью в разных странах. Вот что вы должны сделать — основать свою собственную нацию. Но не на какой-то обособленной территории — все земли вокруг распределены. Вы можете стать странствующей нацией; прецеденты есть — кочевники или цыгане на древней Земле. И на Цинтии существуют нации странствующих торговцев, не закрепленных на определенной территории. Мой друг Чи Лан сможет объяснить вам подробности такой организации. А что касается работы, что ж, вы воины, а планета полна варваров; поскольку тут начнет действовать Лига, потребуется охранять ее караваны. Вы получите хорошие деньги за свою службу и разбогатеете.

Он с улыбкой посмотрел на собравшихся:

— В сущности, все вы разбогатеете.

— Миссионеры, — сказал Адзель в наступившей тишине.

— О да, я забыл, — отозвался Фалькейн. — Не думаю, чтобы кто-нибудь возражал, если наши корабли изредка будут привозить вероучителей. Нам хочется объяснить вам, что представляет собой наша религия.

Это замечание выглядело таким незначительным, что все согласилось. Но впоследствии оно принесет больше перемен, чем машины или медицинские средства. Катандаранцы, несомненно, воспримут буддизм, который несравненно удобнее их собственной демонологии. Вместе с проникающими к ним научными знаниями

эта религия избавит их от комплекса враждебности. Результат же — стабильная культурная среда, с которой уже сможет иметь дело Ван Рийн.

Фалькейн распростер руки.

— Такова суть моих предложений,— закончил он.— То, что я предложил, на Земле называется равновесием неудовлетворенности. Но вскоре Лига принесет вам больше удовлетворения, чем вы сможете сами себе обеспечить.

Торн покусал губу. Ему нелегко было отречься от своей мечты о королевстве.

— Допустим, мы откажемся,— сказал он.

— Что ж, Лиге нанесен ущерб,— напомнил Фалькейн.— Мы настаиваем на его возмещении. Мои требования минимальны, не так ли?

Он уломал их, Дэвид это знал. Пряник торговли и кнут войны: они не предполагают, что угроза войны — простой блеф. И они примут предлагаемое им соглашение. Но, конечно, сделают это после бесконечных уверток, взаимных обвинений, речей... О боже, эти речи!.. Фалькейн сделал шаг к выходу.

— Я понимаю, что это трудно усвоить так, сразу,— сказал он.— Почему бы нам не сделать перерыв? Когда все отдохнут и подумают, мы можем снова собраться.

В сущности, он просто хотел вернуться к Стефе. Фалькейн обещал ей прогулку на космическом корабле, а Адзель и Чи подождут здесь. Когда собрание согласилось сделать перерыв, Фалькейн первым оказался у двери.

Звенел металл. В иллюминаторах сверкали окруженные непроглядной тьмой звезды. Красная искра, бывшая солнцем Икрананки, медленно угасала в бесконечности.

Глядя на нее, Фалькейн вздохнул.

— Целый мир,— пробормотал он.— Так много жизней и надежд. Хочется когда-нибудь вернуться туда и посмотреть, какие изменения мы принесли.

— Я знаю, почему ты хочешь вернуться,— хихикнула Чи.— Но у нас с Адзелем нет такой причины. Мы с нетерпением ждем прибытия на Землю.

Лицо Фалькейна прояснилось. У него были аналогичные причины ждать конца пути.

— Поэтому двигай своими ленивыми ногами,— закончила Чи.

Фалькейн прошел за ней в кают-компанию. Адзель уже разложил монеты и фишки аккуратными рядами.

— Понимаете,— сказал Фалькейн, усаживаясь,— мы совсем новая порода. Не успокоители — мы возмутители спокойствия. Подозреваю, что вся наша деятельность будет состоять из последовательности ужасных ситуаций, которые мы должны будем повернуть к себе выгодной стороной.

— Заткнись и тасуй карты,— оборвала его Чи.— Первым ходит валет.

Прошли два неинтересных круга, а потом Фалькейн ухватил флеш. Он сделал ставку, Адзель поддержал, Чи приняла ее. Компьютер повысил ставку, Фалькейн повысил еще больше. Чи пасанула, а компьютер принял предложение. Так продолжалось некоторое время. Бестолочь стал хорошим игроком, и Фалькейн знал это, но, учитывая стиль его игры и флеш на руках, он мог продолжать. Он не менял свои карты. Компьютер попросил еще одну карту. «Черт возьми! Проклятая машина наверняка имела четверку королей!» Фалькейн бросил свои карты.

— Ничего не поделаешь,— сказал он.— Твоя взяла.

Немного позже то же самое случилось и с Чи, но обошлось ей дороже. Ее замечания ионизировали воздух.

Очередь Адзеля настала, когда остальные двое были повергнуты. Дракон и компьютер все повышали ставки, пока у Адзеля не отказали нервы и он не предложил раскриться.

— Вы выиграли,— послышался механический голос. Адзель спустил полный дом вместе со своей нижней челюстью.

— Что? — воскликнула Чи. Хвост ее встал вертикально.— Ты блефовал?

— Да,— ответил Бестолочь.

— Но, погоди, ты играл по распискам, и мы ограничили тебя,— вмешался Фалькейн.— Ты не мог блефовать!

— Если вы осмотрите трюм под номером четыре, то найдете там много мехов,— сказал Бестолочь.— Много мехов, драгоценностей и приностей. Хотя стоимость всего этого не может быть определена, пока рынок не стабилизировался, все же ясно, что она велика. Я получил эти товары в обмен на расчет вероятности для туземца по имени Гудженджи и теперь готов играть не на расписки, а на наличные.

— Но... но... ведь ты машина!

— Я не запрограммирован для того, чтобы предсказать, какое решение вынесет в этом случае суд,— сказал Бестолочь.— Однако считаю, что в условиях существования индивидуалистически ориентированной цивилизации все законно заработанное целиком принадлежит заработавшему.

— Боже, я думаю, что он прав,— сказал Фалькейн.

— Но ведь ты не личность! — закричала Чи. — Ты не личность перед законом!

— Я получил эти товары, преследуя цели, на достижение которых вы запрограммировали меня, — ответил Бестолочь. — А именно — для игры в покер. Согласно законам логики, я буду лучше играть в покер, оперируя реальными ставками.

Адзель вздохнул.

— Это тоже верно, — согласился он. Если мы хотим, чтобы он играл с нами в честную игру, то должны дать ему возможность полностью следовать силлогизмам. Иначе программирование станет невозможно сложным. И к тому же... честь спортивной игры...

Чи стерла записи с доски.

— Хорошо, — угрюмо сказала она. — Я все равно выиграю у тебя.

Конечно, она не выиграла. И никто не выиграл. Обладая таким богатством, Бестолочь мог позволить себе играть по крупному. Конечно, все свои комиссионные за операцию «Икрананка» они не проиграли, но понесли значительный ущерб.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА КРЫЛАТЫХ ЛЮДЕЙ	3
ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ	141
ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ	261

ЗВЕЗДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Фантастические романы

Редактор А. Лютиков
Технический редактор Ю. Жихарев
Литературные редакторы Г. Выдревич, В. Важенко

Сдано в набор 15.10.92. Подписано в печать 12.11.92. Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл.печл. 22,00. Уч. и изд. л. 23/84. Тираж 30000 экз. Заказ № 148.

АО «ЭГОС». 191028, Санкт-Петербург, ул. Миховая, 20.

Набор произведен в Агентстве «Сфинкс СПб», 193067 Санкт-Петербург, Невский пр., 116, а/я 4/5

Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и информации
193036, Санкт-Петербург, 2-я Советская, 7

Издательство

«ЭГОС»

приглашает к сотрудничеству
на взаимовыгодных условиях
всех заинтересованных лиц и организаций
для совместного выпуска книг.

*По вопросам оптовых закупок и поставок
книг серий*

«КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ»,

«ЭЛИТА»

*и другой коммерческой литературы
обращаться в издательство «ЭГОС»
по адресу:*

193171 г. Санкт-Петербург, ул. Седова 80.

тел. 812—272-7138

812—560-0162.

